

Koyomimonogatari

Аннотация

В новелле 12 коротких рассказов, каждый из которых соответствует определённому месяцу года. Расположены они в хронологическом порядке, начиная с нового триместра (после того, как Коёми столкнулся с прекрасным вампиром на весенних каникулах) и заканчивая экзаменами в университете.

Камень Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

001

Если бы в начале апреля, когда я только-только познакомился с Ханекавой Цубасой и стал её одноклассником, мне пришлось рассказать, с какими чувствами я ходил в школу, с какими ощущениями шёл по той дороге к школе, я только и смог бы ответить, что совсем ничего не чувствовал.

Я отрешённо шёл по дороге.

И даже не думал о ней как о конкретном объекте.

На самом деле я просто не мог понять, зачем нужно посещать школу.

Будили меня сёстры, после я переодевался в форму, садился на велосипед и начинал крутить педали в сторону престижной частной старшей школы Наоэцу. Вот уже два года я как заведённый повторял одно и то же, словно это ежедневное домашнее задание. Однако так ни разу и не задумался, был ли в нём хоть какой-то смысл.

Вернее, мысли в голову приходили, но так как найти ответ на вопрос совершенно невозможно, я просто махнул на него рукой и прекратил всякие рассуждения.

Ладно, большинство японских старшеклассников были такими же, как я, или по идее должны быть такими же, поэтому ничего особенного во мне не было. После завершения общеобразовательной программы совсем не обязательно снова куда-то поступать. Поэтому многие парни и девушки, скрывая свои истинные намерения в угоду показухи, даже не могли придумать себе хоть сколько-нибудь широкий и абстрактный, не говоря уже конкретный смысл жизни, в которой они «по собственной воле получают» образование в старшей школе.

Метко сказано, что в глазах ответственных, не витающих в облаках школьников (то есть меньшинства) такому призрачному неудачнику, как мне, вполне естественно изо дня в день, приходя в школу, выглядеть сбитым с толку.

Но не могу сказать, что я был несчастен.

Может я и взволнуюсь слегка, если ненароком задумаюсь о проблеме, но точно не стану несчастным. В конце концов, я даже не знаю, чем ещё могу себя занять, если не буду ходить в школу.

Кроме неё у меня ничего не было.

Поэтому то, что я старшеклассник.

И что я посещаю место под названием «школа».

Говорило о том, что я так и остался самим собой.

В частности всему виной, если это, конечно, стоит упоминания, являлись весенние каникулы прямо перед началом моего третьего года обучения в старшей школе, на которых я прошёл через ужасные муки.

Я узрел глубины ада и чуть ли не забыл истинного себя; словно чувствовал, будто я больше не старшеклассник, будто я больше никогда не смогу пойти в школу.

Весенние каникулы заставили меня понять, хоть мне того не особо хотелось, что такие избитые фразы, как «быть нормальным — значит быть счастливым» и «обычные деньки лучше всего», всё-таки глаголили истину. Именно поэтому школа была тем самым, что и спасло меня. Но, несмотря на всё это, почему сейчас, в апреле, я направлялся в сторону школы на велосипеде, будто так и надо? Почему я ездил в школу, словно повинуюсь какому-то установленному правилу, сидел на уроках, а потом возвращался домой? Странно это всё.

Непонятно.

Пройдя через ад, я должен был наконец познать блаженство повседневности и дорожить каждым её моментом. Но после возвращения из преисподней всё, что у меня осталось, — только я сам.

Как говорится, «опасность миновала, и Бог забыт»¹, только для меня, наверное, справедливо будет «опасность миновала, и пережитый мною ад забыт».

Как-то раз я решил посоветоваться у Ханекавы по поводу решения моей проблемы.

Я спросил у неё, являлся ли я деревянным, каменным, равнодушным человеком, не чувствующим и не ценящим благ и достоинств повседневной жизни. И когда всё же задал вопрос, она мне ответила.

Со спокойной учтивой улыбкой, которая всегда заставляла меня задуматься, правда ли ей известно всё на свете, она сказала:

— Ну, что это за вопрос, Арараги-кун. Повседневная жизнь является чем-то, что просто «есть». Нельзя в обычном «есть» чувствовать «блага» и «достоинства». Нет ничего такого в том, чтобы всего-навсего идти вперёд по проложенному пути.

002

— Что? Камень?

— Да. Камень.

— Под камнем... ты имеешь в виду такой, который можно увидеть где угодно на улице? Или что-то вроде драгоценности?

— Нет, знаешь, он точно не может быть драгоценным.

Пусть даже ты говоришь, что такого быть не может, я, как так и не уловивший до конца суть разговора, попросту не мог знать, что возможно, а что — нет.

Ситуация была, так сказать, совершенно непонятна.

Но я не хотел, чтобы она оставалась неясной, так как мне не нравилось, когда переворачивают с ног на голову. Поэтому я решил исправить положение дел поэтапно. Так ведь, в конце концов, поступают, чтобы привести вещи в порядок.

Сегодня было одиннадцатое апреля, мы сидели в классе после занятий. В нём не было никого, кроме нас двоих, решивших обсудить предстоящее на следующей неделе собрание класса. Причина, по которой именно мы с Ханекавой проводили совещание, кроется в том, что она являлась старостой класса, а я — её заместителем. Ну, изначально главные из каждой подгруппы или другие их представители также должны были участвовать, но у всех появились важные дела, поэтому больше никто не пришёл.

История с важными делами наверняка полная ложь. Конечно, вся их безучастность и ощущение надёжности исходили от мысли, что «по большому счёту всё будет хорошо, если оставить это на Ханекаву». Тем самым они сравнивали совершенство Ханекавы с чем-то преступным. Даже тяжким.

Будучи столь совершенной, из-за чего она не обращала внимание на таких обременительных людей, как я, она, сама того не осознавая, портила всех вокруг. Ну, сложившаяся ситуация принесла мне только радость, так как я смог пообщаться с Ханекавой наедине.

Нет, это вовсе не значит, что остальные были эгоистами, просто старшая школа Наоэцу подготавливала учеников к поступлению в университет, и почти все учащиеся выпускных классов готовились к вступительным экзаменам. Витающее в воздухе напряжение не очень подходило для классного собрания, и такому балбесу, как мне, лишённая непринуждённости атмосфера доставляла одни неудобства.

Иными словами, я был счастлив не столько возможности побыть наедине с Ханекавой, сколько тому, что смог избежать встречи со всеми этими напряжёнными учениками. А сама Ханекава, способная с лёгкостью получить высший балл за экзамен по любому предмету, даже если сдавать ей пришлось бы завтра, была попросту безразличной к этому напряжению.

С точки зрения безразличия, я, полностью незаинтересованный во вступительных экзаменах и неуверенный даже в возможности успешного окончания школы, был также равнодушен к этому напряжению. Поэтому на деле мы с Ханекавой лучше всех подходили для проведения этого совещания.

Также от природы я был человеком докучным, из-за чего наверняка пошёл бы домой, имея хоть какие-нибудь важные дела, но сегодня, к сожалению, я располагал свободным временем. И его у меня было хоть отбавляй. Потому вместо того, чтобы в очередной раз дома затеять ссору с сёстрами, я решил, что будет куда лучше пообщаться с Ханекавой на злобу дня.

Итак, во время совещания.

Если точнее, то во время беседы, начавшейся после завершения обсуждения вопроса повестки дня.

— Камень, — сказала она.

Ханекава сама подняла эту тему.

— Ну, тот камень...

— Так, ну и что же там с камнем? М-м?

Камень.

Или она имела в виду стремление² ?

Она хотела сказать что-то вроде «Арараги-кун — слабохарактерный»? Но не думаю, что Ханекава внезапно собралась критиковать мой образ жизни. Вплоть до этого момента совещание проходило гладко.

— Хотя не то чтобы камень... Н-да, — сказала Ханекава.

По какой-то причине она выражалась пространно, что необычно для неё. Нет, она словно бы ещё не решила для себя, как «это» описать.

Она сомневалась.

Сомневалась в своей оценке, или же дело было в другом.

Сейчас не время решать, чем же «это» являлось, равно как и не время называть «это» чем-нибудь вообще, так что она не осмеливалась решить.

И поэтому пространно называла это камнем.

Так мне казалось.

— Ну, если и давать какое-то название, то каменная статуя подойдёт, наверно?

— Каменная статуя?

— Нет, это, в общем-то, не каменная статуя.

— ...

— Если уж говорить начистоту... Хм-м, ладно...

«Хе-хе-хе», — Ханекава заулыбалась.

Выглядело очень мило, но меня не покидало чувство, что она специально заставила себя улыбаться, чтобы замять эту тему. Я вовсе не хотел её прерывать, но всё же меня заинтересовал тот «камень (или каменная статуя)».

— Слушай, Ханекава. Что за камень-то?

— А, не волнуйся. Нехорошо спрашивать других, когда сам до конца не понимаешь, правильно?

— Ничего себе поговорка!

Если чего-то не понимаешь, спроси другого.

Разве тебе не знакома поговорка «лучше спросить, как пройти, чем сбиваться с пути»³ ?.. Нет, не существует такого изречения, которого не знает Ханекава.

— Просто, ну, я подумала, это же и есть занятие Ошино-сана — коллекционировать такие истории, да?

— Такие истории?

— Городские легенды, уличные сплетни и пустые толки, передаваемые из уст в уста...

Ханекава перечисляла так, будто загибала пальцы.

— Поэтому я подумала, раз такое дело, то история о семи чудесах нашей школы может быть одной из таких.

— Семи чудесах? Что?

— Нет-нет, на самом деле она не относится к семи чудесам. Просто, смотри, место, которое мы называем школой, может оказаться настоящей сокровищницей с историями о призраках, правда? Возможно, раньше здесь было кладбище, или во время войны на местность произвели воздушный налёт, что-то вроде...

— А? У старшей школы Наоэцу такое прошлое?

— Вовсе нет.

Да что такое.

Ну, сам я ничего не знал об истории нашей школы. И если так подумать, то опасно вообще говорить о незнании происхождения школы, в которую ходишь. То есть я, получается, хожу в место, о котором не знаю, с чувствами, которых не знаю.

Будто так и надо.

Слишком... много того, о чём я не знаю.

— Ха... Интересно, может ли моя несерьёзность по отношению к школе быть первой из семи чудес...

— Ну уж нет, это совсем не круто.

Ханекава заткнула меня.

Радости от этого особо не прибавилось.

Может, шутка не дошла? Но, несмотря на всю серьёзность Ханекавы, она не из тех, кто не обладает чувством юмора, так что вывод прост — шутка оказалась несмешной, что в свою очередь меня больше шокировало, чем огорчило.

Да даже если закрыть на это глаза, то какому парню понравится, когда девушка говорит, что он не крут?

— Твоё отношение ещё не дотягивает до несерьёзности, да и к тому же было бы странно ему оказаться на первом месте в списке, верно?

Она настойчиво указывала на недостатки в моей шутке.

Поучала меня вместо того, чтобы заткнуть.

Мне симпатизировала её позиция «если мне нужно поправить кого-то, желательно сделать это на совесть», но я не хотел, чтобы её применяли по отношению ко мне.

Не то чтобы не хотел или был совершенно против... Ну, не нравилось мне такое.

Да и не столько в неприязни дело, сколько в том, что после её замечаний у меня опускались руки.

— Также сами здания выглядят довольно новыми, непохожими на старые довоенные школьные постройки.

Написано ли вообще в наших школьных брошюрах, в каком году основали школу? Если и да, я не могу вспомнить... Не говоря уже о том, что меня эти цифры никогда не интересовали.

— Может, раньше здесь и была какая-нибудь другая школа, но история старшей школы Наоэцу насчитывает только восемнадцать лет. В этом году ей столько исполнилось. Такой же возраст, как у нас.

— Хех... А я думал...

«А я думал, она новее», — вот что я хотел сказать, но если принять во внимание, что школе столько же лет, сколько нам с Ханекавой, то на самом деле она, может, не такая уж и старая.

Но правда, вот так Ханекава!

В отличие от меня, она должным образом изучила историю и происхождение посещаемой ею школы. Наверное, во время вступительных экзаменов после окончания средней школы она решила в подробностях разузнать о той старшей, в которую собиралась пойти.

Нет, вполне возможно, что у Ханекавы даже до экзаменов были какие-то общие знания о ней. Так или иначе, в средней школе такую ученицу не жаловали.

— Хм-м? Что? Что ты думал?

— Ну... Я думал, ты больше расскажешь, а то словно оборвала.

— А-ха-ха. Может и так. Но школа действительно не настолько старая, чтобы здесь могли возникнуть какие-нибудь семь чудес. Кажется, у нас даже нет легенд об учениках, погибших при несчастных случаях, или чего-нибудь подобного.

— Кажется, нет...

Это.

Это очень, как бы выразиться... Жизнь и смерть человека. Во время вступительных экзаменов не о таких вещах пытаются разузнать, да и не могут подобные знания быть частью общих.

Думаю, такого рода информацию не достать, не изучив внимательно всю восемнадцатилетнюю историю школы.

— Как бы мне лучше выразиться. Истории о призраках, кажущиеся стереотипными историями про них, и всякое такое в старшей школе Наоэцу не водится. Это я и хотела сказать.

— Хм... Ну, я тоже не слышал ничего особенного.

Тем более, что в моём случае я с самого начала решил абстрагироваться ото всех слухов, витающих среди учеников.

Тот-то и тот-то встречаются с той-то и той-то, или тот-то и тот-то подрались с тем-то и тем-то — о таких злободневных темах я просто и думать не хотел.

Не то чтобы я поставил себе целью сопротивляться современному и богатому информацией миру, я просто не собирался изображать из себя человека осведомлённого и разбирающегося. Это уж точно. Моя позиция заключалась в том, что я стремился жить в изоляции от новостей.

Хотя с другой стороны всё сложилось так, что я сблизился с Ханекавой, которая «знала всё». Поэтому можно сказать, что я вёл себя крайне безответственно по отношению к своей жизненной позиции.

— Эм-м... А о чём вообще разговор? Прости, Ханекава. Мы тут довольно долго уже болтаем о пустяках, так что я потерял нить беседы...

— А? Ну же, Арараги-кун, я ведь уже сказала. Камень...

— Вот насчёт этого камня я так ничего и не понял! Пожалуйста, объясни мне всё как следует.

— Этим я и занимаюсь, разве нет? — сказала Ханекава, хлопая на меня глазами.

Ну, Ханекава, конечно же, не собиралась запутывать. Она пыталась объяснить всё поэтапно, и я уверен, что если бы кто-либо другой её слушал, он смог бы с лёгкостью вникнуть в пояснения.

Но для меня, к сожалению, всё это выглядело бессвязным бормотанием. Во время диалога лучше сопоставлять себя с собеседником и соответствовать его уровню. В её случае с высокого спуститься на низкий, конечно же.

Просто скажи мне хотя бы, говоришь ли ты о камне или о какой-то страшной истории.

— М-м. Эм, ну, я говорю о... — приняв мои требования, Ханекава сказала с озадаченным видом, — страшной истории о камне?

— ?..

Лестнице из камня⁴ ?

Нет, это не лестница из камня.

В таком случае Ханекава с самого начала сказала бы «каменная лестница»⁵, не вела бы себя нарочито и не ходила бы вокруг да около во время беседы.

Страшная история о камне.

Вот о чём она говорила.

Тем не менее, хотя она назвала это страшной историей о камне, разговор с мёртвой точки не сдвинулся, потому что я, впрочем, как и всегда, так ничего и не понял.

И всё же.

— А-а...

И всё же вскоре после того, как мы заперли класс, и Ханекава отвела меня на задний двор старшей школы Наоэцу, дело сдвинулось с мёртвой точки.

Сейчас я подразумеваю мыслительный процесс в своей голове. А так-то на самом деле с места ничего не сдвинулось.

Сама ситуация была неподвижна, словно камень.

Ханекава без объяснений отвела меня на задний двор, и на мгновение мне стало интересно, приведёт ли она меня к мусорным бакам за двором. Однако на его территории нашим конечным пунктом стала цветочная клумба.

Нет.

Она привела меня к камню... лежавшему в цветочной клумбе.

И он, будучи камнем, ясное дело, не двигался.

— Ясно. Но знаешь... Я бы не назвал это «камнем» или «каменной статуей»... Нет...

Теперь понятно, почему Ханекава ограничилась таким пространственным описанием. На заднем дворе в цветочной клумбе, которую я бы даже назвал загадочной цветочной клумбой, потому что понятия не имел, кто за ней присматривал, лежал камень.

Камень.

С натяжкой его можно было бы назвать и каменной статуей. Но это ведь я вынудил Ханекаву сделать невозможное и дать такое описание, так что здесь действительно нужна была натяжка, потому что сам он не выглядел как «статуя».

Неуклюже плюхнутый камень.

Сам по себе это был обычный камень, но я понимал, почему она намеренно, или почему что-то вынудило её описать камень «каменной статуей».

Потому что его поставили в миниатюрное святилище. И более того, ему даже бережно делали подношения.

— ...

Нет, слово «бережно» будет небольшим преувеличением. В том, как делали подношения, и в том, как святилище было построено, чувствовалась небрежность, что довольно далеко от бережности. То есть работа выглядела по-детски неумелой. С точки зрения церемониального этикета похоже, что надлежащим процедурам вовсе не следовали. Всё выглядело как детская поделка, как сделанный ребёнком домик для игры в дочки-матери.

— Кажется, святилище сломается, стоит только его пнуть...

— Пнуть святилище... Что за неслыханная идея, Арараги-кун...

Ханекава сказала, что меня настигнет кара небесная.

Ну, как она и говорила... В связи с событиями, произошедшими на весенних каникулах, мои мысли и вправду стали с примесью жестокости.

Но наказали бы меня или нет, обожествлённый камень был прямо внутри построенного из досок и гвоздей святилища, которое на самом деле могло легко сломаться от моего пинка. Поэтому сама мысль о том, чтобы его пнуть, оказалась весьма неудачной.

Вполне возможно, что я мог бы переломать себе кости.

Камень был не настолько большим, чтобы назвать его валуном, равно как он не был и галькой, которую лёгким ударом ноги можно отправить в полёт.

Так как рулетку я с собой не ношу, то и точных размеров сказать не в силах. Поэтому на глаз он был примерно как мяч для регби.

Очень грубый на вид мяч для регби. Вдобавок к этому ещё и грязный. Судя по его размерам, могу себе представить, что такой девушке, как Ханекаве, будет тяжело его поднимать. Возможно, даже парень вроде меня не сможет его поднять, но я и пробовать не хочу.

Не хочу позориться перед Ханекавой.

Я был тщеславным старшеклассником.

— Ханекава, ты об этом камне говорила?

— Да, о нём.

— Эм...

Ханекава кивнула, и разговор прекратился. Сейчас его продолжение зависело от меня, так что какой бы вопрос лучше всего задать?

— Это ты сделала подношения, Ханекава?

— Нет конечно. Я не приношу с собой в школу конфеты.

— И то верно...

Думаю, я увёл разговор не в то русло.

Мы с ней были на одной волне и в то же время не были.

Но хорошо, а что же о конфетах, возложенных на такой же, как и само святилище, топорно сделанный деревянный алтарь? И дело вовсе не в том, носит она их в школу или нет, а в том, что делать подношения вообще не в характере Ханекавы.

Она создавала впечатление такого человека, который ест чуть более изысканную пищу. Но похоже, что Ханекава ведёт образ жизни, подразумевающий высокое потребление сахара, так что от сладкого, видимо, тоже не отказывается.

— Вернёмся к тому, о чём я говорила раньше. Как же там... Смотри, во время весенних каникул Ошино-сан очень сильно помог нам, правда? И мне стало интересно, нет ли для меня какой-нибудь возможности его отблагодарить.

— Отблагодарить...

Нет.

На весенних каникулах Ошино выручил не «нас», а меня одного, и при этом ещё потребовал особую плату (в размере пяти миллионов иен). Поэтому, учитывая обстоятельства, у Ханекавы не было причин думать о том, как найти возможность, чтобы его отблагодарить.

Если уж на то пошло, тогда единственным человеком, которому следует думать о выказывании благодарности, должен быть никто иной, как я, причём благодарить саму Ханекаву. Хотя не сказать, что я никогда об этом не думал, потому что именно по этой причине и смирился с неподходящей мне ролью заместителя старосты... Но являлось ли то обстоятельство, что я составлял компанию Ханекаве, всё ещё продолжая стоять на заднем дворе школы, результатом желания «сделать что-нибудь» ей на пользу?

Я ощущал пустоту внутри себя, когда думал в таком ключе.

Даже не подразумевая, о чём я размышлял (хотя она может знать даже об этом), Ханекава продолжила разговор:

— Ошино-сан ведь коллекционирует истории о странностях, да? Это же и есть его род занятий... его работа, правильно?

— Работа? Этот мужик вообще работает? Кстати, я припоминаю, как он говорил, что коллекционирует истории о странностях и чём-то подобном... Но, если уж мы начали об этом, разве его занятие не походит больше на хобби?

Я не мог представить его, например, пишущим книгу или выступающим на научно-практической конференции, или делающим что-либо, требующее от него ясного взора в будущее. Тем более что у него не было постоянного дома. Как-никак, изо дня в день он жил в сплошном непостоянстве...

— Коллекционирование историй о странностях вообще не приносит никакой прибыли. И нисколько не помогает экономике страны.

— Работа не подразумевает зарабатывание денег, Арараги-кун.

— ...

Тяжеловесное заявление.

Разве старшеклассница способна так уверенно говорить о подобных вещах? Но с другой стороны, она могла сказать это именно потому, что являлась старшеклассницей. Я удивился, что Ханекава уже может сделать такой вывод, хотя сама ещё ни разу не работала.

— Вернёмся к моему вопросу. Итак. Скажем, мне стало интересно. Если бы в старшей школе Наоэцу водились семь чудес или нечто вроде «школьных страшилок», стоило бы рассказывать о них Ошино-сану? Сошло бы это за выражение благодарности?

— Думаешь, это правда сойдёт... за выражение благодарности? Знаешь, совсем не хочется портить тебе настроение... Разве Ошино не собирает истории о странностях по-серьёзнее? О вампирах, например...

— Было бы упущением говорить, что «школьные страшилки» несерьёзны. К тому же с точки зрения популярности «школьные страшилки» венчают все истории о странностях. Может, не так уж и много людей знают о Хихикающей женщине⁶, но всем известно о Туалетной Ханако-сан⁷, правда же?

— Ну... Если шкалой барометра странностей является их общеизвестность, то важным фактором будет высокая степень популярности...

Это уже походило на культурный парадокс.

Если странность станет слишком популярной, тогда её могут обозвать безвкусной и низкопробной... Она отдалится от так называемого возвышенного.

— Из-за общеизвестности их можно связать с городскими легендами или уличными сплетнями... Здесь-то, наверное, и встаёт проблема. Если принимать во внимание популярность... Когда все прекрасно знают о чём-то, пропадает смысл распускать сплетни.

— Неужто ты думаешь, что Ошино-сан ищет нечто возвышенное? Всё-таки сплетни, как мне кажется, часть поп-культуры.

— Хм. Может быть. Не знаю, как там на самом деле. Ни в коем случае не хочу показаться неуважительным по отношению к твоим чувствам, но если ты придёшь к нему со «школьными страшилками», разве он попросту тебя не высмеет?

— Ошино-сан не такой человек.

— ...

Лично я думал, что он как раз «такой человек», но Ханекава, по-видимому, считала иначе.

— Нет, я не это имел в виду. Ну, короче говоря, Ханекава, я хочу сказать, что не думаю, будто Ошино действительно ищет для себя всем и так известные «школьные страшилки»... Людям свойственно о таком знать, поэтому и для него они не секрет, не думаешь?

— Вот и я задаюсь вопросом на этот счёт. Есть, конечно, вероятность того, что он знает о них, но «школьные страшилки» видоизменяются от одной школы к другой, и... Взрослому человеку труднее попасть в школу, верно? В общем, взрослому вроде Ошино-сана уже сложнее собрать школьные истории о призраках. Вот о чём я думала.

— Сложнее собрать...

А-а.

Вот в чём дело. Сперва мне, старшекласснику, который само собой посещает школу, показалось, что всё это бессмысленно. Но ведь для человека со стороны, и в особенности для взрослого, школа являлась закрытой зоной, куда сложно пробраться.

Это же относится и к Ошино... О таком взрослом, по внешнему виду которого ясно, что он бездомный и безработный, сразу доложили бы куда надо, ступи он хоть один шаг на школьную территорию.

Если бы ему захотелось разузнать об историях со странностями, обитающими в школе, то пришлось бы подслушивать разговоры учащихся там школьников, но такое поведение уже будет вызывать подозрения.

Вроде бы не существует телевизионных программ с подобной тематикой, поэтому если бы он пришёл с официальным запросом на сбор данных, то его развернули бы прямо у школьных ворот.

— Понятно. Значит ты, Ханекава, собиралась разузнать об этих «школьных страшилках» и затем лично поведать о них ему.

— Говорить, что я поведаю, — как-то грубо⁸. Я расскажу о них. Однако, как ты и сказал, Арааги-кун, может быть, Ошино-сан в них и не нуждается. Но даже в таком случае разве тебе не хотелось бы сделать как минимум всё, что только в твоих силах?

— Нет, я не настолько активный по жизни.

Вместо того, чтобы желать максимально реализовать всё, что в моих силах, я хочу этого избежать настолько, насколько вообще возможно. По сути, в этом и заключается основополагающий принцип моей жизни.

«Но знаешь», — вздохнула Ханекава с сожалением.

— Я, как уже говорила, покопалась в прошлом старшей школы Наоэцу, в которую мы с тобой ходим, и не могу сказать, что она имеет глубокую историю. Так что кроме страшилок возникнуть здесь нечему. Эх, так и думала, что промажу.

Для Ханекавы было в порядке вещей сказать что-нибудь вроде «промазать».

Ханекава, которая «хочет делать всё, что только в её силах», пережила, наверное, бесчисленное множество таких «промахов» за свою жизнь. Ну, всё же я считал, что то, что она не теряет надежды, продолжая наткаться на «промахи» вперемишку с «успехами», — полная чепуха.

Кажется, Ошино уже говорил что-то об этом. Что же он тогда сказал?

— И всё же мне удалось обнаружить кое-что интересное. Но я бы не сказала, что сочла это интересным. Мне почему-то захотелось, чтобы это оказалось интересным.

— ?.. Ты об этом камне? Камне... или каменной статуе, — сказал я, посмотрев на него снова.

Я видел в нём только обычный камень. Но из-за расставленных подле святилища подношений возникало чувство, будто он — «благодать» или нечто вроде чудотворного камня.

В нём даже можно было разглядеть статую, намеренно слепленную в такую форму.

А, кстати говоря... Что касается чудес, то я, в общем-то, не эксперт в таких вопросах, и немного глупо такое говорить, но ведь есть же истории о «камнях силы», защищающих человека, когда они на нём, да?

Хотя истории о «камнях силы», «местах силы» и прочем на самом деле, наверное, тоже относятся к историям о странностях, но уже с совершенно другой сутью.

— М-м... да. О нём.

— Другими словами, ты исследовала множество разных вещей и среди них нашла этот загадочный камень в центре цветочной клумбы на заднем дворе, но когда попыталась разузнать о нём поподробнее, то ничего не смогла найти, так получается?

Пока что я пытался упорядочить у себя в голове всю полученную на данный момент информацию. Приводить в порядок — не моя сильная сторона, однако я ненавижу путаницу и неразбериху, и мне в привычку захотелось сделать доходчивое разъяснение. Хотя я и знал, что доходчивость не стоит в одном ряду с обретением истины.

Способность Ханекавы обрабатывать информацию превосходила мою на десятки, если не на сотни, поэтому она, похоже, общалась со мной с мыслями, что хаотичная ситуация «уже разрешена».

— Нет, не так, — она спокойно и без труда отвергла моё обобщение.

Мне стало интересно, был ли у неё в комнате беспорядок. Дело не в самой Ханекаве, просто, ну, у гениев может быть небольшой комнатный бардак.

Но это уже предрассудки...

— Во-первых, мне уже давно известно, что здесь находится этот камень.

— Всё-то ты знаешь, да?

— Я не знаю всего, а только то, что знаю, — ответила Ханекава без промедления и затем продолжила: — Но раньше здесь всё было по-другому.

— Раньше было по-другому?

— На первом году обучения в нашей школе... то есть когда я только поступила сюда, так? Я пыталась изучить саму школу.

— И зачем ты это делала?..

— Ну, разве не захочется узнать, что представляет собой школа, где тебе надо провести три года своей жизни? Можешь называть меня любопытной.

— Не любопытной, а...

Я бы назвал не любопытной, а чудаковатой.

Поведение лучшей ученицы школы было полно загадок. Вот точно, она ещё во время вступительных экзаменов в подробностях разузнала о старшей школе Наоэцу, так что если подумать, своим причудливым гением ей удалось переступить границы моего воображения.

Но в любом случае сейчас не то время и не то место, чтобы говорить о таких вещах.

— Короче говоря, около двух лет назад твоё расследование... То есть когда ты исследовала школу, в этой цветочной клумбе камня не было?

— Нет-нет, послушай, камень был. Я чуть не споткнулась об него, так что хорошенько запомнила.

— Споткнулась? А? Ты что, спотыкаешься о предметы?

— Ты меня кем считаешь, Арараги-кун?..

Она посмотрела на меня с явным...

Сердитым взглядом.

На самом деле ей очень не нравилось, когда к ней относились как к одной из лучших учениц или как к супердевушке.

— Знаешь, я тоже могу чуть ли не споткнуться о предмет.

— Да?.. Неожиданно.

Ну, на самом деле можно сказать, что её угораздило споткнуться о камешек в лице меня и попасть во всякого рода неприятности во время весенних каникул, так что я не мог назвать её совершенством.

Однако она сказала «чуть», на что важно обратить внимание, так как это означает, что на самом деле она не споткнулась.

— Тогда в чём проблема, если он тут был?

— Так ведь я тебе не об этом говорю. Камень-то здесь был, но вот святилище — нет.

— ?..

— Не было ни подношений, ни алтаря.

«Другими словами, кто-то», — сказала Ханекава.

— Кто-то за эти два года украсил место вокруг камня, похожего на каменную статую. Можно даже сказать, что из него сделали реликвию.

— ...

004

Тем поздним вечером...

Я направился к заброшенному зданию.

К руинам школы интенсивной подготовки, закрытой несколько лет назад. Большой же у них размах — школа занимала целиком всё здание. Однако она не смогла соперничать со всежигающей агрессией одной известной подготовительной школы, вклинившейся в район перед станцией. До меня доходили разные слухи, что им, например, пришлось ретироваться или, как говорят, сбежать под покровом ночи. Хотя правды я так или иначе не знал.

Ну.

Интересно всё-таки, что же у них случилось.

Вот так размышляя я и шёл из старшей школы, об истории которой мало что знал, к заброшенному зданию, об истории которого мало что знал. Я следовал по пути, так и оставшимся для меня неизвестным, не ощущая опасности, чему я неприятно удивился.

Однако я не Ханекава Цубаса, и меня не настолько сильно съедало любопытство, чтобы начать искать информацию.

— Йо, Арараги-кун... Я тебя ждал, — сказал Ошино.

Специалист по имени Ошино Меме поприветствовал меня своей неизменной и насмешливо-невинной репликой в классной комнате на четвёртом этаже.

В углу помещения сидела маленькая девочка с волосами цвета золота, но её описание я пропущу до следующего раза.

Я рассказал Ошино о ситуации. Правда немного приукрасив рассказ, придав ему побольше драматизма.

— Хм. Камень, да? — сказал Ошино... Сказал этот мужик в гавайской рубашке. — Знаешь, камни с лёгкостью становятся предметами религиозного поклонения. Но несмотря на то, что камни силы, о которых ты говоришь, Арараги-кун, отличаются по своей сути, их, на мой взгляд, тоже можно сюда отнести.

— Хм-м... Когда говорят, что в драгоценных камнях содержится магическая сила — это из той же оперы?

— Ну, в наши дни в современном обществе люди заворуженно смотрят на драгоценности больше из-за их стоимости, чем из-за внешнего вида.

Ошино слегка рассмеялся.

Он словно дурачился. Честно говоря, такие люди мне не нравились.

Но Ошино Меме ни в коем случае не был каким-то дурачащимся мужиком. Он спас мою жизнь, достоинство и человечность.

Хотя и оставлял впечатление человека, повсюду бьющего баклуши.

— Ты сказал, что тот камень был величиной с мяч для регби, так? И в каком положении этот мяч для регби поместили в святилище?

— В каком положении?

— В вертикальном? В горизонтальном? Мяч для регби можно поставить в двух положениях, верно?

— А-а...

Мне показалось, что его вопросы касались лишь каких-то незначительных деталей, но раз уж я пришёл вместо Ханекавы, которая основательно рассказала бы даже о таких пустяках, то ошибался тут, пожалуй, именно я.

Как я и думал, лучше бы Ханекава пришла сюда собственной персоной, хотя в этом не было такой уж большой необходимости. И здравый смысл подсказывал мне, что поздним вечером юных девушек не стоит куда-либо водить.

— Мне вспоминается Дзидзо⁹ ... Если принять во внимание святилище, то возможно, что вся композиция подражает часовенке с изваянием Дзидзо... Не помнишь, как там было? Дзидзо вроде буддийский бог, да?

— Для человека вроде тебя, Арараги-кун, ты многое знаешь.

— Не говори так.

И не говори об этом так естественно.

Но что же, не могу отрицать, что я совершенно случайно обладал этими знаниями. Более того, здесь они и заканчивались. Даже не знаю, богом чего именно является Дзидзо в буддизме.

— Эм... Это бог, оберегающий дороги? А, раньше я слышал о шести Дзидзо... Хм? О, есть же сказка «Дзидзо и плетёные шляпы»¹⁰...

Кажется, чем больше я говорил, тем яснее становилась истинная природа моих знаний.

— Ха-ха. В Японии Дзидзо стал отождествляться с Досодзином¹¹, и бывает даже так, что они стоят вместе. Что ж, всё-таки странно, что одна из статуй находится в цветочной клумбе.

Удивительно, Ошино не стал высмеивать свойственную мне суетливость, а скорее продолжал мою мысль.

— Каменная статуя, — сказал он. — Когда ты называешь его каменной статуей, то подразумеваешь, что камень на самом деле так выглядит? В том смысле, что у него не просто округлая форма, а именно высеченная, или ему придали человеческие черты...

— Ну, как сказать... Честно говоря, это предвзятое мнение, навязанное Ханекавой, но если ты меня спросишь, вижу ли я в нём каменную статую, я скажу, что действительно её вижу, но... Но, например, если бы я, отбросив все предубеждения, случайно проходил мимо цветочной клумбы и увидел тот камень, то, наверное, подумал бы о нём как о простом неотёсанном камне.

— Хех.

— Нет, не так, — я отрицательно покачал головой, увидев раздражавшую меня улыбку Ошино. — Может, я неправильно сказал. Если бы я случайно проходил мимо той цветочной клумбы, до этого ничего о ней не слышав, и увидел камень, огороженный деревянным

святилищем со специально для него построенным алтарём, тогда, наверное, подумал бы, что камень тот определённо высечен так, чтобы походить на статую.

— Феномен симулякра.

— Что?

— Когда человек видит нечто похожее на лицо, то кроме лица он в нём больше ничего не увидит. Как если в пятне на стене или в какой-нибудь грязи можно заметить очертания человека. Наверно, можно провести сравнение со стародавними временами, когда люди верили, будто видели призраков, но на самом деле это были блуждающие огоньки?

— Призраков... Хочешь сказать, что странности и истории о них подходят под этот, как его там, феномен?

— Нет-нет, это совершенно разные вещи. Об этом позже, Арараги-кун. Но пока что, даже если ты назвал тот камень статуей, это ещё не значит, что его высекли. Ведь вполне возможно, что он естественным образом подвергся размыву от дождя или выветриванию и оказался такой формы, верно?

— Эрозия, да?

— Ну, как думаешь? В таком случае неукрашенный камень, два года назад увиденный твоей миленькой подружкой... не изменился ли он внешне за это время?

— Она сказала, что не изменился.

Во-первых, обычный человек даже не запомнит форму камня, о который он чуть ли не споткнулся, не говоря уже о самом камне. Но Ханекава Цубаса не была обычным человеком. Она сказала, что форма камня, похожего на мяч для регби, за два года не изменилась, хотя, может быть, цвет его стал немного другим.

Иными словами, в течение этих двух лет с камнем никаких изменений не произошло, если опустить тот факт, что кто-то украсил место вокруг него.

— Хм. И каково же мнение Старосты-чан?

— Мнение...

Ошино звал Ханекаву «Староста-чан».

Это прозвище наверняка не пришлось бы ей по душе, поскольку она ненавидела, когда к ней относились как к одной из лучших учениц, но, так как оно исходило от Ошино, она, скорее всего, промолчала бы и не стала жаловаться.

Между прочим, как-то раз я в шутку назвал её «Староста-чан», но она так сильно разозлилась, что порядком меня испугала. Я думал, что уже не смогу оправиться.

— Ханекава, ну, она же видела камень ещё до того, как украсили место вокруг него, и в то время наверняка думала, что это обычный камень. Но на этот раз, Ошино, она отправилась исследовать школу, чтобы отблагодарить тебя, и поняла, что за эти два года с ранее увиденным ею камнем произошли изменения. Ей показалось, что в этом кроется нечто жуткое... Ну, как-то так.

— Жуткое... Вот как, — Ошино повторил за мной. — Ну, если она сочла камень совершенно обычным, а затем увидела, что его обожествили, поставив в святилище, тогда всё это можно посчитать жутким. Но надо же! Староста-чан нашла что-то жутким! Ха-ха, никогда бы не подумал.

— Ничего смешного.

Может, такое впечатление сложилось из-за манеры изложения Ханекавы. Но, как бы выразиться, то, что в стенах школы зародилась загадочная религия, и правда жутко, такое трудно не заметить.

Даже я, не чувствующий никакой принадлежности к школе, так считал.

— Что ж... Сперва я хотел бы узнать, откуда берутся сладости для подношений, но что касается Старосты-чан... До того, как к тебе обратиться, она ведь всё уже сделала, верно?

— ...

Как обычно, он говорил так, словно видел всё насквозь.

Меня раздражало, что Ошино говорил о Ханекаве как о той, о ком многое знает... Странное ощущение. Казалось, будто они давно знакомы, хотя и встретились впервые совсем недавно. Я же, в конце концов, знаком с ней лишь на пару дней дольше него.

И я вообще ничего не знал о Ханекаве.

— Да. Она посмотрела изготовителя, рассчитала время продажи с помощью даты истечения срока годности, установила магазин, где были куплены сладости, и выявила школьников, которые могли их купить.

— Из неё вышел отличный детектив. А она не занималась прослушкой?

— Нет, не думаю, что она заходила так далеко.

— Тебе не кажется, что она уже далеко зашла?

— Это другое. Расследование показало, что подношения делал не один человек. Дешёвые сладости приносило и оставляло у святилища неопределённое количество людей. Как только Ханекава узнала об этом, то больше в расследовании не продвигалась, потому что, видимо, решила, что действовать тайком больше не получится.

— ...

— Ну, в общем, я подумал, что тебе приглянется эта история, вот и пришёл её рассказать в благодарность от Ханекавы за спасение.

Я решил не теряя времени резюмировать то, о чём мне нужно было сказать. Ну, не уверен, получилось ли у меня сказать кратко или нет, но вообще я пришёл к Ошино не для того, чтобы консультироваться насчёт загадочного камня, найденного в школе, а чтобы любезно поделиться информацией по поводу произошедшего там странного события.

И если я не буду акцентировать на этом внимание, то вполне возможно, что уже имеющийся у меня долг вырастет ещё больше. Ну, я до сих пор не заплатил и доброй половины из моих пяти миллионов, так что даже если бы долг увеличился, мне, думаю, было бы всё равно.

Стоит долгу перевалить за определённый порог, и должник уже не отчаётся сильнее, так как понимает, что всё равно его не выплатит, отчего и перестаёт сопротивляться увеличению суммы. Неожиданно для себя, возможно, я сейчас сам стоял у этой черты... или так мне казалось, но, если честно, я не хотел принимать на себя увеличение долговых обязательств.

И, так как мне было тяжело отважиться и взять на себя плату за консультацию, я не мог поступить иначе, кроме как частично, вернее, полностью отдать ему на милость.

— Ха-ха, — он притворно засмеялся, будто бы прочитал мои намерения.

Ханекава упомянула об истории с ёкаем, Хихикающей женщине, отчего я невольно задумался, похож ли смех Ошино на смех того существа.

— Ч-что? — я изобразил смущение.

Нет, если он на самом деле видел меня насквозь, то понял бы, что я и правда был смущён.

— К-как я и думал, специалисту твоего размаха неинтересны школьные страшилки, да? Конечно, ты бы лучше предпочёл утончённую историю, основанную на литературном произведении, верно?

— Нет-нет, Староста-чан поняла всё правильно. Даже у области специализации такого разностороннего человека, как я, есть сильные и слабые стороны. Трудно собирать истории в закрытых местах по типу школ. Так что я благодарен за это предложение.

— П-правда?

— Но видишь ли, Арараги-кун. Это услуга от Старосты-чан, а не от тебя, поэтому твой долг нисколько не уменьшится только от одного этого дела, поэтому я всё так же жду, когда ты его выплатишь.

— ...

Ладно.

Мне будет достаточно и того, если мой долг не вырастет. Не то чтобы я не ожидал такого, но стоило попытаться.

— Сие с трудом можно назвать историей о странностях, но... Ха-ха, всё же эта история хорошая. Я как следует запишу её.

— Ошино... Я хотел спросить у тебя, просто так, для справки. В конце, когда ты закончишь собирать «истории», что ты собираешься делать со своей коллекцией?

— Хм?

— Эм... Ну, будешь ли ты писать о них книгу или выступать на научно-практической конференции... Есть ли у тебя такие планы?

Я не нуждался в подтверждении своих размышлений, когда говорил с Ханекавой после занятий, но так как у меня подвернулся шанс, то решил спросить.

Настолько мне было интересно узнать.

Другими словами, собирал ли этот человек, или лучше сказать мой благодетель, такие истории, потому что это его профессия, или же на самом деле он безработный и просто называет работой своё хобби?..

— Ха-ха. Я не какой-то там авторитет в науке о странностях и не занимаюсь чем-то настолько внушительным. Ну, коллекционируемые мной истории я продаю людям, которым они нужны.

— Продаёшь? И что, есть покупатели? На такой товар, как истории о призраках.

— Понятно, почему ты так говоришь. Ты и сам являлся главным героем одной из таких историй.

— Кстати, а за сколько ты их продаёшь?

— Ха-ха. Уж не лучше ли покупателю назвать продавцу цену?

— ...

Ну, после такого мне ничего не оставалось, кроме как отступить, однако я подумал, что брать деньги за консультацию и решение вопросов, а затем продавать эти истории о странностях кому-то ещё... как бы сказать, заманчивая профессия.

Я мог бы извлечь из этого выгоду.

Обычному человеку это, конечно, не покажется настолько заманчивым... Но ладно, для меня достаточно знать, что коллекционирование приносит Ошино прибыль.

— А кто-нибудь захотел бы купить эту историю?

— Надо подумать. Тот человек хочет всё. Но в последнее время он, похоже, делает то, в чём сам не разбирается, поэтому правильно будет держаться от него подальше. Ну, думаю, ему я продать не могу.

Ошино, кажется, начал разрабатывать план, как заработать денег с моей истории. Мне же подумалось, что он слишком спешит. Будто уже начал делить шкуру неубитого медведя.

В истории о странном камне, обожествлённом в школьной цветочной клумбе, не было ничего заманчивого. Из этого в буквальном смысле не вышло хорошей истории.

Наверное, специалистом его делало то, что он смог как-то найти объяснение произошедшему.

— Ну, так что думаешь, Ошино?

— Хм? В смысле, что думаю?

— Ну, мне неудобно повторять вопрос, но... Что ты думаешь об этом случае как специалист?

Я повторил вопрос, по порядку задав непонятные мне вещи:

— Что такого должно было произойти с простым камнем за эти два года, чтобы он стал предметом религиозного поклонения группы учеников, число которых неизвестно? И возможно ли, что он превратился в нечто вроде странности?

— Нередко бывает и так, что предметы становятся странностями. Но у странностей от природы всегда есть какая-то основа, откуда они порождаются. Однако...

— Хм?

— Сложно сказать, поклоняются ли ему оттого, что он — странность, или же он стал странностью, потому что ему поклонялись.

— Поклоняются ли ему оттого, что он — странность, или же он стал странностью, потому что ему поклоняются?

Я хотел лишь безропотно повторить за Ошино, но, видимо, не вышло, потому что в ответ я получил:

— Нет, неправильно. Здесь не «или же он стал странностью, потому что ему поклоняются», а «поклоняются ли ему оттого, что он — странность, или же он стал странностью, потому что ему поклонялись».

— ?.. А, ну, есть небольшие отличия в форме выражения, но... Разве стоит специально делать на этом акцент?

— В этом случае — да, — сказал он глубокомысленно, прежде чем продолжить: — Но мне сложноато понять с одного твоего рассказа. Арараги-кун, не нарисуйшь мне картинку? — спросил Ошино.

— Э?

— Да. Раз уж ты пришёл сюда прямо из школы, то у тебя найдётся бумага и карандаш, правда ведь?

— Ну, найдётся, но...

Придя сюда, у меня и мысли не было, что меня попросят нарисовать картинку. Хотя он и смутил своей просьбой, но на уступки я всё же могу пойти.

— Честно говоря, в рисовании я не силен. Для тебя это может стать неожиданностью.

— Так ничему и не научился на уроках рисования?

— Наша школа готовит к университету и не ставит сильный акцент на изучении такого предмета, как изобразительное искусство. Более того, предмет этот — один из факультативов, и я себе выбирал не рисование.

— Хм-м... Ну, простой набросок тоже подойдёт.

— Ладно.

Я водил механическим карандашом по страницам вытащенного блокнота. Рисовал по памяти... Не скажу, что у меня выйдет вспомнить что-то, случившееся два года назад, но пусть я и близко не Ханекава, а моя память способна воспроизвести события давностью в несколько часов.

— Что-то вроде этого.

— А-а, бесполезно.

Меня сразу же разнесли.

Если бы я хотел стать художником, то оставил бы свои попытки прямо сейчас.

Что, не мог соврать и хоть чуточку похвалить?

— Не говори, что рисунок бесполезен. Я выложил на максимум, чтобы в точности перенести на бумагу увиденное, слышишь? Может, ты подумал, что линии нарисованы слишком криво, но он на самом деле так выглядел.

— Я не это имел в виду. Мне нужно было, чтобы ты нарисовал не только один камень, а ещё святилище и алтарь.

— Хм? Но...

— Нарисуй.

Я неохотно сделал то, что потребовали с меня без объяснений. Хотя мне не трудно было дорисовать святилище и алтарь. Постройка не такая уж мудрёная.

От святилища было одно только название, потому что как-то иначе описать постройку не представлялось возможным. Вернее, если бы она не была сколоченной гвоздями, я тогда решил бы, что это просто нагромождение досок.

— Хе. Значит так оно и выглядело? Святилище.

— Ага... Но... — сказал я, закончив рисунок.

Мне хотелось показать свою бескорыстную уступчивость путём прорисовки фона, но это было бы излишне.

— Касательно алтаря скажу лишь, что он выглядел как обычный алтарь или, скорее, как маленькая доска чисто для подношений, а вот что касается святилища, пусть оно и небрежно на вид, но у меня складывается такое впечатление, будто само строение пытается чему-то подражать.

— Хе? — среагировал на мои слова Ошино, тщательно исследуя переданный ему блокнот.

— То ли я видел его в каком-то храме... Даже не знаю. Похоже на часовенку с Дзидзо или Досодзином на обочине дороги. Ощущение, будто святилище как таковое напоминает что-то очень знакомое.

— Эй! Сказал бы об этом раньше, раз у тебя в голове крутились такие мысли. Или ты скрывал это, чтобы проверить, как много я знаю? — спросил Ошино с самодовольной улыбкой.

Его голос звучал так, словно он не ругал меня, а потешался.

— Нет, я лишь подсознательно думал об этом и после того, как сделал зарисовку, впервые пришёл к такому выводу. Так что в каком-то смысле...

Я начал было говорить, мол, благодаря тому, что ты сказал мне нарисовать картинку, я об этом и вспомнил, но переволновался и осёкся.

Боялся, что если бы случайно сказал «благодаря тебе», то он потребовал бы с меня плату. Хотя не думаю, что Ошино был скупым скрягой.

Поскольку ранее поднималась тема денег, я оставался начеку.

Ну, так или иначе.

— Эм, не скажу, что вспомнил что-то определённое. Я словно почувствовал, что видел его раньше где-то в другом месте. Что это был не первый раз, когда я его увидел... Ошино, будь ты на моём месте, то всё понял бы, да? Вдруг святилище похоже чем-то на какое-либо другое...

— Нет, не могу сказать, что понял бы. Однако...

На этом, протянув мне блокнот, он и смолк. Отчего-то стало грустно, что моим с трудом нарисованным шедевром изобразительного искусства попользовались не более пяти минут. Но сейчас и не то время, чтобы оценивать мои художественные навыки.

— Однако что? Не прекращай говорить сразу, как начал. Если думаешь, что знаешь что-нибудь, то расскажи мне.

Я лишь хотел стать на шаг ближе к ответу, ведя себя благоразумно, но так как от моего шедевра пользы оказалось мало, из меня прямо сочилось придающее речи грубость недовольство, выражаемое словами «и это всё, что ты можешь сказать по поводу работы бесталанного парня, которого заставил нарисовать картинку?».

Но Ошино не стал принимать близко к сердцу мой выпад и сказал:

— Ха-ха. Экий ты бодрый, Арааги-кун. Случилось что-то хорошее? — увильнув от ответа на вопрос. — Кстати, мне бы хотелось послушать, что ты сам думаешь на этот счёт, Арааги-кун. Очень хочется узнать твоё компетентное мнение. Как ты понимаешь суть дела?

— Как... Ну, ты и сам ранее говорил об этом, и мне тоже кажется, что даже если это «школьная страшилка», неясно, о странности она или нет.

— Хех. И?

— Ну, у меня есть только посредственное и реалистичное объяснение. В общем, кто-то, неизвестно кто именно, просто решил обожествить камень, оказавшийся в цветочной клумбе. Откуда бы иначе там взялось святилище, если бы его не сделал человек?

— Но его мог бы материализовать вампир, — сказал Ошино, посмотрев на маленькую златовласую девочку, сидевшую в углу классной комнаты.

Ну, это уже исключение из правил.

— Но всё же, то святилище явно построено человеком. Так мне кажется. Хотя не скажу, что уверен на сто процентов...

— Хм-м...

— Итак, в нашем случае кто-то или несколько человек, то есть целое неопределённое количество учеников, основали крохотное религиозное течение или что-то вроде секты, используя тот камень в качестве синтай¹²... Как-то так?

Я не мог нормально сформулировать свои мысли, было трудно выразить словами проблемные точки этого дела, но действительно ощущалось нечто жуткое в том, что в стенах школы зародилась странная религия.

Даже страшно.

— Но у нас в стране свобода вероисповедания. По конституции.

— Нет, так-то оно так, конечно... Но в данном случае, согласно показаниям Ханекавы, точно известно, что камень, которому сейчас поклоняются, два года назад был самым обычным камнем. Разве ты не чувствуешь ничего дурного, когда думаешь обо всём этом?

Было непросто принять, что два года назад какой-то валявшийся на обочине камень превратился в религиозный, и тем самым воспротивился тому, что в восемнадцатилетней старшей школе Наоэцу не водятся никаких «школьных страшилок».

Так я думал.

— Совсем не обязательно, чтобы у историй о странностях было прошлое. Странности порождаются, вызываются к жизни одна за другой.

— Когда я упомянул о дурном чувстве, то имел в виду ощущение злого умысла. Думаю, это и беспокоит Ханекаву. Короче говоря, кто-то обманывает многих учеников, выдумав религию и синтай...

— Обманывает? — спросил Ошино. — То есть обманом вытягивает конфеты?

— Нет, ну, эм.

— Если бы они задались целью обмануть, тогда придумали бы что-нибудь получше. Я сам святилище не видел, но, судя по твоему неумелому рисунку, сказал бы, что оно тоже сделано плохо. Настолько же плохо, как и твой рисунок.

— Ошино. Одно дело, когда человек сам говорит, что плохо рисует, но когда он слышит такое в свой адрес, то это может задеть его чувства, знаешь?

Не говори так, будто неумело построенное святилище стало выглядеть ещё более неумелым благодаря моему рисунку.

— Если бы кто-то пытался обмануть людей, разве он не построил бы святилище по-приличнее? Приведя обёртку в должный вид, человек может обмануть других... Так однажды сказал мой друг.

— У тебя ведь не может быть друзей.

— Ну да. Наверно, не такой уж он и друг.

Я решил задеть его чувства в ответ, но это не только не получилось, а даже вызвало радостную улыбку на его лице.

Всё-таки каким же сильным был его душевный настрой? Загадка.

— Да и что касается него, то вполне возможно, что это ложь. Ладно, забудем. Каковы же твои впечатления на этот счёт, Арараги-кун?

— Ну, да... Думаю, ты прав. Если бы кто-то пытался обмануть, то не стал бы делать такое святилище, которое выглядит как детская поделка. Будь я на его месте, то не взялся бы за постройку самостоятельно, а решил бы заказать. Но в нашем случае разве это не показатель серьёзного подхода к религии? Будто по канону, что святилище нужно построить самостоятельно, пускай даже и получится оно некрасивым. Эм, можно сколько угодно говорить про религиозные свободы, только вот начинать новое течение в стенах школы как-то...

К тому же в нашем случае всё ещё не понятно, почему ученики уверовали в какой-то валявшийся камень. Ладно, если бы на его месте оказался драгоценный камень... Или же на

самом деле это был невероятный камень силы, который мы с Ханекавой не сумели распознать?

— Будь это камень силы, даже ты теперешний смог бы что-нибудь почувствовать. Хм. Ладно, Арараги-кун. Передай это Старосте-чан. Она-то должна всё понять, — сказал Ошино.

Почему-то вечно улыбающийся Ошино посмотрел на меня так, словно бы он был в слегка приподнятом настроении. Он сказал отложить на время поиски «школьных страшилок».

— Как насчёт заглянуть в учебный план школы Наоэцу? Всё же учиться — обязанность учеников.

005

На следующий день.

Утром в классе, когда я передал умудрённой знаниями Ханекаве слова Ошино Меме, специалиста, который, кажется, видел всё насквозь, она в одночасье сказала:

— А-а.

Будто бы всё поняла.

Что это с ними? Жуть.

Так я подумал, но, будучи человеком заурядным и ничего не знающим, сдерживался, стараясь не нагрубить, выпалив что-нибудь в этом роде. Поэтому чтобы узнать правду от Ханекавы, я постарался спросить обыденным тоном:

— Ну и что это всё значило?

— Хм? А, нет, похоже, на этот раз я перестаралась. Эх, я предстала перед вами с Ошино-саном в плохом свете, даже стыдно. Думаю, вместо промаха я заработала страйкаут.

— Э? Я совсем не понимаю, но... В плохом свете? Я что-то упустил? О чём ты?

— О том, о сём. Может, прозвучит как оправдание, но у меня тоже были сомнения. Я думала, что если человек отдаётся религии, то воплощает её как подобает. Мне казалось, что незаконченность святилища и от фонаря взятый синтай были связаны с той жутью, о которой говорил Ошино-сан, и дурными ощущениями, которые не покидали тебя, поэтому я начала ненароком волноваться. А в итоге ничего такого не оказалось.

— Ханекава. Постарайся ещё, и тебе удастся объяснить так, что даже я смогу понять.

— Постараться, говоришь...

Ханекава криво улыбнулась. Наверное, моя просьба прозвучала странно.

— В общем, стоило мне разогнать все сомнения, и я смогла прийти к спокойному выводу. До сих пор мы оба думали, что в центре всего находился камень, так?

— Что? А-а, ну да... Но разве может быть так... что камень здесь не главное?

— Видишь ли, дело в святилище. Святилище.

— Святилище?..

— Да. Святилище. Если ты подумаешь, что в центре всего находится святилище, а не камень, то поймёшь, что не было нужды беспокоить Ошино-сана.

Докучал я ему или нет, но он сидел в том заброшенном здании и до конца выслушал мой рассказ...

— Даже если ты говоришь мне подумать, что в центре находится святилище... И что с того? Это разваливающееся святилище...

— М-м. В общем, если выразиться понятнее, то, наверное, так: камень этот засунули в святилище не для того, чтобы поклоняться ему. Этот камень выбрали в качестве предмета, который положили в святилище.

— А что, есть какая-то разница?

— Большая. В конце концов, святилище есть вместилище, но само оно не может быть объектом поклонения. По крайней мере, если говорить о корне нашей проблемы, то можно отбросить мысль, будто здесь замешана какая-то странная религия.

— Но разве это всё ещё не одно и то же? Если не замешана существующая религия, тогда кто-то создал новое течение...

— Нет, ты неправильно понял, — сказала Ханекава. — С самого начала, когда это святилище только-только построили, святилищем оно не являлось.

— ?..

— Это имеет отношение к учебному плану старшей школы Наоэцу. Да, пусть я и не заглядывала в него снова, потому что разузнала всё ещё до сдачи вступительных экзаменов, до меня сразу дошло.

Значит, она реально таким промышляла. Это внушает страх.

— Смотри, в наш первый год в школе нам давали выбрать какой-нибудь из кружков искусств, так? Хотя я и пошла в итоге на рисование, но были и другие варианты, как каллиграфия и ремесло, помнишь? Думаю, Ошино-сан хотел, чтобы я посмотрела в учебный план кружка ремесленников.

— Ремесленников?..

— Да. Ну, там преподавали деревообработку. В их учебном плане было что-то вроде свободного урока, в рамках которого каждый мог сделать навес.

— ...

— Я не ходила на те занятия и не знаю наверняка, но мне кажется, что сделанный в том кружке навес стал святилищем.

— ...

— Более того, судя по виду самого навеса, это был провальный проект. Просто предположение, но я думаю, что дело было так: какой-то ученик пытался сделать навес в кабинете труда и потерпел неудачу. Но даже если поделка неудачная, её всё равно скажут забрать домой, потому что она сделана на уроке. Однако он просто избавился бы от этой вещи, если бы принёс её к себе, поэтому ученик решил тайком выбросить её ещё в школе и направился к мусорным бакам. Путь его лежал мимо цветочной клумбы.

Ну да. Рядом с клумбой находилась мусорка.

Предмет такого размера невозможно выбросить в мусорную корзину в кабинете, поэтому логично будет отнести сразу к мусорным бакам.

— Проходя мимо клумбы, он заметил тот самый камень, о котором и речь. Кстати, он мог бы даже почти споткнуться об него, как я в своё время. Как бы там ни было, увидев, что у найденного им камня подходящие размеры, он решил, что если засунет его под навес, то эта неудачная поделка внезапно может стать чем-то, на что будут смотреть люди.

Дело не в том, что из-за святилища камень стал выглядеть как статуя.

Сама деревянная конструкция стала напоминать святилище из-за того камня.

Феномен симулякра... хотя наш случай немного отличается.

Та неудача.

Та неудачная поделка перестала быть неудачной.

— Она стала противоположностью самой себя, — пробормотав это, я наконец-то всё понял.

— Да. Конечно же, от этого она не перестала выглядеть неаккуратной, но как минимум превратилась из вещи, которую хочется выбросить, в святилище. Или даже в настоящий навес, и поэтому тот ученик оставил её там. Камень выглядел как статуя, едва не заставив нас поверить, что здесь замешана религия.

— А что насчёт алтаря... и конфет?

— Там было нечто похожее на алтарь, правда. Может, какой-то ученик оставил свою «провальную работу», сделанную на занятиях, в клубе или ещё где, так как когда он положил её перед святилищем, она стала выглядеть подобно алтарю... Конфеты, в свою очередь, ни к

какой провальной работе отношения не имели. Возможно, что у человека, присматривающего за цветочной клумбой, или у школьников, проходящих мимо, было с собой несколько, вот они и оставили их там без особой на то причины.

— Значит, подношения стали делать только потому, что вся композиция всего лишь выглядела так, будто связана с чем-то религиозным, а не потому, что реально имела прямое отношение к чему-то настолько возвышенному, как религия?

— Ну, не то чтобы это были именно подношения. Скорее всего, люди просто оставляли там принесённые в школу лишние конфеты. Я с самого начала понимала, что такой вариант возможен, но вероятность того, что камень — религиозный предмет, мне показалась выше.

Понятно...

Так как подношениями были даже не монеты, а конфеты, у меня серьёзно возникало ощущение, что их «оставляли там, потому что у кого-то их было в излишке».

— Человек, присматривающий за клумбой... Не знаю, кто этим занимается, но если в клумбе внезапно оказалось святилище, почему он просто от него не избавился...

— Нет. Как правило, человек не станет ломать что-то похожее на святилище. Потому что этим можно разгневать богов.

— Ну, это...

В конце концов, святилище, камень и подношения стали чем-то «нормальным», да?

Их происхождение никто даже под вопрос не ставит.

Всё то, что находится в клумбе, стало естественным, даже «благодатью».

— ...

— Фух, как полегчало! — потягиваясь, сказала довольная на вид Ханекава.

Девушка с похожим на неё характером испытывает стресс, когда попадает в ситуацию, в которой «появляется неизвестное», поэтому она искренне улыбалась от того, что словно бы сбросила с себя тяжкий груз.

— Вот как... Лично я ещё не до конца всё уяснил, да и вывод ты сделала на основе своих домыслов и ощущений.

— Нет, всё не так. Благодаря тебе, Арааги-кун, я и пришла к этому выводу.

— Что? Благодаря мне?

— Это ведь ты сказал Ошино-сану, что та постройка «почему-то напоминала тебе святилище», и поэтому он осознал истину, так? Как бы хорош он в своём деле ни был, без верных улик ни за что не смог бы додуматься... Без них он наверняка не догадался бы об

учебном плане школы, в свою очередь являющейся «закрытой зоной». Оно напоминало тебе что-то не потому, что выглядело так, будто пыталось чему-то подражать, а потому что ранее ты сам строил нечто похожее на уроках, верно? Арараги-кун, ты же тогда выбрал себе не уроки рисования, а ремесло, да?

— Ну да. Вроде так.

Я видел его не в храме и не на дороге.

А в кабинете труда.

То есть когда Ошино попросил нарисовать картинку, он просто хотел посмотреть на то, как выглядело святилище... Но когда увидел, что я «вспомнил, пока рисовал», он докопался до истины.

В этом была вся суть.

— Тогда полагаю, дело закрыто... Эм, Арараги-кун. Куда ты? Скоро начнутся занятия! А, стой, нельзя бегать по коридорам!..

006

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Пропустив запреты Ханекавы мимо ушей, я пробежал по коридорам, вышел из здания школы, направляясь в сторону заднего двора, пришёл к цветочной клумбе, подобрал святилище, внутри которого располагался похожий на статую обожествлённый камень, и разбил его о землю.

— Ха, ха, ха, ха...

Нет.

Мои следующие действия были бессмысленны, так как я уже разрушил его, но... Я не мог успокоиться и продолжал разносить его на части, пока всё не превратилось в горсть деревянных обломков.

Разнёс бы я его или нет, а если убрать из него камень, святилище всё равно выглядело как кучка досок. Как бы там ни было, я отнёс обломки к мусорным бакам.

Это.

Это перемещение в конечном счёте заняло два года.

— ...

Да.

И без слов ясно, что два года назад на уроке деревообработки именно я смастерил святилище и, как сказала Ханекава, оставил в цветочной клумбе вместо того, чтобы отнести к себе домой.

Дело не в том, что я вспомнил его, потому что делал что-то похожее на уроках, а в том, что эту штуку построил именно я.

И напрочь об этом забыл.

Я уже говорил, что не похож на Ханекаву, так как не способен вспомнить события двухлетней давности, но это уже слишком. Я называл постройку грубой, поделкой ребёнка, обветшалой и другими ужасными словами, но кто бы мог подумать, что навес сделан моими руками.

Я вмиг понял, почему Ошино так неприятно улыбнулся.

Бесспорно, он старался сдержаться, чтобы не расхохотаться. Ханекава показала себя не с лучшей стороны, но её чувства не шли ни в какое сравнение с теми, которые испытываю сейчас я.

Ханекава, считавшая, что не бывает таких людей, которые могут напрочь забыть все события двухлетней давности, к счастью, меня не раскрыла... Мне было так стыдно, что я, наверное, больше не смог бы смотреть ей в глаза.

Тем не менее, скоро должны были начаться занятия, а моя посещаемость находилась на критической отметке. Поэтому я, реабилитированный Ханекавой, не мог не вернуться в класс.

Когда я медленно брёл от мусорных баков, камень, который недавно лежал в святилище, попал в поле моего зрения. Да, сейчас я и правда видел в нём всего лишь камень.

Он не двигался.

Обычный камень.

Подношения в виде конфет всё ещё оставались на месте, но сейчас их было уже недостаточно, чтобы принять камень за статую или синтай. А если и вовсе их убрать, то, скорее всего, новые конфеты оставлять здесь уже не будут.

И вот после всех этих размышлений я стал ощущать гложущее чувство вины за разрушение святилища в нахлынувшем на меня приступе стыда. Ну, уж кому как не мне, создателю, знать, что за это никакой небесной кары не последует...

Однако мне стало жаль бедный камень, обожествлённый лишь из-за того, что я поленился взять плохо построенный навес домой. И вот теперь по вине моего чувства стыда он вновь обычный булыжник.

Было бы странно извиняться перед камнем... Но закрыв глаза на свои мысли, я всё равно ступил на цветочную клумбу и поднял камень с земли.

Поклоняются ли ему оттого, что он — странность, или же он стал странностью, потому что ему поклонялись... Вот что сказал Ошино.

Ну да.

Пусть это лишь конфеты, но правда неоспорима — камень так далеко «зашёл», что «принимал» подношения. И вот размышляя о своих необдуманных действиях, возможно превративших камень в странность, чувство вины всё усиливалось и усиливалось.

Я превратил обыкновенный камень.

В благодатную каменную статую.

А затем, возможно, в немыслимую странность, которая больше никак не была связана со своим происхождением.

День, когда немыслимая вещь стала обычной.

Может быть, он уже настал.

Пока я об этом размышлял, в голове родилась навязчивая мысль о том, что бесцельное посещение школы — проблема.

Когда я вернусь в класс, попробую спросить у Ханекавы, если учителя ещё не будет на месте. Являлся ли я деревянным, каменным, равнодушным человеком, который недоволен повседневной жизнью?

Но даже камень может стать каменной статуей.

И если из древесины получается святилище, то, возможно, оказаться деревянным и каменным не так уж и плохо.

— Хм? А, этот камень... — сказал я.

И затем понял.

Понял только после того, как поднял его руками. А ведь два года назад я даже внимания на это не обратил... Да, ощущение от прикосновения, его поверхность на ощупь... Никаких сомнений.

— Да это же бетон.

Примечания

1. Пословица «*нодо мото сугирэба ацуса о васурэру*» (когда напьёшься, забываешь о жажде) несёт в себе такой смысл: «человек забывает извлечь для себя урок, когда опасность его минует».

2. «Камень» (яп. 石 *иси*) и «стремление» (яп. 意志 *иси*).

3. Поговорка «*кику ва итидзи но хадзи, кикану ва иссё: но хадзи*» дословно переводится как «спросить — стыд на минуту, не знать — стыд на всю жизнь».
4. «Страшная история о камне» (яп. 石の怪談 *иси но кайдан*) и «лестница из камня» (яп. 石の階段 *иси но кайдан*).
5. «Каменная лестница» (яп. 石段 *исидан*).
6. По произношению: «Хихикающая женщина»; по написанию: «Очаровашка». Она выглядит, как кокетливая женщина, наложившая слишком много помады. Это стоящий на ограждающей стене и громко смеющийся призрак проститутки-перестарка, продолжающей работать, несмотря на свой возраст.
7. Призрак молодой девушки, который появится, если в школьном туалете прокричать её имя. Ей приписывают отвратительный голос или даже попытки причинить вред живым в некоторых случаях.
8. Цубаса в слово «рассказывать» (*осиэтэ сасиагэру*) благодаря вежливому вспомогательному глаголу с оттенком самоуменьшения «*сасиагэру*» вкладывает в свою речь огромное уважение по отношению к Ошино. Коёми же сказал, что она «поведает» (*осиэтэ агэру*), где «*агэру*» в данном случае создаёт впечатление, что он ведёт себя высокомерно по отношению к Ошино.
9. Японское название Кшитигарбхи, одного из четырёх наиболее почитаемых божеств в дальневосточном буддизме.
10. В этой сказке рассказывается о старике, получившем на Новый Год много даров от шести статуй Дзидзо за то, что ранее он надел им на головы пять плетёных шляп, которые не смог продать в городе, и свою собственную, дабы укрыть их от холода.
11. В Японии Дзидзо изображается в виде маленького ребёнка, потому что Кшитигарбха является божеством-охранителем детей, но также он покровительствует путникам, так как японцы отождествляют его с местным божеством Досодзином.
12. Объект, исполняющий в синтоизме роль вместилища для божеств.

Цветок Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

001

В начале мая, когда по иронии судьбы наши с Сендзёгахарой Хитаги пути пересеклись, то есть когда уже прошла Золотая неделя, я был настолько морально и физически истощён, что падал замертво. Ну, я вовсе не пытаюсь давить этим на жалость. Да и нельзя сказать, что я был прямо истощён. Если точнее, мой разум и тело подвергли суровым пыткам... Что ж, в любом случае было жёстко.

Я бы даже сказал, что смертельно жёстко... Было так жёстко, что после испытанного я потерял всякое понимание обыденности.

Ад в море — под ногами... Такая поговорка в ходу у рыбаков, выходящих на судах в океан за уловом. Но мне кажется, что и к суше она применима.

Ад на земле — под ногами.

Насколько ненадёжной, насколько хрупкой, насколько легко поддающейся разрушению была земная твердь, по которой я ходил всю свою жизнь... Я сполна ощутил всё то, о чём и не подозревал.

Прочувствовал вместе с болью.

Даже дорога, по которой я беззаботно ходил в школу и возвращался домой, могла в любую минуту с лёгкостью разрушиться... Я осознал, на какой грани жило человечество.

Осознал?

Нет.

Я ничего не знал... и это не отсылка к словам Ханекавы, девушки с причудливым оперением¹. В лучшем случае я понимал только одно — каким глупым парнем я был.

Сендзёгахара Хитаги.

Что касается моей одноклассницы, которую называли кисейной барышней², то она уже задолго до меня осознала всю хрупкость обыденности. Задолго до того, как я пропустил всё это через себя.

Хотелось ей того или нет, но с такой жизнью у неё не оставалось иного выбора, кроме как принять эту реальность. Люди шептались за её спиной, что половину своих лет она словно балансировала на изношенном канате. Но даже если отнестись к этим слухам скептически, она всё равно пережила страшное.

— Подобный взгляд на вещи, будто бы между обыденностью и ненормальностью стоит стена, изначально неверен... Конечно, видеть среди них грани надо, без этого не проживёшь. Но они словно примыкающие *друг к другу* полушария... Соединяются в единое целое, — сказала она безразличным, ровным, спокойным и безэмоциональным голосом. — Нет ни верха, ни низа... Не существует падения из обыденности в ненормальность и нельзя подняться из ненормальности в обыденность. Но просто идя по улице, можно вдруг оказаться в совершенно другом, незнакомом месте. Как-то так...

Словно сбиваешься с пути?

Словно идёшь по тротуару и вдруг, сам того не заметив, приходишь в себя уже на проезжей части... Ну, с такой аллегорией я мог согласиться.

Действительно.

Стоит убрать отбойники и пешеходные переходы, как различия между тротуарами и дорогами практически исчезают.

— Да. И затем ты нежданно-негаданно попадаешь в ДТП... Но в случае автомобилей и пешеходов я не знаю что отнести к обыденности, а что — к ненормальности. А ещё есть средства передвижения вроде твоего велосипеда, Арараги-кун, разъезжающие и по проезжей части, и по тротуарам...

Собственно говоря, езда на велосипеде по тротуарам является нарушением правил дорожного движения. Однако с точки зрения автомобилистов, передвижение по проезжей части на

велосипеде доставляет одни лишь проблемы. Но в так называемом современном обществе на это закрывают глаза, да?

— Да. В общем, даже если земля, по которой ты ходишь, не разрушится, даже если ты не собираешься отклоняться от своего пути, тебя всё так же может настигнуть «несчастный случай»... Однако при встрече с ним ты не потеряешь опору и не упадёшь из обыденности в ненормальность. Только знаешь, Арараги-кун, — сказала Сендзёгахара, не особенно вкладывая душу в свои слова. — Можно упасть из обыденности в обыденность. А поднявшись из ненормальности встретить наверху всё ту же ненормальность.

002

— А. Ясно. Я всё думала, с чего это меня начало подташнивать, но теперь поняла — просто рядом со мной идёт Арараги-кун.

— Э?! Ты что, пытаешься задеть меня своими мыслями вслух?!

Девятое мая.

Во вторник вечером мы с Сендзёгахарой Хитаги возвращались по домам из развалин той самой школы интенсивной подготовки. Точнее, сейчас я шёл не к себе, а подобно джентльмену провожал юную девушку Сендзёгахару до её дома. Но несмотря на мою галантность, вела она себя крайне язвительно и была до ужаса острой на язык.

— Хм? Арараги-кун, почему ты нагло подслушиваешь чужие мысли? Тебя плохо воспитывали?

— Так уж вышло, что я нагло услышал, как ты меня оскорбляла!

— Хм. Но я собиралась сделать тебе комплимент.

— Не превращайся в циника! Это как вообще нужно исхитриться, чтобы сделать из мыслей вслух вроде «меня тошнит, когда я рядом с ним» комплимент?

— Когда я говорю «тошнота», не исключено, что это ранний токсикоз, как думаешь?

— Хочешь сказать, что ощущаешь себя беременной, находясь рядом со мной?

Нет.

Это всё ещё не комплимент.

— Мои мысли вслух должны были провозгласить всему миру о мужественности Арараги-куна.

— Твоя агитация создаёт обратный результат! С такой рекламой я не стану лучше в глазах остальных!

— Но знаешь, Арараги-кун, твои мысли вслух мне тоже порядком надоели.

— А? Хм, забавно, я ведь всего лишь пытался поддержать с тобой разговор...

Такое чувство, что оскорбления сыпались на меня каждые пять секунд.

И о чём я должен с ней говорить?

Она вообще девушка или острый нож?

— ...

Ладно.

Если посмотреть на поведение Сендзёгахары Хитаги с точки зрения джентльмена, то нельзя сказать, что понять её действия невозможно. Серьёзно, даже настоящим джентльменом быть необязательно, чтобы разгадать её загадку.

Что ни говори, а эта девушка долгое время страдала от боли и извелась до порога, когда боли уже не чувствуешь.

Она перенесла такие страдания, какие могут быть при отравлении ядом, приносящим тяжёлый паралич.

Недуг.

Мучил её.

Сендзёгахара жила и боролась с ним. И только вчера из-за того, что она по воле случая связалась со мной, на её битве с болезнью была поставлена долгожданная точка.

Нет, если так сказать, то получится, будто я важничаю. Даже если бы мы случайно не встретились, она наверняка смогла бы самостоятельно вылечить своё тело. Ну, как уж получилось.

Благодаря Ошино нам удалось сразу же найти решение и избавиться от её недуга, связанного со странностью. Произошло всё буквально прошлой ночью, а сегодня, то ли чтобы прибраться после вчерашнего или, так сказать, разобраться с последствиями, то ли чтобы поквитаться со мной за доставленные вчера неудобства, из которых она на пустом месте раздула проблему, мы повторно навестили Ошино.

А по этой дороге уже возвращались домой.

С точки зрения Сендзёгахары мы находились ещё во вчерашнем дне. Её характер, заточенный для сражения с недугом, не может вдруг вернуться к своему прежнему состоянию. Как друг я помолюсь за неё, чтобы когда-нибудь её шипы хоть немного притупились.

— Знаешь... Я поняла цену здоровья, уже смотря на это с позиции излечившейся, но с точки зрения той, кто так долго болела, даже такая «простая прогулка» ощущается чем-то новым.

— Хм-м. Вот как?

— Словно я гуляю в совершенно другом мире.

— В другом мире...

Я подумал, что она преувеличивает, будто ей даже прогулка в новинку, но сейчас, после стольких лет, проведённых во лжи, мне кажется, что она говорила всё как на духу.

Кстати, вчера мы приехали к руинам той школы на велосипеде, а сегодня я шёл вместе с ней пешком. Ввиду обстоятельств... я не мог сесть на велосипед, так как вчера поставил её в неудобное положение, решив прокатить на багажнике.

Что ж, мы благополучно поквитались, снизив напряжение, и с завтрашнего дня я вновь смогу кататься на своём любимом горном велике. От самой мысли мне прямо захотелось вприпрыжку пройти путь до дома.

Но я решил идти как обычно, потому что кто знает, как сильно в таком случае начала бы надо мной издеваться идущая рядом Сендзёгахара.

— Кстати говоря, Арараги-кун. Поскольку чудесным образом всё обернулось так, что ты идёшь рядом с девушкой, то будь добр, встань и иди со стороны дороги. Или ты просто не соображающая куча отходов?

— ...

Я даже не подпрыгивал, а надо мной всё равно издевались.

Как она и сказала, я правда не догадался так сделать, поэтому сейчас встал по левую сторону от Сендзёгахары.

Что же, если предположить, что Сендзёгахара пытается привить мне манеры джентльмена, то сейчас должно обойтись без нападок.

— Стой, не мог бы ты не идти слева от меня? Целишься прямо в сердце, да? Я вижу тебя насквозь.

— ...

Она просто хотела найти новый предлог.

Пролетел я со своими предположениями.

Я собирался как друг помолиться о том, чтобы её шипы притупились, однако молитва молитвой, но я сомневаюсь, что смогу хоть что-нибудь по-дружески сделать для неё.

— Да ты, я смотрю, в хорошем расположении духа, поэтому можешь спокойно дойти до дома и без моего сопровождения. Тогда здесь я...

— Ты что такое говоришь? Если собрался проводить меня, то провожай как следует. И что прикажешь делать, если обо мне поползёт репутация, будто парни, провожая домой Сендзёгахару Хитаги, уходят прямо на полпути? Ты сведёшь на нет моё положение кисейной барышни.

— А ты только о себе печёшься...

— Если сейчас уйдёшь, я пущу слух, что Арараги-кун покушался на мою жизнь.

— На репутацию других людей тебе плевать?

И вообще, кто поверит в такой слух?

Я же не известен в образе какого-то киллера.

— По сути, тебе даже и слухом-то не с кем поделиться, да?

— Я буду бормотать себе под нос в классе или где-либо ещё, так что всё нормально.

— Только такая девушка вряд ли нормальная.

Я пожал плечами. Если нужно отвести её домой, то так тому и быть.

Изначально я решил просто оказать ей услугу, а потом всё это как-то переросло в мою обязанность. Но я не возражал, так как всё равно свободен.

И делать мне было нечего.

Но если я скажу что-нибудь бестактное, она не удержится «запретить мне говорить», как сделала это вчера. Я ведь уже вернул ей гору конфискованных канцтоваров.

— Ну... так что мне с этим делать?

— Хм? С чем?

— А, будь добр, подожди немного. Сейчас я подумаю, как бы мне лучше выразиться, чтобы даже до Арараги-куна дошло.

— Перед этим подумай, как бы тебе выразиться так, чтобы Арараги-куну не было от этого неприятно!

— Смотри, за этот случай Ошино-сан потребовал с меня деньги, так?

— А-а. Ну да.

Сто тысяч иен.

По сравнению с пятью миллионами иен, которые я должен Ошино, можно сказать, что её цифра вышла не очень большой, но для старшеклассницы это всё равно крупная сумма денег.

Стало неприятно от того, что сумма в сто тысяч иен воспринималась мною обыденно, и это при том, что, учитывая семейные обстоятельства Сендзёгахары, такие деньги для неё неподъёмные.

— У тебя есть какие-нибудь сбережения?

— Нет. Но есть долги.

— А? Одно дело, если долги у родителей... но ты задолжала на своё имя? Кому-то кроме Ошино?

— Да. В прошлом сезоне моя команда закончила плей-офф лиги, проиграв на четыре матча больше, чем выиграв³.

— Ты что, владеешь профессиональной бейсбольной командой?

В таком случае ты миллиардерша!

Обналичь сто тысяч!

Воспользуйся кредиткой!

Но я думаю, что сбережений у неё действительно нет, даже несмотря на отсутствие других долгов. В таком случае Сендзёгахаре надо как-нибудь заработать эти сто тысяч иен.

— Как сказал Ошино-сан, мне только и остаётся, что пойти работать на полставки в какой-нибудь ресторан быстрого питания.

— Ну, с моим долгом аналогичная ситуация. Но он же не требует от нас рассчитаться к точной дате, поэтому не думаю, что надо так суетиться и искать способы заработать.

— В отличие от Арараги-куна, к деньгам я отношусь скрупулёзно.

— Только не надо тут говорить, что я не умею обращаться с деньгами!

— Если я соберусь увиливать от выплаты, тогда буду делать это как следует, а если соберусь заплатить, то также буду делать это как следует.

— ...

Неужели существует способ, заключающийся в правильном увиливании от выплаты?

И всё же я совсем не могу представить Сендзёгахару, подрабатывающую в ресторане быстрого питания...

— Добрый день, добро пожаловать. Хотите забрать с собой?

— Предложи посетителю поесть в ресторане! Не заставляй его уходить всеми правдами и неправдами!

— Не хотите взять потэйтоу⁴?

— Что это у тебя вдруг чистый акцент прорезался?!

— Не хотите ли... картофеля?

— Звучит так, будто мне подадут сырой корнеплод...

— Хм. Всё-таки не подходит мне... работа на полустанке.

— Вот на полустанке тебе вообще делать нечего! — сказал я и затем озвучил пришедшую в голову мысль.

А вспомнился мне разговор с Ханекавой, случившийся в прошлом месяце... «Работа» Ошино заключалась в коллекционировании историй о странностях и зарабатывании денег с их продажи другим лицам...

— Сендзёгахара. Ты знаешь какие-нибудь истории о странностях?

— Если называть прогулку вместе с Арараги-куном историей о странности, то знаю.

— Это не история о странности.

— Тогда не знаю.

Она та ещё заноза.

Бывает, что к проявленной доброте люди относятся пренебрежительно, но ощущать подобное отношение к себе, когда ты даже не пытаешься быть добрым, в диковинку.

Я сказал:

— Нет, видишь ли, Ошино же специалист и занимается коллекционированием историй о странностях... Если бы ты знала, скажем, неизвестную историю о странности или редкую городскую легенду, то он, как мне кажется, мог бы списать тебе часть долга.

— Хм-м... Бартер, хочешь сказать. Ты дал мне ценную информацию, Арараги-кун. Жалую тебе похвалу.

— ...

Она когда-нибудь скажет «спасибо» по-человечески?

Из всех существующих слов благодарности «жалую похвалу» радуют меньше всего, правда же?

— Но я, к сожалению, не знаю никаких историй о странностях свыше той, с которой столкнулась лично.

— Думаю, что со странностями не бывает что-то «свыше» или «ниже».

— О, а это уже сказано свысока. Как всё-таки отличаются слова уважаемого Арараги-куна, знакомого с самим королём странностей. Они совершенно другие.

— К чему этот уважаемый Арараги-кун?

— И когда уважаемый Арараги-кун со своей высоты окидывает взором мир, все странности, все чудные явления кажутся ему одинаковыми. Но для такой челяди, как я, разница меж ними просто огромна, о, великий Арараги-кун.

— Ещё и великий...

Да что с ней? Бросается теперь раболепными репликами, строя из себя невесть кого...

— Говорят же люди «Великий Бах» и «Мелкий Бах», так что к именам можно добавлять «мелкий»⁵... Хотя мою суть невозможно передать приставками.

— Ну, ладно «великий», но разве не жестоко добавлять к имени «мелкий»?

— Да-да, букашечный Арараги-кун.

— Одно дело, когда мы говорим про имена, но если ты решила задеть мой рост, то я протестую!

— А что. Величественный Арараги-кун тебя устроит? О, Величественный Арараги-кун.

— ...

Раболепие ей к лицу...

Та ещё проблема.

— Так или иначе, я не знаю никаких историй о странностях. Вообще не люблю страшилки и всё такое. Если выбирать между физическим трудом и страшилками, последнее я не люблю больше, поэтому мне только и остаётся, что устроиться куда-нибудь на полставки.

— Хм-м... Ну, занимайся чем хочешь.

Как ни посмотри, а страшилки ей подходят больше... Самая первая наша встреча уже «страшилка».

Безумная девушка со степлером.

Интересно, купил бы Ошино эту историю?..

Где-нибудь за пять миллионов иен.

— Ты думаешь обо мне что-то нехорошее, да, Арараги-кун?

— Зачем придирается попусту...

Нельзя даже в мыслях на неё поворчать?

Как же сильно она не терпит критику в свой адрес.

— Разжую тебе кое-что, Арараги-кун. В радиусе двухсот метров вокруг меня запрещено свободомыслие.

— Это какое-то политическое давление.

— Я гарантирую, что у тебя не будет свободы слова, вероисповедания и мысли.

— Да это уже деспотизм!

Более того, зона твоего влияния огромна!

Что ты вообще за человек?

— Меня зовут Чёрной Королевой.

— Из Алисы в Зазеркалье, что ли?

— А иногда даже незнакомкой из Тьмутаракани.

— По-моему, тебя просто ненавидят, а?

— А ещё есть люди, которые называют меня кромешной лгуньей. Извергающая кромешную ложь Чёрная Лгунья.

— Что за имя такое? Звучит круто, но видно, что тебя реально ненавидят.

— А? Разве меня ненавидят? Боже, как жить-то теперь...

Сендзёгахара остановилась и начала серьёзно размышлять. Весь её вид говорил, будто её охватило внезапное беспокойство.

Эмоционально неустойчивая девушка...

Ещё недавно я хотел уйти на полпути, но нельзя же оставлять такого человека одного на улице. Моя обязанность как друга — убедиться, чтобы она дошла до дома. Нет, даже если бы я не приходился ей другом, то всё равно должен был бы так поступить, как добропорядочный гражданин...

— Так не пойдёт. Нужно как-нибудь стать своей в доску для остальных. Я не готова смириться со званием второго самого ненавистного человека после Арараги-куна.

— По-твоему, так проявляется дружба? Ты вообще хочешь стать моим другом?

— Конечно. Я всеми фибрами своей души желаю стать Арараги-куну врагом.

— Слово «враг» ты составила из «враг» и «друг»?!

— Да. В общем, будешь другом и врагом...

— Нет, человек, который одновременно и друг, и враг, по сути является просто врагом!

Не делай из нас подобие соперничества.

Нам с тобой даже соперничать не за что.

— Кстати, я ненавижу людей, которые говорят, что у них нет друзей, хотя сами называют кого-то своим другом.

— ...

Как-то узко мыслит...

Даже слишком.

— Мне хочется преподать им урок, что на самом деле означает не иметь друзей.

— Хорошо. Прости меня, ладно? Ну, теперь у тебя есть я, как-никак.

— Хм.

Сендзёгахара посмотрела на меня.

Посмотрела решительным взглядом.

Казалось, что её глаза готовы меня сожрать. Это что же получается. Если судить по её характеру, то она ненавидит даже людей, ведущих себя дружелюбно?

М-м.

Да уж, с ней не как с Ханекавой...

— Хм. Ну да, — сказала Сендзёгахара спустя какое-то время. Сказала, не достав ни степлер, ни нож для резки бумаги.

Думаю, что такого облегчения я ещё никогда не чувствовал.

— Я сегодня добрая, так что прощаю тебя, зебра.

— Зебра?

— Я подумала, что если говорить в конце предложения название животного, то прозвучит мило.

— Совсем не понимаю твой характер...

Она полна загадок.

Чересчур загадочная.

Или может быть такое, что вот так по-девичьи она скрывает смущение? Если я прав, то в этом есть что-то милое.

— Истории о призраках... Что же можно к ним отнести...

Сама Сендзёгахара решила устроиться куда-нибудь на подработку, но почему-то она всё ещё обдумывала подкинутую мной идею. Прямо жест внимания с её стороны.

А может, за этим вновь скрывается её смущение.

— Если что, всегда можно выдумать историю о призраках.

— Можно?!

Совсем не милая.

Так хладнокровно планирует сбегать фальшивку нашему общему благодетелю.

— Ну, вообще... Если бы я заработала денег на фальшивой истории, то опустилась бы до уровня того низкого человека.

— М-м? Того низкого человека? Ты о ком?

— Э? А-а... Когда я говорю о низком человеке, то всегда имею в виду Арараги-куна.

— Какой-то странный смысл ты вкладываешь в эти слова!

— О, — сказала она и внезапно остановилась, чтобы затем зашагать... но не вперёд, а в сторону.

Она словно захотела выскочить с тротуара на дорогу.

Несмотря на то, что знакомы мы с ней недолго, я уже по привычке к её сумасбродству, однако всё равно не понял, что вдохновило Сендзёгахару на такую внезапность, и рефлекторно преградил ей путь.

Схватил её за плечи.

На меня всем своим весом напирал всего лишь один человек, да и к тому же это была девушка, но она оказалась тяжелой, как свинец... Вчера.

Вчера, когда я поймал Сендзёгахару на лестнице, всё было иначе...

— Ты чего?

— Э?

— Руки убери.

— А, прости, — сказал я и отпустил плечи Сендзёгахары. — Просто мне показалось, будто ты внезапно собралась выскочить на дорогу...

— Что? Подумал, я покончу жизнь самоубийством? Повинуясь импульсу?

— Я не то хотел сказать...

Говорить так нехорошо, но для неё такая опасность вполне вероятна.

Да, битва с недугом закончилась, но где-то глубоко в её сознании она всё ещё продолжается... и останется там же даже после полного медицинского обследования, которое в скором будущем ей необходимо будет пройти.

— Со мной всё в порядке. В отличие от Арааги-куна, который по три раза на дню во время приёма пищи покушается на самоубийство, я убить себя не пытаюсь.

— Я не свожу счёты с жизнью передозом от еды!

— Э? Тогда почему все девочки в нашем классе зовут тебя Суицид-кун?

— Что? Все девчонки нашего класса меня так зовут?..

Разве я правда похож на суицидника?

Я решил, что она лжёт, но меня всё-таки одолела лёгкая тревога, так что лучше будет потом удостовериться у Ханекавы на этот счёт... Но если я задам вопрос по типу «как меня называют девочки из нашего класса?», Ханекава, наверное, удивится...

— Ладно, «Суицид-кун» хотел бы спросить, почему показалось, будто ты ни с того ни с сего решила выскочить на дорогу?

— Я не пыталась выскочить. Мне захотелось рассмотреть вон то поближе.

— Вон то?

Я посмотрел туда, куда указывала Сендзёгахара. На другой стороне дороги... стоял телефонный столб. Нет, она имела в виду не сам столб, а его основание.

Там лежал букет.

Букет свежих цветов.

Нет, в том месте не стоял стенд для цветочных подношений усопшему, но...

— Столб закрывал его с того угла, поэтому было непонятно, что за ним лежит... Так что я решила посмотреть с другого угла. Здесь, кажется, произошло ДТП.

— Похоже на то... Недавно, наверное?

Обычно я ходил другой дорогой, не той, что соединяет руины школы подготовки и дом Сендзёгахары. Края эти были не моими, так что я знать не знал, случилось ли здесь дорожное происшествие или ещё какой несчастный случай...

— Но если бы тебя сбила машина по причине того, что ты отвлеклась на те цветы, тогда умерший в ДТП человек не смог бы упокоиться с миром. Будь осторожна.

Печально, конечно, но я слышал, что иногда на местах несчастных случаев происходят повторные. Водители, отвлекающиеся на знаки «впереди зона частых несчастных случаев», сталкиваются лоб в лоб со встречными автомобилями, и всё в таком духе.

— Я убедилась, что на дороге не было машин. Переживания низкого человека мне не нужны.

— Я переживаю, что ты своего друга называешь низким человеком.

К тому же её слова походили на ложь.

Ну правда, цветы так отвлекли её внимание. С учётом вчерашнего случая, когда Сендзёгахара поскользнулась и упала с лестницы, она могла наперекор всем ожиданиям оказаться девушкой невнимательной.

Хуже всего быть невнимательной неврастеничкой, да?

Даже несмотря на излеченную «болезнь», она, казалось, умрёт, стоит оставить её одну. Она... как будто... вымирающий вид? Мне захотелось провести её не столько до порога, сколько завести прямо внутрь дома.

Хм-м, я завязал дружбу с девушкой, от которой одна морока...

— Я вспомнила.

— Хм?

Сендзёгахара сказала так неожиданно, что я наклонил голову в удивлении.

— Вспомнила... И что же ты вспомнила? Что у меня есть чувство собственного достоинства? Или как правильно нужно извиняться?

— Я не могу вспомнить то, чего не существует.

— Опять...

— Я вспомнила «страшную историю». Арараги-кун...

— Что?

— Вот тебе приказ от принцессы. Разберись-ка с этим как подобает⁶.

— ...

Да какая принцесса может иметь такой голос?

003

По приказу принцессы Сендзёгахары рано утром на следующий день, десятого мая, я поднялся на крышу одного корпуса старшей школы Наоэцу.

В одиночку.

Изначально Сендзёгахара тоже должна была пойти со мной, но с сегодняшнего дня у неё, к сожалению, начинались неизбежные походы по врачам в клинике семейной медицины.

Поэтому я как «друг» пришёл сюда и за неё... Или не как друг, а такое ощущение, что как человек, которого она использует по своему усмотрению. Во всяком случае, у меня не было причин отказывать ей в просьбе.

Всё равно делать нечего.

— Сходи, ладно? Если всё пройдет удачно, я снова покажу тебе свою грудь.

— Да кому она нужна!

И не говори «снова».

Как раз во время одной из таких перепалок я охотно согласился подняться на крышу школьного здания, следуя указаниям Сендзёгахары.

— На крышу здания? Какого именно?

— Любое подойдет. Потому что все они *такие*.

После её слов я сперва решил подняться на крышу корпуса, в котором у меня проходили занятия... Нет, так можно подумать, будто я прошёл туда законным путём.

Доступ на крыши старшей школы Наоэцу был заблокирован, да и средненьким ученикам подниматься туда запрещалось. Двери на крыши запирались на ключ, и мне, далеко не среднему, а находившемуся на уровень ниже, попасть наверх даже не светило.

Что касается того, как же мне удалось незаконно пробраться на крышу, то я вылез из окна на последнем этаже и вскарабкался по внешней стене здания.

Если бы рука соскользнула, то всё — мгновенная смерть.

Почему я должен идти на такой риск ради девушки, с которой познакомился всего лишь два дня назад? Это находилось за пределами моего понимания. Наверное, мне просто очень сильно хотелось выполнить «дружескую просьбу».

Хм-м.

Я сказал, что перестал следовать убеждению, идея которого была проста: иметь друзей – это пустая трата ресурсов. Но вот если посмотреть сейчас на то, к чему привёл мой отказ, начинает казаться, что всё-таки я был недалёк от истины...

В оправдание Сендзёгахары скажу, что, когда я ей всё разъяснил, она, наверное, даже не подумала, что я зайду так далеко.

Вернее, она сказала:

— Обратился бы за помощью к Ханекаве-сан, ты же с ней дружишь. Если она попросит ключ у учителя, выдумав для этого какую-нибудь причину, он с радостью ей одолжит.

Ну, какой бы абсурдной ни была причина, а если с ней придёт Ханекава, лучшая ученица школы, то большинство учителей безоговорочно пропустят её... Но я постеснялся к ней обратиться. Вспоминая случившееся на Золотой неделе, мне теперь стыдно вообще её о чём-либо просить.

Что ж, взбираться по стене — опасное занятие, по своей воле я бы точно на это не решился. Однако если припомнить кошмар Золотой недели или ад весенних каникул, подъём на крышу даже рискованным нельзя назвать.

И.

— А... Правда. Как и говорила Сендзёгахара.

Я убедился в этом сразу, как только перелез через ограду и встал обеими ногами на кровельную плитку... Если вы спросите меня, думал ли я, что она мне соврала, то скажу, что такую возможность рассматривал.

Нет, извините, конечно, но не так просто принять её слова за чистую монету, когда она врёт как дышит.

Я должен был глядеть в оба.

Но в своих попытках увидеть истину слишком увлёкся и нечаянно отложил объяснения на потом. А если бы и рассказал, что именно со слов Сендзёгахары находилось на крыше... Просто я сомневался и считал, что она соврала, потому и пропустил описание. В общем, там лежал букет.

Букет цветов.

На крыше около ограды лежал букет цветов, обёрнутый в лист винилового пластика. То есть не лежал, а был возложен.

Как бы там ни было.

Букет свежих цветов находился на крыше, куда по идее ходить запрещено.

— ...

Похоже, вчера Сендзёгахара, увидев свежий букет цветов около телефонного столба, вспомнила про похожий на крыше. Но если подумать, для неё это был такой пустяк, что она даже забыла о нём.

Настолько ничего не значащее дело, что она с лёгкостью могла о нём забыть или внезапно вспомнить.

Вот только...

Казалось всё это пустяком, но она нашла в нём нечто странное.

— Эм, Сендзёгахара. Во-первых, зачем ты вообще поднималась на крышу?

Вчера вечером.

Тогда я ещё сильно сомневался в рассказе Сендзёгахары, и задал провокационный вопрос, ответ на который либо подтверждал её честность, либо наоборот обличал ложь.

— Как ты вообще попала на крышу? Туда запрещено ходить.

— Может, я не так хороша, как старшая сестра Ханекава, но тоже одна из лучших учениц. И в состоянии отговоркой выпросить ключ у учителя.

— Ну, твоя правда, конечно, но не называй Ханекаву старшей сестрой.

— Ой. Хочешь сказать, что только тебе можно называть Ханекаву-сан своей сестрой?

— Я никогда её так не называл!

Очень странно, но Сендзёгахара подозревала меня в безответной любви к Ханекаве. Даже не знаю, на чём основываются её подозрения...

— Ладно, не будем об этом. Отложим пока в сторону. Так когда и зачем ты поднялась на крышу? Если тебе пришлось для этого придумать отговорку, значит, учителю ты правду не сказала...

— Фу, отстой! Меня привлекают собеседники только с развитым логическим мышлением.

— ...

Видимо, я не имел права слишком глубоко копать под слова Сендзёгахары. Как бы там ни было, каждое моё слово встречалось шквалом критики, поэтому я опушу эту часть флешбэка, а то он никогда не закончится, и вспомню слова Сендзёгахары...

— Так или иначе, когда я поступила в старшую школу Наоэцу, то задумалась о подходе к своей безопасности. Думая о *подходе* к безопасности, я приняла *подходящие* меры, — сказала она.

Почему-то Сендзёгахара нарочно разразилась дешёвым каламбуром, но не буду заострять на этом внимание. Да, она относилась с сильной настороженностью к другим и даже указала ненастоящий адрес в списке одноклассников.

Сендзёгахара изучала школу по-другому, не так, как это делала Ханекава, разузнавшая обо всём ещё во время вступительных или, быть может, после зачисления. Она тщательно разделяла, где было опасно, а где — безопасно, кто был другом, а кто — врагом.

И даже после поступления она не оставила своё занятие, продолжая в последующие два года исследование всей школы. Ну, в таком случае Сендзёгахара наверняка знала, что недавно я сломал святилище из цветочной клумбы на заднем дворе. Только, наверное, сочла это «безопасным» для себя, поэтому не стала заострять внимание.

В общем, среди всего, что она таким же образом игнорировала, также находился букет цветов на запрещённой к посещению крыше.

— Эта история отличается от историй о странностях или призраках... Но если призадуматься, то её можно найти загадочной, не так ли?

Да.

Загадочная история.

Ведь... Ханекава как-то раз говорила, да?

За восемнадцатилетнюю историю нашей школы не было ни одного погибшего ученика. Поэтому.

Такое.

Цветочное подношение на школьной крыше — настоящая загадка. Словно кто-то ступил за парапет.

— ...

Ни в какое сравнение с историей о дешёвых конфетах, оставленных мимо проходящими учениками подле хлипкого святилища. Здесь же аккуратно возложенное цветочное подношение...

Я положил руки на лестницу, приставленную к водонапорной башне, вскарабкался ещё выше и взглянул оттуда на крыши других школьных корпусов. Они оказались *такими же*, какими их описала Сендзёгахара.

На каждой крыше лежало по букету. Я не был уверен до конца, всё-таки расстояние большое, но мне показалось, что они состояли из одинаковых цветов...

— ...

Ханекава...

Ханекава, везде обыскавшая школьные «страшилки», чтобы потом в качестве благодарности предложить их Ошино, не знала об этих букетах. Хотя мне кажется, что в отличие от Сендзёгахары, она искала только там, куда могла попасть *законным путём*.

Всё-таки она не может всё знать... Но куда страннее то, что об этом известно Сендзёгахаре. Даже страшнее...

— Несмотря на то, что у нас никто не совершал самоубийств, прыгая с крыши, некто, сохраняя большую тайну и ото всех скрываясь, по-тихому оставляет цветочные подношения. Не захочет ли Ошино-сан такую историю? — сказала Сендзёгахара с привычной ей безразличностью.

И ровным тембром.

— А если конкретнее, то может ли она стоить сто двадцать тысяч иен?

— ...

Она захотела получить двадцать тысяч иен отката.

У неё и правда странный характер...

Я подумал, что причина её испорченности кроется в болезни, в странности. То есть она и правда стала такой из-за них, но мне кажется, что её характер был довольно странным ещё до того, как совсем испортился.

Её называли кисейной барышней, потому что она сама играла такую роль. Но вот и закономерный вопрос: как бы её стали называть, если бы Сендзёгахара не разыгрывала свой спектакль?..

Как бы там ни было.

Забравшись на крышу, я получил подтверждение её рассказа... И теперь лучше всего будет пойти и рассказать обо всём Ошино.

Да, я вёл себя так, словно случай мне вовсе безразличен и скучен, но всё-таки интересно было послушать, как же Ошино это объяснит?

Цветочные подношения не существовавшим самоубийцам.

Букеты цветов.

Служили ли они какой-то неизменной цели, возложены ли с каким-то намерением или же...

— Ну, так или иначе, — пробормотал я.

Стоя на самом верху водонапорной башни.

— Как же мне вернуться внутрь?..

004

— Вскарabкаться — легко, а вот спуститься — сложно... Ха-ха. Как в жизни, да? Ну, Арараги-кун, и как же тебе удалось оттуда слезть? — Ошино, то ли работой, то ли хобби которого являлось коллекционирование историй о странностях, видимо, очень любил слушать рассказы о моих неудачах, потому и спросил у меня так радостно.

Я пришёл в заброшенную школу в тот же день сразу после уроков... Но кто бы мог подумать, что сперва меня спросят о моей же опрометчивости.

Златовласая девочка, сидевшая в углу классной комнаты, смотрела на меня с полным презрением... Похоже, ей неинтересны ни истории о странностях, ни рассказы о моих неудачах.

Да всё равно, какая история, девочке вообще неприятно всё, что как-либо со мной связано.

— Нет, ну, я просто спустился и всё. Просто постарался и спустился. Перелез через ограду, сполз вниз, цепляясь руками и ногами за выступы в стене, до открытого мною ранее окна на последнем этаже и залез внутрь через него.

— Ха-ха. Пришлось напрячься, да, Арараги-кун? Не скучаешь по силе вампира? С ней ты спокойно спустился бы, просто спрыгнув с крыши.

— Ну, спокойно ли... Но я точно по ней не скучаю. Мне тяжело даже с этими псевдовампирскими способностями.

— Хм. Кстати, о псевдоспособностях.

Ошино указал на девочку в углу.

— Арараги-кун, дай Шинобу-чан как-нибудь на выходных попить твоей крови. Иначе она попросту умрёт.

— Понял.

А-а.

Точно, Ошино ведь дал имя той златовласой девочке... Ошино Шинобу. Честно говоря, я так и не привык к нему... Тем не менее я больше не мог называть её по настоящему имени, поэтому пусть и неохотно, но свыкнуться мне придётся.

— Прийти и дать Шинобу попить крови.

Мне казалось, что после той самой Золотой недели я стал слишком часто посещать развалины этой школы... С какой стати я должен прожигать свою единственную в жизни драгоценную юность, свои школьные годы на заброшке в обществе этого праздного мужика?

Хотя Ошино больше похож на грязного, чем праздного человека. Всё-таки он уже довольно долгое время живёт среди этих условий...

— ...

Тем не менее.

Я не считал школьные годы драгоценной юностью, наступающей лишь раз в жизни... Да, эта пора действительно приходит только один раз, но бесценной она для меня не являлась.

Она несущественна⁷.

Ненадёжна, изменчива... Казалось, моргни лишь раз, и она вмиг исчезнет.

И зачем называть её весной жизни?

Пройдёт весна — настанет лето, только и всего.

— Так что насчёт этого, Ошино? Стоит ли ста двадцати тысяч иен... Нет, то есть около ста тысяч иен история, которую я тебе принёс?

— М-м...

— Ну что?

Ошино по привычке затянул многозначительное молчание. Единственным выходом было поторопить его с ответом.

— Нет, необязательно такую сумму, сам понимаешь, да? Если сто тысяч слишком много, то хотя бы восемьдесят или пятьдесят...

— ...

— Или д-двадцать тысяч...

Эх.

Чем больше я говорил, тем сильнее жгла мысль о том, что всё бесполезно.

Понять Ошино непросто, особенно я не мог прочесть его выражение лица. Однако интуиция худо-бедно подсказывала, что... ну, надеяться мне не на что.

Почему-то подумалось, что к истории о святилище, предложенной Ханекавой, Ошино проявлял больший интерес... Если бы Ханекава попросила за неё деньги, он наверняка бы заплатил. Но на этот раз, видимо, всё иначе.

— Арараги-кун, ты знаешь номер телефона или адрес электронной почты юной леди?

— Нет, не спрашивал...

Я честно ответил на неожиданно заданный вопрос.

— Надо было ещё позавчера спросить. Значит, ты никак не можешь с ней связаться, да?

— Ну... Я собирался вскоре спросить у неё номер...

Он же не будет надо мной подшучивать, если я так скажу, да?

К обмену телефонными номерами я вообще не привык.

— А зачем с ней связываться?

— Я хотел, чтобы ты передал ей сообщение. «История не оправдала моих ожиданий, так что возьми деньги в кредит и заплати всю сумму»...

— ...

Ну, к такому я был готов, так что даже не удивился.

Да и звонить ей по этому поводу не стоит... Сендзёгахара и так собиралась устроиться на подработку, чтобы рассчитаться с долгом.

А я решил пойти до последнего по, так сказать, запасному плану.

Всё равно терять нечего. Если бы моя попытка сработала, ещё до конца дня (как мы договорились) я доложил бы ей об успехе. Другими словами, в случае отсутствия от меня новостей Сендзёгахара откинет этот вариант и начнёт подыскивать себе в журналах вакансии на подработку.

Однако кое-что я понял только после того, как на это указал Ошино. Окажись так, что история Сендзёгахары представляла ценность, я должен был бы снова заглянуть к ней домой. Номера-то я её не знал...

Как всё запутано.

В современном мире старшеклассникам сложно самостоятельно ходить и добывать информацию. Нет, я вовсе не говорю, что сам один из таких школьников.

— Вот как? Что ж, тогда в следующий раз, когда вы увидите в школе, передай ей по всей форме.

— А-а... Ну, она какое-то время будет ходить по врачам, поэтому в школе, думаю, не появится... Но когда мне придётся передать ей твои слова, она просто убьёт меня без предупреждения. Можешь хотя бы рассказать, почему эта история и одной иены не стоит?

— Ну, то, что она и одной иены не стоит, — преувеличение. Просто, если не округлять мелочь, управлять финансами становится безумно трудно. Я ведь не веду книгу бухучёта.

— Мелочь...

И какой же номинал у твоей мелочи?

Лично у меня язык не повернётся назвать монету номиналом 500 иен⁸ мелочью. Но даже если рассмотреть ситуацию на этом примере, округление такой суммы в меньшую сторону не столько дешёвит Ошино, сколько проявляет его жёлчный характер.

Полное безразличие к окружающим... Это в его стиле, да. Я очень обрадовался, что рядом со мной не было Сендзёгахары. В ином случае всё могло перерасти в битву такого масштаба, что сравнима с произошедшей на весенних каникулах или на Золотой неделе.

Если бы я только мог этого избежать...

— Ха-ха. Экий ты бодрый, Арааги-кун. Что такое? Случилось что-то хорошее?

— Нет. Как бы сказать... Я просто хочу как следует подготовиться, чтобы кое-что плохое не случилось со мной в будущем.

Задумавшись о грядущем ужасе, я не сразу ответил на привычную реплику Ошино. Хоть он и любил смеяться над рассказами о моих неудачах, но всё-таки оказался не настолько подлым, чтобы высмеивать моё беспокойство о будущем.

— Вот как? Ну да, — сказал он и следом продолжил: — По правде говоря, я хотел, чтобы ты заплатил за консультацию, но мы ведь с тобой не первый день знакомы, поэтому на этот — и только на этот! — раз я объясню всё бесплатно.

— Прямо спасаешь.

Даже если я неправильно его понял, и на самом деле он почему-то предложил мне помочь ему с работой (коллекционированием историй о странностях), я всё равно не стану спорить с ним, что вместо этого должен заплатить за помощь. Ну, если он расскажет бесплатно, то лучше и быть не может.

Однако Ошино сказал мне:

— Я не собираюсь тебя спасти. Потому что люди спасают себя сами... Поговорим сперва об увиденном вами месте ДТП. Несчастный случай со смертельным исходом произошёл там в прошлом месяце. Пешеход переходил дорогу, и его сбил фургон.

— А-а... Вот, значит, что было. Так тебе и об этом известно.

— Место аварии находится недалеко от развалин школы. Я ведь и не прибегая к твоей помощи повсюду рыскаю в поисках историй о странностях, так что о том случае знаю.

— Ясно...

После слов «не прибегая к твоей помощи» я прямо почувствовал отчуждение... Ну, так оно и было на самом деле. Ошино нарочно говорил в отталкивающей людей манере.

Я всё понимал, но мне было очень жалко человека, погибшего в том несчастном случае... Однако печаль моя имела границы: я ведь не знал, кто там погиб и где этот кто-то жил.

Да, погибшему я никто и, пожалуй, не могу ставить себя в один ряд с родственником, возложившим букет цветов на место смерти. Но немного подумав, я решил, что будет правильно помолиться за упокой его души.

— Ну, расследование дорожно-транспортных происшествий — не моя работа, так что глубоко я не копал... Однако, из-за планировки той самой дороги, в том месте часто происходят аварии. На этот раз ДТП произошло по вине пешехода, переходившего дорогу в неположенном месте...

Ошино продолжал объяснять.

«Неужели его не печалит смерть других людей?» — подумалось мне, но, ладно, с точки зрения человечности, здесь больше я похожу на лицемера.

— Помимо несчастных случаев с летальным исходом там часто происходят аварии из-за неосторожного вождения, незначительные столкновения... и тому подобное.

— Хм-м... Ну, Сендзёгахара тоже собиралась выскочить на эту опасную дорогу...

Сама она сказала, что осмотрелась, чтобы убедиться в безопасности, но на её месте большинство людей наверняка ответили бы так же. Да и после попадания в аварию они могли бы говорить то же самое.

— А-а, но в случае Сендзёгахары её внимание привлёк возложенный букет цветов... Так что планировка дороги тут ни при чём?

— Да. Ну, и такое бывает. Кое-что всё ещё не даёт мне покоя. Поэтому когда выйду в следующий раз на улицу, то переставлю букет цветов в другое место. Только ни в коем случае нельзя осквернить чувства семьи погибшего.

— Да, сделай, пожалуйста.

Непонятно, с каким выражением лица я ему ответил. Ведь если так поразмышлять, вчера мне самому следовало переложить букет. Но моё лицо, наверное, выглядело при этом совершенно обычно.

Несмотря на то, что Ошино равнодушен ко мне, всё же он внимательно относится к таким деталям...

— Так или иначе, давай вернёмся к теме, Ошино.

— К ней не надо возвращаться. Мы от неё и не отклонялись... Итак, проблема у нас в следующем: несмотря на то, что никто не совершал самоубийств, спрыгнув с крыши школы, в

которую ты ходишь... или несмотря на отсутствие случаев падения оттуда, на всех школьных крышах почему-то возложены букеты цветов... Так?

— М-м... А, да. Так и есть.

Сендзёгахара дала мне дурацкое прозвище «Суицид-кун», и поэтому я как-то больше склонялся в сторону версии самоубийства. Но ведь обычно, когда кто-то падает с крыши, в первую очередь в голову приходит версия о случайном падении.

Например, если бы я упал сегодняшним утром, это оказалось бы случайностью.

— Ну, неважно, упал оттуда кто-то или ещё что случилось. На крыше запросто может произойти несчастный случай. Поэтому туда запрещено ходить.

— Да... Открытые крыши в школах обносят по периметру «высокими» оградами. В старшей школе Наоэцу решётка ровно такой высоты, что я смог через неё перелезть.

— Да-да... Есть такие места, где весьма вероятны несчастные случаи и происшествия, будь то где-то на дороге или в школе... Говоря простым языком, они противоположны по природе местам силы?

— То есть места с плохой энергетикой? Ну, пожалуй, что-то такое есть. Как направление Кимон⁹...

Я всеми силами пытался блеснуть с трудом вспомненными знаниями, но на мои старания Ошино лишь ответил:

— Нет, здесь всё иначе, — одним своим предложением на корню зарубил мои попытки.

Он в своём репертуаре, даже не хочет меня поддержать.

А как бы он поступил, будь у меня большой потенциал?

Хотя я понятия не имел, какой бы мог иметь потенциал.

— Конечно, есть места с плохой энергетикой... Я сейчас разыскиваю одно из таких.

— ?..

— Нет, забудь. Тебе пока рано об этом знать, Арааги-кун, да и сейчас это неважно. Вернёмся к главному. Арааги-кун, ты постоянно меняешь тему разговора, из-за чего мы теряем много времени.

— Да ты и не спешишь никуда...

Мне казалось, будто он темнил... Ну и ладно. Меня не интересуют детали работы Ошино.

Хотя я думал, что он надолго останется в нашем городе, куда пришёл из-за вампириши.

— Мы теряем ногу в Йемене.

— Если у тебя есть время на такие убогие шутки, я бы хотел, чтобы ты потратил его на поддержание нашего разговора.

— Как путешественник могу сказать, что по всей стране находятся места, в которых запросто происходят несчастные случаи. Однако про эту дорогу так однозначно не скажешь. Допустим, если над ней возведут пешеходный мост, разве он не заслонит обзор? Или если там начнутся строительные работы, то не будет видно, что внезапно выскакивает с загороженной стороны... Также есть места, чаще всего выбираемые самоубийцами, где они и решают наложить на себя руки. Так называемые популярные места самоубийств... Но проблемы эти полностью связаны с географией местности или с окружающей средой, и не имеют никакого отношения к духовной составляющей.

— А-а. Ну, наверное, так оно и есть. Вот уж чего не ожидал услышать от специалиста по странностям.

— Так вот. Меня беспокоит тенденция обвинять странности во всём, что хоть как-то можно отнести к негативному. Ха-ха, — Ошино посмеялся в своей манере.

После его слов мне показалось, что у него какое-то поразительное мировосприятие. Однако брать на себя ответственность за весь творящийся в обществе негатив и есть что-то вроде роли, которая отводится странностям. Только так это уже больше походит на проблему курицы и яйца...

— А я и не думаю, что в нашем случае замешана странность. Это не «страшилка» и не «зловещая история», как о том святилище, про которое я когда-то тебе рассказывал. Думаю, до вчерашнего дня Сендзёгахара и не вспоминала о тех букетах. Её история самое большее заставит чуточку поволноваться... «Загадочная история», иначе и не скажешь.

— В смысле как «Sukoshi Fushigi»¹⁰?

— Нет, приплетать сюда работы Фудзико Фудзио я не собираюсь.

Ну, некоторые нюансы этой истории оставляют схожее впечатление.

Какого чёрта вообще?

Вот такого рода впечатление.

Без шуток.

— Как ты и сказал, несчастные случаи, происходившие на той дороге, не имеют ничего общего с проделками странностей... И Сендзёгахара почти выскочила на дорогу не из-за странности, призрака или ещё чего. Просто проблема, наверное, в том, под каким углом там лежал букет цветов.

— Так и есть. Ну, также к этому можно отнести неудобную географию местности и окружающую среду... Поэтому я и собрался изменить месторасположение букета, — сказал Ошино.

«Арараги-кун», — сказал он.

— Не думаешь ли ты, что если возложенный там букет цветов может привести к несчастным случаям... он так же работает и в обратную сторону?

005

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Хоть я и упомянул слово «сейчас», но на самом деле конец произошёл позже... Я так и не отчитался перед Сендзёгахарой, потому что полностью «согласился» со словами Ошино (то есть избавился от ощущения чего-то «странного»).

Сендзёгахара в своём репертуаре. Я с ней не связался, а она больше не касалась этой темы... Просто решил, что расскажу ей обо всём при следующей встрече. Однако в тот день, когда мы наконец друг с другом увиделись, то есть четырнадцатого мая в воскресенье, произошла одна серьёзная ситуация, потому говорить об этом было немного неуместно. Ну, вот я и отложил этот разговор в долгий ящик.

У Сендзёгахары, скорее всего, вылетело из головы.

Да и я забыл.

А вспомнил уже под конец мая... Я сказал Сендзёгахаре:

— Я вспомнил. Короче говоря, те букеты цветов — звено в цепи принятых школой мер по контролю за крышей.

— Контроль за крышей?

По реакции Сендзёгахары мне показалось, будто она припомнила, о чём я говорю. Да, талантом её не обделили — и глазом не моргнула, как ответила. Словно и не забывала об этом деле.

— Да, как установка замков или оград... Ну, если думать в таком ключе, скорее всего, букеты лежат там, чтобы очистить совесть. Или же их можно рассматривать как талисман. Как что-то вроде дурного знака.

— Букеты цветов... Какой же это контроль — оставлять букеты на крышах? Они там сад хотели разбить или что?.. В таком случае это полная безвкусица. Почти такое же отсутствие вкуса, как чувство стиля у Арараги-куна.

— Нечего с бухты-барахты нападать на моё чувство стиля!

— Что это на тебе за школьная форма?

— Ладно повседневную одежду, но не критикуй форму! Ты что, хочешь, чтобы все парни из нашей школы тебя невзлюбили?!

— Подумаешь, каждый парень в школе, кроме Арараги-куна, станет моим врагом.

— В таком случае я и их врагом стану! Ну, это точно безвкусно...

— А я тебе о чём?

— Нет, я не про своё чувство стиля, а о букетах, ясно? Похоже на какой-то безвкусный заговор... Не знаю, кому это пришло в голову, но как бы это ни было парадоксально, а положенный букет, всем своим видом указывающий на *человеческую смерть*, словно предостерегает о том, что *это место опасно*...

— Предостерегает?.. Вроде как «впереди зона частых несчастных случаев»?

— Ага. Что-то вроде табличек, устанавливаемых на популярных местах самоубийств, чтобы отговорить человека от суицида... Но похоже, именно они и сделали те самые места популярными среди самоубийц. У нас же, наверное, кто-то подумал, что сказать слово «опасно» — банально, и это не возымеет никакого эффекта. Однако если создать мощный посыл, как *ранее здесь кто-то умер*...

— ...

Есть и другие люди, которые, как и Сендзёгахара, отвлекались на букет цветов и чуть ли не оказывались на проезжей части... Но Ошино сказал про «обратную сторону». Тогда, если бы кто-то увидел этот букет, он подумал бы, что здесь произошёл какой-то несчастный случай. Значит, место может представлять опасность, и именно поэтому надо быть начеку.

Чтобы ученики проявили осторожность.

Школа положила букеты цветов.

— Что-то сродни с тем, когда повсюду раскладывают трупы ворон, чтобы от них защититься? Тогда птицы насторожатся и не станут подлетать ближе, так?.. Но могли ли букеты нести не дурной знак, а что-то совсем другое? Проводя аналогию с трупами ворон, если бы вместо букетов лежали трупы людей, погибших при несчастном случае...

— Оставь при себе свои жуткие идеи. Ты что, демон? Ну, Ошино сказал, что букеты там не то чтобы для очистки совести. Всё это больше похоже на дурачество. Ведь достаточно лишь запереть двери на замок и поставить ограды, чтобы не допустить падение с крыши... Только нельзя сказать, что эти средства безупречны. Всё же есть такие ученицы, как ты, проникающие на крышу обманом.

— Постой-ка, Арараги-кун. Не мог бы ты перестать называть меня лгуньей? Просто так уж вышло, что я сладкоречивая.

— Ядовитая, скорее. Сладкий яд хуже всего, знаешь ли! В общем, в школе не могли безукоризненно следить за крышей, поэтому решили положить там эти талисманы, чтобы очистить свою совесть... Ведь у учеников и мысли не возникнет, будто цветы возлагаются несуществующему умершему.

— Хм-м...

«Понятно», — Сендзёгахара, кажется, согласилась со мной.

Ну, после такого объяснения ответ кажется очевидным, совершенно нормальным, не вызывающим вопросов.

Ничего загадочного.

И подозрительного здесь не было, так что обсуждать нечего.

Что касается самой истории, то она представляла сомнительный интерес... Она как минимум не из тех, которые собирает Ошино.

Можно сказать, что мелочь ей красная цена.

Что до Ханекавы, то вполне возможно, что она знала об этом случае... В том числе и о скрытой за ним правдой, поэтому можно было не ходить к Ошино.

— И всё же есть в этом кое-что странное. Как Ошино-сан всё понял? Он знал схожий случай? Как ему удалось прийти к такому умозаключению, лишь услышав твой рассказ, Арааги-кун?

— Он и не приходил к умозаключению... Смотри, мы с тобой всё неправильно поняли... Самоубийство это или несчастный случай, если бы кто-то упал с крыши, цветы не стали бы возлагать прямо на ней, так?

— А.

— Их положили бы на землю, на то место, куда упал самоубийца.

В случае дорожно-транспортного происшествия, нельзя возложить букет цветов прямо на дороге, где погиб человек... Но если кто-то спрыгнул с крыши, цветы положат прямо на место падения. Всё-таки человек умирает на земле, а не на крыше.

— Ясно... Действительно недопонимание. Но так ошибиться может любой, не правда ли?

— Быстро же ты оправдалась...

— Ну, дурной знак несли букеты или нет, а лежали они там в качестве предостережения от падения. Поэтому, если люди, возложившие цветы, знали об этой неувязке, для них они так и оставались всего лишь цветами, лежащими на крыше... Однако...

Возлагать букеты больше нет нужды... Так сказала Сендзёгахара, посмотрев на школьные крыши. Сейчас их улучшали... Устанавливали новые, более высокие ограды.

Да.

Начавшиеся работы по улучшению крыш заставили меня вспомнить о том случае и затем доложить о нём Сендзёгахаре, опоздав на двадцать дней. Правда я не могу сказать, что почувствовал после этого облегчение — никакого «груза» с меня не спало.

Куда лучше было бы полностью забыть об этом случае... Ведь эти самые улучшения стали необходимы из-за возникшего недавно слуха, будто какой-то ученик смог залезть на крышу с улицы.

В школе, наверное, даже не предполагали, что найдётся глупец, который решится забраться на крышу таким образом. На человека, попадающего туда с улицы, букеты цветов не оказывают никакого эффекта.

Цена установки новой ограды.

Если бы она стоила сто тысяч иен, мне стало бы неловко.

К тому же, если бы раскрылось, что нарушителем был я... одним исключением точно не отделался бы. На Сендзёгахаре, вынудившей меня забраться на крышу, тоже бы, разумеется, отыгрались...

— Арараги-кун.

— Понимаю... Это будет нашим с тобой секретом.

— Нет. Держать в секрете недостаточно.

— Если этого недостаточно, то что тогда делать?

— Разумеется, мы поступим так же, как я делала раньше.

— Как ты делала раньше?

— Забудем.

Только надо постараться не забыть отдать Ошино сто тысяч иен... сказала она.

Сказала Сендзёгахара Хитаги своим привычным монотонным и безэмоциональным голосом.

Примечания

1. В фамилии «Ханекава» (羽川) иероглиф «羽» (*ханэ*) означает «перья».

2. *Синсо но рэйдзё* — заботливо воспитанная и ото всего оберегаемая девушка. Слово «синсо» означает комнату в глубине дома, изолированное место, куда не проникают проявления бренного мира.

3. В профессиональном японском бейсболе (Центральная и Тихоокеанская лиги) команды, у которых процентное соотношение побед и поражений ниже 50%, называются «долговыми».
4. «Не хотите взять картошки фри?» Дело об убийстве» — детектив за авторством Хориути Котаро, в котором по сюжету главная героиня устраивается на подработку в ресторан быстрого питания. В реплике Хитаги слово «*потэто*», взятое от англ. potato (картошка), искажено до «*потэйтоу*», что отражает правильное произношение изначального английского слова.
5. Имелась в виду приставка «младший» к фамилии на примере Баха-старшего (Иоганна Себастьяна) и Баха-младшего (кого-то из его сыновей).
6. *Ёки ни хакараэ* — в период Эдо (1603-1868) это была излюбленная фраза сёгунов и феодалов. Ею они перекладывали обязанности на руководителей государственных палат и своих советников, тем самым показывая, что сами ничего делать не будут.
7. *Фукэба тобу ё:* на («словно улетит от дуновения ветра») — так говорят о бесполезном и ничего не стоящем человеке или предмете.
8. Самая крупная монета в обращении.
9. В японской мифологии северо-восточное направление называется Кимон (яп. 鬼門 *демонические врата*) и считается несчастливым, потому что оттуда приходят злые духи.
10. «Немного загадочно» (*сукоси фусиги*). Именно так Фудзико Ф. Фудзио (создатель манги «Дораэмон») расшифровывал сокращение SF в своих многочисленных работах жанра научной фантастики (англ. science fiction).

Песок Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

001

Моё знакомство с Хачикудзи Маёй и с жизненной ситуацией, в которую попали мы оба, произошло в парке, чьё название я не мог прочесть, однако в последующие разы я всегда наткнулся на Хачикудзи где-то по дороге.

В самом начале, когда я застал её в парке, выяснилось, что она потерялась, пытаюсь навестить свою маму. И так вышло, что мне стало интересно, как она воспринимает так называемую «дорогу», поэтому однажды я спросил у неё:

Как?

Как именно ты воспринимаешь дорогу, по которой идёшь? Другими словами, я задал ей вопрос о том, как она воспринимает свою жизнь.

На всякий случай скажу заранее, что я вовсе и не думал, будто имею право спрашивать об этом, в частности, самого себя. Меня не касается, какие мысли ведут её по жизни.

Ну, если мои слова о том, что меня это не касается, звучат бесчувственно¹, добавлю, что Хачикудзи вольна вести какой угодно образ жизни. А если и это звучит слишком смело, тогда я поправлю себя так: меня интересовало, насколько свободна Хачикудзи.

Пускай мы с ней друзья...

И пусть она такой же бескорыстный и несравненный друг, как Ханекава, я все равно не имею права вмешиваться в её образ жизни.

К тому же дороги напрямую связаны с обстоятельствами её смерти.

— Дорога, с моей точки зрения... — сказала она. На мой вопрос Хачикудзи ответила так: — Просто место, по которому можно пройти.

Нет-нет!

Так ты только объясняешь значение слова «дорога». Я не об этом, хотя ты права по сути. Я хотел спросить о более широком значении пути².

— Нет-нет, Арааги-сан. Это одно и то же. Путь — место, по которому можно пройти.

Хачикудзи ничуть не засомневалась, узнав, почему я её поправил. Она как всегда дружелюбно улыбнулась и продолжила:

— Дорога, какой бы она ни была, всегда соединяет одно место с другим. Где бы ни оказались её начало и конец, этого не изменить. По идее, нельзя назвать тупик дорогой, да? В общем, — сказала Хачикудзи, — нет ничего плохого в том, чтобы думать о таких моментах, как, например, «что это вообще за дорога?», «куда она ведёт?», «эта дорога небезопасна и сейчас обрушится», «хочу поменять дорогу и пойти по другой». Однако есть кое-что, чего делать нельзя. Табу, нарушив которое, твоя дорога перестает быть «дорогой».

Когда я спросил, что это за табу, Хачикудзи, давным-давно потерянная девочка, ответила так:

— Останавливаться.

Стоит тебе остановиться, и дорога перестанет быть дорогой.

002

— А... Доброе утро, Акиаки-сан³.

— Постой-ка, Хачикудзи! Нечего делать при мне такой утомлённый вид, будто ты уже сыта по горло разговорами со мной. Меня зовут Арааги.

— Извини, запнулась.

— Нет, ты специально...

— Запулансь!

— Так всё-таки не специально?!

Вторая декада июня.

Середина месяца.

Как обычно, я заметил Хачикудзи, шагая по дороге, и по привычке окликнул её. И, как это часто бывало, Хачикудзи запнулась, проговаривая моё имя.

Неприятная такая запинка.

И что я успел сделать, чтобы надоесть?

Мы не так часто болтаем, чтобы я наскучил Хачикудзи. По мне, так уж очень редко.

Нет, ты будешь разговаривать со мной ещё и ещё.

— Не вини меня, пожалуйста, за то, что я прикусила язык. Я все это время говорила нормально, а потом просто появился кое-кто, о чьё имя очень легко запнуться, ясно?

— Не делай вид, что твоя речь и моё появление не зависят друг от друга! Не разделяй их! Ты вообще начала говорить только потому, что появился я с моим «легкозапинаемым» именем, так?

— Поразмысли над этим, пожалуйста, сам, Арараги-сан. Я часто кусаю язык, когда произношу имя Арараги-сана, но Арараги-сан никогда не запинается, произнося моё, верно? Значит, из-за имени Арараги-сана я и кусаю свой язык, так? Другими словами, виноват никто иной, как Арараги-сан.

— Какой логикой ты пользуешься, сваливая вину на меня? Тебе не кажется, что ты пропустила какой-то важный шаг в своих рассуждениях? Ты запинаешься — ты и виновата!

— Ну, можно сказать, это кусается и меня⁴

— Не надо тут умничать! Из нас двоих только ты кусаешь язык!

Интересно, если бы я случайно запнулся об имя Хачикудзи, то как бы её назвал?.. Хачикудзи. Хачикудзи. Хачикудзи.

Бесполезно.

Легко произнести.

— Ну, Арараги-сан? — Хачикудзи перевела разговор в другое русло и спросила меня: — Куда ты сегодня шёл?

— В школу, как видишь. Помнишь, я как-то говорил тебе, что решил измениться, чтобы из плохого и неуспевающего ученика вышел порядочный старшеклассник? Так что я иду в школу.

— Знаешь, даже непорядочные старшеклассники ходят в школу.

— Значит так, Хачикудзи: ещё рано высмеивать мою непорядочность. Как думаешь, куда я ходил вместо школы на моём первом и втором годах обучения в старшей?

— И куда же?

— В торговый центр за покупками!

— Какая-то несерьёзная непорядочность...

— Притом у меня не было денег, так что я просто глазел на витрины!

— Ты что, взрослая женщина?

Ну...

«Взрослая женщина» — как-то странно звучит, но да ладно. Вспоминая об этом, я порой сам спрашиваю себя, зачем вообще этим занимался. Такое поведение кажется странным и мне самому.

Неужели мне настолько хотелось поглазеть на витрины, что я пошёл на риск попасть под арест?

Но те моменты прошлого не оставили на мне никакого отпечатка... И не привнесли ничего хорошего в мою жизнь.

— ...

Нет, не так. Наверное, в те времена мне просто не хотелось идти в школу... и было трудно остаться дома.

Просто здорово было пойти куда угодно и делать что угодно, лишь бы не находиться ни в школе, ни дома. Наверняка в шатаниях по магазинам я видел своё спасение.

Только не знаю, от чего я спасался.

И с чего вообще чувствовал, будто спасаюсь.

— Ха-а... Ну дела! Эскапизм налицо. Побег класса «земля-воздух». Я думала, что Арарагисан безнадежен, но даже не подозревала, что он настолько безнадежный человек.

— Ой-ой, а вот это уже грубовато!

— Не лучше ли теперь называть его Безнадега-сан?

— Нечего тут оскорблять меня с таким сочувствующим видом! От моего имени вообще ничего не осталось! Оно теперь меня не кусается⁵!

— Раз уж ты затронул эту тему, твоё имя не настолько великое, чтобы остаться в веках.

— А я и не хочу, чтобы моё имя попало в анналы истории. Тем не менее, я не желаю, чтобы меня помнили как Безнадёгу-сана!

Ладно.

Я совсем не понимал, что она имела в виду под побегом класса «земля-воздух», но что касается эскапизма, то это — сущая правда. Если бы я продолжил, так сказать, вести свою школьную жизнь как и раньше, то к этому дню она могла бы превратиться в нечто из ряда вон выходящее.

Я бы оступился.

А мог бы сделать кое-что похуже...

Если так подумать, встреча с Ханекавой на весенних каникулах. Встреча с Шинобу.

И встреча с Сендзёгахарой, возможно, стали поворотными моментами в моей жизни.

— Ну, может быть. Всё-таки идти по дороге — встречать новых людей.

— О-о! Неплохо сказано, Хачикудзи.

— Да. В общем, как и заметил Арараги-сан, встреча со всеми этими людьми стала кульминацией его жизни!

— Нет-нет! Не кульминацией, а поворотным моментом! Ещё слишком рано говорить о кульминации!

— Ну-ну. Знаешь, говорят же, что гении и идиоты умирают рано.

— Я прямо вижу, как ты ставишь меня в один ряд с идиотами! Кульминация, да? В таком случае, раз мне сейчас восемнадцать лет, я доживу только до тридцати шести!

— А! Вот это сюрприз! Так ты умеешь умножать, Арараги-сан!

— Т-ты думаешь, я даже на это не способен?

Разве ты не знаешь, что математика — мой конёк?

Ведь это всё, что я умею, единственная сильная сторона, способная превратить раздолбая, готового в любой момент вылететь из школы, в прилежного ученика, готовящегося к экзаменам.

— Но знаешь, Арараги-сан, математику не всегда можно считать чьей-то слабой или сильной стороной. Если подумать, то любой человек способен умножать и делить. Здорово, правда? Каждый, так или иначе, осваивает эту науку, хотя умножение и деление — навык сложный.

— Ну да... Наверное, так оно и есть. Не знаю, кто и когда придумал это правило, но человек, сообразивший учить детей таблице умножения уже во втором классе начальной школы, наверняка был удивительной личностью.

И если рассуждать дальше, то даже идея обучать детей английскому языку с раннего детства кажется не такой уж бессмысленной.

— Ну, чтобы справиться со вступительными экзаменами, сперва я должен нормально окончить старшую школу. Может, я уже говорил, но, ладно, повторю: я направляюсь прямиком на занятия. Разве я не крут? Настолько же крут, как и человек, решивший обучать второклассников азам умножения, да?

— Как я уже говорила, кто угодно ходит в школу...

— И поэтому, Хачикудзи, у меня больше нет времени с тобой здесь разговаривать.

Я снова сел на велосипед, который до этого катил рядом с собой, чтобы идти в ногу с Хачикудзи. Это был женский велосипед, который я использовал для поездок в школу. Впрочем, теперь это моё единственное транспортное средство, так как горный велик, на котором я в школу не ездил, был уничтожен во время одного неожиданного инцидента.

Странно называть велосипед «женским», ведь никакая женщина⁶ на нём не ездила... Моя мама пользовалась каким-то монстроподобным байком.

— Прощай. Не скучай по мне. Когда захочешь встретиться, я в очередной раз галантно явлюсь пред тобой.

— В таком случае мы прощаемся навсегда?

— Почему?! Скажи, что хочешь увидеться со мной!

— Мне больно об этом думать... — безразлично заметила Хачикудзи.

Она даже не пыталась скрыть своего отвращения ко мне, ведь я нагло строил из себя крутого парня.

Это правда, что очень больно, когда тебя ненавидит ребёнок. К тому же я упустил свой шанс уехать.

Упустил шанс уйти вовремя... Погодите... Может, это как раз удачный момент? Кстати, есть ли что-то, о чём нужно рассказать Хачикудзи?

А-а.

Точно!

Об этом я ей ещё не говорил.

— Слушай, Хачикудзи...

— Чего тебе, Остался-один-сан?

— «Остался-один-сан»? Это что, ты исковеркала моё имя? Как от трёх отняла два?

— А, не волнуйся, на этот раз я не запнулась. Когда твой класс разделяется на группы, ты так или иначе остаёшься один-одинёшенек, так что это твоё новое прозвище.

— Кто это тут «так или иначе остаётся один-одинёшенек»?

Почему все вокруг хотят мне дать какое-то нехорошее прозвище?

— Я должен сказать тебе кое-что.

— Что там?

— Ошино, — сказал я. — Ошино Меме. Тот специалист средних лет, что помог тебе. Он ушёл из города.

Совсем недавно.

Однажды он неожиданно объявился в нашем городе и теперь точно так же неожиданно исчез. Скорее всего, он отправился в какой-то другой город.

И там он будет делать то же самое: собирать истории о странностях. Станет присматривать за обычным парнем, коих пруд пруди, то есть за кем-то вроде меня, человеком, вечно попадающим в неприятности.

— Ха-а... Ну, довольно неожиданно, да?

— Да уж, я этого не ожидал. Но Ошино всегда был странником без крыши над головой, и если посмотреть с его стороны, то он даже засиделся в нашем городе. Да, вы с ним никогда не встречались, поэтому тебе, скорее всего, неинтересно... Впрочем, нельзя сказать, что тебя это совсем не касается. Я подумал, что нужно всё-таки рассказать на всякий случай.

— Не говори, пожалуйста, что мне это неинтересно. Арааги-сан и рядом не стоял в плане того, насколько я благодарна этому человеку.

— Показывать свою благодарность — хорошо, но не надо специально принижать меня. Даже я очень благодарен ему.

— Серьёзно, как бы ты ни был благодарен Мошино-сану, этого всё равно недостаточно.

— Что ещё за «Мошино-сан»? Не называй имя человека, которому благодарна, на манер телефонной будки Что-Если⁷!

— Кстати, будка Что-Если была и у Дорами-чан. Ну, у той принаряженной.

— Не называй её принаряженной⁸!

— Хе-хе... Вот как. Значит, Ошино-сан ушёл?

Она называла его «Мошино» с умыслом. Об моё имя Хачикудзи тоже запиналась нарочно. Но сейчас она назвала имя нашего общего благодетеля правильно и кивнула:

— Раз уж так вышло, что больше его здесь нет, возникает одна проблема, да? Как же теперь Арараги-сан сможет жить?

— Я же не стану бомжевать на улице, потому что Ошино ушёл!

Думаешь, он меня с ложечки кормил?

Если честно, мне не нравилось так сильно полагаться на него в вопросах странностей. Но с этим покончено.

Мы.

Теперь каждый из нас пройдёт своим собственным путём... Сам.

— Ну, пусть ты и не станешь скитаться по улицам, тебе всё равно будет одиноко. А! Но... Арараги-сан! Что насчёт того случая?

— Того случая? Какого случая?

— Опять дураком прикидываешься-я? Нечего корчить тут из себя-я! А ты умеешь раздражать! Арараги-сан в этом деле хоро-ош!

— Что с твоим персонажем... Кого ты пародируешь?

Войдя в роль, она, как обычно, не скажет ничего дельного, то есть будет притворяться до самого конца. Но мне всё-таки интересно, что с ней на этот раз.

— А, или не стоило об этом говорить? Может, я затронула запретную тему? Залезла в тёмные уголки промышленного мира Арараги?

— Что ещё за «промышленный мир Арараги»? Такой узкоспециализированной отрасли вообще не существует! Что с тобой, Хачикудзи? Если хочешь что-то сказать, тогда выкладывай быстрее всё как есть, а то сама на себя не похожа!

— Я не хочу, чтобы кто-то из промышленности Арараги говорил, что на меня похоже, а что — нет.

— Не важно, есть ли у меня право говорить, похожа ты на себя или нет, но прекрати называть меня кем-то из «промышленности Арараги». Я просто Арараги.

— Ну же-е... Вот об этом я, об этом.

Хачикудзи показала мне «кольцо», соединив большой палец с указательным.

Это жест означает «хорошо»?

Может, «окей»?

А если ни то, ни другое, тогда она показывает «деньги».

— ?..

Ну, я просто подумал, что этот знак обозначает деньги, но всё равно не понял смысла этого жеста. Я же не должен платить Хачикудзи (что бы ни означал её намёк)...

Или так она показывает, что разговор с ней стоит денег? Эта младшеклассница работает по системе хостес-бара?

Значит ли это, что мне надо держать язык за зубами?

— Хм? Ну и ну, долго же до тебя доходит, да?

— Нет, я правда не понимаю, что ты пытаешься донести до меня...

— А! Тогда лучше я скажу вот так, Арараги-сан... — Хачикудзи перестала показывать этот двусмысленный жест, выпрямилась и благовоспитанно заявила: — Мы очень признательны вам за невозвращение долга в пять миллионов иен.

— Но я же вернул его!

А-а.

Вот оно что. Понятно.

Я как-то сказал ей, что задолжал Ошино пять миллионов иен. То есть спросил совета, а не просто рассказал.

Понятное дело, что не надо обсуждать долги с младшеклассницами, но я надеялся, что у нас с Хачикудзи установились достаточно близкие отношения, чтобы мы могли болтать обо всём на свете. Однако при этом я не сообщил ей подробностей.

В общем, я брался за работу, в которой были замешаны странности, по поручениям Ошино... Он перекладывал свою работу на мои плечи, и я, к своей радости, таким образом списал с себя весь долг, но упустил шанс сообщить об этом Хачикудзи. Проконсультировался у неё, но не сказал, чем всё закончилось. Хорошо, это моя ошибка.

Но в голове Хачикудзи сложилось, что Ошино покинул город, не получив от меня денег.

Какое оригинальное толкование.

Её притянутые за уши предположения становились совсем странными. Получается, она считает меня человеком, который не готов платить по счетам?

— Слушай, Хачикудзи, я всегда возвращаю долги.

— Ну, знаешь... Хорошо, конечно, но ведь это норма.

Нормальная реакция.

— Разговор-то о том, чтобы не занимать денег, которые не можешь отдать.

— Дело в другом, Хачикудзи. Жизнь общества в основном держится на долгах. Частные лица и корпорации увязли в них с головой. Кредитные карты, ссуды, залоги — все берут займы у других, и каждый из них работает в поте лица, чтобы вернуть долги. Как думаешь, какой внешний долг у Японии?

— Может, ты и прав... Грустно жить в таком мире, если, не дай бог, все так, как ты говоришь.

— Ничего грустного. Ведь долг — это обещание. Доверие, опирающееся на то, что в будущем ты погасишь свой долг заработанными деньгами. Другими словами, весь мир стоит на обещаниях, на вере в будущее и доверии.

— Хорошо говоришь...

— Угу.

Но я умолчу, что в промежутках между обещаниями, верой в будущее и доверием человеку придётся ещё страшно настрадаться⁹, и не скажу о тех многих людях, что погорели на своей вере в завтрашний день.

Я сам через это прошёл.

Но раз такое дело, то мир, пожалуй, держится на обещаниях, вере в будущее, доверии и тайнах. Кстати, Сендзёгахара полностью расплатилась с Ошино.

В отличие от меня, она вернула долг не работой, а наличными. Накопила с карманных денег, не устраиваясь куда-то на подработку, а помогая отцу с его делами.

Таким образом Сендзёгахара смогла быстро вернуть долг. Но чем же она таким занималась? Как она заработала сто тысяч иен за столь короткое время?

— Как бы то ни было, я полностью расплатился с Ошино. И теперь свободен от долгов и чист телом.

— Хочешь сказать, теперь у тебя чистое тело с грязными мыслями?

— Не грязные они! Мои мысли не грязные! Я до сих пор верю в Санта-Клауса!

— Веришь?

— Да. Он же до сих пор мне приносит подарки.

— Учишься в старшей школе и всё ещё получаешь подарки от Санта-Клауса?

— Ну и как тебе это? Чистое тело и чистый разум! Даже если у меня и остался какой-то долг, то это не более трёх тысяч иен, которые я занял у сестры!

— Пожалуйста, верни хотя бы эти три тысячи иен.

— Мой принцип таков: если возвращать не обязательно, я даже на сообщения не отвечаю!

— Вот почему у тебя нет друзей...

«Не ты ли говорил, что всегда возвращаешь взятые в долг деньги?» — спросила Хачикудзи, намеренно вздыхая.

Кстати, у меня такое чувство, будто я действительно недавно выдал что-то в этом роде. Правда, когда я разговариваю с Хачикудзи, меня частенько заносит. Но это не проблема, если вы уже забыли, о чём была речь в конце предыдущей страницы.

— Понятно. Что ж, здорово. В конце концов ты расплатился со своим долгом. Хм-м, но я немного разочарована.

— Э? Почему? Почему ты разочарована тем, что я всё вернул Ошино? Хочешь, чтобы я оказался одним из таких персонажей, которые живут по уши в долгах? Что, метишь на мои земли?

— Где и какими землями ты владеешь, Арараги-сан? Нет, я не в этом смысле. Помнишь, мы недавно с тобой разговаривали?

— Недавно? Эм-м, когда?

— Когда за тобой по пятам ходила та быстро бегающая кохай. «Я должен кучу денег Ошино, что мне делать?» — вот что ты у меня спросил. И в разгаре той беседы ты заявил мне, что если на руках нет звонкой монеты, но есть какая-нибудь редкая история о странности, то можно на ней хорошо подзаработать. Разве не так?

— А-а. И я всё это сказал?

Ну, наверное.

Если честно, я смутно помнил то время, когда не знал, куда деваться от «быстро бегающей кохай»... Но я точно говорил с Хачикудзи о долге, поэтому не так уж и странно, если я столько ей рассказал.

Только вряд ли я говорил что-то вроде «звонкая монета»...

— Тут ситуация как с коллекционными карточками, когда можно обмениваться редкими экземплярами с друзьями, да?

— Н-да, приводя такие детские примеры, ты реально похожа на младшеклассницу. Да и твой пример немного отличается от истинного положения дел...

Обмен историями можно, конечно, сравнить с бартером коллекционных карточек, но только если с большой натяжкой, и в этом плане история о странности похожа на редкую карту, которую можно выгодно продать. Но я не собираюсь говорить об этом Хачикудзи.

Не стану подкидывать хорошую идею этой умнице.

— В общем, Арараги-сан, с тех пор ваша недостойная слуга размышляла, можно ли чем-нибудь помочь Арараги-сану, и бродила по городу в поисках таких историй. «Историй о странностях» или «страшилок».

— О! О-о... Т-ты и вправду пошла на это ради меня?

Я был тронут.

Я был тронут сердечностью Хачикудзи Маёй.

Надо же, эта нахальная девчонка переживала по поводу моего долга и пыталась помочь мне погасить его...

Я её недооценивал.

Думал, что она просто ненавидит меня... но эта пятиклассница чудесна.

— Ты как заботливая жена¹⁰!

— Эм-м... Странно называть меня «заботливой женой».

— Ты всё сделала своими руками¹¹!

— Эм-м, послушай, я и не думала соваться ради Арараги-сана в рукоделие. Ну ладно, ради Арараги-сана я занималась этим тайком. Теперь, когда все мои труды пропали даром, я невольно расстроена.

— А-а... Ну да, точно.

— Я расстроена примерно так же, как расстраивают три самых расстраивающих места Японии.

— Ты не можешь быть расстроена настолько! И вообще, что ещё за «три самые расстраивающие места Японии»?

— Места, куда ты приходишь и расстраиваешься, что расстроен меньше ожидаемого. Эх, — вздохнула Хачикудзи. — Мой план — продать подороже Арараги-сану историю, которую я с большим трудом нашла — разрушен.

— План?! Подороже?! Что, ты не отдашь её мне? Это не «подарочек-для-меня»?

— Нет. — Хачикудзи выглядела расстроенной. — Что ещё за «подарочек-для-меня»? Получай свои подарки, вон, от Санта-Клауса! Если бы я собралась что-нибудь подарить тебе, Арараги-сан, это была бы презентация на тему «Как стать добропорядочным человеком»¹².

— Какая-то суровая презентация...

В смысле, её тема внушала мне безотчётный страх.

Короче говоря, эта девочка планировала продать мне историю о странности? И ради этого с тех самых пор рыскала по всему городу? Её одержимость деньгами вышла за все рамки.

К тому же, она не просто рыскала, а искала способ вытрясти с меня деньги.

Нет, её целью были далеко не деньги, а возможность поиздеваться надо мной, наблюдая, как я тону в долгах...

Еле пронесло.

Ошино спас меня, предложив работу прежде, чем Хачикудзи загнала меня в кабалу.

— Да-а, не повезло. Неудачная спекуляция. И что мне теперь делать с найденной страшилкой, которую я надеялась перепродать Арараги-сану?

— Ну-у... Понятия не имею.

Вот чем обернулся уход Ошино. Если бы он остался в городе и после того, как я полностью расплатился с долгом, тогда мне, возможно, удалось бы продать ему найденную Хачикудзи страшилку и заработать немного денег, но Ошино прикрыл свою лавочку странностей, и теперь в городе нет никого, кто притязал бы на уличные слухи и сплетни.

Хм-м.

Начинающий спекулянт терпит неудачу, чего и следовало ожидать... Страшное дело.

— Арараги-са-ан. Раз уж так вышло, я не буду заламывать цену в пять миллионов иен. Просто купи у меня историю, пожалуйста-а! Я готова на невыгодную сделку-у. Или тебя устраивают мои сожаления о том, что я трудилась напрасно? В мире станет на одного послушного ребёнка меньше, и на его место придёт развитый не по годам!

— Мне всё равно, станешь ты не по годам развитой или нет. Кроме того, ты уже достаточно развитая, раз пытаешься продать своему другу историю о призраках!

И всё же...

Пускай Хачикудзи изображала из себя злыдню, напоказ сокрушаясь о неудачах, она несколько не лгала, что искала историю ради меня. А раз так, то нехорошо заставлять её думать, что все усилия оказалась напрасными.

Это плохо скажется на ней с педагогической точки зрения, к тому же, если она наматывает себе на ус, что «бесполезно помогать Арараги-сану», то мне придётся с тревогой ожидать своего будущего.

Даже такая вредина, как Хачикудзи, может однажды пригодиться, поэтому стоит обращаться с ней по-доброму.

— Так-так, задумал что-то нехорошее, Арараги-сан?

— О чём ты? Я так тронут твоим дружелюбием!

— Как долго впечатление держится... Всё продолжаешь трогаться? Ты что, эмоционально нестабилен, Арараги-сан?

— Кстати говоря, за сколько ты хотела продать историю, Хачикудзи Этигоя¹³?

— Где-то около пятидесяти иен. В самый раз.

— Дешёвка!

А я-то думал, сейчас она заломит дай боже.

Это что, цена нашей дружбы?

— Ну, видишь ли, она изначально столько и стоила.

— Ты пыталась продать своему другу историю себестоимостью в пятьдесят иен за пять миллионов иен?!

Мы с тобой друзья или как вообще?!

Я что, простофиля?!

— Хватит уже... Хочешь выставить меня уткой с луком на спине, как в той пословице¹⁴?

— Камонэги-сан, да?

— Кто это здесь Камонэги-сан?! Вкуснее я от этого не стану. И в переносном смысле тоже!

Я порылся в кармане штанов и достал оттуда случайно завалявшуюся там монету в пятьдесят иен. Ну, даже если бы у меня завалялась монета в сто иен, я не стал бы просить с неё сдачи. В каком-то смысле Хачикудзи Маёй не повезло.

— Ну, что за история-то? Рассказывай.

— Да. Эм-м... В общем, это история о песке.

— Песке?

— Да, о песке, но... А, можно кое о чём тебя спросить перед тем, как я начну рассказывать, Арараги-сан?

— Хм? И о чём?

— Насчёт того, что Ошино-сан ушёл из развалин той школы... Ошино Шинобу-сан, та потерявшаяся вампирша, о которой раньше ходили слухи. Как у неё дела? Не думаю, что Ошино-сан взял её с собой...

— А-а, она... — сказал я, посмотрев на свою тень.

На свою густую, чёрную как смоль тень.

— ...эм-м, знаешь, если после всего я ещё твою историю буду слушать, то еле-еле успею прийти в школу.

И я, увильнув от ответа, добавил, что мы поговорим о Шинобу в другой раз.

003

Хачикудзи сказала «песок», но история была о песочнице. Точнее, о песочнице в небольшом парке.

Нет, это не тот парк, где я повстречал Хачикудзи... И он совсем не походил на тот, где я играл в детстве, хотя мне казалось, что все они выглядят одинаково. Он отличался от парка «波白» (не знаю, как читается его название)¹⁵, в котором мы с Хачикудзи встретились. Несмотря на его маленькие размеры, здесь разместилось множество разнообразных игровых комплексов: доски-качели, перекладыны, «джунгли» и тому подобное.

Ну и песочница, разумеется.

Песочницу установили вместе с детской горкой... Ну, горка как горка, обычная такая, да и песочница не выглядела как-то странно. Обычная песочница.

Впрочем, она казалась заурядной только из-за непритязательного дизайна. Но с песком внутри неё что-то происходило. Аномальное явление, о котором и говорила Хачикудзи.

Аномальное явление.

Загадочное явление.

Может быть, я слегка преувеличиваю, но если бы кому-то посреди ночи показали этот песок без всякого предупреждения, или кто-то случайно наткнулся бы на него, он бы насмерть перепугался.

— Да, я тоже испугалась. Но не могу сказать, что песок очень страшный, я гармонировала с ним.

— Породнилась, что ли?!

— Я крепко держалась¹⁶.

— Да ты там, поди, в обморок упала!

Не прекращая препираться со мной ни на секунду (и надо признать, я получал от этого удовольствие), Хачикудзи все-таки рассказала, что увидела в той песочнице, и большую часть объяснений я понял сразу. Она ещё не подхватила болезнь Сендзёгахары, которую хлебом не корми, дай только попридираться ко мне по любому пустяку.

Ну, рано или поздно, заразится и Хачикудзи.

От привычки отпускать шпильки в мой адрес излечиться практически невозможно, и я бы хотел, по возможности, предотвратить её заражение.

В коридорах школы прозвенел звонок, предупреждающий о начале занятий, но я смог кое-как проскользнуть в класс до того, как раздался второй. Затем около шести часов я корпел над учебниками, а после школы, когда уже шёл домой от Сендзёгахары, вместе с которой мы готовились к выпускным экзаменам, я заглянул в парк, о котором говорила Хачикудзи.

Была ночь.

Полночь, я бы даже сказал.

Хачикудзи не разузнала название парка, и на входе я не увидел ни одной таблички. Но это было то самое место. Взглянув на песочницу, я понял, что именно о ней рассказывала Хачикудзи. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Бросив взгляд на содержимое песочницы...

Я понял всё сразу.

— Впрочем... от этого дело не стало ближе к разгадке, даже если повезло «один раз увидеть»¹⁷.

На улице было темно, и моё вампирское зрение, то есть осложнение, оставшееся с тех самых времён, когда я был вампиром, пришлось как нельзя кстати. Будто на меня надели очки ночного видения с высокой глубиной резкости.

И когда я взглянул на поверхность песка, то увидел на ней нарисованную «картинку».

Нарисованную.

Или проступившую на песке.

Как бы описать это точнее. Быть может, в тот момент свою роль сыграли последствия вампиризма, но я видел лицо демона, чьи черты проступили на поверхности песка.

Леденящий кровь¹⁸ рисунок.

Словно сам песок...

Был странностью.

— Ошино что-то говорил об этом... Феномен симулякра, что ли... Когда люди во всём видят человеческие лица...

Ну, это я мог понять.

Но ладно человеческое лицо, а что насчёт лица демона? Нет, ну, такое случается, если рассматриваешь фотографию, где запечатлели призрака, особенно, если это не подделка, сфабрикованная с помощью компьютерных программ. Как правило, тогда ты видишь «что-то такое» в случайном блике света или тени, в дымке или артефактах изображения...

Хачикудзи очень долго бродила по городу в поисках каких-нибудь странных или подозрительных явлений, чтобы потом продать их мне, и, быть может, это сильное желание заставило её увидеть на поверхности вполне безобидного песка что-то загадочное.

А я, в свою очередь, накрученный Хачикудзи, принял её предубеждения за чистую монету, пришёл к этой песочнице, и теперь вижу именно то, что она описала.

Апрельский случай со статуей.

Майский с букетами.

Здесь что-то такое же. Возможно, и это «лицо демона» нужно рассматривать как нечто естественное. Но такое предположение было бы справедливо, только если бы и я, и Хачикудзи увидели песочницу в один и тот же день.

Нет, со статуей и букетом этот случай не сравнится.

Песчинка — твёрдое тело, но песок сам по себе не держит форму. Так реально ли в разные дни увидеть на нём одно и то же «демоническое лицо»?

Это тебе не любовное послание, оставленное двумя влюблёнными на песчаном берегу. Легчайшее дуновение ветра способно изменить начертанное на песке. Вот почему песочницы так часто ставят на детских площадках.

Естественно, что за эти почти полмесяца, начиная с того дня, когда Хачикудзи увидела «нарисованного» демона в песочнице парка, до сегодняшнего, когда я сам пришёл в этом убедиться, дети играли здесь.

Строили горки, копали туннели и ямки... Может быть, возводили песочные замки.

Возможно ли, что песок, в котором всё это время игрались дети, снова выглядел точно так же? Другими словами, как бы ни мешали песок внутри песочницы, на его поверхности регулярно появляется демоническое лицо.

Периодически повторяющаяся странность¹⁹.

Будто бы у песка своя воля.

— А есть ли какие-нибудь песчаные странности? Что-нибудь вроде Сунакакэ Бабы²⁰? Нет, в этом случае ёкай — это бабка, а не сам песок...

Хотя припоминаю кое-кого, не ёкая, но суперчеловека.

В манге «Кинникуман» был один суперчеловек по имени Саншайн²¹. Ладно, если честно, мне с трудом верится, что здешний песок вдруг примет форму человека и внезапно нападёт на меня.

Если подумать, то в последнее время я уже два раза подряд рисковал своей жизнью из-за странностей... Поэтому предпочитаю быть начеку, когда слышу, что мне придётся иметь с ними дело.

— ...

Итак.

Пусть я смог подтвердить, что информация, купленная у Хачикудзи за пятьдесят иен, оказалась правдивой, но дальше-то что делать? Я пришёл сюда вовсе не потому, что сгорал от любопытства.

Случись здесь что-нибудь по-настоящему опасное, мне было бы сложно оставить это без внимания именно по той причине, что речь идёт о парке. Если бы я не увидел ничего необычного в песочнице, то вскоре забыл бы о ней. Меня бы перестала тревожить история Хачикудзи, но теперь я не хочу пустить все на самотёк. Если бы я сумел избавиться от странного чувства беспокойства, забежав на обратном пути от Сендзёгахары в этот парк и не обнаружив в песочнице демонического лица, я бы испытал преступное удовольствие.

«Преступное удовольствие»... Так вообще говорят?

С родным языком у меня всё так же плохо.

Ну, как бы там ни было, я не из тех, кто ищет неприятности, как мои неотступные сёстры, но, если меня втягивают в какое-либо неожиданное происшествие, я просто не могу пройти мимо.

Как с этой опасной... Или...

Как с этой загадочной песочницей.

Хорошо, вот последний довод, почему я не мог оставить это место: лицо демона может накладывать проклятие на тех, кто поиграет с таинственным песком, и с этим шутить не стоит. Как бы то ни было, нужно действовать быстро.

А то можно попасть впросак: старшеклассник, который возится в песочке в безлюдном парке в полночь — зрелище то ещё! Подозрительнее всякой странности.

— Ну... Если так подумать, кто-то, наверное, просто дурачится. Тот же старшеклассник, который возится в песочке в безлюдном парке в полночь.

Стоило произнести это вслух, как я почувствовал, что сама мысль о таком чуде не рациональна. Но стоит только убрать из уравнения старшеклассника, и она становится не такой уж невозможной.

А что если это демоническое лицо существует для того, чтобы пугать детей? Может, это розыгрыш? Нет, вряд ли...

Возможно, этот рисунок — дело рук какой-нибудь няни?

Есть же такие родители, которые злятся, когда их отпрыски пачкают одежду и руки, играя на улице в той же песочнице? Поэтому, чтобы держать детей подальше от песочниц, они рисуют такие «картины», пугают их, держат в страхе... А если дело касается не детской психики, то это может быть контроль за «ночным парком».

Что-то вроде предупреждения, как это было с оставленными букетами цветов на крышах зданий старшей школы Наоэцу. Демоническое лицо могло отпугивать чужаков, прогоняя их из парка... Н-да.

Кстати, мы же с Сендзёгахарой пообещали друг другу забыть о том случае. Мне как бы запрещено вспоминать о нём.

Как бы то ни было, есть высокий шанс того, что демоническое лицо сделано кем-то, что это явление искусственное. Не сказать, что я опирался на то, о чём часто говорил Ошино, которого не радовало, когда во всех грехах обвиняли странности. Просто, когда случается что-то нетипичное, нужно найти этому явлению самое вероятное и естественное объяснение.

Куда чаще в таких делах замешан человек, а не странность. И все же подобные суждения звучат как-то надменно, особенно из уст человека, у которого остались осложнения после вампиризма. Меня просто не устраивали текущие объяснения явления в этой песочнице.

Ведь своим приходом в парк я уже показал, что отношусь к здешнему «песку» из рассказа Хакикудзи с толикой недоверия, не правда ли?

— Ну, что ж... — сказал я и залез в песочницу. За мгновение перед этим я чуть было не снял ботинки, но ведь нет такого правила, что в песочницу нужно обязательно заходить босым.

Хм-м.

Я собирался провести серьёзное расследование, но, оказавшись в песочнице, вновь почувствовал себя ребёнком. Когда же это было? С тех пор, как я поступил в среднюю школу... Нет, где-то со времён последних лет в начальной школе, да? В последний раз я видел песочницу, когда мы сдавали прыжки в длину, и в ней было не поиграть.

Вспомнив о начальной школе, я подумал, а не попробовать ли мне прокатиться на детской горке, установленной по соседству? Но это уже, наверное, перебор, как ни крути.

Если бы я, стоя в песочнице, хотя бы делал вид, что провожу здесь расследование, то, возможно, нашёл бы хорошее оправдание своим причудам. Но если какой-нибудь местный застучает меня за катанием с горки, это обернётся катастрофой.

— Какого чёрта ты делаешь?! — спросят меня.

А я бы ответил:

— Это всё странность! Всё это — дело рук странности!

В таком случае меня бы отвели в полицию, да?

— Хм-м.

Присев в песочнице на корточки, я зачерпнул небольшую горсть песка. Стоило войти внутрь, как нарисованное на поверхности лицо демона исказилось, но мои действия изуродовали его черты ещё сильнее.

Я говорил о расследовании и тут же портил улики. Ну не могу я докопаться до истины, просто сидя на одном месте, как это делает Ошино!

Мне ничего не остаётся, кроме как применить метод разрушающего контроля.

Я часто читал в детективных романах, что сохранность места происшествия — основное правило при ведении расследования, но непрофессионалу трудно исключить любой разрушительный фактор, способный нанести вред обстановке, где всё произошло. Проще говоря, непосильная задача.

— Обычный песок, вроде бы, но... Я не эксперт по части песка...

Такой же песок можно найти на территории любой детской площадки любого другого парка.

Пока я проводил своё расследование под названием «игра в песочке», лицо демона окончательно деформировалось. Разумеется, оно не вернулось в изначальное состояние сразу же после этого.

— ...

В качестве эксперимента я решил построить маленькую горку.

Если бы я играл в песочнице так, как это делают маленькие дети, то, возможно, получил бы какой-нибудь «отклик». Но ничего такого не было.

У меня получился только унылый песчаный холмик.

Я призадумался, потратив на это где-то с минуты, а затем разрушил его. Холмик послушно рассыпался, став ничем. Отряхнув руки от песка, я вылез из песочницы и, очутившись уже на земле, обнаружил, что мои ботинки без всякой на то причины изрядно забиты песком, хотя я и не думал так сильно заигрывать... То есть копать так глубоко, расследуя этот случай.

Что ж, обычно песком дело не заканчивается. Всякие мелкие камешки так или иначе попадают в обувь, где бы вы только ни ходили... Думая об этом, я вытряхнул песок обратно в песочницу из каждого ботинка по очереди.

Кстати, теперь она казалась заурядной, ведь я вволю потоптался в ней. И хоть песочница выглядела вполне обыденно, я понимал, что тому «демону» будет очень трудно появиться здесь снова.

Я с удивлением понял, что построить обычный песчаный холмик не так уж и просто. Что тогда говорить о создании чего-то посложнее, например, лица? Причём, необязательно даже лица демона. Для этого нужно воспринимать песочницу как холст...

Проще говоря, нужны приличные способности художника. Да и лицо-то трёхмерное, поэтому требовалось, скорее, мастерство ремесленника, так, что ли?

По крайней мере, мне, неспособному сколотить какой-то жалкий навес, сделать такое точно не под силу. Значит ли это, что кто-то из местных няnek или хулиганов разбирается в искусстве?

Стоп. Но тогда есть вероятность, что этим занимались во имя искусства... Такую же работу могли оставить не только в песочнице этого парка, но и в парке «波白», как в любом другом месте. Вопрос в том, почему песочницу использовали в качестве средства самовыражения? Возможно, кто-то посчитал, что недолговечность работы придаёт ей большую художественную ценность. Такой образ мышления был вне моего понимания, но я догадывался, что такая точка зрения имеет право на существование. Ведь это подобно любовному посланию на песчаном берегу...

— Ну, раз уж со мной ничего не произошло после того, как я поиграл в этой песочнице, несмотря на остаточные осложнения от вампиризма. Похоже, ничего срочного от меня не требуется, да? — прошептал я, глядя в свою тень. Обычную тень, которую отбрасывало моё тело в свете луны посреди ночи.

Я сказал так, словно искал подтверждение своим словам, но иного выбора у меня не было. Всё равно понятно, что никакой реакции не последует, ничего не поделаешь.

Я знал, что не получу ответа.

И всё равно продолжал взывать к Шинобу, будто так и надо.

— Розыгрыш, художественное произведение или проявление гиперопеки няни... Честно говоря, восхищаться здесь нечем. Походу, лучше не копать глубже, а просто уйти отсюда, да? Даже если здесь обитает странность, охотно она не высунется, не говоря уже о том, что это может быть делом рук человеческих, — сказал я, оставляя позади парк.

Я буду слишком суров к себе, если скажу, что допустил ошибку. Но если я и ошибся тогда, то только в том, что заикнулся на двух вещах: если это не происки странности, значит, явление искусственное... Если явление не искусственное, значит, за всем стоит странность.

Вот такая установка.

Если бы Ошино это услышал, он бы точно меня осмеял, что обычно и делал.

Нет.

Возможно... он рассердился бы на меня.

004

— Так нельзя!

— ...

Не знаю, стал бы Ошино на самом деле сердиться на мою установку или нет, а вот Ханекава рассердилась точно.

«Так нельзя!» — гневно воскликнула она.

Меня пристыдили как дошкольника... Это случилось сразу после того, как я вернулся домой из парка со странной песочницей.

Ханекава позвонила мне.

Две самые лучшие ученицы школы, Сендзёгахара и Ханекава, сейчас помогали мне с учёбой, и я был счастлив, что попал в такую компанию. Сегодня меня опекала Сендзёгахара, и мы хорошо потрудились днём, без каких-либо проблем, поэтому у Ханекавы не было причин звонить мне. Не думал, что мне придётся говорить с ней сегодня, но раз уж Ханекава звонит сама, то я просто не могу её проигнорировать, потому что очень многим ей обязан.

— Алло? — сказал я, взяв трубку.

— А-Арааги-кун? Извини, что звоню в такое время. Меня тут интересует кое-что. Можешь сейчас говорить?

— А-а, да...

Честно говоря, я хотел принять душ, чтобы смыть с себя всю эту грязь, которой нахватался в песочнице, однако я не настолько помешан на чистоте, чтобы из-за этого откладывать разговор с Ханекавой.

— Недавно я получила периодический отчёт от Сендзёгахары-сан...

— Периодический отчёт?! Это ещё что?!

Звучит жутко!

Эм-м... Это что получается? Сендзёгахара регулярно докладывает обо всём Ханекаве? После каждого занятия? Рапортует, стараюсь я учиться или нет?

Н-да-а...

Никакой веры в меня...

— А, нет, эта программа реабилитации... Она нужна скорее Сендзёгахаре-сан, чем Арараги-куну. Да и ладно.

— Думаешь, ты сможешь отговориться своим «да и ладно»?..

— Так получилось, что из разговора с ней я узнала, что ты, Арараги-кун, собирался по дороге домой зайти в один парк и исследовать там песок... Уже закончил, наверно? Я решила подгадать время как раз к тому моменту, когда ты закончишь.

— ...

Слухами земля полнится, а время ты подгадала идеальное. И действуешь слишком быстро! Будь я на твоём месте, то дождался бы завтра, чтобы поговорить об этом случае. Все равно ведь встретимся в школе.

Честно говоря, мне не хотелось болтать с Ханекавой о таких пустяках, но, раз уж ей хочется послушать, жадничать я не буду.

В отличие от Хачикудзи, я, конечно, не стал требовать с Ханекавы денег за эту историю.

Вообще-то я должен как-то отблагодарить её за помощь в учёбе, и можно посчитать мой рассказ своеобразной платой за проявленную ко мне доброту. Правда, плата какая-то незначительная.

Я доложил ей об исследовании песочницы.

Но не стал сгущать краски, пропустил момент, где я мысленно вернулся в детство, и умолчал о нахлынувшем желании прокатиться на детской горке. Ну, ничего страшного, если такие мелочи останутся при мне.

Однако сказал бы я это или нет, Ханекава всё равно рассердилась на меня прямо как на ребёнка:

— Так нельзя!

Или не рассердилась, а отчитала.

Да кем она меня считает?

— Никуда не годится, да, Арараги-кун?

— Э? Может, я и не гоюсь никуда, но что теперь, надо сообщить об этом всему свету? Сказала бы помягче как-нибудь.

— Нет, я не к тому, что ты сам никуда не годишься. Я хотела сказать, что твои действия никуда не годятся...

«Ну и паранойя у тебя», — сказала Ханекава.

Хм... Ну да, есть такое.

Хотя в данном случае не столько паранойя, сколько комплекс неполноценности.

— Так что там никуда не годится? Да и что ты хочешь узнать, в конце-то концов? Ты же начала с того, что тебя кое-что интересует...

— Да. Но я думала, что ты всё сделал как следует, поэтому планировала получить от тебя контрольный отчёт.

— Контрольный отчёт...

От Сендзёгахары отчёт, от меня отчёт... Что у тебя за должность такая?

Командир, что ли?

— Э-э? Но что конкретно в моих действиях было неправильным? Я пытался сделать всё, что только мог, ясно? Предположил самое худшее и провёл тщательное расследование.

— Да. Верно. Игрался, строя холмики из песка.

— ...

Я же об этом ничего не говорил.

Неужели из кусочков моего «доклада» можно было понять, чем я занимался в песочнице? Но раз уж она с такой уверенностью об этом говорит, должно быть, так оно и есть.

Повторю ещё раз: разговаривать с ней страшно.

Будто меня насквозь видят! Таким же проницательным был Ошино, и теперь Ханекава делает то же самое, только чуть-чуть по-другому.

— Хм... М-м... Арараги-кун, ты упустил из виду кое-что важное. Слишком заиклился на двух вещах.

— Заиклился?

— Замешана ли странность в этом случае с песочницей, или же демоническое лицо — чисто искусственное явление? Ты заиклился на том, что должно быть одно из двух. Так же?

— Ну... А ведь правда, но... Э? Что, есть и другие варианты?

Во-первых, Ханекава узнала обо всём от Сендзёгахары, но почему же тогда она говорит об этом так, будто своими глазами видела то «демоническое лицо» на песке? Более того, Сендзёгахаре-то я рассказывал слух, когда ещё не видел тот самый песок и вообще сомневался в информации, купленной у Хачикудзи за пятьдесят иен. Так что откуда в голосе Ханекавы столько уверенности? Черпала из того же источника, который подсказал, что в песочнице я вспомнил детство, да?

— Есть другой вариант. Третий вариант.

— Хе, есть, значит... Всё-то ты знаешь, да?

Не отрицаю, что фраза, в которую я обычно вкладываю толику восхищения, на этот раз прозвучала с сарказмом.

Тем не менее, даже такому низкому и ничтожному человеку, как я, Ханекава сказала:

— Я не знаю всего, а только то, что знаю.

Тот же ответ на мой вечный вопрос.

Меня ошарашила её сила воли, но я тут же взял себя в руки. Даже мне было легко понять, что к чему. Я осознавал, что оказался в полной власти Ханекавы.

Может, программа реабилитации даёт свои плоды.

— Третий вариант... Если это не дело рук странности или человека, тогда... Эм-м...

Как бы там ни было, я говорил с Ханекавой спокойно, сохраняя ясность ума. Меня не покидало ощущение, будто я всё ещё готовлюсь к экзаменам с Сендзёгахарой.

— Ну, если подумать как следует... Если применить метод исключения, единственным вариантом остаётся природное явление... Из-за ветра, дующего в парке, или того, как расположена детская горка, на песке случайно появлялось «лицо демона»...

Пока я озвучивал то, что первым пришло в голову, до меня медленно доходило, как я ошибаюсь.

Скорее, теория, в которой преступником является природное явление, должна возникать первой и тут же отвергаться. Совсем другое дело, если песочница зажата между высотными зданиями. Неужели в таком открытом со всех сторон месте, как парк, постоянно создаются одни и те же условия для этого, или ветер всегда дует в одном направлении?

Допустим, что «лицо демона» не появляется там ежедневно, но дни, в которые мы с Хачикудзи приходили туда, были выбраны совершенно случайно. С трудом верится, что это просто совпадение.

Поэтому я готовился к тому, что Ханекава сухо отклонит мои предположения, которые я выдвигал, стараясь просто убить время.

Возможно, она скажет:

— Так нельзя! — и снова рассердится.

Может статься, что я, ожидая такой реакции с её стороны, специально предположил нечто глупое, но мне хотелось верить, что сам я не настолько глуп. Однако вышло так, что я снова промахнулся, надеясь попусту.

— Верно, Арараги-кун, ты сам всё прекрасно понимаешь. Что же, мне и добавить нечего.

— Э?.. Нет, постой, не пытайся сложить с себя обязанности! Не увиливай! У тебя ещё есть работа! Объясни мне, что всё это значит!

— Что это за работа такая...

— Если дело в природном явлении... Тогда получается, что песок под воздействием ветра или чего-то ещё без всяких проблем и чисто случайно принимает такую форму, но так не бывает, чтобы...

Пока я говорил, то думал вот о чём: невозможно, чтобы я заметил пробелы в моих рассуждениях, а Ханекава — нет. Это должно быть очевидно. Хотя... возможно, во мне просто разыгрался комплекс неполноценности...

Ладно, оставим это.

Даже если «лицо демона» появилось благодаря природному явлению... Даже если я легкомысленно заикнулся на другом и отклонил эту возможность, то теперь, надо сказать, чем больше я думал об этом, тем безопаснее мне казалась вся «ситуация». Но Ханекава не могла рассердиться на меня только потому, что я не додумался до этого раньше.

Неужели программа реабилитации Ханекавы настолько суровая? У неё в методике что, спартанское воспитание, где не прощают ошибок по невнимательности?

Как-то даже тревожно из-за этого. Но как ни крути, ошибался именно я.

Ханекава рассердилась на меня.

И на то у неё была серьёзная причина.

— Послушай, Арараги-кун, природные явления не ограничиваются ветром и дождём.

— А?

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

После нашего разговора я вернулся в парк, чтобы подтвердить «ситуацию», о которой говорила Ханекава. Как и следовало ожидать, логика Ханекавы была без промаха.

— Смотри, Арараги-кун, ты исследовал песочницу... М-м, это я, конечно, погорячилась. Арараги-кун, ты ведь исследовал только песок, верно? — уточнила она. — Песочницу можно назвать песочницей только тогда, когда мы берём во внимание *контейнер*.

Контейнер песочницы?

До меня дошло не сразу... А ведь точно! Неожидавшее замечание Ханекавы прервало привычный ход моих мыслей. «Песок» — всего лишь содержимое в «песочнице», которое нужно для игры. Такой песок отличается от пляжного варианта, ведь он попадает в контейнер (или «бассейн»), чтобы не смешиваться с почвой парка. Контейнер с песком закапывают прямо в землю, и это и есть «песочница».

И если долго копать в ней песок, то рано или поздно достигнешь «дна»... Но дно это находится глубже ожидаемого, и дети твёрдо верят, что в песочнице нет никакого дна, или что песок сменяется землёй, и нет смысла копать дальше.

Ну, это типичная конструкция песочниц, и если бы мне на это указали... или если бы я догадался об этом, я бы раскрыл дело самостоятельно.

— Поэтому, Арараги-кун, если ты хотел исследовать «песочницу», тебе нужно было добраться до самого контейнера, а иначе это не исследование, а так... Далее... — Ханекава сказала это несколько суровым тоном, — песок ведь, как правило, тяжёлый.

«Даже если это совершенно обычный песок», — добавила она, и я, взяв с собой лопату, вернулся к той самой песочнице и принялся копать.

Я торопился и всё же аккуратно выкопал небольшую яму.

Как и следовало ожидать, я быстро достиг дна. Глубина контейнера не превышала пятидесяти сантиметров.

А на самом днище ёмкости я обнаружил... длинные и глубокие трещины.

Трещины.

Раскололи дно.

— ...

Больше и думать тут нечего.

Контейнер со временем изнашивался, из-за чего по его дну пошли трещины, которые удлинялись и углублялись под тяжестью песка, о чём упомянула Ханекава... Песок оседает, забивает трещины, и на его поверхности проступает *демоническое лицо*.

Вода принимает форму сосуда, в который её налили²², и этот же принцип справедлив и для песка. Хотя у него на это уходит больше времени, чем у воды, да и форму сосуда он принимает не в точности, в отличие от жидкости.

Поэтому демоническое лицо возвращалось не сразу, а спустя некоторое время, после того, как дети поиграли в песочнице, или, к примеру, после моего топтания там. И все же лицо проступало снова.

Будто бы у песка своя воля.

Рисунок на его поверхности — проекция трещин, разрушающих дно контейнера.

А то, что он видом напоминал лицо демона — всего лишь совпадение. Не знаю, замешан ли здесь феномен симулякра или что-то ещё.

Но, как и сказала Ханекава, разрушение контейнера и сила тяжести самого песка — никак не проделки странности или дело рук человека. Причина кроется в природном явлении, которое нельзя назвать безопасным.

Да уж, безопасная ситуация.

Да это полный абсурд!

Природное явление, но не ветер и не дождь.

Впредь так и будет. Простое природное явление.

Пока это просто причуда природы, которая разукрашивает поверхность песка, но если трещины в контейнере станут больше, разрастутся, де-факто дно песочницы проломится, и тогда песок перемешается с почвой. Тут и до зыбучих песков недалеко, только масштабы мелковаты. А то и плывуном станет. Для взрослых это, возможно, не проблема. Не тот размах. Но для играющих в песочнице детей такое развитие событий может стать смертельным.

Как бездонное болото.

Куда может засосать.

Играть внутри треснутого контейнера — опасно, хуже и не придумаешь. Сродни гонке на время.

Поэтому Ханекава рассердилась на меня.

— Для начала... стоит, наверное, позвонить в управляющую компанию этого парка?

Стоп, разве не местная администрация занимается делами парка?... Ладно, если спрошу у Ханекавы, которая знает всё на свете, то она точно ответит.

И тогда дело будет окончательно закрыто.

— Однако... — подумал я, посмотрев на выкопанную яму. — Да уж... Спор, видимо, зашёл не туда. Что страшнее: люди или странности? Размышления об этом завели меня в тупик.

Самым страшным и представляющим опасность был отнюдь не человек. И не странность. Природа.

Страшная, как демон. Страшная, как человек.

Примечания

1. «Не касается» (яп. 無関係 *муканкэй*) и «бесчувственный» (яп. 無神経 *мусинкэй*).
2. Слово «道» (*мити*) имеет значение как «путь», так и «дорога».
3. 飽き飽き (*акиаки*) — сильно надоевший.
4. Во фразе «一枚噛んでいる» (*итимаи кандэиру*), которая переводится, как «касаться; иметь отношение к чему-л.», есть иероглиф «噛» (*го*; *кусать*).
5. Здесь Коёми употребляет ту же фразу, что и Маёй — «一枚噛んでいる» (*итимаи кандэиру*).
6. В словосочетании «женский велосипед» (яп. ママチャリ *маматяри*) есть «мама»
7. もしもボックス (*мосимо боккосу*) — телефонная будка из манги «Дораэмон» Фудзико Фудзиро. В названии игра слов от «алло» (яп. もしもし *моси-моси*) и «если» (яп. もし *моси*). Это устройство может изменять мир вокруг. Для этого нужно позвонить и сказать «что если...», добавив какое-нибудь пожелание.
8. У Дорами-чан нет ушей, но она носит на голове красный бант, края которого вытянуты в некое подобие кошачьих ушек. Дорами-чан (как и Дораэмон) — кот-робот.
9. 四苦八苦 (*сикухакку*; четыре и восемь страданий) — термин, пришедший в японский язык из буддизма. Первые четыре страдания: рождение, старость, болезнь и смерть. Другие восемь включают в себя первые четыре плюс страдания от разлуки с любимым, от встречи с ненавидимым, от невозможности получить желаемое и от плотской природы человека.
10. *Найдзё но ко*: — так называют жён, которые помогают добиться своим мужьям успеха в работе или делах, благодаря незаметной помощи со стороны.
11. *Ко:дзё:-най* — делать что-то своими силами, не выходя за рамки фирмы. Если прочитать это задом-наперёд, получится практически «заботливая жена» (*найджё но ко*:).
12. «Подарок» (*пурэдзэнто*) и «презентация» (*пурэдзэн*).
13. В консольной игре Tenchu Z существует торговая империя, построенная семьёй Этигоя, каждый член которой ведёт нечистый на руку бизнес. В частности, наследник всей империи, Этигоя Рокубэ, продаёт дешёвые товары за огромные деньги.

14. Пословица «*камо га нэги о сёттэ куру*» и её сокращённый вариант «*камонэги*» переводятся как «утка с луком на спине» и означает «лёгкую добычу, которая сама к тебе приходит». Дело в том, что лук-батун (*нэги*), добавленный к утиному мясу, убирает неприятный привкус, и блюдо становится аппетитнее. К тому же слово «*камо*» имеет два значения: «дикая утка» и «простофиля».

15. Коёми не раз говорил, что у него не так хорошо с родным языком, как ему хотелось бы, и он не знает, как правильно читается название этого парка, состоящее из иероглифов «波» (*нами*; волна) и «白» (*сиро*; белый). Оно может читаться по-разному: «Намисиро», «Рохаку» или как-то ещё, и неизвестно, как же на самом деле правильно.

16. «Испугалась» (*биккури симасита*), «гармонировала» (*сиккури симасита*) и «крепко держалась» (*сиккари симасита*).

17. «(Один) взгляд» (яп. 一見 *иккэн*) и «(одно) дело» (яп. 一件 *иккэн*).

18. В словосочетании «леденящий кровь» (яп. 鬼気迫る *кики сэмару*) есть иероглиф «鬼» (*они*; демон).

19. «Периодически повторяться» (*кайкисуру*) и «странность» (*кайки*).

20. 砂かけ婆 (*сунакакэ бабаа*; бросающая песок старуха) — ёкай из фольклора префектуры Нара. Она появляется перед путниками и бросает им в лицо песок, чтобы ослепить, после чего хохочет и исчезает.

21. Персонаж из манги «Кинникуман». Одной из его сверхспособностей является «Песочный Ад» (*суна дзигоку*), во время использования которой Саншайн превращает своё тело в песок и рассыпается по всей поверхности, чтобы поймать ноги противника в ловушку.

22. Пословица «*мидзу ва хо:эн но уцува ни ситагау*» несёт в себе тот же смысл, что и «с кем поведёшься, от того и наберёшься».

Вода Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

001

С точки зрения Камбару Суруги, дороги определённо созданы не для ходьбы, а для бега. У моей кохай, видимо, такой принцип: всегда нестись во весь дух, какая бы дорога её ни вела, независимо от обстоятельств, погодных условий или направления ветра. Потому что она не любит снижать темп и шагать, не спеша.

Да, не любит.

Её слабое место.

Она всегда неслась быстрее ветра, но, честно говоря, скорость — не её конёк совершенно. Просто ей настолько трудно передвигаться медленно, что для неё это почти невозможно. Хотя не скажу, что моя кохай связана по рукам и ногам.

Я имею в виду, что Камбару, не привыкшая скупиться на лишние движения, скорее всего, даже не задумывалась, что можно ходить, не спеша... по дороге.

Дорога существует не для ходьбы, а для бега.

С тех пор, как её успехи в спорте заинтересовали всю школу, и Камбару стали называть восходящей звездой, она не переставала блистать и придерживаться своего мировоззрения, полностью противоположного моему, причём даже после того, как бросила баскетбольный клуб.

— Хм. Дорога, так сказать, может быть чем-то другим, Арараги-семпай... — сказала Камбару, когда одним прекрасным днём мы разговаривали с ней на эту тему. Как всегда, она говорила и смотрела прямо на меня. — Для таких людей, как я, бег — часть повседневной жизни, причём это бег не по дороге, а по дистанции.

Дистанции?

Пожалуй, так можно назвать «дороги», по которым бегают спортсмены-легкоатлеты. Но представление о «дороге» как о «дистанции» выводит из привычной колеи таких людей, как я, которые не воспринимают бег частью повседневной жизни, а считают пробежку большим событием.

Как бы лучше выразиться...

Слово «дистанция» создаёт сильное впечатление чего-то фиксированного, какого-то абсолютного маршрута, от которого нельзя отклониться.

— Что вы такое говорите? Совсем не похоже на вас, Арараги-семпай! Это же «дороги», как правило, «фиксированы» и не позволяют отклоняться. Если автомобиль залезет на соседнюю полосу, это может привести к аварии. Перестроиться — дело непростое, на какой бы дороге вы ни были.

Действительно.

«Дорога» или «дистанция» — разница всего лишь в контексте, и это уже полностью языковые проблемы.

На деле же бежишь ты или идёшь...

По дороге или дистанции, путь есть путь.

Есть такое понятие — «жить по накатанной», но помимо того, что каждый идёт по дороге жизни, нужно ещё подчиняться неким правилам.

Соблюдать что-то вроде правил дорожного движения.

Нельзя сойти раньше срока. Нельзя отклониться от заданного пути. Смена полосы движения — ещё куда ни шло, но, если отклониться от маршрута, не мудрено свалиться с обрыва, в случае неудачи.

А если не свалиться, то столкнуться лоб в лоб.

Поэтому у нас нет другого выбора, кроме как двигаться дальше по заданному пути.

— Ну, что бы вы ни говорили, сойти раньше срока не трудно. В действительности можно сойти, даже не выходя из своей колеи. Нестись во весь дух по дороге, по дистанции, конечно же, считается «продвижением», но это не всегда «продвижение вперёд». Потому что люди могут «продвигаться в обратном направлении». Просто потому, что это возможно, — сказала Камбару. — Ведь дорога также может быть «путём» для побега.

002

— Камбару, мерзавка! Ты, видимо, вообще меня не слушала!

— Что? Арааги-семпай, когда вы ни с того ни с сего обзываете свою кохай мерзавкой, её сердечко просто не может не трепетать, однако я совсем не ожидала услышать такие обвинения! Чтобы я, тема нашего с вами разговора, Камбару Суруга, взяла и не слушала самого уважаемого и лучшего в мире Арааги-семпая? Просто нереально! Фантастика! Давайте разберёмся, Арааги-семпай. До каких пор вы собираетесь тревожить моё сердце такими бессовестными словами?

— От моих слов ещё ни одно сердце не трепетало! И ты темой нашего разговора не будешь! Как бы там ни было, Камбару, я знаю, что ты не слушала меня, поэтому, будучи образцовым семпаем, повторю всё заново. Скажу ещё раз.

В один из июльских дней...

Воспользовавшись своим выходным, я навестил Камбару... и так оказался посреди коридора в её доме, построенном в традиционном японском стиле. Точнее, мне ничего не оставалось, кроме как стоять в коридоре, будто бы меня наказали за опоздание в школу.

Я, конечно же, никуда не опоздал.

А пришёл в гости к Камбару вовремя, как мы и договаривались.

Тем не менее мне пришлось стоять в коридоре, потому что я не мог попасть в комнату, к которой меня привели. То есть, выражаясь точнее, я не просто стоял в коридоре, а встал там столбом.

— Ладно, Камбару, слушай внимательно!

— Я и так буду слушать, не стоило напоминать мне об этом. Я ни за что не пропущу ни единого слова из уст Арааги-семпая, всегда изрекающих мудрость. Я, скорее, волнуюсь, что упаду в обморок от захлестнувших меня эмоций, просто слушая вас!

— ...Я же просил, чтобы ты отвела меня в свою комнату.

Проигнорировав её привычные и крайне назойливые попытки заискивать перед своим семпаем, я указал пальцем на комнату с раздвинутыми сёдзи¹.

Точнее, на её обстановку.

— Я не просил приводить меня в кладовку.

Внутри комнаты...

Не скажу, что там был беспорядок. Точнее, беспорядок царил не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной. Нет, и всё же это не беспорядок, как я уже упомянул, а скорее... нагромождение. Хаос захватил не только площадь комнаты, но и её объём.

— Кладовка? Как-то грубо с вашей стороны. Пусть вы и Арараги-семпай, но даже вы должны понимать, что говорить хорошо, а что — плохо. — Камбару улыбнулась во весь рот. — Ну, сейчас вы точно сказали что-то хорошее!

— И тебя устраивает, что твою комнату называют кладовкой?

Ну, если честно, это я ещё сдержался. Если бы я озвучил то, что думал на самом деле, то вместо кладовки назвал бы её свалкой негорючих отходов.

Я прямо пришёл в восторг от мысли, что у Камбару в доме есть отдельное место для негорючих отходов.

Или это как склад металлолома, где разные железяки, сваленные в кучу, образовали исполинских размеров горы...

И при этом сохраняли равновесие, так что из хаотично разбросанных предметов внутри комнаты получилась целая композиция. Но стоит топнуть ногой, как оттуда лавиной повалят вещи. Поэтому я застыл в коридоре столбом, боясь лишний раз пошевелиться.

— ...

Камбару Суруга.

В конце мая с ученицей второго года старшей школы Наоэцу и бывшим первоклассным игроком баскетбольного клуба Камбару Суругой приключилась странная история... Сама Камбару была знакома с Сендзёгахарой со времён средней школы, и это стало одной из причин, почему мы с ней сдружились.

Впрочем, как бы просто это ни звучало, на самом деле наши отношения нельзя назвать простыми. Не слишком отклоняясь от темы, добавлю, что она также, как и я, или даже больше, чем я, пострадала от странности. И следы этого происшествия сохранились в её левой руке.

Которую она забинтовала.

Забинтовала... и спрятала.

Тем не менее, если подумать об этом дольше и принять все обстоятельства, Камбару Суруга, по-моему, оставалась милой кохай. Хотя такому ни на что не годному и неуспевающему в учёбе балбесу, как я, называть «милой» пусть и бывшую, но все же спортсменку и звезду баскетбольного клуба, уж слишком дерзко...

Однако, если забыть на мгновение про её успехи в спорте, сложно отрицать, что Камбару на редкость неопрятная девушка, даже неряха.

Такую, как она, можно, например, назвать «девушкой, неспособной навести порядок»... Или, если говорить ещё откровеннее, «неаккуратной девушкой».

Неаккуратная² девушка.

Когда Камбару впервые привела меня в свою комнату, я удивился тому, что там творилось, и поэтому пообещал устроить генеральную уборку при первом же удобном случае. И, когда я нашёл время, чтобы прийти и навести здесь порядок, то снова был немало удивлён, поскольку не мог разглядеть даже потолок в её комнате: так всё было завалено, хотя с последней уборки прошло всего ничего.

Я скорее из тех людей, что не могут никак успокоиться, пока вокруг царит бардак, чем из тех, кто обожает наводить порядок и уборку как таковую. Если честно, у меня даже не было идей, к чему тут сперва подступиться.

Откровенно говоря, я растерялся и не понимал, как можно исправить положение дел. Забавно, но взятые из дома мусорные мешки оказались совершенно бесполезными.

Десять сорокапятилитровых мешков.

В самом деле, что могут одни только мешки? Ничего. Без картонных коробок здесь не справиться. Ну, их-то я бы раздобыл в этой комнате-кладовке...

— Кх-кх-кх. Да, интересно, как же Арараги-семпай собирается наводить порядок в моей комнате? Давайте-ка посмотрим, на что вы способны.

— С чего это ты начала смотреть на меня свысока?

— Свысока? Нет-нет. Скорее уж я смотрю на вас из-под земли.

— Жуть! Если бы я услышал доносящийся из-под земли голос, просящий продемонстрировать всё, на что я способен... история перешла бы на совершенно новый уровень! Скажи, ты же не стала набивать свою комнату хламом из остальных комнат, просто чтобы досадить мне по случаю того, что я всё равно приду и наведу порядок?

Есть такой способ уборки в доме.

Складывать все нужные и ненужные вещи в одной комнате, а затем приводить в порядок остальные. Работы в два раза больше, и такой подход малоэффективен, однако сам процесс заметно упрощается.

— Что вы такое говорите! Опять беспочвенные подозрения в мой адрес! Впрочем, если вы, Арараги-семпай, решили поговорить обо мне, то я счастлива, и неважно, хвалите вы меня или подозреваете!

— Это ни разу не похвала!

— У меня только одна комната. Я не воспитывалась в роскоши и не жила в двух или трёх комнатах сразу. Эта — единственная, что у меня есть.

— Вот как... Тогда ладно.

— Ага. Прямо как Арараги-семпай — единственный семпай, который у меня есть.

— А вот это уже серьёзно!

И куда делась Сендзёгахара?!

Не называй того, с кем встретила лишь в позапрошлом месяце, своим единственным в мире семпаем... К тому же я не сделал для тебя ничего такого, за что меня надо так сильно уважать, и в будущем, скорее всего, тоже не сделаю.

— Но это странно... Вернее, нелогично. Если вся твоя комната в таком состоянии, тогда где же ты спишь?

— Где, спрашиваете? В своей комнате. — Камбару хмыкнула и удивлённо наклонила голову в сторону. — Есть три места, где я могу спать: в этой комнате, на коленях Сендзёгахары-семпай и на руках Арараги-семпая, подкладывая их под голову.

— Давай не будем сейчас о сне на коленях Сендзёгахары, но ты же ни разу не спала на моих руках! И вообще, в этой комнате спать невозможно... Во-первых, туда даже не зайти!

— Всего лишь дилетантский взгляд на вещи, Арараги-семпай!

Камбару невозмутимым тоном грубила своему семпаю, которого так уважала. Несмотря на то, что я и был тем самым семпаем, мне искренне захотелось поучиться у неё такой наглости.

Ну, пусть попробует объяснить, почему считает мою позицию дилетантской. Хотя я сам не считаю себя профессионалом... в чём-либо... вообще.

— Ладно, Камбару, давай, покажи. Как же тебе удаётся спать в этой комнате?

Леонардо да Винчи, которого называют универсальным гением, на удивление, мог спать стоя. Неужели Камбару способна на это? Ну, она прирождённый гений по части спорта... И всё же мне казалось, что любой, даже сверходарённый человек, в этой комнате не то, что спать, но и стоять не смог бы.

— Ху-ху-ху. Господи, неужели я дожила до этой минуты? Кто бы мог подумать, что настанет день, когда я смогу чему-то научить Арараги-семпая!

— Тебе только семнадцать лет, и с момента нашего знакомства не прошло и ста дней...

Выходит, что мой час пробил на сотый день³?

— Нечего тут важничать, показывай уже! Как ты спишь? Я тебя швырну куда-нибудь, если вся штука в том, что ты спишь в коридоре!

— Теперь меня так и тянет пошутить об этом! Да, хочу, чтобы Арараги-семпай швырнул меня! Погодите! Нет, не хочу, чтобы семпай прижимал меня к стене, хочу, чтобы семпай зажал меня в коридоре!

— Что за рока-дон?

Хотя я и про кабэ-дон⁴ не очень понял.

Круто, однако.

Мы с Камбару уже столько времени проболтали, а я так и не попал в её комнату.

Такими темпами все наши начинания завершатся на вступительном диалоге.

— Это блюдо из какого-то комплексного меню? Что-то вроде тушёного мяса в яйцах с проделанными в них коридорчиками?

— Хм... Ну, где-нибудь в мире, наверно, есть такие тушёные с мясом коридоры... Эм, мы же вообще говорили о том, как я сплю, да? Смотрите, Арараги-семпай. Я покажу вам! Здесь есть щель, видите?

Камбару указала куда-то внутрь комнаты.

Там действительно была щель, вернее, нечто похожее на «штольную», какие бурят в отвесных скалах... Будто прогалина между сохраняющими удивительное равновесие горами вещей.

— А-а. Ну и что с той щелью? Только не говори, что ты спишь в ней словно какой-нибудь крот!

— Именно так! Я беру разбег в коридоре и, сделав фосбери-флоп⁵, ныряю прямо туда!

Камбару гордо выпятила грудь, будто гордилась своим достижением. Прогиб назад во время фосбери-флопа... В её комнате не было ни матраса, ни ямы для прыжков, поэтому, приземляясь после фосбери-флопа, не мудрено получить серьёзные травмы, да такие, что даже придётся останавливать кровь.

Слишком большая жертва, чтобы просто поспать в своей комнате!

Да спи в коридоре, в конце-то концов!

Лучше уж так.

— Нет-нет, Арараги-семпай. Хорошо, конечно, что вы способны так быстро делать выводы, но они могут привести к ошибке.

— Твои советы мне не нужны! Моё бездумное обещание помочь тебе с уборкой — вот ошибка так ошибка! Ха? И что, сладко ли тебе спится? В той «штольне»?

— Ещё как сладко!

— Ладно, пока обошлось без травм, зато ты принимаешь некомфортную позу для сна. Просыпаешься, и у тебя, небось, всё тело ноет. Камбару, может, ты не знала, но сон — это важный процесс жизнедеятельности, в ходе которого отдыхает и разум, и тело.

— Знаю-знаю. Ну, не буду врать, будто сплю на мягкой подушке, но поза идеально подходит моему телу. Я словно в спальном мешке, и спится там сладко!

— Вот как...

— Конечно, это не сравнится со сном на коленках Сендзёгахары-семпай, зато куда удобнее, чем устроиться на руках Арараги-семпая.

— Так, постой-ка! Я тут, с твоего позволения, вклинюсь и заявлю прямо, что ни разу не давал тебе спать на руках! Но если ты утверждаешь, что спать на горе хлама куда приятнее, я свой гнев скрывать не буду!

— Ой-ой, Арараги-семпай, не надо засучивать рукава и злиться! Не нужно злиться и засучивать рукава, когда речь идёт о сне у вас на руках⁶!

— Не болтай всякую чепуху с таким радостным лицом!

Никакие рукава я не засучиваю.

На дворе июль месяц, середина лета, поэтому я ношу одежду с коротким рукавом, такие не засучить.

— Ладно, ладно. Это уже перебор...

— Да у тебя всё перебор! Ещё ни одна фраза не была в меру! Каждая — перебор! И что же ты признаешь перебором? Что именно?

— Ну, спать в куче хлама и правда удобнее, чем на руках Арараги-семпая, однако...

— ...

Значит, она даже и не думала взять свои слова назад.

Я проиграл куче хлама...

— Однако часто говорят, что преимущества и недостатки — две стороны одной медали. В эту «штольню» идеально вписывается моё тело, но в ней невозможно спать с кем-то ещё! —

сказала Камбару соблазнительным и одновременно томным голосом. — Если бы я могла спать в той «штольне» вместе с Арараги-семпаем, она бы стала идеальной постелью, намного лучше, чем колени Сендзёгахары-семпай!

— Ты уже надоела!

— Кстати, я слегка поздно вспомнила об этом, но вы, Арараги-семпай, недавно говорили, что сон — важный процесс жизнедеятельности, в ходе которого отдыхает и разум, и тело. Но, с точки зрения жизнедеятельности человека, люди спят...

— Никаких грязных шуточек!

На этом весёлом обмене колкостями мы и закончили.

Наконец-то, прождав целую вечность... Точнее, преодолев многочисленные препятствия, я принялся за уборку в комнате Камбару Суруги.

003

Кстати, так-то я человек ловкий, но когда впервые оказался в комнате Камбару, мне всё же пришлось там немного прибраться. Просто потому, что ступить было некуда.

Тогда мне казалось, что я пораню себе ноги, если буду ходить по комнате босиком. Словно я шагал по минному полю. Хотя я и парень, но беспорядка совсем не выношу, и не важно, в комнате или в голове. Да тут кто угодно полюбит уборку, стоит показать ему комнату Камбару!

Ну, как бы то ни было, я всего лишь хотел пояснить вот что: я недооценил ситуацию, думая, что работы будет немного, поскольку уже проводил здесь кое-какую предварительную уборку в позапрошлом месяце.

Даже если предположить, что причиной этого ужасающего бардака, созданного всего за месяц или около того, была отнюдь не попытка досадить мне или заставить выложиться по полной, то высока вероятность, что так Камбару проявила свои бесстыдство и наглость, ведь, по её мнению, «Арараги-семпай всё равно здесь уберёт».

Поэтому мне, как семпаю, чья миссия — указывать кохоям верный жизненный путь, пожалуй, стоило не делать уборку в комнате Камбару, а развернуться и пойти домой. Но в реальной жизни люди не принимают только правильные решения.

Всё-таки куда тяжелее остановиться на полпути, чем в самом начале.

Кроме того, мне не хотелось расстраивать Камбару, и, прежде всего, я просто не мог оставить её жить среди этих гор хлама, в этой «пещере».

Как и в позапрошлом месяце, плачевное состояние комнаты Камбару пробудило во мне желание убирать.

Да, моя воля дрогнула, но если бы я развернулся и ушёл домой, то обесчестил бы имя Арараги Коёми.

На уборку комнаты ушло несколько часов... Ничуть не преувеличиваю: мы закончили только к позднему вечеру, хотя начали в полдень, зато комната Камбару стала прилично выглядеть.

— Говоря начистоту, куда сподручнее взорвать весь этот хлам, чем разобрать его...

— Ха-ха-ха, Арараги-семпай. Прошу вас, не надо взрывов! Резиденция же деревянная, от неё и следа не останется! — бодрым голосом возразила Камбару и рассмеялась.

И чего она смеётся?

Кстати говоря, Камбару вообще не помогала мне с уборкой. Единственное, что она делала, так это стояла в сторонке и распоряжалась, какие вещи ей нужно оставить, а какие — нет.

Если бы те несколько часов кто-нибудь понаблюдал за нами, он бы точно пришёл к выводу, что из нас двоих именно Камбару — семпай, а я — кохай, который помогает своей семпай с переездом.

Причём кохай пришёл не по собственному желанию, а ведомый непреодолимой силой.

— Думаю, даже твои дедушка с бабушкой санкционировали бы бомбардировку, чтобы разгрести завалы в твоей комнате.

— Вижу, вы ничего не понимаете. По-вашему, эти книги ничего не стоят?

— Вот от них мы избавимся в первую очередь!

Ну, что выбрасывай, что не выбрасывай, в выходной мусор не вывозят, поэтому все ненужные вещи мы перевязали верёвками и собрали в саду. Осталось только молиться, чтобы до дня вывоза мусора не полил дождь.

Камбару могла хотя бы помочь мне перетащить хлам на улицу... а то как-то получалось, что я лезу в домашние дела чужой семьи.

— Как бы то ни было... Спасибо за помощь, Камбару, — сказал я.

Правда, помогал я себе сам, но слов получше в голову не приходило. Я не знал, что ещё ей сказать. Разве что «мы справились!», но это немного не то...

Вообще, так долго наблюдать, как кто-то работает — утомительно само по себе, так что я решил относиться к Камбару снисходительно.

Кстати говоря, мне бы жутко не понравилось, если бы кто-то другой наводил порядок в моей комнате... Хотя Камбару от этого, наверное, в восторге.

Странный у неё характер.

Что она за человек, в самом деле?

— Ладно, пойду домой. На улице уже совсем стемнело. Нечего больше засиживаться.

— Эй-эй, ни с места⁷, Арараги-семпай!

— Нет уж, как ни посмотри, а так разговаривать с семпаем невежливо!

Вообще, если прислушаться к её речи, можно понять, что Камбару говорит со старшими довольно-таки грубовато. Её трудно поймать с поличным, ведь она всегда так энергично и весело болтает.

— Неужели вы, глубоко уважаемый мною Арараги-семпай, подумали, будто я так просто вас отпущу? После того, как заставила привести мою комнату в порядок?

— Так просто не отпустишь... Да что ты собралась сделать со мной?!

— Нет, не надо так напрягаться...

«Вы за кого меня принимаете?» — спросила Камбару с недовольным лицом.

Ну, пусть ты и сердишься...

Но с тобой держи ухо востро!

— Я хотела предложить хотя бы чаю. Нет, одним только чаем не обойтись! Я должна устроить вам достойную вечерю, Арараги-семпай.

— Вечерю? А-а, то есть ужин? Нет-нет, не надо. Вынужден отказаться. Я дома поем то, что мне оставили.

— Так не пойдёт! Я не позволю вам отказаться!

— Что? Чтобы отказать, не спрашивают разрешения! Особенно у кохай!

— Вы не можете покинуть мой дом, пока не попробуете домашней еды моей бабушки!

— Угрожаешь, да?

И при этом готовить будет твоя бабушка?

Когда Камбару сказала, что должна устроить мне «вечерю», она не собиралась делать это сама... Впрочем, как бы хорошо я ни думал о Камбару, готовить она вряд ли умеет.

Блюда в «дзюбако»⁸, которыми мне как-то довелось здесь перекусить, тоже готовила её бабушка.

В принципе, к домашним делам относится и способность готовить, и умение поддерживать чистоту в жилище, хотя между этими двумя навыками нет прямой связи. Однако не станет же способный кулинар доводить свою комнату до такого ужасающего состояния!

Если беспорядок во всём доме будет, так сказать, нормой, то бардак на кухне станет концом всего...

— Ху-ху. Думаете, как сделать ноги? Что же, попробуйте. Вы правда верите, что победите меня одной смекалкой?

Камбару раскинула руки в стороны, встав на пороге своей комнаты.

Словно баскетболист, принявший стойку защитника. Да уж, она вообще в курсе, как следует вести себя в традиционном японском доме?

— Ну, нападайте! Может, я и ушла из клуба, но моя защита не настолько ослабла, чтобы пропустить такого дилетанта, как вы, Арараги-семпай!

— Нет, нападать я не стану...

Как бы там ни было, она обзывалась дилетантом при том, что уважала меня.

Что ни говори, а всё обернулось бы иначе, дай я Шинобу попить моей крови и сделать из меня вампира, но в моей нынешней форме сквозь защиту Камбару мне не пробиться.

Выходит, ничего не остаётся, кроме как покорно слушаться её.

К тому же я бы повёл себя не как семпай, если бы высокомерно пренебрёг добротой Камбару... или её благодарностью.

Если говорить начистоту, я никогда не участвовал ни в какой клубной деятельности со времён средней школы, так что, собственно говоря, не привык к тому, что со мной обходятся как с семпаем, и по этой причине не знал, как должен вести себя семпай... Не знал, какую дистанцию нужно сохранять между мной и Камбару.

Спросить, что ли, потом у Сендзёгахары?

Узнать, нормально ли тратить целый выходной на уборку комнаты своей кохай, а потом в благодарность за это у неё же и ужинать?

Ну, Сендзёгахара всё никак не нарядует на Камбару, поэтому я не ожидаю от неё честного ответа...

— Ладно, ладно, Камбару. Я проиграл, сдаюсь. Я останусь.

— Ну уж нет, вам не удастся так просто избежать боя, Арараги-семпай! Осталось ещё место для прорыва, пока рано сдаваться!

— Да чего ты хочешь от меня?!

— Я хочу, чтобы вы схлестнулись со мной в бою⁹!

— Значит, не баскетбол, а сумо?

Проиграть в сумо девушке, да ещё и кохай, — настоящий позор, поэтому я решил с благодарностью принять от Камбару приглашение на ужин.

— Ладно, угости меня чем-нибудь, — сказал я. — Позвоню домой и предупрежу своих.

— М-м. Ну, если Арараги-семпай так говорит, то ничего не попишешь.

Почему-то Камбару ответила сдержанно.

Если не брать во внимание то, что мы с ней так и не схлестнулись в бою, она, похоже, осталась довольна тем, что может помыкать мной, как только ей заблагорассудится. Ладно, выходной у моей кохай прошёл плодотворно, и я этому только рад.

Но если абстрагироваться от ситуации...

— В таком случае, Арараги-семпай, прежде чем мы сядем вечерять...

— Хм?

— Прошу вас, примите ванну. Если вы придёте в столовую в таком грязном виде, будет неприятно.

004

Я прекрасно понимал, что в традиционном японском доме нет комнаты, которую называют «столовой», но не стал указывать ей на ошибку, поскольку сам не знал, как правильно называется это место.

Что ж, какие бы отношения не выстраивались между семпаями и кохаями, Камбару была права в одном: появляться за столом в пыли и грязи ужасно некультурно, поэтому я был благодарен ей за это замечание.

Я чуть было не забыл о манерах в чужом доме... Тем не менее, я даже не осмелился попросить воспользоваться их ванной, поэтому можете представить моё смущение, когда я всё-таки там оказался.

Смущение или...

Чувство, будто я делаю что-то постыдное?

Такое ощущение, словно я решился на то, чего делать не следовало... Ванна из японского кипариса идеально вписывалась в роскошь резиденции и ничуть не уступала ваннам приличных гостиниц, выполненных в традиционном японском стиле. Возможность принять такую ванну вполне сойдёт за компенсацию сегодняшнего труда.

— ...

Нет, всё же как-то странно...

Расслабляться, сидя в горячей воде по самые плечи в ванной комнате собственной кохай, с которой едва знаком...

Могу предположить, что даже Сендзёгахара, чей здравый смысл слегка отклоняется от нормы, не стала бы этого делать.

Кстати, если бы я заговорил с ней о чём-то подобном, она бы меня убила...

Всей той канцелярщиной, что она носит с собой.

Стёрла бы стирательной резинкой... Хотя даже не знаю, как она сумеет повернуть такое.

Я взглянул на часы, которые плохо сочетались с ванной из кипариса, и это лишний раз напомнило мне о том, что я нахожусь не в традиционной японской гостинице, а в частном доме. Меня не столько интересовало, какой шёл час. Скорее, сколько осталось до той самой «вечери».

Камбару, видимо, изначально не планировала устраивать для меня званый ужин. Идея пришла к ней уже после уборки, и затем она задним числом получила согласие от бабушки.

Я наверняка доставил ей хлопот, ведь пришлось готовить ужин ещё и на меня... И, скорее всего, она считает меня наглым семпаем своей внучки... И все же бабушка Камбару явно хороший человек, раз дала своё согласие.

Я благодарен ей. Вернее, мне очень жаль.

— И всё же успокоиться не выходит.

Конечно, приятно, что в кипарисовой ванне можно вытянуть ноги, а вода подогрета до идеальной температуры. Я не собирался забирать обратно слова о компенсации за мой труд, однако всё равно не мог смириться с тем, что мне пришлось пользоваться чужим шампунем, кондиционером и мылом.

Не терплю чужого.

Ладно.

«Погреюсь и вылезу...» — подумал я, как вдруг уловил странные звуки из предбанника.

Вернее, не звуки, а голос.

— Хм?! Что такое?! Дверь не открывается! Она заперта! Вы в порядке, Арараги-семпай? Что-то случилось! Я спасу вас!

— ...

Поднялся грохот. Судя по всему, Камбару силилась открыть створчатую дверь. Она пыталась вломиться сюда словно какой-то хулиган!

— А ну, откройте дверь! Немедленно! Выходить с поднятыми руками! Это приказ!

— ...

Значит, не хулиган, а полицейский?

— Я Камбару Суруга! Секс-рабыня Арараги-семпай! Мой коронный приём — санкаку тоби¹⁰!

— ...

Нет, всё-таки больше смахивает на хулигана.

— Ну-у! Почему она не открывается... Похоже, у меня нет выбора! Пойду возьму палку, которой полиция по охране общественного порядка разгоняет толпу!

— Прекрати! И не надо тащить сюда вещи, название которых ты даже не знаешь!

Ну...

Я тоже не знал, как она называется.

— А, так вы целы, Арараги-семпай...

После сказанной мной колкости она всё-таки перестала колотить в дверь. По-видимому, Камбару опасалась за мою безопасность. Но чем бы она ни руководствовалась, врываться в предбанник уже непростительно.

Я кричал прямо из ванны.

Мой голос отдавался эхом, и слушать его было неприятно, но так было нужно: иначе до предбанника не докричаться, мешает двухслойная дверь.

Что до Камбару, то она всегда говорила громко, и я отчётливо слышал каждое её слово, сидя в ванне.

— Как я испугалась... Я подумала, что вас, Арараги-семпай, держат там взаперти, поэтому не на шутку разволновалась.

— Во всём мире есть только один человек, который захотел бы держать меня в заточении, и это ты!

— Об этом и речи быть не может! Вот Сендзёгахара-семпай — совсем другой разговор!

— Ха-ха-ха. Какой бы ни была Сендзёгахара, такое делать она точно не станет.

— Но почему дверь-то не открывается?

— Разве не очевидно, что она заперта?!

Я сделал вид, что очень удивился. Вернее, я на самом деле удивился. Впрочем, это в её стиле — внезапно ворваться в ванную. Надо учитывать такие вещи.

Зная её, запереть дверь — естественная мера предосторожности.

— Заперта? А разве у нас есть замок на двери ванной?

Похоже, Камбару всерьёз удивилась.

Почему ты не знаешь, где в твоём доме стоят замки?

— Ну, видите ли, когда я принимаю ванну, то оставляю дверь открытой...

— Ты не столько оставляешь её открытой, сколько в открытую выставляешь себя... Ладно, в своём доме ты, по идее, можешь делать всё, что захочешь.

Да и вообще...

Это ведь я сейчас сидел абсолютно голым в чужом доме, пусть даже в ванне.

— Эм-м, если вы что-то не так поняли, тогда я хотела бы поправить вас, Арараги-семпай. Я пришла посидеть в ванной вместе с вами!

— В таком случае я всё правильно понял! Не нужно меня поправлять!

— Нет-нет. Я просто собиралась постирать вашу одежду, пока вы принимаете ванну, Арараги-семпай. Абсолютно без задних мыслей.

— ...

Да у тебя в голове одни только «задние мысли»!

И даже если ты не врёшь, сомневаюсь, что руки, устроившие хаос в комнате, в которой я перепачкался, умеют стирать! Может, со стиркой у тебя ещё хуже, чем с готовкой!

— Что вы такое говорите! В спортивном клубе я постоянно этим занималась! Стирка, скорее, моя специальность!

— М-м... Ну, раз такое дело, то может быть. Как бы то ни было, если ты постираешь мои вещи, мне нечего будет надеть.

— А что плохого в том, чтобы выйти голым?

— Да как это вообще может быть «не плохо»?! Я не настолько уверен в себе, чтобы расхаживать тут голышом!

— Если хотите, помимо вашей одежды я могу ещё помыть и вас! Спереди и сзади!

— ...

Да только по её голосу понятно, какая она извращенка! И теперь, когда я сижу в ванне без одежды, мне от её намерений вдвойне страшней.

— Я помою вас, Арараги-семпай! В качестве благодарности за чистоту в моей комнате!

— Сначала очисти свой разум! Почему извращённость ещё не вымылась из тебя, несмотря на то, что ты каждый день пользуешься такой замечательной ванной?!

— Ху-ху. Не могу с вами не согласиться, когда вы так отзываетесь об этой ванне. Но, если я начну неуместно скромничать, вам может показаться, что я говорю с сарказмом.

Камбару слышит только похвалу.

Прямо вижу, с каким самодовольством она улыбается.

Ну, ванна и впрямь хороша, такой захочется похвастаться, да...

— Однако хороша не только ванна, но и вода в ней. Мы черпаем её из колодца в саду и подогреваем. Пусть она не такая, как на горячих источниках, зато какая-то там глубоководная с содержанием какого-то там поручейника.

— Что ещё за «какая-то там глубоководная с содержанием какого-то там поручейника»? Если собралась хвастаться, запоминай детали как надо!

Эта вода похожа на минеральную?

Нет, колодезная вода не обязательно минеральная. Что ж, после слов Камбару мне и впрямь начало казаться, будто вода в кипарисовой ванне была какой-то особенной, даже загадочной.

Хм-м...

Колодезная вода, значит?

— А-а, кстати говоря, Арараги-семпай.

— Чего тебе, Камбару-кохай?

— Знаете, у этой колодезной воды неприятное прошлое.

— Она вызывает недоверие¹¹? Ой-ой, вот уж кто здесь вызывает недоверие, так это ты, ясно?

— Не недоверие, а прошлое.

— А?

Ну, если касаться прошлого, то кое-что неприятное случилось и с тобой, Камбару... Но прошлое у колодезной воды? Как это? Колодезную воду можно подогреть¹², но у неё не может быть никакого неприятного прошлого...

— Прошлое... Что за прошлое-то?

— О, интересно стало?

— Эм, не то чтобы интересно...

Когда ты вот так начинаешь разговор, как-то иначе тебе и не ответить... Но всё-таки я хотел узнать об источнике воды, в которой сейчас сидел.

Просто любопытно.

— Ладно, да, интересно. Так что за прошлое? Кстати, меня раздражает, что ты мне мешаешь.

— Это история о моём отце.

— А-а, об от...

...це.

Камбару сказала об этом настолько буднично, что я отреагировал так, словно ничего особенного не услышал, но ведь отец Камбару скончался много лет назад... и не только отец, но и её мать.

В... автокатастрофе.

Поэтому Камбару жила вместе с бабушкой и дедушкой. Её отец был их единственным сыном.

— ...

— Отец, конечно же, тоже пользовался этой ванной. Ну, не просто сидел в ней, а заполнял её колодезной водой. Каждый божий день.

Камбару продолжила как ни в чём не бывало рассказывать об отце, а я сидел, притихший, не зная, какой реакции от меня ждут.

Возможно, она уже смирилась с фактом смерти, понимая его как неотъемлемую часть жизни. В таком случае, если я буду слишком внимателен к её утрате, это будет грубо с моей стороны. Камбару же, в свою очередь, наверно, тяжело принимать это вежливое сочувствие.

Поэтому я спросил её вслух:

— Хм-м... Каждый день, да?

— Да. Ну, для отца это была обычная вода, которой он пользовался постоянно, и он не относился к ней, будто это какая-то благодать...

— Ну, это понятно...

Не сказать, что я завидовал семье Камбару, у которых во дворе выкопан колодец, ведь у моей семьи был совершенно типовой дом, но в то же время я думал, что жить в такой резиденции очень даже круто. И естественно, что человек, видевший с самого рождения этот колодец в саду, не будет воспринимать его как дар свыше. Скорее, как данность.

— Однако в детстве, когда он принимал ванну, в редких случаях там происходило кое-что, и это не давало ему покоя.

— Не давало покоя?

— Его тревожило явление... Лучше сказать так.

Не связанное со странностями.

Всё не настолько серьёзно, нет... Но это точно какое-то таинственное явление.

Как пояснила сама Камбару.

— Не связанное со странностями... таинственное явление? Ты почти напугала меня этими подробностями! — напрягся я, сидя в ванне.

Если странности как-то повлияли на эту колодезную воду, то дело плохо... Если регулярно ею пользоваться, можно нарваться на неприятности. Хотя я сам сейчас сижу в воде с «историей», так что не мне об этом говорить.

— Нет, я же сказала, всё не настолько серьёзно. Явление не связано со странностями. То есть никакого влияния странностей нет.

— Ха-а...

Не связано со странностями, никакого влияния странностей?

Таинственное явление, в котором не замешаны странности... Ну, такое происходит сплошь и рядом.

Дело рук человеческих.

Или же природное явление.

Такое часто случается. Вопрос только в том, насколько это опасно и чем чревато.

Другими словами, разговоры о том, что странности здесь не замешаны, не гарантируют безопасности, о которой говорит Камбару.

— Эм-м, но ту обезьянью странность, у которой ты загадывала желания, тебе оставили родители. То есть она досталась тебе от матери, да?

— Да. Вот так Арааги-семпай, у вас феноменальная память!

— Нет, раз уж я с самого начала ошибался насчёт твоей странности, от похвалы теперь только большее...

— Когда-то я произносила слово «феноменально» как «феноманально»!

— Вот это реально феноменально!

Гаэн Тооэ.

Так её звали. Это имя я вспомнил, напрягая свою отнюдь не феноменальную память. Так звали покойную мать Камбару Суруги.

А вот имя её отца я не знаю... В любом случае, сейчас спрашивать об этом неловко.

— Ну и что это за таинственное явление, не связанное со странностями? Что это, Камбару? В зависимости от обстоятельств, мне либо придётся уносить ноги из ванны как можно скорее, либо нет...

— Не нужно так осторожничать, Арараги-семпай. Не беспокойтесь, здесь нет ничего страшного. Это вам не какая-нибудь история с призраками.

— Не история с призраками...

От этого не легче.

Как бы там ни было, моё тело переживало остаточные эффекты от странности. Может быть, моя мысль прозвучит дико, но что, если эта колодезная вода — святая или что-то вроде? Тогда моё тело рискует раствориться в ней.

Ну, в теле Камбару тоже осталась странность, и, если она до сих пор без проблем пользовалась ванной, у меня нет причин для беспокойства. Хотя как знать? Камбару-то мазохистка до мозга костей, и она, возможно, наслаждается болью, растворяясь в ванне.

— ...

Но даже для мазохистки это слишком. Просто на грани фантастики.

Что она за странность?

Необычная даже среди загадочного.

«Странная»!

— Ладно, не буду мешать, если хотите выйти. И не буду останавливать, если вам захочется выйти из ванны голышом.

— Нет уж, останови!

— Но перед этим, Арараги-семпай... Прошу, посмотрите на поверхность воды в ванне.

— ?..

Я не понимал, чего добивается Камбару, но машинально исполнил её просьбу. Ну, чтобы рассмотреть содержимое ванны, не требовалось усилий. Я лежал там, погрузившись в воду по самые уши, но как только сел ровно, она сразу же попала в поле моего зрения.

— Посмотрел. Может, уже поздно спрашивать... С этой водой что-то не так?

— Нет, я не про воду.

— Вода не холодная¹³? Что? А, ты в том смысле, что она «горячая»¹⁴? Ну да, горячая...

— Нет-нет, я не об этом. Я же чётко выразилась, не так ли? Я хотела, чтобы вы не на воду посмотрели.

«А на поверхность воды», — добавила она.

Добавила Камбару.

Поверхность?

005

Я немало удивился, когда мне рассказали об одной детали, но... в английском языке, судя по всему, нет понятия для слова «ою». Ну, не то чтобы нет понятия, там «ою» не выразить одним словом. «Ою» и «мидзу» у них различаются как «горячая холодная вода» и «холодная холодная вода»¹⁵ соответственно. По-видимому, понятие «горячая вода» они выражают с помощью словосочетания «холодная вода», потому что вода есть вода, как её ни назови.

Так как я вырос в японской культуре, мне никогда не представить, что слова «ою» не существует, но, с точки зрения людей, воспитанных за границей, пространность японского слова «мидзу» — куда большая проблема. Дело в неясном различии между «ою» и «мидзу», ведь «горячая вода» тоже «вода»... В то же время «мидзу» означает соединение H₂O и также является универсальным термином для обозначения всех жидкостей.

Ну, если задуматься, разбираться в этих вещах не так тяжело, сколько жутко.

Как бы то ни было, зачинщицей, рассказавшей мне о жути, скрывающейся за словом «мидзу», была Сендзёгахара Хитаги-сама.

— Умри, — сказала она. — Умри. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри.

— ...

Жуть.

Неважно, стою я напротив неё или просто слышу её голос, Сендзёгахара пугала в любом случае... Но хуже уже не станет, потому что она с самого начала дошла до крайней меры.

Я чуть было не выронил мобильный телефон, но кое-как пересилил себя и ответил:

— Я... Я пока не могу умереть. Потому что прошло-то всего ничего с тех пор, как я стал твоим парнем. Мы только начали встречаться. И я хочу встречаться с тобой и дальше. Жизнь мне сейчас слишком дорога, чтобы умирать!

— О, вот как. Приятные слова говоришь. Так и быть, поживи ещё.

— ...

Простая ты, Сендзёгахара-сан.

Можешь пожелать мне смерти ещё немного.

Другими словами, перестань с такой лёгкостью говорить о своей жажде убийства, если способна так легко забыть об этом. Как бы то ни было...

— Так вот, я ходил к Камбару домой, чтобы прибраться у неё в комнате, — продолжил я свой рассказ.

В конечном счёте я принял благодарность Камбару, то есть после ванны пришёл на устроенный в мою честь званый ужин. Когда мы закончили есть, был уже поздний вечер, поэтому для меня начали готовить футон, однако я кое-как сумел отказаться и вернуться домой до того, как часовая стрелка добралась до отметки в двенадцать.

Сёстры отчитали меня за то, что я гуляю поздней ночью.

Обычно, когда они читают мне нотации, мы ссоримся в пух и прах, но сегодня им повезло: я вернулся слишком вымотанным, чтобы спорить с ними.

Я смыл в ванне всю усталость, накопленную в ходе уборки комнаты Камбару, но напряжение, с которым я сидел на званом ужине, вконец измотало меня.

Поэтому я проигнорировал сестёр и пошёл в свою комнату, где собирался уже ложиться спать, но...

Ставя мобильник на зарядку, я заметил входящее сообщение, которое почему-то пропустил раньше. Оно было от Сендзёгахары.

Я мог игнорировать сестёр, но не Сендзёгахару. Потому что она меня пугает... Но, кроме того, в позапрошлом месяце мы с ней начали встречаться, так что я просто не мог сделать вид, будто она не писала мне.

Учитывая, сколько сейчас было на часах, я подумал, что она прислала мне сообщение с пожеланием спокойной ночи, но в его теме я увидел «похоже, ты ходил к Камбару». Это уже письмо от надзирателя!

Текста сообщения не было.

Пугает даже то, как она их пишет.

Возможно, в этом сообщении был посыл «спи вечным сном».

Так я решился позвонить Сендзёгахаре и рассказать ей о том, как провёл этот выходной, в подробностях, ничего не скрывая.

Страшно, когда тебя разоблачают. Она точно поймала бы меня на лжи благодаря возродившемуся «Барухара комбо», где между Камбару и Сендзёгахарой существует

ментальная связь, похожая на «прямую горячую линию», по которой информация передаётся с молниеносной скоростью. В каком-то смысле это уже прямо «Барэхара комбо»¹⁶.

Я был у них под каблуком.

Нет, не то чтобы под каблуком. Скорее, они наступали мне на пятки... Моё достоинство вроде как растоптали. Камбару относилась ко мне как к подушке, а Сендзёгахара — как к коврику для ног.

Это уже не достоинство, а унижение¹⁷.

С учётом сложившейся ситуации я хотел было попросить помощи у Ханекавы, но если Сендзёгахара надзирает, то Ханекава контролирует мою личную жизнь, а поскольку Ханекава до сих пор не явилась на помощь, это значит, что она решила остаться в стороне, так что просить её о чём-либо бесполезно.

Я не говорил Сендзёгахаре, что пойду к Камбару делать уборку (вот от Камбару-то она и получила отчёт), но заранее предупредил об этом Ханекаву... Так, стоп!

Что творится с моей жизнью, а?!

У меня вообще нет свободы воли!

Принимая это во внимание, я начинаю сомневаться, было ли решение взяться за учёбу, чтобы поступить с Сендзёгахарой в один университет, моим собственным.

— Пойти в гости, чтобы навести порядок в комнате своей кохай... Арараги-кун так заботится о друзьях. Хотя принимать ванну в её доме — верх наглости. Думаю, тебе стоит умереть.

— Не надо так думать...

— Хорошо, когда я не думаю о том, чтобы тебя убить, да?

— ...

Конечно хорошо.

— Итак, Арараги-кун, какие мысли по поводу истории Камбару?

— Хм?

— Насчёт того, что тебе сказали смотреть не на воду, а на её поверхность.

— А-а...

Я кивнул головой.

Решив говорить обо всём без утайки, я в целом пересказал Сендзёгахаре и этот диалог, но умолчал о своих впечатлениях от рассказанной Камбару истории.

— Эм, ну, в этом действительно есть что-то загадочное. Или не загадочное? Может быть, лучше назвать эту историю романтической... На поверхности воды отец Камбару *видел образ девушки, с которой он свяжет себя узами брака в будущем.*

Вот такая история.

В юном возрасте отец Камбару, купаясь в той кипарисовой ванне, периодически видел образ незнакомой ему девушки. То есть иногда на *поверхности воды* появлялось изображение той, с кем он тайком сбежит в будущем.

Он думал, что ему это только мерещится, и, похоже, не придавал этим видениям особого значения. Затем образ незнакомки прекратил появляться в воде кипарисовой ванны, и тогда отец Камбару поймал себя на мысли «да что вообще значат эти видения?». Поэтому он был так шокирован, повстречав мать Камбару, то есть Гаэн Тооэ.

Будто бы.

Эта встреча была предначертана судьбой.

— Напоминает гадания, которыми балуются девочки. Типа, если набрать в раковину воды, можно увидеть отражение своего суженого и всё такое. Неужели здесь то же самое?

Поскольку история касается отца Камбару, то есть мужчины в расцвете сил, трудно предполагать, что он наивен будто девочка. Если это происходило в его юности, вполне возможно, что он и Гаэн Тооэ связаны с самого детства, и тогда в этом нет ничего странного.

Романтическая история.

Хотя можно ли так говорить?

Ну, если опираться на поверхностные знания старшеклассника, который только-только ступил на извилистый путь предстоящих экзаменов, поверхность воды может быть своеобразным экраном... Но тогда появление на нем лица «суженой», в смысле, «образа девушки, которую повстречаешь в будущем» выглядит по меньшей мере странно.

Здесь всё иначе, с недавним случаем с песочницей не сравнить.

Вода ещё более бесформенная, чем песок. Кипарисовая ванна, конечно, выглядела старинной, но с её дном всё было в порядке.

— Хм, — хмыкнула Сендзёгахара. — Кстати, Арараги-кун, когда ты посмотрел на поверхность воды после того, как тебя попросила Камбару, что ты увидел? Кто отразился там? Это была я? Я? Или же я?

— Вот пристала!

— Ханекава-сан? Камбару? Хачикудзи-чан?

— Жуть!

Я вздрогнул.

— Да нет, никто там не отразился... Отражение как отражение. Как и всегда, это было моё лицо.

— А? Значит ли это, что суженая Арараги-куна — он сам?

— Помолчи! Конечно же, это буду не я!

Несмотря на то, что Сендзёгахара вечно говорит бесцветным тоном, в такие моменты она старательно изображает удивление.

— Что-то подобное я уже слышала. Миф о человеке, который загляделся на собственное отражение в воде и утонул... Как-то так, да?

— Ты и сама всё прекрасно знаешь, не так ли? Тебе просто хочется, чтобы я сказал слово «самовлюблённый».

— Есть ещё одна похожая история. Собака, державшая в пасти кусок мяса, увидела своё отражение в реке и залаяла, пытаясь отобрать мясо у своего «двойника». Её собственный кусок выпал из пасти в реку... Такая глупость — арагагизм, определённо.

— Нет такого слова «арагагизм»! Не делай из меня ходячую глупость! В любом случае вода, на мой взгляд, была совершенно обычной, как и её поверхность.

— Хм-м. Хоть ты и вампир, а в воде отражаешься.

— Нет, я больше не вампир... Остались только осложнения. Я и в зеркале отражаюсь, всё как обычно.

— Кстати, я слышала, что вампиры не способны переходить через реки и плавать... Арараги-кун, а ты можешь плавать?

— М-м? Эм-м, никогда не пробовал... Если задуматься, то, по идее, плавать должен, да?

Я-то ладно, а как с этим обстоят дела у Шинобу?

Может, она и выглядит как маленькая девочка, но уровень её вампиризма будет повыше моего, вроде бы... Однако не исключено, что я так решил, потому что на меня повлияла её личность.

— Ну, есть же всякие загадочные истории, и не важно, связаны они со странностями или нет. Если бы в чём-то таком была замешана её мама, это ещё куда ни шло, но если речь об её отце...

Не знаю, каким человеком была мама Камбару, однако то, что в наследство она оставила «обезьяну», говорит о её принадлежности к *той сфере*.

Сложно сказать что-либо определённое, даже если учесть, как сильно ненавидели Гаэн Тооз бабушка и дедушка Камбару, хотя они кажутся такими добрыми людьми. И они терпеть не могли эту женщину задолго до того, как она увела их единственного сына.

— Может, это не гадание, а проклятие? Которое показывает твоё отражение суженому.

— Полная жуть. Да за кого ты принимаешь мать Камбару?

— Шу-утка, — протянула Сендзёгахара шутливым тоном. Нет, её голос оставался по-прежнему бесцветным, это сама фраза звучала шутливо. — Просто шу-утка.

— Кто так шутит-то?

— Ну, знаешь, раньше я уже слышала эту историю от Камбару.

— А?

И теперь говоришь об этом так просто?

И почему, интересно знать, ты не начала с фразы «по правде говоря»?

— А что? Я же никогда не говорила, что не знаю об этом. Мы с Камбару уже много лет знакомы. Неудивительно, что эта история мне известна. Скорее, я испытала бы шок, если бы она рассказала что-то, о чём я не знаю, тебе, человеку, с которым едва знакома.

— ...

Судя по тому, с какой уверенностью Сендзёгахара об этом говорила, похоже, она узнала об истории Камбару задолго до возрождения «Барухара комбо», то есть во времена учёбы в средней школе.

— Я не со зла. Просто хотелось посмотреть на то, как комично ты будешь выглядеть, Арааги-кун, гордо рассказывая об истории, услышанной от Камбару.

— Ты просто наивреднейшая!

Ведёт себя, как вредина, да ещё и не со зла? Что ты за человек вообще?

— Ну, самом деле я просто запомнила, пока ты не рассказал об этом. И вспомнила детали уже по ходу твоего рассказа. Мол, «а-а, я уже слышала эту историю»... Впрочем, когда меня пригласили домой к Камбару и разрешили воспользоваться их ванной, я не наговорила им ничего неотёсанного, потому что была хорошей девочкой.

— Что?

М-м? Неотёсанного?

Что она имеет в виду?

— И конечно, в отличие от Арараги-куна, я купалась в ванне вместе с Камбару. Ху-ху, завидно, да?

— Нет, можно и без таких подроб...

Камбару и Сендзёгахара принимали ванну вместе.

Мне не завидно, а просто страшно.

Я больше не хочу приближаться к той ванне.

— Не говорила ничего «неотёсанного»? Что ты имеешь в виду?

— Так вот, в те времена у меня был хороший характер, то есть я не была такой злобной и своенравной девушкой, как сейчас.

«Что-то ты углубилась в самоанализ», — подумал я, затаив дыхание.

Но Сендзёгахара не обращала на меня внимания.

— Я к тому, что не отпускала никаких неотёсанных комментариев, пытаюсь объяснить события этой, с позволения сказать, романтической истории любви, которая совсем не тянет на историю о странности, — пояснила Сендзёгахара.

006

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Все люди без ума от себя, и даже не нужно вспоминать Нарцисса, героя греческой мифологии. Это не самолюбование, не эгоцентричность, а любовь с биологической точки зрения.

Всё из-за инстинкта размножения. Желания передать гены потомкам.

Люди уважают себя, считая собственную персону идеалом.

Вот что мне сказала Сендзёгахара.

— А? Что? То есть, по-твоему, отец Камбару увидел собственное отражение на поверхности воды как в зеркале и подумал, будто это его «суженая»? Эм, знаешь... вряд ли.

— Почему ты так говоришь?

— Ведь это же глупо!

— Так и есть, история глупая. Просто если подметить эту маленькую деталь, её отец выглядит идиотом, поэтому Камбару не стала акцентировать твоё внимание. Даже сейчас я считаю, что указывать на этот факт — бессердечно. Что уж тогда говорить о временах, когда я училась в средней школе?

— Тогда вернёмся к той самой сказке про собаку. Сама же понимаешь, да? Думаешь, во всём мире есть хоть один человек, способный спутать собственное лицо с чужим?

— Во всём мире нет ни одного человека, кто знал бы своё лицо достаточно хорошо. Даже зеркала искажают его: там твоё отражение перевернуто. На фотографиях и видео цветовые тона и трёхмерное изображение дают совершенно другой эффект. Меньше всего человек знает о своём истинном облике, ведь он видит лишь его подобие в отражении или где-то ещё.

— Нет, я не об этом говорю...

— Например, ты никогда не замечал, Арараги-кун, что все члены чужой семьи выглядят на одно лицо? Но сами они так не считают. Ты и твои сёстры кажетесь настолько одинаковыми окружающим, что это почти отвратительно, но сам-то ты не считаешь, будто похож на них так сильно.

— Уж слишком невозмутимо ты говоришь об отвращении... Ну, не то чтобы я не понимал, о чём ты толкуешь. То есть люди могут отличить одну вещь от другой просто потому, что уже привыкли к тому, как она выглядит, а тех, кто ещё не привык, легче всего обмануть, так получается? Например, эксперт может отличить подделку от оригинала, в то время как неподготовленный человек даже разницы не заметит...

— Да. Ну, в нашем случае всё немного по-другому, но достаточно и такого понимания сути.

— По-другому... Как бы то ни было, кто угодно может заметить разницу между отражением собственного лица и чужого, разве не так?

— Не совсем. Ладно, если бы в зеркале... Но, когда мы говорим о поверхности воды...

— ...

— Поверхность воды может дрожать, давать блики и мутнеть. Она не так хорошо отражает предметы, как зеркало. Знаешь же об эффекте «зловещей долины»? Чем точнее компьютерная графика или роботы изображают людей, тем меньше имитация похожа на человека. Когда замечаешь несоответствия между ними и нами невооружённым глазом, начинаешь видеть в этом что-то зловещее. Вот так будет точнее, если проводить аналогию.

— «Зловещая долина»...

— Говорят, если преодолеть эту «долину», это чувство отторжения, степень симпатии к объекту резко увеличивается. Этот принцип работает и в случаях с инцестом и ненавистью в семье. Как бы то ни было, твоё отражение в воде *совершенно точно не похоже на тебя самого*. Конечно, существуют зеркала тонкой работы, которые не переворачивают твоё отражение, но большая часть людей, взглянув в них на себя, подумает... «это не я». Кстати, когда долго всматриваешься в отражение близкого друга или члена семьи, то испытываешь неприятное ощущение, будто оно плохо имитирует их.

— ...Отражение в воде сильно отличалось от того, что отец Камбару видел каждый день в зеркале, поэтому он и мысли не допустил, будто на поверхности отражался он сам, так?

— Да. В этом размытом образе он вполне мог увидеть не себя, а девочку, разве нет?

— Ну... Между мужчиной и женщиной различий не так уж и много, особенно в детском возрасте, так что это возможно. Такой ответ сгодился бы, если бы речь шла о гадании или заклинаниях, которыми обычно балуются девочки. Но как только отец Камбару повзрослел и стал рассудительнее, по идее, он должен был догадаться, что видит, разве нет?

— Так и вышло. Поэтому образ девушки со временем исчез.

— ...

— А вот как точно он запомнил отражение незнакомки — совсем другой разговор. В нашем случае у отца Камбару остались смутные воспоминания, будто он видел на поверхности воды в собственной ванне лицо какого-то человека, так?

— И поэтому он решил, что это его «суженая»? Да уж, одурачил себя как мог... Ну, это же отец Камбару, так что неудивительно.

— Как раз наоборот. Когда отец Камбару повстречал Гаэн Тооэ, которую со временем стал считать своей «суженой», он решил, будто она похожа на девушку, чьи черты он когда-то узнавал в собственном отражении.

— Хм?... А-а, вот оно что... Понятно. Для человека со стороны причина и следствие перепутаны местами... Правда. Если иметь в виду чувства отца Камбару, то понимаешь, что всё так и было. Словно перед ним оказался ответ на вопрос из далёкого детства, да?

— В любви обычно так и бывает: ищешь того, кто похож на тебя самого, поэтому...

Поэтому.

Сендзёгахара замолкла, решив не заканчивать фразу.

— Ну, это просто интерпретация, — подытожила она.

Может быть, закончив таким образом, Сендзёгахара хотела по-девичьи скрыть своё смущение. Не исключено, что так она нашла для себя хоть какое-то объяснение, ведь Сендзёгахара не смирится, пока не подыщет простой и логичный ответ на загадку этой романтической истории.

Правды нам всё равно не узнать.

Вот почему найден не ответ, а всего лишь вариант, интерпретация... как выразилась Сендзёгахара.

Камбару и её отец поняли суть происходящего по-своему, а Сендзёгахара — иначе. Сендзёгахара может считать мысли отца Камбару «неразумными» или «нереальными», а он, в свою очередь, мог бы назвать софизм Сендзёгахары «неразумным» или «нереальным».

Отец Камбару.

Если он видел образ девушки лишь в кипарисовой ванне... Другими словами, если он видел «её» образ только в колодезной воде, то это считалось бы косвенным доказательством того, что в самой воде есть что-то загадочное.

А Сендзёгахара заметила бы, что раз явление происходит в одном и том же месте, то всему виной блики, которые бросали на воду лампы в ванной, искажая отражение. Она бы выкрутилась с помощью подобных доводов. Что ж, если выбирать сторону, то я отношу себя к таким людям... К тем, кто не может интерпретировать романтическую историю как романтическую и жалуется на то, что одно с другим не вяжется. Но я всё равно бы не позволил себе отпустить какое-нибудь неотёсанное замечание по этому поводу.

Ну, в том же духе...

Мы с Сендзёгахарой, скорее всего, похожи... Возможно, что мы с ней похожи как и все парочки.

Вместо того, чтобы попрощаться:

— Ладно, пока. Спокойной ночи. Увидимся завтра в школе, — она сказала: — Сболтнёшь Камбару лишнего — убью. Если расскажешь ей, я тебя не прощу. Если проговоришься, убей себя к утру, — и повесила трубку.

Мне её не понять... Думая об этом, в голове промелькнула мысль, что время ещё не слишком позднее, поэтому я набрал Камбару.

Я позвонил ей под предлогом того, чтобы сказать, что добрался домой в целости и сохранности, но на самом деле я хотел спросить её кое о чём... И конечно же, я не собирался болтать лишнего.

Потому что не хотел убивать себя к следующему утру.

— Слушай, Камбару. Я забыл кое о чём спросить. А что насчёт тебя? Что ты видишь, когда разглядываешь поверхность воды, сидя в ванне?

Я спросил, потому что...

Если домыслы отца Камбару верны, то в своём отражении Камбару должна видеть суженого... Но если всё-таки права Сендзёгахара, тогда в воде Камбару могла видеть образ...

Матери.

Там может отражаться Гаэн Тооэ.

Как и её отец... Камбару, возможно, видит её образ. Узнаёт в своём отражении на неровной поверхности воды черты родной матери. Лицо той, кто так сильно повлиял на жизнь Камбару, чьё влияние до сих пор оставалось в её левой руке. Впрочем, я не знал, на кого именно из родителей похожа Камбару, так что несколько не удивлюсь, если она видит в своём отражении отца. Оба варианта возможны в зависимости от того, как рябит вода.

Отец и мать.

Возможно... они оба отражаются там. Вместе.

Это было бы... романтично. Родителей Камбару уже нет в живых, но они вместе, и их образы стоят прямо перед глазами дочери...

— М-м? А-а, я вижу свои сиськи. По-моему, они очень эротичные, я разглядываю их всё время, пока лежу в ванне. Они так сильно контрастируют с рельефным прессом! Каждую ночь я смотрю на них с восхищением и теряю голову! Честно говоря, больше ничего и не вижу. А что такое, Арааги-семпай?..

Я повесил трубку.

Примечания

1. Сёдзи — в традиционной японской архитектуре это дверь, окно или перегородка, состоящая из прозрачной или полупрозрачной бумаги, крепящейся к деревянной раме.
2. В «散らカオス» (*тиракаосу*) объединились два слова: «散らかす» (*тиракасу*; разбрасывать) и «カオス» (*каосу*; беспорядок).
3. Выражение «*коко дэ атта га хяку ничи мэ*» — видоизменённое «*коко дэ атта га хяку нэн мэ*». Здесь «сотый год» заменён на «сотый день». Оригинальное выражение переводится как «вот и пришёл, наконец, твой час» или «в кой-то веки я тебя нашёл».
4. 壁 (*кабэ*) — стена, 廊下 (*ро:ка*) — коридор, 壁ドン (*кабэ-дон*) — ситуация, когда парень прижимает девушку к стене, преграждая ей путь вытянутой рукой, обычно сопровождается хлопком (*дон*) ладони по поверхности. 丼 (*дон*) — чаша с рисом, на который сверху накладывают гарнир. Например, カツ丼 (*кацудон*) — чаша риса со свиной котлетой. В данном случае Коёми подумал, что Суруга называет блюда.
5. Техника прыжка в высоту, разработанная американским прыгуном в высоту Диком Фосбери, которая на сегодняшний день используется большинством спортсменов этого вида спорта.
6. «Засучивать рукава» (*удэмакури о суру*) и «класть чьи-то руки под голову» (*удэмакура суру*).
7. Суруга использует вспомогательный глагол фамильярной формы повелительного наклонения, который употребляется исключительно в мужской речи.
8. Квадратная коробка, в которой подают гарниры, сложенные в два или более слоёв.
9. Выражение «*ганпури ёцу ни куму*» в сумо означает «обхватить друг друга руками».
10. 三角跳び (*санкаку тоби*; скачок треугольника) — техника каратэ стиля Сётокан. Это прыжок на противника с разворотом на 180 градусов (в полёте ноги двигаются по вершинам

треугольника) и ударом рукой в шею. Техника позволяет повалить противника и оказаться за его спиной. Также в манге «Капитан Цубаса» персонаж по имени Вакасимадзу Кэн (получивший прозвище Каратэ-вратарь) использовал эту технику в качестве своего коронного приёма (он делал «треугольный» прыжок и бил по штанге).

11. «Недоверие» (*гиваку*) созвучно со словом «прошлое» (*иваку*), так как при произношении первого звук «г» практически съедается.

12. «Подогреть» (*ваку*) и «прошлое» (*иваку*).

13. Слово «мидзу» используется для описания воды с температурой ниже человеческого тела. В основном под ним понимается [холодная] вода или просто жидкость. Из-за этой двусмысленности Коёми подумал, что Суруга в предыдущей реплике говорит ему «нет, вода там не холодная».

14. Словом «ою» описывается тёплая или горячая вода (температура выше человеческого тела). В расширенном смысле под ним понимается вода в банях (потому что там она по определению горячая) и иногда даже сама ванна с налитой в неё горячей водой.

15. Слово «мидзу» обычно переводят как «вода», но его контекстное значение — «холодная вода», поэтому говорить в быту «*аттакай мидзу*», что по сути есть «тёплая [холодная] вода», не совсем правильно (хотя такое возможно в научном контексте или с промышленной, а не питьевой водой), и для японца это звучит странно, потому что для этого, в принципе, уже есть слово «ою», которое имеет значение «тёплая вода». Между тем «*цумэтай мидзу*» — «холодная [холодная] вода» — сказать, в общем-то, можно, тем самым подчёркивая, что вода очень и очень холодная.

16. Первая часть словосочетания «*барэхара комби*» происходит от глагола «*барэру*» (быть раскрытым/разоблачённым).

17. «Достоинство» (яп. 尊厳 *сонгэн*) и «унизительное положение» (яп. 損減 *сонгэн*).

Ветер Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31		

001

Что думает о дорогах ученица средней школы по имени Сэнгоку Надеко? И думает ли вообще? Если мне придётся ответить на эти вопросы, предположу, что ей ничего такого в голову не приходит. Может, я эгоистично не прав, а моё предположение — грубость по отношению к ней, но Сэнгоку Надеко живёт, опустив глаза и потупив голову, поэтому видит только свои ноги, а не дорогу.

Она живёт, рассматривая собственную обувь.

Но это не значит, будто Сэнгоку делает что-то плохое.

Не хочу, чтобы меня поняли превратно: я нисколько не упрекаю её. Ведь есть же такие несовершенные и не видящие, куда идут, люди, как я, которые не то что опускают глаза вниз, а полностью закрывают их, когда ходят или, в зависимости от ситуации, бегают по дорогам. Более того, я частенько не только не смотрю перед собой, но и по сторонам, да? Поэтому как я мог осуждать Сэнгоку за то, что она с таким увлечением рассматривает собственные ноги?

Человек, подобный мне, не имеет ни одной причины упрекать или хвалить Сэнгоку: я не разглядываю не только собственные ноги, но самого себя как такового, и, кроме того, считаю себя человеком окончательно заблудшим, в то время как Сэнгоку просто отводит взгляд в сторону от дороги и продолжает рассматривать свои ботинки.

Шаг.

Шаг за шагом.

Какая всё-таки трудная у неё жизнь: вот так вот без конца смотреть на свои ноги, разглядывать обувь и при этом продолжать идти по какой бы то ни было дороге.

Но это тоже жизнь.

Самая что ни на есть жизнь.

Такое не отрицают. По крайней мере, так просто не отрицают.

Впрочем, даже если такой путь считается жизнью, он явно не рассчитан на людей. У Сэнгоку, которая не понимала, по какой дороге идёт, и не знала, как та называется, не было никакого нормального человеческого пути, о котором стоило бы рассказать.

И если есть хотя бы еще один важный и требующий указания момент, способный раскрыть образ жизни Сэнгоку Надеко, то он касается её привычки жить, потупив голову...

Ведь пока Сэнгоку жила, сосредоточенно следя за движением своих ног, она, возможно, никогда не падала, не оступалась и не спотыкалась. Но поскольку она идёт и не смотрит перед собой, то не знает, что ждет её впереди. Следовательно, ей никогда не убежать от опасностей, с которыми она так или иначе сталкивается.

Возможно, это не так уж и важно, но, если отойти от всего, что касается человечности... Говорят же: «знать змеиную дорогу — значит, хорошо знать змей».

И что касается змеиной дороги...

Лучше смотреть себе под ноги, чтобы не встать на этот путь.

— П-прости за беспокойство, братик Коёми.

— О, ты пришла, Сэнгоку. Заходи.

— В-всё-таки не стоило беспокоить тебя, лучше пойду домой.

— Не уходи спустя секунду, как пришла!

— П-п-пока. Сегодня было весело.

— Когда ты умудрилась?!

— Э-это был лучший день в моей жизни.

— Слушай, что весёлого в прихожей моего дома?! И ты что, уже познала все аспекты жизни?!

Начало августа. Один из деньков летних каникул.

В этот день, когда инцидент с одним мошенником был полностью исчерпан, Сэнгоку Надеко, подруга моей младшей сестры, пришла ко мне в гости, как мы и договаривались.

Я пригласил её, потому что считал, что должен отблагодарить Сэнгоку, представив ей отчёт о выполненной работе, поскольку об этом мошеннике я услышал от неё.

Конечно, по этикету это я должен был навестить её, чтобы выразить свою благодарность. Однако в прошлом месяце случилось кое-что, отчего мне расхотелось навещать Сэнгоку в принципе. В последний раз, когда я заходил к ней, мы отлично провели время за игрой в «Жизнь» и другой всячиной, но события того дня складывались настолько странно, что под конец я сбежал оттуда, словно спасался бегством от мамы Сэнгоку.

Может, во мне заговорил животный инстинкт.

Или даже инстинкт странности.

Именно поэтому я позвонил Сэнгоку и пригласил её в гости. Сначала я подумывал забрать её откуда-нибудь, но она отказалась:

— Да ладно, ничего страшного.

Кстати, в позапрошлом месяце Сэнгоку навещала меня вместе с Камбару, так что дорогу к моему дому знала. Да и вообще в прежние времена она частенько заглядывала к моей сестре, пока они учились в начальной школе.

Поэтому не было причин волноваться за Сэнгоку и встречать её, верно? Дедушки и бабушки души не чают в своих внуках, но их любовь не сравнить с братско-сестринской.

Однако Сэнгоку была как раз из тех людей, на которых нельзя положиться, поэтому я слегка нервничал, не зная, придёт ли она к сроку, и приготовился искать её по всему городу на случай, если она потеряется, но мои тревоги развеялись, когда в дверь позвонили секунда в секунду!

С такой точностью да к радиоконтролируемым часам! Сэнгоку будто бы получила напоминание о точном времени у входной двери, ожидая, когда можно будет нажать кнопку. Правда, у неё нет мобильного телефона, так что вряд ли.

Тогда, может быть, она синхронизирует секундную стрелку наручных часов, когда выходит из дома? Нет, такого бережного, похожего на тревогу, отношения к времени не бывает в природе.

Хотя если проверить историю входящих звонков от Сэнгоку, можно заметить, что они всегда поступают ровно в ноль-ноль минут. Какое-то подозрительно частое совпадение. Определённо.

— В общем, заходи. Всё хорошо. Я как следует потрудился, чтобы привести свою комнату в порядок.

— А, д-да...

— Всё готово для приёма дорогой гостью. Сегодня веселимся всю ночь напролёт!

— О-ой...

Сэнгоку, похоже, чувствовала себя неловко в чужом доме, пусть здесь и жила подруга её детства. Мне захотелось успокоить Сэнгоку шуткой, но она только испугалась и задрожала в панике.

Хм-м...

Она жила в страхе. Я не видел её в другом состоянии с тех самых пор, как мы снова встретились в июне.

Сэнгоку = страх.

Но страх — часть её натуры, и с этим мне ничего не поделать. Присматривать за ней — это всё, что я могу.

Когда я в прошлый раз был у неё в гостях, она ободком убрала чёлку назад, но ко мне домой Сэнгоку пришла с привычной причёской, то есть с опущенной на глаза чёлкой. Вероятно, потому, что ей пришлось выйти на улицу.

Так что я не мог разглядеть выражение её лица.

И поэтому, разумеется, не знал, о чём она думала.

Сэнгоку выглядела так, будто смущалась или скромничала, однако не исключено, что ей просто не нравилось находиться в моём доме.

Она оказалась не в силах ответить отказом на настойчивое приглашение брата своей подруги и растерялась, поскольку ей нужно было прийти в дом, куда идти совсем не хотелось. Если я прав, то нет мне прощения. Хорошо бы мне ошибаться...

Хотелось верить, что она смущается по другой причине.

Вот бы Сэнгоку объяснила, что чувствует. Это бы здорово помогло понять её. Серьёзно, ей бы хоть сотую часть беспардонности Камбару, вот что-то, а это пришлось бы кстати!

После инцидента с мошенником обычное красноречие стало понемногу отказывать Сендзёгахаре. Точнее, её острый на словцо язычок несколько притупился. Мне не хотелось, чтобы Сендзёгахара, которой, кажется, становилось лучше, узнала, что подруга моей сестры меня ненавидит, и тем самым вляпаться в неприятности.

Такая новость серьёзно скажется на учёбе и станет значительным препятствием на пути подготовки к экзаменам.

— Говорю же, снимай обувь и скорее заходи!

— Д-да. Поняла. Сниму. Сделаю, как скажешь. Да, так и поступлю.

— ...

Страх Сэнгоку — нечто аномальное...

Даже если Сэнгоку ненавидела меня, с этим я ничего поделать не мог. Впрочем, мне всё-таки хотелось, чтобы она прекратила вести себя так, будто подозревает меня в чём-то.

Как бы то ни было, Сэнгоку, замкнувшись в себе... или проявив обычную для неё предусмотрительность... или продолжая колебаться, с большим трудом, но всё же переступила через порог моего дома. Я повел её на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Если честно, Цукихи-чан должна была посидеть с нами... Но она, похоже, до сих пор пытается уладить кое-какие дела.

— У-уладить дела? Что это значит?

— Подчищает следы. Разбирается с тем, что наворотил мошенник. Хотя я знать не знаю, чем она конкретно занимается. Сказать честно, понятия не имею, что творится в головах у Карэн-чан и Цукихи-чан.

И также не представляю, о чём думает Сэнгоку.

Короче говоря, возможно, мне просто невдомёк, что на уме у девочек-подростков из средней школы. Но раз уж я заговорил на эту тему, пожалуй, я вообще не представляю, что творится в головах у кого-либо из знакомых мне людей.

Даже мысли Шинобу, с которой я связан, остаются для меня загадкой.

Не могу сказать, что я понимал её.

— О-ого! Правда. Вечеринка. Ты устроил вечеринку!

Пока мы поднимались по лестнице, Сэнгоку продолжала себя накручивать, поэтому шагала еле-еле, так что путь на второй этаж показался мне невероятно долгим, словно обычные тридцать секунд растянулись до тридцати минут. А ведь расстояние было ничтожным! Но когда мы с Сэнгоку вошли в мою комнату, она слегка повеселела, точнее, я уловил радость в её голосе.

То есть не когда мы зашли в мою комнату, а когда Сэнгоку заметила сок и закуски, разложенные к приходу гости.

Скромная вечеринка получилась, да и я не готовил никаких сюрпризов. Сама Сэнгоку принимала меня с куда большим размахом, когда я зашел к ней в гости в прошлом месяце. Но если такая мелочь сделала её счастливой, я только рад.

Впрочем, не я спланировал «вечеринку», а моя сестра... Она любезно всё подготовила, а потом отправилась «уладить кое-какие дела после ухода мошенника».

Да, природная изворотливость моей сестры не приводит меня в восторг, но именно эта черта сделала её знаменитой среди учениц средних школ нашего города.

Она сказала мне развлечь Надеко-чан вместо неё. Да как у неё язык повернулся сказать такое своему брату?!

— У-ух ты! Попкорн! Ура! Попкорн... вот бы набить им рот! Хочу запихнуть так много, чтобы не вздохнуть! А потом проглотить, не жуя!

— Ты же умрёшь!

— О-ох...

Сэнгоку свернулась клубочком, продолжая восторженно бормотать.

Удивительно, сколько радости могут приносить какие-то закуски... Может быть, дома ей не разрешают есть сладости?

Она казалась такой избалованной, но, похоже, сладостями её не балуют...

Я даже удивлён.

— Ух, — выдохнула она.

Сев на подушку, Сэнгоку принялась стягивать чулки. Вероятно, потому, что хотела ходить босиком. Пока я наблюдал за ней, Сэнгоку уже расправилась с чулками.

Она аккуратно сложила их вдвое, а потом оставила на полу, сбоку от себя.

— ...

Она стянула чулки так, как люди снимают головной убор, заходя в помещение, но... А?! Не понимаю! Вообще ничего не понимаю! Разве среди правил этикета есть хотя бы одно, где сказано, что нужно снимать носки или чулки, заходя в чью-то комнату?

Не могу сказать, что частенько навещаю кого-либо и оказываюсь в чужой комнате, поэтому мне банально не хватает житейского опыта, чтобы знать точный ответ на этот вопрос, так что я не знаю, что и думать...

Если обратиться к воспоминаниям, то я бывал только в комнатах у Сендзёгахары, Камбару... Причём в комнате Камбару босиком не походишь! Там вообще нечего делать без обуви с толстой подошвой, иначе рискуешь поранить ноги.

— Ц-Цукихи-чан сейчас не дома... — заметила Сэнгоку.

На ее лице читалось нетерпение: ей хотелось уже полакомиться чем-нибудь вкусеньким, но она старалась сдерживаться и не подавать виду.

Ей хотелось, не тратя времени даром, приняться за попкорн, но вместо этого Сэнгоку продолжила:

— И Карэн-сан тоже?

— Ага. Они же входят в один набор. Обе по цене одной.

Ну, по правде, они слишком различаются по комплекции... И даже если поместить Карэн и Цукихи в один набор, упаковать их как следует не выйдет. С моими сёстрами так тяжело!

Хотя кто-то может заметить, что упаковывать сестёр — не лучшая идея.

— А... А твои батюшка с матушкой?

— Как ты к ним уважительно! «Батюшка» с «матушкой»... Их нет, они на работе. Такие вещи, как «выходные» и «летние каникулы», не касаются моих родителей. Потому что у них ничего подобного нет.

— Х-ха... Т-тогда... сегодня здесь только Надеко и братик Коёми?

— Хм? Ну да, только мы с тобой. А что такое?

— Конечно же ничего! У-ху-ху-ху-ху-ху.

Сэнгоку мило засмеялась.

Наконец-то она посмеялась, а.

Ясно, Сэнгоку так нервничала из-за моих родителей? Ну да, чужие родители любого заставят понервничать.

Мне тоже пришлось туго с отцом Сендзёгахары, и, кроме того, я удрал от мамы Сэнгоку. Также я поначалу опасался встречаться с дедушкой и бабушкой Камбару, но теперь по привычке и могу зайти к ним, даже если Камбару не будет рядом.

— Так, в первую очередь, добро пожаловать, Сэнгоку!

Я разлил сок по двум стаканам, подготовленным заранее, и передал один из них Сэнгоку, чтобы предложить ей тост.

— Д-да! Спасибо тебе, братик Коёми! Поздравляю! С днём рождения!

— ...

Мой день рождения в апреле.

003

— О... Так ты со всем как следует разобрался. Здорово! Слава богу!

Очевидно, что я не мог посвятить Сэнгоку во все детали того случая с мошенником, поэтому рассказал ей только то, что предназначено для её ушей, пока хрустел закусками, попивая сок.

Сэнгоку немного расслабилась.

Она, скорее, не то что обрела душевный покой, а сбросила с плеч тяжёлый груз. Это и понятно. Положение, в котором она оказалась из-за мошенника, было серьёзнее и мрачнее, чем у всех остальных девочек средней школы.

Благодаря помощи Ошино и, конечно же, Камбару, мы кое-как решили эту проблему. И всё же Сэнгоку была как на иголках, пока не узнала, что мошенник исчез из города.

— Не знаю, можно ли говорить о том, что всё сделано «как следует». После ухода мошенника у меня остался неприятный осадок. Или чувство неопределённости. Всё закончилось как-то пространно... Как говорится, ни нашим, ни вашим.

— Но хуже уже не будет, да?

— Ага... Ну, пожалуй, в каком-то смысле можно сказать, что ничего серьёзнее больше не случится.

Хотя не совсем ясно, не случится ли теперь чего похуже.

Совсем не ясно.

Один негатив в мыслях. Мрачный взгляд на вещи. Но, как бы то ни было, решение остаётся решением, то есть хуже уже не станет.

Нет, даже если решение будет иметь негативные последствия, всё равно это выход из ситуации. У моих сестёр бытует привычка лезть куда не следует, но не мне их критиковать. Их дела меня вообще не касаются.

Стоять в стороне и наблюдать — позиция лучше некуда. Так надёжнее и виднее.

Возможно, устраивать вечеринку, да и вообще праздновать победу преждевременно. Попахивает излишней самонадеянностью. Но да ладно, если не отклоняться от сути, жуткий мошенник покинул наш город, и это достаточный повод отпраздновать.

Мы заставили этого типа пообещать, что ноги его в городе не будет, и в честь такого достижения не грех закатить вечеринку.

— Ты сказал, что Цукихи-чан и Карэн-сан «ушли уладить дела»... Твинтересно, как там они?

— Твинтересно?

Твиттер?

Сэнгоку больше по твистеру, а не по твиттеру...

— А, нет, — Сэнгоку поправила себя. — Интересно, как там они?

— Кто знает.

Я намекнул Сэнгоку, чтобы она исправилась, а потом сухо ответил на её вопрос. Ну, мне честно было нечего сказать, кроме как «кто знает». В отличие от своих сестёр, я несведущ о мирке, в котором живут ученицы средних школ.

Если взглянуть на ситуацию под этим углом, поступки того мошенника и то, что он пытался предпринять, выглядели, как минимум, странно... Если не отвратительно.

Заклинания.

Проклятия.

Умышленное распространение странностей...

— Эм... Под устранением последствий, которое взяла на себя Цукихи-чан, имеется в виду уничтожение всех распространившихся странностей по одной?

— Нет... Это же нереально! Я бы сказал, что она, скорее, будет заботиться о жертвах того мошенника. Ну, не исключено, что и уничтожать странности тоже попытается.

Может, она и хотела бы расправиться с ними, но разве такая работа не за гранью её возможностей? Это означало бы ввязаться в информационную войну. Да будь она даже штабным офицером Огненных Сестёр, такое ей не по плечу. Хотя само выражение «будь она штабным офицером» вызывает закономерный вопрос: насколько же разросся штаб Огненных Сестёр?

— О-огненные Сёстры крутые, братик Коёми. Может быть, братику Коёми трудно это осознать, потому что они — твоя семья, и вы слишком близки. Но Огненные Сёстры правда-правда-правда крутые.

— Вот как...

— Они правда, заверено ¹крутые!

— «Заверено» как «заверенная нотариусом выписка из домовой книги»?

Даже если слегка приглушить восторг Сэнгоку и с известной долей скепсиса рассмотреть её высказывания о Цукихи и Карэн, в голове начинают мелькать мысли, что мои сёстры и впрямь крутые. Ну, если даже послушная и замкнутая Сэнгоку твёрдо убеждена в этом и готова отстаивать своё мнение...

Не исключено, что Огненные Сёстры реально круты.

— Да! Можно строить из себя большую шишку, стоит только рассказать всему классу, что дружишь с Огненными Сёстрами!

— Ты серьёзно ведешь себя как большая шишка? В классе?..

Удивительно.

Чтобы такая крохотная Сэнгоку корчила из себя важную персону...

— Н-нет, не веду.

«Кхм», — прокашлялась Сэнгоку.

Милый кашель.

— Но и нисколько не преувеличиваю. Если только обмолвиться, что Огненные Сёстры — мои подруги, можно уже собирать деньги со всех подряд!

— Одни проблемы от такого авторитета...

Попахивает мошенничеством...

Ситуацией могут воспользоваться подражатели. Говорят, что слишком суровое правосудие порождает преступления, и то же самое уже можно сказать об Огненных Сёстрах с их методами работы.

Хотя вряд ли бы они со мной согласились на этот счёт...

— Кстати говоря, недавно появилась группа подражателей под именем «Ледяные Сёстры».

— Как-то очевидно, не находишь?

Ну, по-моему, мои сестры куда большие подражательницы, хотя я не должен так говорить. Пусть я и считаю их неряхами, расхаживающими по дому голышом, но для Сэнгоку-то эти обстоятельства ничего не значат: она по-прежнему видит их своими подругами.

Естественно, что ей не хочется слушать оскорбления в адрес своих друзей, даже если они исходят от члена их семьи.

— Ту-дум! А вот и Огненные Сёстры!

— Не надо тут строить из себя конференсье.

Или Сэнгоку объявила не следующий номер, а совершенно новое шоу.

Вот как! Я тут ни сном ни духом, а мои сёстры уже готовятся к финалу, да?..

— Ладно, не будем о том, кто на что способен или неспособен. Знаешь же, что память у людей короткая ² ? Что касается историй о призраках, которые мошенник разнёс по всему городу, мне кажется, что не лезть в эти дела — наилучшее решение вопроса. Стоит занять наблюдательную позицию и забыть о них на время.

— Сложно ничего не делать... — возразила Сэнгоку. — Надеко всё задавалась вопросом, можно ли что-нибудь сделать. Могу ли я помочь Цукихи-чан и Карэн-сан... И сегодня мне хотелось бы обсудить, что я могу сделать полезного.

— Если и есть что-то тебе по силам, так это, думаю, встать на ноги после того случая со змеей. Да, я понимаю, что ничего уже не будет, как прежде.

— ...Когда ты говоришь «встать на ноги», это звучит так, словно до этого Надеко уже стояла на ногах. Но мне кажется, что раньше я всего лишь ползала. Именно ползала. Как змейка...

И, пока я молча размышлял о том, какая же она пессимистка, Сэнгоку выдала:

— А, а-ва-ва! — переволновавшись, она набила рот попкорном, затолкав туда целую горсть. Впрочем, именно этого она и хотела, о чём и успела заявить. Набив рот горстью попкорна, Сэнгоку сильно напомнила мне белку. Нет, не белку. Змею.

Конечно же, она не смогла проглотить всю горсть целиком, и поэтому разжёвывала попкорн с громким хрустом.

— Т-ты что делаешь?.. — на всякий случай спросил я, попутно думая о том, что Сэнгоку умудрялась оставаться милой, чем бы ни занималась.

— Хрум-хрум. Хрум.

Прожевав попкорн, Надеко заговорила:

— Даже не знаю, как сказать, братик Коёми. В моём случае всё очевидно, но... Тот Мошенник-сан...

Говорить о мошеннике уважительно — вполне в духе Сэнгоку, и лично у меня эта её привычка вызывает улыбку. Но я знаю, что из себя представляет «мошенник-сан», и, по правде говоря, меня воротит от вежливого обращения к нему.

Если бы так его называла не Сэнгоку, а кто-то другой, я бы попросил того человека не использовать «сан».

— Как же он распространил эти слухи?

— Хм?

— Слухи... или заклинания... или истории о призраках. Все эти оккультные штучки... Как?

— ...Ну, он ведь планировал разбогатеть по-быстрому. Поначалу раздавал ученицам средних школ заклинания бесплатно, на пробу, а потом выжидал, когда появится спрос, чтобы сбывать их уже за деньги.

Если так подумать, то мошенник использовал современную бизнес-стратегию, ничего больше.

Сам товар выдают бесплатно, а за дополнительные услуги нужно доплачивать... Он явно следит за трендами, поскольку всю жизнь промышляет мошенничеством. Профессионал.

Нет.

Мошенничество — преступление, а не профессия.

— Нет, я не об этом, братик Коёми. Я спрашиваю не «почему», а «как»...

— М-м? А-а, ты хочешь узнать не для чего, а как он это делал? Для этого ему...

Мне казалось, что я, будучи «старшим братиком» (на которого всегда можно положиться), выдам ей все секреты мошенника как совершенно очевидные вещи, раз уж она так просит. Но когда я начал свою речь, вдруг понял, что мне совершенно нечего ей сказать.

А?

Как он это сделал?

Я с трудом представляю, как можно распространить слухи среди учениц средних школ... Реально, что нужно сделать, чтобы план сработал?

Ошино как специалист занимался коллекционированием историй о странностях. Чтобы собирать городские легенды, уличные сплетни и пустые толки, он пришёл в наш город и по этой же причине покинул его.

Не стоит опять спорить о том, считается ли ремесло Ошино профессией. В некотором роде принцип его работы прост: расставляешь сети в разных местах, а потом ждешь, когда кто-нибудь принесёт слух или сплетню.

Всё равно что быть наблюдателем или ловцом. А кроме того — летописцем. Это судьба вечного слушателя, и, по идее, кто угодно справится с этой работой, если попытается, хоть дело-то и нелёгкое.

Есть и другой метод: прийти на место происшествия и поспрашивать очевидцев обо всём лично. Можно использовать и современный подход — поискать информацию в интернете. Вон сколько способов!

Но что насчёт распространения?

Городские легенды...

Уличные сплетни...

Пустые толки... *Не коллекционировать их подобно слушателю, а распространять как рассказчик...*

Распространять, а не коллекционировать... Как лучше всего этого добиться?

Не приём, а передача...

И не просто передавать, а потом управлять пущенным слухом, дергая за ниточки. Работа не для посредственности.

Не расставлять сети, а заманивать в ловушку... Но как?

— ...Сэнгоку, ты пыталась разобраться со слухом того мошенника с помощью рассказов из книг страшилок, да?

Змея.

Змеиная странность.

— Д-да. Но у меня не получилось.

— Получилось или нет — неважно. Тогда ты читала книги, чтобы найти способ справиться со своей странностью, да? Ты же ничего не покупала у мошенника.

Да, так оно и было.

Я не мог ошибаться. Тогда я сам видел Сэнгоку в книжном магазине: она выискивала там что-то, стоя ко мне спиной.

В великом плане мошенника всё было ужасным, но что если от его козней всё-таки можно спастись?

Стоило Сэнгоку Надеко волей-неволей поискать средство, и она сумела избежать встречи с мошенником. Но если бы этот зловещий тип, по чьему облику нельзя даже сказать, человек он или нет, и Сэнгоку, которая робче чихухауа, встретились, ничего бы хорошего не вышло. Она бы так просто не отделалась.

Вон в какое положение попала Карэн.

Что бы тогда случилось с Сэнгоку...

— Д-да. Но сейчас Надеко кажется, что если бы она постаралась, то могла бы связаться с Мошенником-саном, — выдала вдруг Сэнгоку.

Какая храбрая!

— Если бы я встретила с ним... то задержала бы и сдала полиции!

— Без шансов! — я как обычно дал резкий ответ.

Ладно, не стоит заикливаться на таких мелочах. Вряд ли теперь я могу хоть что-то изменить, если пойму схему мошенника. Да и Сэнгоку спросила меня не из-за какой-нибудь срочной надобности. Однако я слушаю, если скажу, что меня этот вопрос совсем не интересует.

Тот мошенник.

Как он смог распространить слухи?

— Во-первых, с кого начались эти слухи? Кто распускал их? Не сам же мошенник, верно?

— Все вокруг Надеко говорили одно. Наверно, они то же самое скажут Цукихи-чан, — предположила Сэнгоку. — Слухи разносит ветер.

— ...

Ветер?

004

— Кажется, в английском языке городские легенды называют «фольклором»... По всей видимости, подразумевается, что это истории, которые передают из «уст в уста». Но когда ты пытаешься найти источник этих историй, некоего «друга своего друга», вдруг понимаешь, что его никогда и не существовало.

Что касается мошенника, здесь нам с Сэнгоку больше не о чем было говорить. То есть больше не осталось ничего, о чём я мог бы ей сообщить, поэтому, коротая время до возвращения Цукихи и Карэн, мы решили обсудить тему слухов.

Ладно, слегка преувеличил: нашу болтовню с трудом назовешь обсуждением. На самом деле мы перебрисывались мнениями ради развлечения. Сомневаюсь, что от этой беседы будет толк в будущем.

Однако если на время забыть о слухах, которые распускал мошенник, и немного поразмышлять, на ум приходит один факт: во время весенних каникул уже был подобный случай.

С тех пор прошло несколько месяцев. Тогда я ещё не готовился к экзаменам и не имел дел со странностями. Слух о «вампирише» я узнал от Ханекавы, с которой раньше никогда не общался, поскольку мы учились в разных классах.

О вампирше с волосами цвета золота.

Железнокровной. Теплокровной. Хладнокровной вампирше.

Деве исключительной красоты. Я помню, что этот слух гулял среди школьников.

Заклинания мошенника и слух о «вампирше» объединяло одно обстоятельство: они распространялись среди девочек-подростков.

Нельзя точно сказать, будто у этих, на первый взгляд, разных вещей есть что-то общее. Вполне возможно, что девушкам просто нравится чесать языком о том о сём, в отличие от парней.

Говорят же, что девушки куда чаще парней формируют новые тренды. Значит ли это, что мошенник специально нацелился на эту группу лиц, поскольку знал, что вероятность зарождения фольклора здесь выше?

— ...Ну, нет, так называемое «говорят» — тоже слух по сути... Есть же девочки вроде тебя, Сэнгоку, которых слухи обходят стороной, да и я ведь узнал про вампиршу, несмотря на то, что сам парень.

— Точно. Поэтому, братик Коёми, надо рассмотреть рассматриваемый вопрос о слухах, вращающихся в широком кругу, повсеместно, не ограниченных конкретными целями.

— Ну да.

«Рассмотреть рассматриваемый вопрос»? Звучит сомнительно. Ну, похоже, у Сэнгоку так же плохо с родным языком, как у меня, поэтому я не буду на этом заикливаться. Не время и не место, чтобы бороться за чистоту речи.

— Процесс, с помощью которого распространяются слухи. Или процесс, позволяющий кому-то распространять слухи? Как тот мошенник провернул такой трюк?

Как распространялись городские легенды?

Как распространяли уличные сплетни?

— Но, если тот мошенник отлично понимал, как повернуть дельце, тогда, как мне кажется, он вышел на оптимальное соотношение затрат и эффективности для своих трюков.

— Братик Коёми, разве люди ограничиваются одним лишь расчётом? Надеко не встречалась с ним лично, поэтому точно не знает, но... Если исходить из рассказанного братиком Коёми, этот человек, похоже, из тех, кому просто нравится обманывать других людей...

— Ну, и такие бывают...

Нет, дело не в «нравится» или в «не нравится».

Это уже какой-то вид болезни... Или у него карма такая.

Выходит, мошенник вроде него выбрал такую профессию отнюдь не по желанию. Возможно, у него просто не было иного пути.

Если так думать, он уже предстаёт в образе жертвы. Вот что-что, а таких мыслей у меня в голове не было.

Как ни крути, а он — преступник.

Чёрт бы его побрал!

— Так, нам, наверное, надо не смешивать запуск трендов и получение прибыли с этих самых трендов. Мы утверждаем, что тот мошенник прогорел, но...

Он мог «избавиться от акций» или что-то вроде того перед самым обвалом цен, да?

Всё-таки есть разница между попыткой водить за нос общественность и наживой на доверчивости толпы. Точно! Это и следовало понять с самого начала разговора.

— Мы ведь вовсе не хотим быстро разбогатеть за счёт схемы мошенника, выяснив, как расходятся тренды, то есть раскрыв его секрет.

— А? — Сэнгоку сделала удивлённое лицо и, чтобы скрыть замешательство, тут же продолжила, — а, д-да. Конечно.

Видимо, она планировала разбогатеть на скорую руку...

Нет, даже за такое не стоит её ругать.

Законную прибыль и цель честно заработать деньги не должны встречать упрёками. Но, будучи старшеклассником, который однажды влез в долг размером в пять миллионов иен, я невольно задаюсь вопросом: есть ли люди, которые предпочли бы так сильно зависеть от легальных источников дохода?

— Но, братик Коёми, если кто-то может пустить слух или создать тренд специально, если вообще есть такое искусственное ноу-хау, то это правда здорово! Величайшее открытие века! Таким образом может возникнуть новое социальное явление!

— Эм, что-то не хочется вызывать социальных явлений... Да и вообще, если подумать, до конца не ясно, была ли мода на страшилки или городские легенды на самом деле создана искусственно.

— Н-но, Надеко уже слышала что-то подобное. Сразу вспоминаются собрания людей, которые решают, что будет модным в новом сезоне, причём заранее, за год.

— А-а... Это я тоже слышал. Но только не всегда вещи входят в моду по распоряжению людей на таких собраниях...

Бьюсь об заклад, что Ошино объяснил бы нам это куда доходчивее.

В нашем мире действительно есть организации, способные диктовать моду и создавать тренды и без участия мошенников.

— Ладно! Давай для начала определим, что значит «популярное», ведь мы хотели порассуждать именно об этом с самого начала, верно?

Ну, пусть я и сказал, что от наших рассуждений вряд ли будет толк, и болтаем мы ради развлечения, я все же надеялся, что мы сумеем разработать план противодействия потенциальным мошенникам. Подобные типы ещё не раз могут заглянуть в наш город и развернуться в нём на полную.

Знай своего врага и знай себя ³.

В любом случае я всё не мог понять, чем слухи отличаются от городских легенд, ведь если сортировать эти истории по принципу правдивости и лжности, они все окажутся ложью.

В нашей реальности невольно смешались правда, хитрость и обман.

— Определить... Если мы говорим о слухах, которые разносит ветер... То, о чём можно узнать от «друга своего друга»? Такое определение, да?

— Трудно найти пресловутого «друга своего друга». К тому же узнать что-то от «друга своего друга» не что иное, как просто услышать что-то из уст друга. В таком случае слухи распространялись по схеме «испорченный телефон»...

Вот на этом моменте и началось наше с Сэнгоку совещание.

Не какое-нибудь собрание серьёзных людей, решающих, какой будет мода в следующем году, нет. Правда, чтобы воссоздать такую же атмосферу, мы с Сэнгоку убрали все закуски и поставили стол.

Блокноты открыты, карандаши в руках — буквально всё напоминало нам о школьных занятиях. Ну, устроенное мной и Сэнгоку совещание наверняка бы закончилось, так толком и не начавшись, будь с нами Ханекава.

— «Не успеешь и глазом моргнуть, а ты уже в курсе» — вот первое определение. Наверное. Да. Другими словами, ты всё равно получаешь информацию, даже если не стараешься её раздобыть...

— Точно. Как раз подходит к «заклинаниям», популярным в моей школе. Не успела я оглянуться, как о них заговорили на каждом углу... Будто эпидемия случилась.

— Эпидемия...

— Если проводить аналогию, то слухи похожи на какой-нибудь грипп.

— То есть такие же заразные, так получается? Если рассматривать слухи как своего рода эпидемию, то есть смысл порассуждать в этом ключе. Хм...

Реально ли считать слухи «болезнью» и думать, что ими можно «заразиться»? Можно предполагать, но всё равно очень трудно установить, где и от кого ты подхватил заразу... Больной понимает, что заражён, когда проявляются серьёзные симптомы.

Очень кстати, если говорить о слухах, разносимых ветром.

А может, это уже не ветер, а простуда ⁴.

— Выходит, мошенник, который промышлял в нашем городе, своего рода биотеррорист. А ещё это схоже с тем, что я слышал о «трёх правилах эпидемии»⁵...

«Эм-м», — промычал я, пытаюсь вспомнить, чем именно.

Об этих правилах я узнал, разумеется, от Ханекавы. В принципе, мои знания, по большей части, базируются на том, что я услышал от Ханекавы или Сендзёгахары.

— О-о... И какие они? Три столпа?

— Нет, три столпа — это уже что-то вроде «дружба, усилие, победа»⁶. Так...

Три правила эпидемии.

Или же три правила пандемии.

— Первое — высокая скорость заражения. Второе — обширная область заражения. Третье — сдерживание не работает. Вот эти три правила, насколько мне помнится. И они вполне применимы к слухам.

— Скорость, дальность и сила — так получается?

Сэнгоку сделала из этого игру.

Кстати да, она же любит играть!

— Про скорость и дальность более-менее понятно... Но что значит «сдерживание не работает», братик Коёми?

— Эм... то и значит. Как только болезнь распространится массово, её уже не остановить. Точнее, *не остановить с легкостью*...

— Но «слухи живут семьдесят пять дней», разве не так?

— Да. Правда, в этой фразе заключён и другой смысл. В течение семидесяти пяти дней тебе остаётся только бездействовать. На слух никак не повлиять.

Вот почему Огненные Сёстры отступили: иного выбора не осталось. Они просто опоздали. Потому что единственный способ защититься от эпидемий и инфекционных заболеваний — быть на шаг впереди и заниматься профилактикой.

— Понятно... — кивнула Сэнгоку с серьёзным видом.

Она делала всё возможное, чтобы поддержать атмосферу настоящего совещания. Очень мило с её стороны, но безрезультатно. Всё равно чувствовалось, что мы говорим об этом не всерьёз, а будто бы понарошку.

Возможно, и мои попытки высказать своё мнение выглядели вялой имитацией...

— Самозарождающиеся и искусственные слухи, как те, что распускал мошенник, по сути одинаковы. Вряд ли он планировал контролировать «заклинания», стоило им войти в моду после всех его стараний...

И неважно, успешен его план или нет, ведь, получается, этот тип изначально хотел тиражировать схему своего бизнеса ради... тиражирования? А потом бесследно исчезнуть из города, прекратив контролировать ситуацию. Так, что ли?

Напоминает подсечно-огневое земледелие ⁷...

— Если говорить о Мошеннике-сане, скорость распространения его заразы просто впечатляла... Первая партия «заклинаний» дала результат уже через пару месяцев.

— И область заражения... Под колпаком оказался весь город.

Удивительно, каких результатов достиг всего лишь один человек!

Нет, я несколько не хвалил его, даже не думал об этом, но когда мы с Сэнгоку стали разбирать схему мошенника, то невольно восхитились его предприимчивостью. Он просто невероятен!

— Так, теперь последнее из трёх правил... Давай подумаем, как же оно проявляется. Раз мошенник смог додуматься, то и нам с тобой это по плечу!

Нет, думаю, мы не так предприимчивы, как этот тип.

Ну, слово не деньги.

С другой стороны, нет ничего дороже бесплатного.

— Сэнгоку, вот что бы ты делала, будь у тебя такой шанс? Эм... Если бы решила растиражировать какую-нибудь историю о странностях... Если бы хотела провернуть такой трюк?

— Хм-м... Надеко трудновато осознать, какие шаги нужно предпринять, чтобы сделать что-то популярным...

Подумав немного, Сэнгоку всё же ответила:

— Самый простой и быстрый способ, скорее всего, сделать что-то популярное ещё популярнее. Да?

О-о...

Сэнгоку призналась, что не знает рецепта, как ввести что-нибудь в моду, однако самостоятельно придумала методику. На удивление, очень конкретную и достаточно убедительную.

— Если существует какой-то фундамент или база, для тебя уже расчистили путь... Согласно нейробиологическим исследованиям, в тех местах, где единожды установился синапс, передача электрического импульса в последующие разы происходит быстрее, да?

Может, и не надо было приплетать нейробиологию. Я просто рисовался перед Сэнгоку. Мне хотелось выглядеть интеллектуалом в её глазах. Но не будем о том, получилось у меня или нет.

— Если нужно больше вариантов, тогда подойдут и случаи, когда люди возвращали популярность вещам, которые были в моде когда-то в прошлом... Говорят же, что у историй о призраках есть десятилетний или столетний цикл, в течение которого появляются похожие истории... Как ты заметила, такой способ — самый простой и быстрый.

— В-вот как?

Сэнгоку застеснялась.

Как мило.

— Э-хе-хе.

— Но, пользуясь этим методом, ты не можешь создать тренд по своему желанию. Он не будет таким, как тебе хочется. Хотя способ сгодится, если твоя цель — просто создать какой-нибудь тренд.

— А... Извини.

— Тут не за что извиняться...

У Сэнгоку неискоренимая привычка извиняться по любому поводу.

Пока мы не заговорили о методах создания трендов, Сэнгоку умудрилась ни разу не повиниться, и я уж подумал, что она сумеет сдержаться до конца посиделок, но, увы, для неё это нереально.

Не хотелось бы вспоминать того отвратительного мошенника, а уж тем более использовать его в качестве примера... Но этот тип, пожелай он распространить какую-либо историю максимально эффективным способом, непременно бы воспользовался слухом о «вампирише», расхожим среди девчонок.

И всё же мошенник пошёл по иному пути, что означало одно: он не мог получить с этой истории прибыли. Слух о «вампирише» не принёс бы ему желаемого дохода.

Так он рассудил.

— На весенних каникулах слух о вампирше был популярным, вернее, *легко обрёл популярность*, потому что вампиры и так у всех на слуху.

— Точно. Едва ли кто-то в Японии о них не знает... На экранах телевизоров, в манге, фильмах... и даже играх — везде крутят что-нибудь про вампиров. Это не просто тренд, ставший популярным в прошлом, а что-то большее, поскольку тема так разошлась среди людей...

— Хм. Разошлась, говоришь...

Ну...

Обычно тренд, успевший широко разойтись в массах, почти тут же незаметно выходит из моды. Но это не наш случай: мы с Сэнгоку обсуждаем ситуации, когда тренд не вышел из моды, а набрал популярность.

— То, что у всех на слуху... Другими словами, если что-то раскручивается с опорой на уже известный бренд, то такой товар легко растиражировать, хоть сам по себе он не отличается взрывной популярностью. Да ему это и не нужно в таком случае. А что, если ноу-хау мошенника не в том, чтобы сделать популярное ещё популярнее, а в том, чтобы никому неизвестное вдруг обрело популярность?

— Хм-м... Тогда берём телевидение и всё такое прочее, как я уже говорила совсем недавно... Как же они называются...

— Средства массовой информации?

Тиражировать что-то с помощью телевидения, газет и журналов — типичный способ заразить людей идеями.

— А, да! Точно! СМИ! Тогда это пропаганда? Или реклама?

— Реклама... Ну, если не ограничиваться рекламой, всё, будь то правда или вымысел, крутится в СМИ с целью «популяризировать» и «распространить».

Ничего удивительного.

Нередко теории, созданные изначально без цели распространения среди широких масс, оказываются достоянием общественности. И, несмотря на неожиданную популярность, довольно-таки часто не приживаются в обществе. Успешные люди частенько говорят: «Я не думал, что мою идею так хорошо встретят», и это лишний раз доказывает либо их скромность, либо непрямое хвастовство.

— Это связано с вещами, которые мы недавно обсуждали, однако то, что начинают рекламировать по телевидению или в газетах, уже имеет хоть какую-то известность к моменту публикации, так?

— Хм... Ну, может быть.

Если предположить, что роль СМИ — превращать информацию, «известную узкому кругу лиц», в «известную всем», то лучше использовать эти возможности, чтобы продвинуть какой-нибудь тренд. И совсем другой разговор, если ты владеешь парочкой СМИ... Но я сильно сомневаюсь, что мошенник имел сколько-нибудь влияния, тем более политического...

Думаю, он такой же специалист как Ошино и ни к каким властным структурам не причастен.

— Если рассматривать СМИ как инструмент влияния, то вполне естественно на него полагаться, если необходимо что-то сделать популярным. Например, если мы говорим о школе, в качестве посредников выступали бы учителя или старосты классов... Всё в таком духе.

— Точно. Если бы Надеко пыталась распустить какой-нибудь слух (стараясь учитывать соотношение затрат и эффективности?), то положила бы на Цукихи-чан, — сказала Сэнгоку. — Она знаменитость среди девочек средней школы. Передать влиятельной Цукихи-чан какой-нибудь слух — всё равно что сотне людей рассказать. Но это сработает только в том случае, если Цукихи-чан будет распускать слух ради меня. Так-то она всегда держит рот на замке.

— Это да. Даже мои попытки её не берут.

— П-пытки?

— Да нет, что ты! — я махнул рукой, поясняя, что это всего лишь шутка.

В общем, из Цукихи ничего не вытянешь — это неоспоримый факт. Если представить, что слухи подобны вирусам, тогда моя сестра — мощнейшая иммунная система.

Ведь она не просто не поддалась уловкам мошенника: Цукихи хотела изгнать его из города. Если нельзя контролировать распространение слухов, стоит хотя бы устранить их источник.

— Если нужно сделать что-то известным на весь мир, можно обратиться к какой-нибудь «звезде», разместить её лицо на рекламном щите и всё в таком духе...

— Под «звездой» подразумевается известная персона... Тогда он или она точно должны иметь немалую популярность. Значит ли это в итоге, что для обретения популярности нужно встать в один ряд с чем-то достаточно популярным?

Насколько я мог судить по голосу Сэнгоку, этот разговор ей порядком наскучил. Конечно, она и виду не подала, но мне очевидно, что она успела растерять интерес к этому вопросу.

Ну, в отличие от такого придирчивого старшеклассника, как я, простая ученица средней школы, подобная Сэнгоку, найдёт полученный нами вывод достаточно скучным.

«Продаваемое продаётся, потому что его продают» — любят говорить бизнесмены, но это не значит, что само высказывание сколько-нибудь интересно.

Ведь популярность набирают необязательно хорошие вещи.

«Худшие деньги» вытесняют из обращения «лучшие»⁸. Но даже если вся правда заключена в этом законе, я продолжаю идти вперёд.

— ...Не думаю, что наш мошенник воспользовался схемами, которые мы перечислили. Конечно, мы ухватили суть, но... Вряд ли для этого он связался с каким-нибудь влиятельным человеком. Скорее, он замыслил, чтобы такой человек узнал слух от третьих лиц, от «друга своего друга».

— ...

— Будь я на месте того мошенника...

Не хотелось бы ему уподобляться, но я как-нибудь смирюсь с этой временной ролью.

— ...мне бы совсем не хотелось входить в контакт с влиятельным человеком. Недавно в разговоре всплыло имя Цукихи-чан, но мошенник в конечном счёте покинул город, так и не встретившись с ней, при том что с Карэн-чан он однажды пересёкся...

— Значит... чем влиятельнее человек, тем опаснее?

— Ага. В общем, как бы мне лучше выразиться? Звучит противоречиво, но... Тут нужен вирус, способный самостоятельно наращивать популярность, и тогда можно забыть о планировании и рекламе; не требуется подключать пропаганду и искать помощи со стороны бизнеса... Да, такой вирус просто идеален.

— Ну да... Однако сидеть сложа руки и ждать, когда что-то станет популярным — не то же самое, что ждать у моря погоды? Речь идет не об искусственных трендах, а о самозарождающихся... Получается, ты просто надеешься на стечение обстоятельств, так?

— В таком случае...

В таком случае схема, которой пользоваться мошенник, такова: распространять как можно больше историй о странностях и заклинания по принципу «клеветы побольше — что-нибудь да пристанет». Может, в его схему заложена вероятность того, что рано или поздно одна из его историй наберёт популярность.

Возможно, он полагался на волю случая.

Понадеялся на невидимую руку бога, так сказать.

— Как можно надеяться на стечение обстоятельств при таких наработках и планировании?.. Ну, ладно, давай пока поставим точку в обсуждении ноу-хау по созданию трендов... Давай будем исходить из предположения, что мошенник использовал лишь прописные истины и распространял очевидную информацию в огромных количествах...

— Да.

— Теперь сузим предмет обсуждения до содержания трендов. Что легче всего становится популярным? Если не брать в расчёт предмет, который тебе хочется вывести в тренд?

То, что легко занимает умы людей...

То, что крайне заразно и распространяется легче лёгкого.

— Будь то слухи или истории о призраках, или даже какой-нибудь продукт, когда тебе хочется сделать что-то популярным, важно довести это до кондиции, превратив в нечто легко тиражируемое. Если взять для примера историю о призраках, то она будет у всех на устах просто потому, что в ней есть что-то «страшное»... так?

— Но не будет ли что-то «слишком страшное» менее популярным? История должна пугать, но так, чтобы ею хотелось поделиться. А если она слишком пугает, то её никто не сможет толком рассказать...

— Хм.

Похоже на границу между фильмами ужасов и сплэттерами⁹. Если не знать меры, ничего хорошего не выйдет.

— Любой, если он обратится к прошлому, заметит, что популярность всякого тренда приходит и уходит. Думаю, если проанализировать историю популярности даже странных вещей, разошедшихся среди масс, и трендов, которые никто не мог предугадать, можно заметить нечто общее между этими явлениями.

— Те самые три правила возникновения пандемии?

— Скорее, это будут три столпа, на которых держится закономерность, ведь есть исключения из правил.

О них мне рассказала Сендзёгахара, а не Ханекава. Но говорила она несколько иначе. Впрочем, вот эти три правила:

— Легко понять, легко достать и легко поделиться. Как-то так.

— Понять, достать, поделиться?..

— Ну, про «легко понять» и так всё ясно. Нельзя сделать популярным что-то запутанное или изначально трудное для понимания. Тренд с меткой «только избранные поймут» не очень-то заразителен...

С другой стороны, наверняка кто-то озадачился вопросом, как популяризировать сложные тренды и найти способ для их распространения в обществе. Или, раз уж так просто с трендом не разобраться и не понять до конца, вполне допустимо поверхностное восприятие.

Например, телевизоры, мобильные телефоны, компьютеры. Большинство людей не понимает, как работают эти приборы, но всё равно часто пользуется ими в быту...

— А что насчёт «легко достать»?

— Дешевизна, одним словом... Но дело не только в цене. Например, как бы дёшево ни стоили алмазы, достать их сложно, потому что камни сами по себе редкие. И, наконец, что касается «легко поделиться». В принципе, это что-то, чем люди могут насладиться все вместе. Какой бы хорошей ни была та или иная вещь, если ей обладает только один человек, она вряд ли растиражируется. Куда легче, когда идеями, формирующими тренды, успешно обмениваются люди, способные объединяться ради одного дела и делиться мыслями друг с другом.

Итак, мы с Сэнгоку определили, почему «заклинания» мошенника оказались востребованными. Прежде всего, этот тип работал по схеме, где первичный товар выдавался бесплатно, а вот за дополнительные услуги приходилось доплачивать, но я не могу отделаться от мысли, что мошенник изначально нацелился на отношения, которые складываются между людьми.

Отношения между людьми...

Он хотел ухудшить их. Такой вот тренд.

Может, это и есть пример того, как «худшие деньги» вытесняют из обращения «лучшие»...

— «Быть популярным» созвучно фразе «быть горячим»¹⁰, что создаёт впечатление, будто ты на шаг впереди... Но если слишком налегать на правила, то немудрено отклониться от первоначальной задумки: можно запустить тренд не так, как хотелось бы.

— Точно... И даже если популяризировать что-то неожиданное, вряд ли поднимется ветер и подует в нужную тебе сторону... Всё, что остаётся — полагаться на дело случая.

На попутный ветер.

«Пожалуй, как-то так», — сказала Сэнгоку.

— ...

Так ли?

Мне всё равно не верилось в это.

Тот мошенник.

Кайки Дэйсю. Не в его стиле полагаться на волю судьбы в мошенничестве, ведь он считает это дело своей профессией. Зная его, могу сказать только одно: такой человек не стал бы хвататься не то что за невидимую руку бога, но и за лапу дьявола.

В итоге мы так и не решили, какой схемой пользовался тот мошенник, чтобы популяризовать свои «заклинания» среди учениц средних школ. То есть устроенное мной и Сэнгоку совещание не принесло никаких плодов. Ну, наверное, с ней ещё рано разговаривать о подлинном смысле трендов.

И как раз в тот момент, когда мы собрались продолжить беседу, домой вернулись Карэн и Цукихи, так что наше совещание пришлось прервать. Затем мы впервые за долгое время играли вместе, вчетвером. Ну, Карэн, будучи старше Сэнгоку на год, никогда не играла с ней во времена учёбы в начальной школе, поэтому сейчас такой неожиданный квартет собрался, пожалуй, в первый раз.

Навык застенчивости у Сэнгоку был прокачан до максимума, но Карэн, обладая известной общительностью, переборола эту застенчивость, выставив против неё свой талант находить общий язык с кем угодно.

В общем, я узнал о схеме того мошенника чуть позже, а именно в середине августа.

Четырнадцатого числа.

Если говорить конкретнее, я встретился с самим мошенником. Нет, скорее, неожиданно столкнулся с ним.

Он говорил, что ноги его здесь не будет, что он больше не появится в нашем городе, но все же один раз нарушил своё обещание. Да чёрт бы его побрал!

В тот момент главной темой нашего разговора была ещё одна специалистка, но кроме того, пользуясь случаем, я решил порасспрашивать его о схеме распространения слухов.

— Хм, — хмыкнул он. — Способность читать ветер, способность поднимать ветер... Ничем таким не обладаю. Хотя вполне возможно, что это ложь.

— ...

Нельзя доверять ни одному его слову!

Глупо было вообще об этом спрашивать.

— Способность читать ветер, на мой взгляд, не так и важна, — продолжил он. — Потому что самое главное для пандемии — безветрие.

— Без... Безветрие?

— Думаю, это важнейший фактор для начала пандемии, Арараги.

— Без... ветра?

— *Если что-то одно популярно, значит, что-то другое — нет.* Собственно, если «что-то другое» только набирает популярность или пытается это сделать, можно с уверенностью

сказать, что конкуренции оно не выдержит... Если бы я захотел сделать что-то востребованным по своему усмотрению, то выбрал бы вместо цели ареал.

— ...

— Слухи живут семьдесят пять дней. Ничего не поделаешь! На этот период стоит отказаться от запуска новых трендов. Что касается конкретно этого города, то во время весенних каникул мне не удалось здесь развернуться. Потому что его захлестнула волна слухов о «вампирише». Невозможно соперничать с «существом номер один». Если хочешь знать, почему популярность этих слухов затмевала все прочие, скажу об этом так: история о «вампирише» расходилась будто вирус. И, когда слух о ней вышел из моды, я заменил его своими, накормив ужасно охочую до сплетен толпу.

И тогда я всё понял.

Иными словами, стоит образоваться пустоте, как начинается пандемия сплетен. По крайней мере, в таких условиях её проще запустить.

— Истории о призраках, уличные сплетни или городские легенды... Когда сердца людей в смятении, когда каждому из них не на что опереться, слухи не встречают никакого препятствия и расходятся ещё быстрее. Сейчас как раз такие времена: люди остро нуждаются в «трендах», Арааги. Подумай, ради каких простаков плетёт паутину лжи мошенник?

— П-подумать?... Я не хочу даже думать об этом!

— Давай только без этих фразочек.

— Вот ещё! Что за просьба? Ну, ладно... Это богачи? Мошенники целятся на богатых?

— Так мыслят добродетельные люди. На удивление, трудно обмануть того, кто всем доволен в жизни. Люди, живущие в достатке, имеют достаток и в сердце. Поэтому мошенники ищут жертв среди людей неудовлетворённых, у которых ни в чём нет достатка.

— ...И поэтому ты, перебравшись в наш город, решил выбрать в качестве жертв учениц средних школ?

А ещё...

Вот почему этот тип нацелился на семью Сендзёгахара, чья дочь страдала недугом.

— Пожалуй, да. Сердца, полные тревоги, обмануть не трудно. Потому что они не решаются распознать ложь, пусть и явную, — добавил мошенник без капли стыда. — Ты считаешь, будто я создал спрос на «заклинания», чтобы ухудшить отношения между людьми, но в действительности все было строго наоборот. Люди набросились на мои «заклинания», потому что их отношения уже терпели крах.

Безветрию необязательно сопутствует стерильность.

Вирус проходит инкубационный период, чтобы потом разразиться взрывной пандемией — так объяснил мне мошенник.

— Ещё скажи, они сами виноваты в том, что их обманули. Да?

— Хорошо бы с тобой согласиться. Может, дело в том, что настали трудные времена? «Почему эта вещь так популярна?» «Почему она стала востребованной?» Если хочешь порассуждать об этом хаосе, начни с пустоты, которая предшествовала ему.

— Пустоты...

— Или тьмы, что вернее всего. В таком случае дам тебе совет: когда «что-то непонятное» набирает популярность, вини во всём современность. Не доверяй самой земле, на которой стоишь. Считай, что происходит что-то опасное, и положение дел критическое. Начал ли это человек, или явление запустилось само — это не важно. Потому что сама эпоха, наше время окутано тьмой.

— Окутано... тьмой.

— Лёгкость поветрия сравнима с лёгкостью, с которой поднимают восстания. Приходится плыть по течению, потому что под ногами нет никакой твёрдой почвы. Ну, такие времена облегчают жизнь мошенникам вроде меня. — Кайки сказал это зловещим голосом.

И затем продолжил:

— Итак, Арараги, раз уж я рассказал свою важную-преважную коммерческую тайну, почему бы тебе за это не заплатить?

— ...

Я уже заплатил ему за информацию о группе из двух специалисток. Похоже, мой неосторожно заданный вопрос оказался запросом на дополнительную услугу, за которую, как известно, надо платить.

— Предположу, что деньги, припрятанные тобой на всякий случай, находятся во внутреннем кармане толстовки.

Он видел меня насквозь!

Хм.

Похоже, ветер мне сегодня не благоволит.

Примечания

1. Если слово «правда» (яп. 本当 *хонто*;) в японском языке прочитать задом-наперёд, то получится слово «заверенная копия» (яп. 謄本 *то:хон*).

2. Дословно пословица «*хито но уваса ва ситидзю:го-нити*» переводится как «слухи живут семьдесят пять дней». Смысл в том, что информация приедается и забывается.
3. Сокращённое высказывание из древнекитайского трактата «Искусство войны» Сунь Цзы. Полностью оно выглядит так: «Если ты знаешь как себя, так и врага, ты можешь победить в многочисленных битвах, не опасаясь поражения».
4. «Простуда» (яп. 風邪 *кадзэ*) и «ветер» (яп. 風 *кадзэ*).
5. В книге «Переломный момент: Как незначительные изменения приводят к глобальным переменам» Малкольм Гладуэлл выделил три движущих силы переломного момента, позволяющие понять природу социальных «эпидемий»: закон малых чисел, фактор прилипчивости и влияние обстоятельств.
6. Слоган еженедельного японского журнала манги «Weekly Shonen Jump»
7. Одна из примитивных древних систем земледелия лесной зоны, основанная на выжигании леса и посадке на этом месте культурных растений
8. Закон Грешема — экономический закон, согласно которому «хорошие» деньги, «внутренняя» стоимость которых выше либо номинальной стоимости, либо находящихся в обороте «плохих» денег с равной номинальной стоимостью, вытесняются из оборота «плохими».
9. Поджанр фильмов ужасов, в котором акцент делается на натуралистическую демонстрацию крови, внутренностей и графическое насилие. Классические фильмы ужасов пугают зрителя неизвестностью, сверхъестественным, темнотой, а сплэттеры вызывают страх физическим уничтожением тела.
10. «はやる» (*хаяру*; быть популярным) и «逸る» (*хаяру*; быть горячим/нетерпеливым).

Дерево Коёми

S U N	M O N	T U E	W E D	T H U	F R I	S A T
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

001

Путь карате, избранный Арараги Карэн — несомненно суров и беспощаден. Иметь такую ясную и чёткую цель — завидное дело, особенно для такого болвана, как я. Да, я бы смотрел на выбор Карэн с завистью, не будь она моей сестрой, а так я только и могу, что стыдливо отводить взгляд. Но я совру, если скажу, что никогда не представлял себе то чувство, с каким она идёт по своему пути. По дороге, с которой невозможно сбиться. Это одностороннее движение, только вперёд. Без ориентиров, карты, без сомнений. Будто движешься по магистрали, строго в одну сторону.

Твёрдо стоишь на своих двоих.

Шагаешь вперёд с уверенностью.

И каждый шаг — движение по избранному тобой пути.

Дорогу осилит идущий, и не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь. Неважно, есть ли у твоего путешествия конечный пункт, тебе уже невероятно повезло, поскольку ты можешь отчетливо видеть свой путь в мире, где будущее сокрыто во мраке.

Но ни мрак.

Ни тьма.

Моей сестре ничто не мешало идти.

Я уже признался, что не будь Карэн моей сестрой, я бы смотрел на неё с завистью. Но не будь она моим действительным кровным родственником, я бы, возможно, даже влюбился в неё — настолько притягательна её человеческая натура. Однако стоит помнить, что образ жизни Карэн построен на постоянном соблюдении предписаний.

Так каким же должен быть удар судьбы, чтобы человек, чей жизненный путь так чётко определен, свернул с него? Потерял из виду? Нет, снова моё воображение рисует какие-то ужасы.

Однажды я спросил у неё:

«Что будешь делать, если обстоятельства вынудят тебя бросить карате?»

Что это за ситуация, которая вынудит её?

Заставит сдать?

Да.

Другими словами, я спросил про обстоятельство, при котором у неё не будет иного выбора, кроме как сойти со своего пути, похожего на магистраль.

Нет, я вовсе не пытался строить козни Карэн и не рассуждал о маловероятных, даже исключительных, вещах. Я не из тех братьев, что спят и видят, как бы сделать гадость собственной сестре. Скорее, я беспокоился о благополучии Карэн, опасаясь, что с ней может произойти несчастье.

А ведь многое может произойти.

Карате — весьма травмоопасный вид боевого искусства. Если Карэн и дальше будет регулярно заниматься, она серьёзно рискует получить травмы на всю жизнь. Также возможно, что парень, с которым моя сестра свяжет своё будущее, станет умолять её «прекратить заниматься чем-то настолько опасным». Не исключено, что Карэн может попасть в ситуацию,

где ей придётся бросить все силы на учёбу. Даже если у человека есть конкретные планы на жизнь, и все они работают с четкостью часов, никто не способен поручиться, что однажды этот сверхточный механизм не встанет. Механические поломки ещё никто не отменял.

В двигателе, в электрической цепи...

Причина поломки может быть любой. Неважно, насколько ясно и отчётливо Карэн видит свой путь в жизни, неважно, как ярко его заливают солнечный свет, никто не может гарантировать, что будущее моей сестры обязательно окажется светлым.

Не всегда тьма ждет нас в конце пути.

Она может притаиться внутри нас.

Если застрянешь на пути, по которому идёшь...

Что будешь делать?

Ведь неумолимые обстоятельства могут настичь любого.

— Ошибаешься, братец, — возразила мне Карэн с безразличным видом и даже как-то буднично. — Цель моего пути — место, где я споткнусь и упаду. Ситуация, которая заставит меня остановиться, — цель сама по себе.

Карэн неудержима. Она будет идти вперёд, пока не свалится.

Обычно это качество принимают за решимость героя, который не способен остановиться, пока не падёт.

002

— Вот это дерево, братец, — объявила Карэн.

Она привела меня на задний двор додзё и указала на одно-единственное дерево. Мои познания в области садоводства и лесоводства, к сожалению, мелкие, а вот Ханекава, наверное, с одного взгляда определила бы его вид. Я же могу сказать про него только одно: просто «дерево».

Не знаю, принято ли употреблять выражение «мелкие познания» в качестве противоположности «глубоким»... В любом случае я добавлю, что дерево казалось мёртвым. Давно мёртвым.

— Оно, значит? — Вот что я выдал первым делом. Больше мне ничего в голову не пришло. — Ну, дерево, да. Оно тоньше, чем ожидалось. Правда, его я представлял покрепче, если верить твоим описаниям...

— Я о таком вообще не говорила!

— Но оно ведь мешается, да?

— И таких жестоких слов я тоже не произносила! Только лишь все остальные считают, что дерево — помеха. Я на его стороне!

— Хм-м...

Думаю, в выражении «только лишь все остальные» есть какое-то очарование.

Если оставить в стороне мысль о том, что даже у деревьев могут быть как союзники, так и враги, Карэн, старшая из двух моих младших сестёр, похоже, сильно сопереживала конкретно этому дереву.

Сочувствие.

На такие вещи у моих сверхчувствительных сестёр есть пункт, особенно у старшей из них. Карэн нередко испытывает всепоглощающее сочувствие, как и её сестра, причём ко всем и всему подряд. Другими словами, они заступаются за кого угодно и что угодно.

Это качество позволило Карэн царить среди учениц и учеников средней школы, будто какая-нибудь звезда, и, конечно, благодаря ему же она считается первым ударным отделением (?) Огненных Сестёр. Между прочим, будь поведение Карэн чуть агрессивнее, её бы посчитали не полезной, а опасной для общества. Не мудрено тут оступиться.

В общем, мне нужно было выслушать сестру, не принимая её историю за чистую монету и сохраняя стоическое выражение лица и полное хладнокровие. Думая обо всём этом, я вновь уставился на дерево, стараясь тщательно его разглядеть.

— ...

Конец сентября.

Мы с моей младшей сестрой, Арааги Карэн, пришли в школу боевых искусств, а именно в частное додзё, где практиковали полноконтактное карате, которым владел местный «мастер». К тому моменту Карэн уже посвятила карате (и этому месту в частности) несколько лет, занимаясь со всей серьёзностью.

Она частенько испытывала на собственном старшем брате приёмчики, отработанные в додзё, и неудивительно, что, увидев это место, я почувствовал толику горечи, но... Обстоятельства сложились так, что выбора у меня не было, кроме как прийти сюда.

Да и вообще, если на минуту забыть о неприятном чувстве, связанном с этим додзё, мне всегда хотелось побывать здесь из чистого любопытства. Поскольку моя сестра никогда не утруждалась соблюдать хоть какие-нибудь правила приличия, я думал лично познакомиться с человеком, которого она называет своим «учителем».

Я надеялся увидеться с ним.

При этом одна часть меня хотела поблагодарить этого человека за его заботу о Карэн, а другая прямо-таки жаждала пожаловаться на те приёмчики, которым, чёрт возьми, он обучил мою сестру!

Итак, сердце моё бешено колотилось. Примерно полтора часа мы добирались до додзё, хотя сама Карэн преодолевала это расстояние за какой-нибудь час, разумеется, бегом. Но, к моему разочарованию, учителя на месте не оказалось.

— Мы так не договаривались!

— Ну, я не обещала, что познакомлю тебя со своим учителем. Или обещала? Когда? В каком месяце, в какой день, в какое время? В какую сторону была повёрнута Земля?

— ...

Достала!

Я бы врезал ей, не будь она моей сестрой! А возможно, во мне говорила детская обида, и я хотел ей врезать именно потому, что она и была моей сестрой!

— Карэн-чан... Я не быю тебя только потому, что ты сильнее меня, поняла?!

— И не стыдно тебе такое говорить, а, братец?..

Карэн посмотрела на меня с состраданием.

Еще куда ни шло, если бы она удивилась, но я никак не хотел её жалости.

— Хм-м. Ну, я уже давно подумываю представить учителю своего старшего братца, которым так горжусь. Я решила, что сегодня мне выпал отличный шанс, вот и привела тебя сюда, воспользовавшись выходным днём, но... Похоже, учитель куда-то вышел.

— Ничего удивительного: кто бы остался в четырёх стенах в выходные... А, или ты назначила ему встречу?

— Мы с учителем понимаем друг друга с полуслова, поэтому назначать встречи не для нас, обойдёмся без программы «Аполлон»¹!

— Во-первых, не существует таких отношений, для поддержания которых тебе бы понадобился космический корабль. Во-вторых, если взглянуть на текущий результат, всё-таки следовало бы назначить встречу.

— Гья-ха-ха-ха. Это не для меня! Слишком уж сложно!

Хоть я и объяснил Карэн, в чём была её ошибка, разжевав каждое слово, она всё равно отделалась от меня сдавленным смехом, а потом вообще сбежала, ловко перескочив через ворота.

На входе обычных домовладений не ставят настолько изысканные и массивные ворота с гигантскими створками, но именно для додзё такая монументальность в самый раз. Карэн взбежала вверх по створкам, точно какой-нибудь ниндзя, а затем спрыгнула во двор.

Пожалуй, таким каскадерским трюкам не нужна компьютерная графика.

Мне аж захотелось сделать ей рекламу: так сильно отличались её навыки от посредственных трюков, что я видел в последних новинках киноиндустрии. И пока я размышлял об этом, Карэн отворила ворота изнутри.

— Ладно, братец, заходи. Давай сюда.

— Ну, знаешь... Так ты смахиваешь на какую-нибудь таинственную воровку вместо ниндзя. Нельзя просто вламываться в дом без приглашения хозяина, особенно в его отсутствие!

Я даже не думал, что мне придется поучать сестру и вдавливать в эту ярую защитницу справедливости буквально основы основ. На мои слова Карэн ответила спокойно, без каких-либо колебаний, словно хвастаясь:

— Не стоит недооценивать доверие между мной и учителем, братец. Я частенько навещаю его таким образом, как только захочу, и учитель ещё ни разу на меня не злился.

— Что же это за ученица такая...

Решено!

Не важно, что у вас за отношения, в следующий раз я приду в додзё вместе с родителями. И мы официально извинимся.

— Ну что ты, что ты! Я же не вламываюсь к нему в дом. Просто захожу в додзё, иногда гуляю на заднем дворе.

— И всё равно...

— Не будь таким упрямым! Гибче надо быть, гибче! Если хочешь, я буду каждый день помогать тебе с зарядко-ой!

— Если бы я делал твои упражнения, то переломал бы себе все кости! После какой-нибудь растяжки от меня останется одно мокрое место!

— Пошли-и!

Лёгкой поступью Карэн направилась к додзё. Я последовал за ней. Меня чуть кольнула зависть. Надо же! С какой лёгкостью она идёт по жизни! Вскоре мы очутились во дворе, и Карэн представила мне «проблемное дерево».

— Ну, оно тоньше, чем я ожидал, но дерево есть дерево. Несомненно, оно существует, — сказал я, ещё раз взглянув на это «проблемное дерево»... Нет, судя по словам Карэн, оно не создавало никаких проблем окружающим.

— Вот как? До недавнего времени никто даже не подозревал о существовании этого дерева.

Я сидел у себя в комнате и занимался подготовкой к вступительным экзаменам. Конец сентября — самое время для финального рывка, и мне казалось, что в эту пору я особо горел энтузиазмом.

Усердно занимаясь, я выглядел настолько энергичным и увлеченным, что никто в доме не решался беспокоить меня, кроме Карэн: та внезапно подошла и просто положила груди мне на голову.

— Братец, смотри-и! Твои горячо любимые сисечки-и!

— ...

Вот так старшие братья получают дурную славу, а младшие сёстры оказываются в глупом положении.

В апреле и мае всё было иначе.

Как мы до такого... докатились?! Я всегда мечтал быть образцовым братом для своих сестёр!

— Ну и что это? Карэн-чан, тебе что-то нужно?

— Отличный вопрос, но не совсем корректный.

Как же меня бесит её поведение!

Эта легендарная контактность, с которой она идёт по жизни!

— Куда вернее спросить «а когда же мы пойдём?».

— Вот не надо говорить так, будто я уже согласился и обязательно составлю тебе компанию! Ты абсолютно точно пролетаешь со своей экстрасенсорикой! Сейчас же убери свои до неприличия гигантские груди с моей головы и ответь на вопрос: тебе что-то нужно?

— Итак, что же мне нужно? Но ты ведь всё уже понял, да, братец?

— Отлично! Можешь и дальше не говорить! Просто убери свои груди! Свои гигантские груди!

— Хорошо, я отступаю.

Она сдалась.

Ну, пусть я и назвал груди Карэн гигантскими, на самом деле они едва ли могли тягаться с роскошным бюстом Ханекавы, и, если измерить соотношение роста и размера грудей моей сестры и Ханекавы... Тут и думать нечего, победитель очевиден.

— Значит так, братец, частенько лапающий за сиськи своих сестёр: пора поблагодарить меня и выслушать, что я скажу. Ты постоянно злоупотребляешь возможностью мять наши сиськи, а значит, обязан отплатить добром, вникнув в ситуацию и дав мне совет в одном деле!

— Не знаю, что тебе там наплела Цукихи-чан, но я тут совершенно ни при чём! А вот ты только и делаешь, что деспотично распоряжаешься мной без всякого на то повода! И злоупотребляешь этим!

— Не ожидала от тебя таких слов, братец. И вообще, разве в голове моего братца не живут сиськи, как в той пословице²?

— Карэн-чан, не могла бы ты перестать приплетать ко мне совершенно бессмысленные пословицы?

Видимо, придётся оторваться на какое-то время от учёбы. Ну да ладно. Понятия не имею, что за совет ей нужен, но мне придётся его дать, хочу я того или нет.

Что ж, июльский инцидент с мошенником её изменил: Карэн стала куда послушнее, прекратила действовать в одиночку, нестись вперёд сломя голову и вместо этого начала советоваться со старшим братом. Взрослеет, что ли?

— Ну, что там у тебя? Говори уже!

— Хочешь, чтобы я рассказала? Похо-оже, у меня нет выбора-а...

Карэн ликовала.

Совершенно неподобающее поведение! Просящий о помощи так себя не держит! Но я решил закрыть на это глаза: попробуй поспорь с мускулистой сестрой, когда ты ей не ровня!

— По правде говоря, я хочу, чтобы ты меня выручил.

Свою просьбу она озвучила совершенно другим тоном, не ликующе, а как-то скромно. И всё же она не смогла изменить моё мнение о её наглости: да как тут смягчиться, когда я вижу её массивное тело?

— Выручил? Хо-хо! Боже мой, Карэн-чан, люди не могут спасать других людей. Человек спасает себя сам.

— Хватит нести бессмысленную чушь, иначе я врежу тебе!

Отфутболила.

Ещё бы чуть-чуть, и точно бы врезала.

Ну, не сказать, что использование принципа Ошино меня красит, но куда интереснее другое: откуда у моей младшей сестры такой талант к принуждению?

— Перестань уже нагонять скуку и помоги советом, идиот! Хочешь, чтобы я устроила тебе взбучку?

Она начала хрустеть костяшками пальцев.

Это уже не принуждение, а репрессия.

Похоже, меня заткнул, если стану и дальше возмущаться.

Как и положено старшему брату (ладно, «старший братик» я только с большой натяжкой), я ответил с достоинством, чтобы не ударить в грязь лицом:

— Понял, выслушаю. Дам тебе совет, так что выкладывай. Быстро.

— Э-хе-хе, уи-и, ура!

Внезапно Карэн включила режим «невинной сестрёнки».

У неё настроение скачет как вагончик на американских горках.

— Спасибо, братец, я так рада! В качестве благодарности буду показывать тебе сиськи во время разговора! Гляди! Гляди!

— ...

В одном доме со мной живёт одичавшая сестра.

Я могу завалить экзамены из-за поведения этой особы, и неважно, насколько усердно буду готовиться к ним! Подумать только! Последним препятствием на моём пути оказалась родная сестра!

— Вот, братец! Лапай мои ножки, пока слушаешь. У моих ножек такие красивые изгибы!

— Это что ещё за «изгибы»? Кривые линии нарисовала, что ли? Стройные они, стройные³! И не собираюсь я тебя лапать! Если не хочешь превратить меня в молчаливого персонажа⁴, тогда говори уже, в чём обстоит дело!

— Дело в дереве, — неожиданно ответила она.

Без какой-либо предыстории или подготовки.

Она даже хорошенько не подвела меня к теме, прежде чем начать рассказ. Такая высокоуровневая «внезапность» полезна в бою, но на собеседника производит тягостное впечатление. Кажется, моя сестра совершенно не умеет вести диалог.

Я ощущал всю остроту разницы между «подводкой» и «походкой»⁵.

Но если я не включусь в беседу и не буду поспевать за ней, мне придётся испытать на себе несколько другой вид боли, так что я со всей серьёзностью ответил:

— А, так ты о дереве? Понятно, понятно.

Я пресмыкался перед собственной сестрой.

Такой уж я человек: готов без всяких колебаний польстить младшей сестре ради достижения личных целей. Звучит круто, правда, моя единственная цель — «не хочу, чтобы сестра меня побила».

«А» в Арараги означает «пресмыкаться»⁶!

— Ну да, неудивительно. К кому ещё, как не ко мне, прийти поговорить о дереве.

— Удар молнии!

Доприсмыкался. Она мне врезала.

Карэн, конечно, дура, но всё равно отлично понимает, когда я над ней издеваюсь.

— Удар молнии поражает цель зарядом статического электричества!

— Да это просто сила твоих мышц!

— В нашем додзё обнаружилось дерево, и все остальные относятся к нему так, будто оно им мешается. Поэтому я хочу помочь ему. Но мне это не под силу, братец, так что сделай что-нибудь ты! Я знаю, ты придумаешь что-нибудь! Я верю в тебя! Оправдай мои ожидания! Хорошо?

— ?..

Насколько я помню, идиома «поток красноречия» обычно используется в отношении людей, у которых язык подвешен, то есть к прирожденным ораторам, однако после «потока», которым разразилась Карэн, я почувствовал себя так, будто меня окатили холодной водой.

До меня не дошло...

— Что, чего-то не понял? Как же долго до тебя доходит, братец. Сказал бы, если тебе надо взглянуть на сиськи для мотивации!

— Ты кем вообще считаешь своего брата? Черепашьим отшельником?..

— А-ха-ха. Я бы ни за что не стала называть своего брата кем-то настолько крутым, как Мутен Роши⁷. Ну, если отнять у Мутена Роши всю силу, то, пожалуй, ты и останешься.

— Что останется от Черепашьего отшельника, если у него отнять всю силу?

— Черепаша, нет?

— Оставь хотя бы отшельника!

Конечно, стыдно не понимать, о чём говорит собственная сестра, я же её старший брат, в конце-то концов! Поэтому я всё-таки решил поразмыслить над её словами.

— Дерево обнаружилось в додзё?... Эм, ты говоришь о деревянных досках, которые вы разбиваете во время занятий карате?

— Нет! Какие жестокие слова! Хочешь, чтобы я придала твоему телу новые очертания?

— Жестокие слова здесь говоришь только ты!.. Думаешь, я бы тебе позволил?!

— Эм... Так, есть одно додзё. Вот такое.

Карэн начала объяснять, попутно жестикулируя. С трудом мог себе представить, что существует необходимость на пальцах показывать мне, что «есть одно додзё». Причём ситуация понятнее не стала ни на йоту.

Нет.

Детали-то ладно, но сперва надо уловить суть.

Без понятия, какое оно там на самом деле, но, короче говоря, есть одно додзё, так? И это то самое додзё, куда Карэн ходит на занятия по карате?

Как минимум это я понимал.

— Это додзё имеет пятидесятилетнюю историю. Оно такое огромное и античное.

— Я прямо чувствую, что слово «античное» сейчас как-то странно у тебя выглядело... Ну да ладно. И что там с этим додзё?

— Нет, додзё здесь ни при чём.

— Ха?

О чём она? Может, на самом деле под предлогом беседы Карэн пытается помешать мне заниматься? Такие сомнения промелькнули в моей голове, но...

— Я о заднем дворе додзё.

— Заднем дворе?..

— Не об уракэне, а о заднем дворе.

— Я даже не знаком со словом «уракэн», чтобы ещё и спутать его с местом за додзё⁸!

— Раньше я думала, что уракэн — какое-то крутое боевое искусство. Что есть наружная сторона боевого искусства, и ей противопоставляется тыльная сторона, изнанка. Кто бы знал, что это всего лишь приём... Ого, чуть не попалась! Братец, не меняй тему! Я говорю о заднем дворе, а не об уракэне!

— Ты сама запуталась, так ведь?

Самое ужасное объяснение из тех, что мне приходилось слышать.

С каждой минутой всё больше и больше хотелось заставить Карэн нарисовать мне картинку.

— В общем, позади додзё есть двор. И... там мы обнаружили дерево!

— Я всё никак не пойму одну вещь: что ты имеешь в виду под «обнаружили»... Короче, на дворе додзё лежали какие-то брёвна?

— Ты совсем меня не понимаешь, да? Я же ничего такого не говорила. Всё потому, что ты думаешь об одних только сиськах, я это по твоим глазам вижу! Не смотри на свою сестру таким взглядом!

— Я не смотрю на них, и, в отличие от других дней, прямо сейчас я беспокоюсь за сестру, и только этим и забита моя голова!

— Э-хе, спасибо, что беспокоишься обо мне!

Внезапно она стала милой.

Моя сестра реально слышит только приятное.

— Это не брёвна. И не доски, которые мы ломаем. Растущее дерево. С корнями в земле.

— Хм?

— Что, нет? Опять не дошло?

— Ну, я вроде бы понял, но...

От объяснения Карэн ситуация несколько не прояснилась.

Более того, мне становилось всё сложнее понимать её.

Сначала я подумал, что на заднем дворе додзё обнаружили какие-то сваленные в кучу бревна или доставленные по заказу балки, но... Растущее дерево? С корнями в земле?

— Дай-ка мне всё взвесить, Карэн-чан.

— Ха? А что тут взвешивать-то...

— Дай! В общем, на заднем дворе додзё, которое ты посещаешь, росло дерево... и до сих пор ты не замечала, что оно там росло?

— Не только я! Не может быть, чтобы кто-то другой заметил то, чего я не заметила!

— А почему бы и нет?... Откуда такая уверенность в себе?

— Все! Все, включая моего учителя, которому принадлежит додзё, буквально недавно заметили, что там растёт дерево. Во время тренировок мы закаляем тело и дух не только в додзё, но и на улице.

— Ага... Ну, на улице тоже можно заниматься карате, да.

Но, если они тренировались на заднем дворе, история становится ещё страннее.

Разве тогда не выходит, что они часто им пользовались? И, несмотря на это, никто не заметил, что там росло дерево?

— Так вот, я и обнаружила его на днях. «Что? Позвольте, неужели здесь всегда росло дерево?» — сказала я.

— А? Так ты умеешь говорить вежливо?

— Нечего так удивляться! Умею, конечно! С людьми, заслуживающими уважения, разговаривают вежливо. Это очевидно.

— Но со мной ты никогда не разговаривала вежливо.

— Ну да, поэтому я и говорю «люди, заслуживающие уважения», так?

Прозвучало недвусмысленно...

Неужели она и вправду считает, что подобные слова не ранят старшего брата?

— Карэн-чан, можешь не уважать меня, но пытайся хотя бы говорить со мной вежливо.

— И какой в этом смысл?.. Эм... «Дражайший брат мой, не соблаговолите ли вы одарить взглядом мои сиськи?»

— Не соблаговолю. Ладно, продолжай.

— В общем, я сказала: «Что? Позвольте, неужели здесь всегда были сиськи?»

— Да ты просто время тянешь! Что, не так? Если бы на заднем дворе оказались никем не замеченные сиськи, это уже было бы серьёзно!

— С одним деревом дела обстоят и так серьёзнее некуда. Что ни говори, а никто раньше не замечал его. «А? Что это? Кто-то за ночь посадил дерево?» — такие у нас ходили разговоры. Началась кутерьма.

— ...

— Тебе не кажется, что слово «кутерьма» прямо подходит для названия ресторана, где подают курицу в панировке из тёртого мака? Ку-терь-ма.

— Если я молчу, это вовсе не значит, что мне скучно, поэтому не надо пытаться выдавливать из себя какие-то шутки.

— С таким названием процветание им обеспечено. Или это уже *процветение*?

— Всё, замолчи. Эм... Ну и как там всё было? Осталось что-нибудь?

— А? Нет-нет, я же не знаю никаких ресторанов, где подают курицу в панировке из тёртого мака. А ты знаешь, что ли?

— Я не про остатки из ресторана с курицей. Остались ли на месте какие-нибудь следы, указывающие на то, что кто-то пришёл посреди ночи и посадил это дерево? Если кто-то проделал такую большую работу, достаточно посмотреть на землю, и всё станет ясно.

— Это да. Могу поспорить, что даже ты смог бы понять.

— Что-то не разберу, ты собираешься издеваться надо мной? Или полагаться?

— Я с издёвкой полагаюсь на тебя!

— Нечего тут умничать.

— Не было следов. Дерево глубоко пустило корни. Вообще никаких следов, что кто-то копал или рыхлил землю. Хотя не то чтобы учитель или кто-то из учениц разбирались в почве или растениях, так что сказать на этот счёт со стопроцентной уверенностью мы не можем, однако то дерево, по всей видимости, растёт там уже очень давно. Где-то несколько десятков лет, античное такое дерево.

— Хм-м...

Она не только не знает, как орфографически правильно пишется слово «античное», но и использует его как замену слова «старое».

Откуда у неё тогда отличные оценки в школе?

А ей хорошо удаётся справляться с трудностями.

— Но, знаешь ли... Жутковато. Всё это время вы тренировались на заднем дворе, и никто не замечал, что там растёт дерево...

— Вот именно, братец!

Бум!

Карэн топнула ногой.

Будто пыталась пробить дыру в полу моей комнаты.

— Все остальные говорят то же самое! Стоп, так ты был на их стороне всё это время!

— Нет-нет, я на твоей стороне, — я поспешил заверить сестру, чтобы смягчить её гнев.

Мои попытки умаслить её уже сложились во вредную привычку.

Где достоинство-то у старшего брата?

— Ну и? Что они говорят, Карэн-чан?

— Все говорят, что дерево их пугает. Или что выглядит зловещим. Учитель, конечно, ничего такого не говорит, но менее дисциплинированные старшие и младшие ученицы твердят, что у них от этого дерева мороз по коже!

— ...

Свалила старших и младших в одну кучу...

Если она и разговаривает вежливо с кем-нибудь ещё, кроме своего учителя, то таких людей, похоже, можно по пальцам пересчитать...

— Зловещим... Сильно сказано, даже слишком. Но я всё же понимаю, почему они так говорят.

Приведу аналогичный пример, может, не совсем удачный. Ты делаешь уборку в собственной комнате и вдруг обнаруживаешь на полке книгу, которую раньше никогда не видел.

Книгу, которую не то что не помнишь, читал ты её или нет, а вообще покупал ли её.

И если она уже долгое время стоит на книжной полке... Ладно, не такая уж зловещая ситуация, скорее, просто неприятная.

— О, значит, ты всё-таки на их стороне. Стал одним из них, да?

— Одним из них... Ты постоянно говоришь про «них», но я вообще ни с кем из «них» не знаком...

— Почему ты веришь людям, которых даже не знаешь? Верь мне! Хочешь сказать, что предпочитаешь верить словам незнакомцев, а не моим?!

Она была в ярости.

Пугающая сестра. Более того, глупая сестра.

Пугающая и глупая — худшая комбинация, да?

Не хочу просить слишком многого, но будь ты хоть чуточку моз, а?

— Верь хотя бы обеим сторонам в равной степени!

— Ладно-ладно. Я поверю обеим сторонам в равной степени... То есть ты, получается, с остальными не согласна?

— А? Что? — Карэн склонила голову в удивлении. — Ой, о чём мы там только что говорили?

— Не отвлекайся! Не забывай тему беседы, которую сама же и подняла! Значит, до сих пор незаметно росшее на том дворе дерево тебе не кажется зловещим?

— Абсолютно. Я удивилась, но не испугалась. Знаешь, я так часто ем мускульные желудки, что никакому тесту на храбрость⁹ меня не испугать!

— «Храбрость» в тесте на храбрость не про крепкий желудок, а про храброе сердце.

— Не волнуйся! Когда я ем мускульные желудки, то чаще всего употребляю их вместе с сердцами!

Кстати, она постоянно ест что-то подобное.

Ей очень нравятся внутренности.

— Скорее, мне как мастеру боевых искусств стало стыдно за то, что я до сих пор не замечала это дерево. Так стыдно, что захотелось убиться!

— У тебя слишком слабая психика для мастера боевых искусств.

— Я думала, что остальные согласятся со мной, но ошибалась. Никто больше так не думал.

Карэн пропустила мимо ушей мой остроумный комментарий и построила полный одиночества взгляд. Я никогда не видел таких глаз у моей сестры, будто это и не она вовсе. Более того, Карэн вообще не тот человек, чтобы бросать печальные взгляды. Получается, история с деревом для нее была куда более шокирующей, чем я мог представить себе изначально.

— Они сказали, что собираются срубить его, потому что оно страшное.

004

Итак, мы пришли на вышеупомянутый задний двор додзё.

Карэн привела меня сюда за руку.

И я сказал это не в переносном смысле. Мы реально держались за руки всю дорогу, пока шли сюда.

Было бы здорово, если бы со стороны казалось, будто у нас с ней близкие отношения старшего брата и младшей сестрёнки, но в действительности мы наверняка выглядели как «старшая сестра и её младший братик». Потому что Карэн заметно выше меня.

Кстати, я взял её за руку... то есть она взяла мою руку по одной простой причине — чтобы «я не убежал». Поэтому вся наша «близость» была просто иллюзией.

Ну...

Был уже один прецедент, когда я нарушил данное Карэн обещание и сбежал, поэтому неудивительно, что она решила на всякий случай держать меня за руку. Только вот на этот раз сбегать мне совсем не хотелось.

Не сказать, что я повёлся на эмоциональный и субъективный рассказ Карэн, однако «ником не замеченное дерево», честно говоря, взбудоражило мой интерес.

...И вовсе я не отлынивал от учёбы!

— Хм...

Я говорил Карэн, что успел напредставлять себе приличных размеров дерево, опираясь на детали её рассказа, но в действительности оно оказалось куда меньше ожидаемого. Старое деревце. И всё же такое трудно не заметить.

Но его не замечали! Если бы на руках у меня были только показания Карэн, я бы отмахнулся от сестры (отмахнулся бы?), сказав, что она просто легкомысленная и не видит дальше собственного носа... Но раз это дерево не замечали ни другие ученицы, ни даже сам владелец додзё...

— Ты первой заметила, да? Что здесь стоит дерево.

— Ага! Давай, похвали меня! Погладь по голове-е.

— К сожалению, ты такая высокая, что мне не достать.

— Я не настолько большая...

— То есть, когда вы тренируетесь во дворе, ты стоишь ближе всех к этому дереву, так? И всегда занимаешь это место? Значит, ты загораживаешь обзор своим телом, вот никто и не видит это дерево.

— Я не настолько большая! — Карэн встала прямо перед деревом.

Часть ствола, конечно, скрылась за ней, впрочем, дерево все еще хорошо просматривалось. Еще бы! Высота дерева составляла несколько метров, так что ничего удивительного.

На нём не было ни листочков, ни плодов, уж не знаю, почему. Может, неподходящее время года, а может, дерево просто исчерпало свои жизненные силы и теперь не способно покрываться листвой или давать урожай... Скорее всего, дерево видно и за оградой додзё, если брать в расчеты высоту кроны и ствола.

Подумав об этом, я задал Карэн вопрос.

Она покачала головой.

— Не-а. Я хожу по другой дороге. Может, оно и попадалось мне на глаза... но я как-то не замечала его, — пояснила она.

— Ясно... Ну, обычно люди с улицы не выглядывают деревья на чужих задних дворах...

— Ага. Думаю, на них точно так же не обращают внимания, когда гуляют по территории или тренируются во дворе. Вот дерево никто и не видел до сих пор. Выходит, мы просто невнимательные? — размышляла Карэн, обернувшись и прислонясь спиной к дереву. — Мы не замечали его из-за нашей невнимательности. А когда наконец заметили, то собрались его срубить, потому что оно зловеще выглядит. По-моему, это слишком, нет?

— Ну...

Честно говоря, я понимал, почему ученицы додзё захотели его «срубить». Но в то же время для Карэн естественно думать, что такие действия — уже «слишком». То есть не имеет значения, являются ли такие меры действительно лишними, Карэн может думать в таком ключе, и для неё это вполне естественно.

Обе стороны в чём-то правы.

Сторонний наблюдатель вроде меня скажет, что понимает чувства людей с той и с другой стороны, но в данный момент (что важно) я не занимал позицию стороннего наблюдателя.

Конечно, такие вещи зависят от случая.

Но прямо сейчас мне ничего не оставалось, кроме как быть старшим братом Карэн. И мне, как минимум, хотелось сыграть эту роль.

— Ладно. Видимо, на этот раз ты рассказала мне правду, так что я помогу тебе.

— Что я слышу?! Ты во мне сомневался, братец? Как грубо! Разве я хоть раз тебе лгала?

— Если считать только явную ложь, то таких раз было уже двести девяносто три. Впервые ты солгала мне в два года, когда сломала одну из моих игрушек.

— Даже не знаю, что сказать: потрясная у тебя память или какой же ты мелочный и низкий человек!

— Нечего меня низким обзывать!

Как бы то ни было, вернёмся к главной проблеме.

Поздновато напоминать, но мы с моей сестрой незаконно вторглись в чужой дом. Причём этот дом принадлежит человеку совершенно для меня незнакомому. К тому же я заявился сюда впервые, и пока не знал, что к чему.

И эти мысли не давали мне покоя.

— То есть ты хочешь как-нибудь урегулировать ситуацию, чтобы дерево не срубили, я прав?

— Ага. Так что давай как-нибудь воспользуйся своим политическим влиянием, братец!

— Не надейся на политическое влияние своего брата!

— Если ещё понаглеть... Когда ты говоришь «чтобы дерево не срубили», то мысленно допускаешь, что его можно куда-то пересадить. Мол, отличное решение! Так вот: я запрещаю тебе так поступать!

— Запрещаешь?..

Просит о помощи, а слова подбирать не научилась.

Зачем говорить так, будто ты диктуешь какие-то условия или правила?

— Ведь тогда получится, что мы избавляемся от него, а об этом мне даже думать противно. Я хочу, чтобы дерево осталось нетронутым. Навсегда.

— Навсегда, говоришь...

Если судить по дереву, оно вот-вот сохнет и окончательно погибнет, так что «навсегда» — труднодостижимое желание. Но Карэн права в одном: настолько старое дерево уже не пересадишь.

В общем, единственный способ спасти это дерево — оставить его здесь, не пользуясь никаким политическим влиянием и прочими методами.

— Говоришь, твой учитель не считает дерево зловещим, так?

— Да, мой ведь! Он, разумеется, учитель.

— Ты слова перепутала.

— Да, разумеется! Он ведь мой учитель.

— Не поправляй себя, притворяясь, будто ничего не произошло! Так... А ты не можешь попросить учителя переубедить учениц, считающих дерево зловещим?

— Непростая задача... Учитель не считает его зловещим, да, но он всё-таки мастер боевых искусств. Он только и думает о том, как бы вынести это дерево с одного удара.

— ...

Что за невероятный человек!

Не срубить, а вынести с ноги!

Да, ученице сложно будет заставить такого человека «пожалеть дерево».

— Он считает, что мы расширим площадку для тренировок, если срубим дерево. Даже если оно не кажется ему зловещим, он всё равно думает избавиться от него. И все же я решила обратиться к учителю за помощью. Мне кое-как удалось уговорить его повременить с выносом дерева.

— Вот как?

— Ещё бы я стала просить тебя, не попросив сначала своего учителя!

— Вот как...

— Но остальных учениц невозможно уговорить. Вряд ли эти оторвы будут слушаться учителя.

— Хм-м... Тогда как насчёт попробовать убедить их, не прибегая к авторитету учителя, а с позиции партнёрши по карате?

— Нереально. Если бы только могла! И я не хочу склонять перед ними голову, раз даже тебе кланяться не собираюсь.

— Не хочешь кланяться, да?..

Она только и делает, что подкалывает меня, стараясь задеть побольнее.

Правда, её уколы со временем становятся не такими болезненными. Калибр уменьшает, что ли?

— Но, с другой стороны, убеди я остальных, получила бы и голос учителя. Ну, в общем-то, об этом сказал он сам.

— Хо...

— Точнее, он сказал: «Если тебе удастся побить других учениц и заставить их изменить своё мнение, я оставлю обнаруженное тобой дерево. И пальцем к нему не притронусь». Но мне не нравится эта затея.

— ...

Её учитель слишком воинственный.

Меня немного пугает, что Карэн сказала «не нравится», а не «невозможно»... По правилу большинства она, конечно, проигрывает, но учитель, похоже, считается с её мнением.

Дерево растёт на заднем дворе его додзё, значит, учитель вправе поступить с ним по своему усмотрению... М-м, Карэн у него любимица, что ли?

— Ты для меня любимейшая из сестер, но... Как бы там ни было, правильный шаг — переубедить остальных учениц, одну за одной...

Оторвы.

Неизвестно, насколько они «без тормозов», и, если предположить, что каждая из учениц уверена в собственных силах, задача не кажется такой уж лёгкой.

Вместо того, чтобы встречаться с каждой по отдельности, лучшим «решением» будет переубедить их всех разом.

Последовав примеру Карэн, я прикоснулся к дереву и испытал такие чувства, которые не мог пережить, пока просто стоял и смотрел на него.

Я поймал себя на мысли, что дерево живое.

«Убить» живое дерево просто потому, что оно сухое... Просто потому, что до сих пор его ни разу не замечали... Нет, не только Карэн против, но и я.

Однако не будем о моих мыслях.

— Тебе следует развеять миф о «зловещем дереве», это как минимум. То есть ты должна объяснить, что это обычное растение, а не странность, ёкай, нечистая сила или ещё что-то в этом роде.

— Да-да. Мне просто нужно успокоить этих жалких трусих.

— ...

С таким враждебным настроением будет непросто переубедить твоих «жалких трусих»...

— Да? Тогда назову их не жалкими трусихами, а мокрыми курицами!

— От тебя так и веет злобой! Будь добрее к окружающим!

— Не то чтобы я не ладила с остальными... Мы уважаем друг друга, насколько это возможно для учениц додзё, но сейчас они просто мокрые курицы! Бегают две курицы нагишом по улице¹⁰!

— Но на улице-то сейчас мы с тобой... Ладно!

Конечно, объяснить окружающим, что дерево совершенно обычное, не составит никакого труда. Нужно просто исследовать клетки его древесины. Этот трюк можно проверить даже в школьной химической лаборатории, ничего сложного.

Но это не тот способ, который ищет Карэн, а её «мокрые курицы» ни за что не отступятся от идеи срубить дерево.

Научное исследование не способно справиться с физиологическим проявлением страха. Когда мы имеем дело с ложными обвинениями, слова имеют большой вес, однако в случае с деревом доказательство невиновности может обернуться дьявольским доказательством¹¹.

Мне.

Мне-то ясно, что здесь никакая не странность, а обычное старое дерево, но я не знал, как донести это до остальных людей...

Однако, если уж придирается к мелочам, я не могу утверждать, что мои ощущения никогда не подводили меня. Тогда в качестве крайней меры можно обратиться к Шинобу и узнать, что думает она. Но это уже будет не дьявольское доказательство, а вампирское.

— Карэн-чан, как думаешь, почему столько лет никто не замечал дерево, растущее на дворе додзё? Считаешь, разумно списать всё на неопытность самих каратисток?

— Не считаю-ю.

— Ясно...

Ничего не поделаешь, раз она так не считает, но если бы я только мог «состряпать» объяснение чуть логичнее, то враз убедил бы остальных учениц.

Я сказал слово «состряпать», будто какой-нибудь мошенник, но давайте смотреть правде в глаза: никто в додзё не заметил существования дерева просто потому, что люди зачастую невнимательны к тому, что их окружает. И неопытность тут ни при чём.

Нет, даже «невнимательность» употреблено не к месту.

Вся штука в том, что увидеть на чьём-либо заднем дворе дерево — обычное дело. Вот взять, к примеру, дом Камбару: в её дворе любой может не заметить деревья, поскольку они отлично вписываются в пейзаж традиционного японского дома и просто не воспринимаются отдельно от него.

Дело не в невнимательности или неопытности.

Просто оно до поры до времени никого не волновало. Люди едва ли осознавали существование «зловещего дерева» до того, как Карэн «обнаружила» его.

Наверное... поэтому Карэн, чувствуя свою ответственность, вступилась за это дерево и попросила учителя не рубить его.

— Ну и что тебе сказала Цукихи-чан?

— Хм?

— Не прикидывайся. Стала бы ты просить помощи у меня, а не у Цукихи-чан? Что тебе сказал штабной офицер Огненных Сестёр?

— А-а. Она говорила о Вашингтоне.

— А? Столице США?

— Нет, президенте.

— ...

Насколько я помню, Вашингтон, первый президент Соединённых Штатов Америки, однажды срубил вишнёвое дерево¹²...

— Н-ну, в общем, хотелось бы послушать, что она под этим имела в виду.

— Она сказала, почему бы просто не извиниться за сломанное дерево?

— ...

Узнаю Цукихи, которую ничем не заинтересовать...

Цукихи-чан была из тех, кто вечно суют свой нос куда не следует и разнохивают о проблемах других людей, но при этом её нисколько не интересовали проблемы близких...

— Она тебя и не слушала вовсе, да? И за что тебе извиняться? Что ты сделала?

— Она сказала, мол, будь что будет, и неважно, случится что-то плохое или хорошее — просто извинись за всё, и дело с концом.

— Собственно, вот и вся философия жизни Цукихи-чан...

Что ж, если бы мы сломали дерево, нас бы только похвалили, ведь именно его гибели хотят ученицы додзё и их учитель.

В такой момент я просто не мог не подумать о силе духа Карэн. Она продолжала отстаивать собственное мнение, несмотря на то, что окружающие люди, с которыми она регулярно занимается, имели диаметрально противоположные взгляды.

Не говоря уже о том, что с такой позицией, как у Карэн, не получить никакой прибыли или выгоды. У меня отродясь не было такой ментальности, при которой человек может не страшиться конфликтов и разногласий с людьми вокруг.

Только один раз.

Обычно я так не делаю, но сейчас мне хотелось как-нибудь помочь Карэн, пусть мое желание и выглядит так, будто мне есть дело до сестры.

Подумаю об этом, как о возможности потребовать с Карэн ответную благодарность.

— Кх-кх-кх.

— Что за злодейское лицо?

— Карэн-чан, сколько у нас времени?

— Его почти нет. Думаю, дерево сломают завтра. Сегодня они, наверное, будут спорить друг с другом, кто из них снесёт дерево с ноги.

— Да просто спилите его!

Значит, времени совсем нет.

Её «почти» говорит как раз об этом.

Ну, даже если бы у нас было в запасе несколько дней, всё равно лучше было бы поспешить. Если представить, что любая из учениц может беспрепятственно вломиться в додзё и хозяйничать там, как это делает Карэн, то недолго и с деревом распрощаться. К тому же мы говорим о школе боевых искусств, где любой способен сломать его без каких-либо инструментов...

— Теперь все ясно. Карэн-чан, можешь положиться на своего надёжного брата.

— Правда? Тогда в качестве благодарности можешь делать с моими сиськами всё что пожелаешь!

— Даже не хочу думать о такой «награде», так что откажусь.

— Не упрямясь. Давай, давай!

— А что если я буду делать с ними всё что мне не нравится?

— Всё что не нравится?! Что ты собрался вытворять с моими сиськами?! И, братец, что именно ты собираешься делать?

— Ха! Что-нибудь да сделаю!

005

— Сделай что-нибудь, Ханекава!

— Не сваливай свою работу на других...

Той ночью я позвонил Ханекаве и, решив воспользоваться её мудростью, рассказал ей всё о сложившейся ситуации в додзё Карэн-чан и старом дереве.

— Я полностью истощён и уже на пределе! Помоги Карэн-чан! Хоть как-нибудь! Мне больше не на кого положиться!

— Ты слишком быстро сдаёшься.

Я услышал, как Ханекава вздохнула.

В последнее время она даже не пытается скрыть, что разочарована во мне.

— Прошу тебя! Разрешаю тебе делать с твоими сиськами всё что захочешь!

— Во-первых, мои сиськи и так уже мои... Ладно. Раз уж это для Карэн-чан... Если я буду думать, что делаю одолжение Карэн-чан, а не Арараги-куну, сразу же появляется мотивация.

— Так что? Есть хоть какие-нибудь мысли?

— Хм? Хм-м? Насчёт чего?

— Ну, прежде всего я хотел бы услышать твою версию, что случилось с этим деревом. И кого ты поддерживаешь: Карэн-чан или её партнёрш по карате?

— Карэн-чан, конечно же! Как вообще можно без уважительной причины избавиться от живого дерева? А ты считаешь иначе, Арараги-кун?

— Ну, как сказать... Интуитивно считаю так же, но что делать, если я просто заинтересованное лицо? Как бы я ни считал на самом деле, на меня, возможно, повлияло мнение окружающих.

— Вот!

— М-м?

— Думаю, с окружением Карэн-чан произошло то же самое. Этим я хочу сказать, что людей, желающих избавиться от дерева, не так уж и много, как вам двоим кажется. Неважно, сколько всего людей в додзё. Если ты переубедишь лидеров, формирующих общественное мнение, то решишь проблему.

— Хм...

Вот так Ханекава!

Поэтому-то я и положился на неё!

— Если говорить о том, почему до сих пор никто не замечал существования дерева, то прав ты, Арараги-кун, и я с тобой согласна. Дело не в том, что на дерево никто не обращал внимания, просто люди не осознавали его присутствие. Но, заметив дерево однажды, оно будет навязчиво маячить. Станет гораздо заметнее, чем есть на самом деле. Для аналогии можно взять причёску Арараги-куна спросонья.

— Моя причёска спросонья?..

Сказала бы, раз уж заметила!

Именно тогда, когда впервые заметила мои вихры.

— Когда ты запоминаешь новое слово и видишь его в предложении, оно начинает выделяться на фоне всего остального. Что-то в этом роде, да?

— Да. Ну, наверное... — согласилась Ханекава. — Как если бы на улице, по которой ты всегда ходишь, вдруг словно из ниоткуда вырос магазин, но никто не мог бы вспомнить, когда он открылся и когда его построили.

— Хотя ты наверняка помнила бы.

— А-ха-ха, вряд ли.

Ханекава рассмеялась.

Мне показалось, что её смех был притворным.

— Это возвращает нас к предыдущему разговору. Должны же среди учениц додзё найтись и такие, кто всё-таки заметил существование дерева, правильно? Только они подверглись влиянию толпы с её идеей, что дерева здесь никогда не было, и в такой обстановке им стало тяжелее начать говорить правду. Такое ведь возможно, да?

— Значит, люди подстраивались под обстановку... Вполне вероятно.

— Но даже если такая идея описывает явление, она ничего не объясняет. Естественно, ученицы додзё считают и свою невнимательность, и само дерево загадкой.

— К тому же... С таким количеством нагромождённых друг на друга случайностей в будущем всё это может разойтись как история о странности. Никогда не знаешь, что и как может стать такой историей...

Всё, до чего я мог додуматься, так это предложить теорию, чтобы объяснить ситуацию.

Но теория, в конце концов, всего лишь теория.

И больших результатов от неё не добиться.

— Хотелось бы кое в чём убедиться, Арараги-кун. Сейчас в додзё все подвержены панике как во время пандемии, так?

— Паника, это, конечно, преувеличение... Скорее, я бы назвал это массовым помешательством.

— Тогда ты должен положить этому конец.

— Хм?... Ну да. Но пандемию не сдержать, верно? Вирус всё равно будет распространяться. Вот в чём проблема.

— Нет, можно. Есть способ остановить пандемию.

— А?

— Это не способ остановить её распространение, а способ, чтобы она остановилась сама по себе...

«Похоже, сейчас мне выбирать не приходится», — добавила она.

Ханекава сказала так, будто ей совсем не хотелось вмешиваться в это дело. И затем я, услышав от неё последовавшую после этого «мудрость», узнав её план, кивнул в знак понимания.

Только на этот раз я не смог сказать ей привычного «всё-то ты знаешь, да?».

006

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Да, неожиданно я не смог ответить Ханекаве привычной фразой, но в этом-то и вся соль. Далее случилось вот что: старое дерево, которое Карэн пыталась защитить, так и не срубили. Вот вам и весь вывод.

Ну и, конечно, не свалили и не вынесли ударом с ноги. Дерево по-прежнему стоит, держась корнями за почву. Конечно, никто не в силах гарантировать, что оно будет жить вечно, но кризис был временно преодолён.

А произошло следующее.

— Чтобы пандемия или паника прекратились, сперва они должны достигнуть своей цели, и только потом они остановятся.

Такие дела.

Паника остановится, когда достигнет своей цели.

Вкратце, каким бы ни был вирус, как только он распространится настолько, что дальше будет некуда, инфицирование остановится, и проблема начнёт рассасываться сама по себе.

Так экологическая пирамида сохраняет свою целостность. Но в нашем случае было очевидным то, что мы не могли себе позволить дожидаться, когда пандемия паники дойдёт до своей «цели». Иначе от старого дерева просто бы избавились.

— Поэтому мы *передвинем* цель. Сейчас все считают дерево «зловещим», да? Или, может быть, «пугающим», что уже на один уровень выше. «Зловещий», «страшный»... Нам нужно подняться ещё выше. Там и будет наша цель.

— Ещё выше...

— Это будет благоговение, верно?

Благоговение.

То, что одновременно внушает страх и почтение.

На следующий день Карэн передала другим ученицам.

Что древесина, из которой в своё время построили священное додзё, была той же породы, что и у старого дерева. Видимо, бог, оберегавший додзё, заставил это дерево вырасти на заднем дворе.

Вот причина такого причудливого явления.

Так объяснила происходящее моя младшая сестра.

Так она всё истолковала и передала остальным.

— Бог восточных единоборств, который все эти десятилетия неустанно приглядывал за додзё и скрывал своё присутствие, использовал свою силу, чтобы предстать перед людьми. Срубить это дерево сродни оскорблению.

Выдумку Ханекавы приняли на веру почти что слово в слово. Но характер Карэн не позволял ей врать кому-либо ещё, кроме своего брата, поэтому для начала я обманул саму Карэн.

Начнём с того, что она не из тех, кто верит в странности, однако в позапрошлом месяце ей пришлось испытать на себе нечто очень необычное, поэтому для Карэн, мастера боевых искусств, было сравнительно легче принять такую духовную установку, как «бог восточных единоборств присматривал за додзё и скрывал своё присутствие».

Паника достигла пика и оборвалась не потому, что мы заставили учениц додзё, включая тех, кто подвергся влиянию толпы, отказаться от собственных мнений и чувств касательно дерева. Это всплывшая на свет «правда» поставила точку в споре. Другими словами, на этом волнения закончились.

Кроме того, узнав такую «правду», они ни за что не решатся навредить дереву.

Конечно, наша ложь не была рассчитана на учителя Карэн, владеющего додзё. Мы не удосужились проверить, действительно ли порода древесины, из которой построили додзё, такая же, как у этого дерева, но если так подумать, то это просто невозможно.

— Однако учитель наверняка не будет обращать на это внимание и пойдёт на поводу у всех. Как я и обещала, Карэн-чан всё-таки удалось убедить остальных.

Похоже, всё прошло именно так, как и говорила Ханекава.

Что ж, она попала в яблочко, предположив, что в додзё вряд ли найдется глупец, который изъявит желание снова мутить воду и разводить с таким трудом остановленную панику.

Пока что то старое деревце всё ещё цепляется за свою жизнь. Карэн, «обнаружив» его, взяла на себя ответственность и стала защитницей дерева.

— Да уж, стоит соврать, и внутри возникает какое-то неприятное ощущение...

Я наглым образом воспользовался мудростью Ханекавы и оказался совершенно не способен подбодрить её. Мне ничего не оставалось, кроме как найти слова утешения:

— Почему ложь? Необязательно.

— Хм-м?

— Может быть, то дерево — странность. Бог-покровитель или ещё кто, не знаю... А вдруг это какая-то скрывающая своё присутствие странность, которую человек не в состоянии распознать? Да и вполне возможно, что у додзё и дерева одна порода древесины. Есть такая вероятность.

— А-ха! О чём ты говоришь? Вероятность крайне мала.

— Малая вероятность не исключает возможности. К тому же...

Стоп.

Кажется, я хватил лишку и зашел со своими словами утешения не в ту степь.

— ...то дерево может превратиться в настоящую странность из-за придуманного нами объяснения, да? В странность, присматривающую за теми, кто проходит тренировки.

Примечания

1. «Встреча» (*ано*; от англ. *appointment*) и «Аполлон» (*аноро*).
2. Карэн видоизменила пословицу «честному бог помогает» (дословно «в честной голове живёт бог»).
3. Карэн перепутала слова «красота кривых линий» (*кёкусэмби*) и «стройные ноги» (*кякусэмби*).
4. Отсылка к персонажу по имени Какоэн Мёсай из манги «Школьные войны» Юдзи Сиодзаки. Это очень скрытная и безэмоциональная девушка. В аниме-адаптации её озвучила Китакура Эри, которая также является сэйю Арааги Карэн.
5. «Манера ходить» (*аси-хакоби*) и «манера вести диалог» (*ханаси-хакоби*).
6. Фамилия Арааги (яп. 阿良々木) начинается с иероглифа «阿» (*а*). Он же стоит в слове «пресмыкаться» (яп. 阿る *омонэру*).
7. Мутен Роши, также известный, как Мастер Роши, Черепаший отшельник и Джеки Чун — персонаж из манги «Dragon Ball» Акиры Ториямы. Является мастером Черепашьей школы боевых искусств. Это очень мудрый, но в то же время сильно извращённый старик.
8. В слове «позади (дома)» (*уратэ*) второй иероглиф имеет значение «рука», а в «уракэн» (тыльная сторона кулака) — «кулак». Причём в иероглифе «кулак» (拳) ключом является как раз «рука» (手).

9. В словах «мускульный желудок» (*сунагимо*) и «тест на храбрость» (*кимо дамэси*) есть один и тот же иероглиф, который одновременно означает «внутренности» и «мужество, отвага».

10. 庭には二羽鶏がいる (*нива ни ва нива ниватори га иру*) — японская скороговорка, которая дословно переводится как «в саду есть две курицы».

11. Доказательство, которое невозможно предоставить.

12. Никем и ничем не подтверждённая байка из брошюры пастора Мейсона Лока Уимса «Жизнь Джорджа Вашингтона с любопытными случаями, похвальными для его юных сограждан». Согласно ей, отец Вашингтона, увидев в саду изуродованное дерево вишни, спросил у своего сына: «Ты не знаешь кто погубил вишню в саду?» Джордж, боясь наказания, не решался ответить, но потом все же признался: «Я не могу лгать, пап! Это я порубил её своим топором». Уимс, очевидно, сочинил её в назидание, желая показать, как важно быть честным и правдивым.

Чай Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

001

Что касается второй из моих младших сестёр, а именно Арараги Цукихи, то мне кажется, словно она вообще не идёт по какому-либо пути. И дело не в том, что я будто бы знаю какие-то тонкости рода «путь Цукихи никакой не путь» или «на самом деле она прокладывает себе новую дорогу», нет. Скорее, Цукихи свободно парит в небе словно какая-нибудь птица, беззаботно проживая день за днём.

Это моё скромное мнение на правах её старшего брата.

Хотя я ни с кем не делился своими наблюдениями.

Да и сомневаюсь, что большинство людей из окружения Цукихи считали, будто у моей сестры уклончивый характер, словно у бесцельно сновавшей повсюду птицы.

Уклончивая и неуловимая.

Кстати говоря, как всем известно, птицы летают по небу, но куда интереснее другое: они обладали способностью летать ещё до того, как реально полетели, и свойство это, к слову, называется преадаптацией.

Кажется очевидным, что они никогда бы не полетели, если бы изначально не имели такой возможности, и если так подумать, то это довольно странно. Птицы уже были готовы летать прежде, чем смогли летать, и даже до того, как отделились от класса рептилий.

Можно ли назвать такую способность «непроявившейся», а не результатом эволюции? Если они знали, что когда-нибудь придёт день, и они будут летать, и постоянно готовились к этому моменту... Под эволюцией ведь подразумевается естественный отбор, который происходит за счёт адаптации к обстоятельствам, но в случае птиц это уже было бы предсказанием обстоятельств, которые должны были произойти, и заблаговременной адаптацией.

Моя сестра, видимо, обладала их прозорливостью и сноровкой. Нет, серьёзно, она будто парит над всем земным, словно какая-нибудь птица.

Пусть и бессмысленно задавать такой вопрос кому-то вроде неё, но я всё же спросил:

«Цукихи-чан, какому пути ты следуешь?»

То есть даже если она передвигается по небу, а не по земле, там всё равно должен быть какой-то путь.

Должен быть маршрут.

Даже самолёт следует установленным расписанием и курсу, летит по заранее проложенному маршруту, вдобавок принимая во внимание направление ветра и сопротивление воздуха. Так что даже для такой легко плывущей по небу личности, как она, должны существовать какие-то направляющие, хоть какая-нибудь концепция пути.

Поэтому я и спросил.

Однако Цукихи ответила так:

— Братик, в небе нет никаких путей. А будь они в самом деле, я бы их игнорировала. Я просто не могу действовать по чьей-то задумке.

Она ещё опаснее, чем мне казалось!

Уверен, стань я даже не самолётом, а птицей, не сегодня-завтра столкнулся бы с ней в небесах!

— Братик, с возвраще-нием!

— Ох, я дома.

— Ты сегодня ра-ано. У меня есть печенье, хо-очешь?

— Печенье? О, здорово! Не откажусь.

— Ещё ча-ай готов!

— Да ты, оказывается, соображаешь!

— А ещё у меня есть вопро-ос!

— Ага, и его тоже неси... Эм-м, стоп!

Вот так желающая со мной посоветоваться Цукихи шаг за шагом заставила меня её слушать. Она применила необычную тактику, начав издалека размеренно вести диалог. Был невнимателен, вот и попался.

Большая ошибка любезничать с собственной сестрой.

В общем, в один октябрьский день, когда я вернулся домой из школы, кое-кто взял на прицел мою невнимательность.

Цукихи выбрала для разговора нашу гостиную, где угостила меня приготовленным ею чаем с печеньем. Прямо как Карэн в прошлом месяце! Словно вернулись старые добрые времена, когда сёстры находили время на то, чтобы пообщаться со старшим братом... Разве такое может не радовать? Я бы слукавил, если бы сказал «нет», такие вещи меня действительно радуют. Однако я готовился к университетским вступительным экзаменам, так что меня это немного раздражало.

Ну...

Трудно поверить, что у Цукихи появилось какое-то щепетильное дело, требующее моего участия. Насколько мне известно, союзников справедливости (иначе известных как Огненные Сёстры) ведёт за собой Карэн, а Цукихи лишь плетётся за ней хвостом. Так что я был уверен: проблема Цукихи — сущий пустяк.

Я даже мог бы заявить, что все разрешится ещё до конца моего чаепития с печеньем, которое Цукихи, кажется, принесла после занятий в школьном кружке японской чайной церемонии, поскольку само печенье выглядело как настоящие традиционные японские сласти, приготовленные должным образом.

Задумавшись, можно ли отнести печенье к сладостям, я совершенно игнорировал этикет церемонии, запихивая в рот всё подряд и в случайном порядке, сопровождая процесс громким хрустом.

Впрочем, нельзя сказать, что я по-настоящему игнорировал этикет, поскольку вовсе его не знал.

— Итак, братик! Любезнейший брат мой...

— Не надо меня так мудрёно называть.

— Я просто выражаю своё почтение, раз уж собралась просить у тебя совета.

— Ага, секундное почтение. Что ж, я обязан как минимум отплатить тебе добром за это шикарное печенье. Только сможешь ли ты в полной мере использовать весь потенциал своего старшего брата?

— Братик, ты веришь в призраков?

— Призраков?

Верить или не верить... Если выбирать одно из двух, большинство предпочтёт не верить. Хотя мне встречались и такие, кто врал, что не верит, уплетая пончики.

— Ты чего это? Услышала что-то от Сэнгоку?

Я понятия не имел, захочется мне вступать в этот разговор или нет, поэтому для начала решил закинуть такую удочку.

Благодаря информационной сети Цукихи уловить странные события, которые случались в нашем городе последние шесть месяцев, совсем не трудно, и неважно, идёт ли речь о мошеннике или о ком-то другом. Только можно ли принимать полученную таким путём информацию за чистую монету?

Но Цукихи-то, в отличие от Карэн, реалистка, и как бы сильно она ни походила на птицу, мне было трудно поверить, что она могла клонуть на «заклинания».

— Почему ты упомянул Надеко-чан? Братик, иногда ты несёшь полную чепуху, — Цукихи привычно склонила голову набок.

Услышав её замечание, я неосознанно вздохнул с облегчением и, поймав себя на этом, сказал:

— А, пустяки! Но почему ты вдруг спросила меня о призраках? — и тут же перевёл на неё стрелки. — Что, в твоём кружке японской чайной церемонии появляется призрак?

Нельзя сказать, будто мой вопрос имел под собой хоть какие-нибудь основания, я просто хотел побыстрее сменить тему и не говорить о Сэнгоку. Я задал его, связав печенье, принесённое Цукихи из кружка японской чайной церемонии, и то, что она использовала слово «призрак».

И это было удивительное попадание прямо в цель.

Так-то! Не стоит недооценивать мою интуицию! Честно говоря, мне страшно захотелось испытать своё шестое чувство на тесте со множественными вариантами ответов. Ведь ещё ни разу не бывало так, чтобы человек получал максимальное количество баллов за заполненный случайным образом тест.

— Да, именно! Смотри-ка, ты сразу всё понял!

— А? «Именно»? Это как?

Вот так я среагировал на слова Цукихи. Будто у меня были птичьи мозги, и я в ту же секунду позабыл, какое предположение только что выдвинул. Можно даже сказать, что я был братом Цукихи во многих смыслах.

— Как ты и сказал: призрак появляется в кружке японской чайной церемонии! — пояснила Цукихи.

Ещё в прошлом месяце моя сестра решила сменить причёску и заплела себе две косички, хвосты которых сейчас вертела в руках, пока мы разговаривали. Я просил Цукихи расплести косы, но она меня не послушала. Она вообще не из тех сестёр, которые слушаются своих братьев.

— Или правильнее будет сказать, призрак *появлялся* в нашем кружке японской чайной церемонии.

— Правильнее?..

Разве можно говорить о призраке в прошедшем времени, если он продолжает «появляться»? Но да ладно, просто помолчу и послушаю её ещё немного.

Я многозначительно промывчал Цукихи:

— Хм-м, и? — стараясь вытянуть из неё продолжение этой истории.

На столе оставалось ещё много чая и печенья, поэтому я был не против послушать её. К счастью, Цукихи, в отличие от Карэн, хорошо умела вести беседу, так что я вряд ли заработаю себе стресс, просто выслушав её.

— Так вот, там появлялся призрак!

— Появлялся... Что ты имеешь в виду? В комнате кружка остались следы его появления?

— Нет, я бы не сказала... что остались какие-то следы. Нет никаких объективных доказательств, что *тот* ребёнок был там.

Тот ребёнок?

Какое-то странное и конкретное обращение!

— Скажу тебе одну хорошую вещь, Цукихи: если доказательств нет, значит, нет и призрака! Да, на этом и закончим! Теперь можем поболтать о чём-нибудь другом.

— Хэй!

Цукихи начала наступление на собственного брата, используя в качестве оружия трёхцветную шариковую ручку, которая случайно подвернулась ей под руку, а до этого спокойно лежала себе на столе. В отличие от Карэн она не училась рукопашному бою, поэтому бралась за любое оружие без всяких колебаний.

Мне пришлось немало попотеть, чтобы отучить Сендзёгахару использовать канцелярские принадлежности в качестве оружия... А тут даже не оружие, а безумие¹ какое-то! И в двух шагах от меня!

Реально страшно!

Если на мою родственницу донесут о покушении, её могут и арестовать... Но я ведь её брат, и, к счастью, за моими плечами многолетний опыт совместной жизни с сёстрами. В общем, я с лёгкостью увернулся от трёхцветной шариковой ручки.

Резко отклонился назад, прогнувшись в спине. Не думал, что этот навык когда-нибудь пригодится. К слову, никак не ожидал, что доживу до момента, когда такое умение придётся как никогда кстати.

— Я хочу получить совет! А не просто поболтать о том о сём!

— Ладно, ладно... Успокойся! Я понял, убери эту шариковую ручку!

— Убрать? Какой из стержней этой трёхцветной ручки ты просишь меня убрать?

— Все! Красный, синий, чёрный — все! Итак, о чём мы там говорили? Что нет никаких доказательств появления призрака в кружке японской чайной церемонии?

— Об этом я и толкую! Ты совсем не слушаешь?

— Не слушаешь именно *ты*! Нет доказательств — нет призрака, ясно?

Я не считал, что это нуждалось в повторении, но было понятно, что моей смекалистой, но упрямой сестре нужно сказать ещё разок.

— Насколько я понял, ты сама и доказала отсутствие призрака, так?

— Ого! Как ты догадался?

Цукихи не на шутку удивилась.

Мне стало приятно от такой реакции.

Удивись она чуточку сильнее, и я бы почувствовал фальшь в её словах, поэтому Цукихи достойна похвалы хотя бы за то, что знает, когда следует остановиться и не переступать черту.

— Вот меньшего и не ожидала от братика! Ты гений!

— Ой, не надо называть меня гением! Моя смекалка — результат тяжёлой работы.

А вот я забылся и позволил её хвалебным речам засесть в голове.

Ладно, мне не пришлось напрягаться, чтобы найти разгадку. Я просто опирался на «опыт старшего брата», то есть более-менее понимал, на что способна Цукихи.

Вообще, она пугала меня тем, что я не знал, что ещё она может выкинуть. Однако я вполне осознавал, что не могу предсказывать её поступки в принципе. Она полный хаотик, и всё же в её поведении прослеживалась некая закономерность.

Знал бы, как уловить эту закономерность, смог бы держать сестру в узде... Карэн, кстати, была такой же, но она совершенно не поддавалась контролю, поскольку всё равно оказывалась сильнее и быстрее своего старшего брата, а любой знак «проезд закрыт» попросту игнорировала. Эта её черта тяготила меня сильнее всего.

Такие люди, как она, могли бы силой прорваться через контрольно-пропускной пункт.

В то же время Цукихи вполне способна перелететь через него. Ну, чтобы поймать нечто летящее, можно накинуть на него сеть...

Скорее всего, история развивалась следующим образом.

Во второй средней школе Цуганоки, куда ходила Цукихи, разползлись слухи о призраке, появляющемся в комнате кружка японской чайной церемонии. Что-то вроде так называемой «школьной истории о призраке» или же одного из «семи чудес школы». И Цукихи (только, скорее всего, не от лица Огненных Сестёр, а самостоятельно, как Арараги Цукихи) решила расследовать эти слухи.

И ей удалось во всём разобраться.

Конечно, немного странно считать окончанием дела то обстоятельство, что «ничего обнаружено не было». Так или иначе, Цукихи собрала улики и показания свидетелей, тем самым успешно доказав, что в кружке японской чайной церемонии не появлялось никакого призрака.

Не было никакого призрака. Совсем.

Она пришла к такому заключению. И тем не менее...

Полагаясь на одну только интуицию и ни на что более, с помощью которой мне уже удалось догадаться о призраке кружка японской чайной церемонии, я бы без труда поставил на кон

честь старшего брата, ратуя за верность моей гипотезы. Но если она верна, то возникает закономерный вопрос.

Зачем Цукихи вообще хотела со мной посоветоваться? О чём? Проблема... вернее, весь инцидент уже исчерпан.

«Того ребёнка» там уже нет. Он ушёл.

Вот и конец.

Можно завершить историю фразой «Цукихи-чан, ты удивительная!».

Получается, она просто выбивала из меня похвалу?

Мне, как старшему брату, было неловко её нахваливать... Но если это единственный способ положить конец разговору о призраке, что ж, я согласен. Хотя понятия не имею, как бы я поступил ещё в недалёком прошлом, окажись в подобной ситуации.

— Вот так Цукихи-чан, да ты просто гений!

— Нет, никакой не гений. У меня тут, в общем-то, проблема.

Я предполагал, что она обрадуется похвале, как обрадовался её словам я, но грубо ошибся. На лице Цукихи застыло явное беспокойство.

— Братик, как думаешь, что мне нужно сделать?

— А? Насчёт чего?

— Ну... Как ты и сказал, я смогла, логически рассуждая, привести доводы в пользу отсутствия какого бы то ни было призрака, но... Никто в это не верит.

Все вокруг.

Верят в существование призрака вместо того, чтобы поверить мне.

Вот что сказала Цукихи, отпив чаю.

003

Есть одна игра под названием «Квадрат».

Ну, пусть её и называют игрой, она не очень-то занимательная и больше походит на какое-то групповое занятие, которое лишь смахивает на игру, в чём вы и убедитесь ниже... Как бы то ни было, это хорошо известная игра, каждый хотя бы раз в своей жизни слышал о ней, поэтому объяснять её правила, в общем-то, не нужно, однако я расскажу о её смысле вкратце.

Чаще всего в ходе игры разыгрывается сценка в воображаемой хижине на заснеженной вершине горы, где бушует метель. Четверо выживших, оказавшихся в снежной ловушке, вступают в игру.

Для человека, застрявшего на заснеженной горе, проговаривать фразу «Не спи! Если заснёшь — умрёшь!» и хлопать себя по щекам, чтобы прогнать сон, — обычное дело. Хотя существуют различные мнения насчёт того, умрёт ли человек, если заснёт. Всё-таки во сне уровень потребления энергии снижается, и замедленный метаболизм может сохранить вам жизнь. Впрочем, в «Квадрат» играют как раз для того, чтобы не заснуть.

Каждый из участников встаёт в один из четырёх углов комнаты, и игра начинается. Участник «А» перемещается к участнику «В» и хлопает его по плечу. «В», сочтя это сигналом, перемещается к «С» и хлопает того по плечу. Затем «С» идёт к «D» и повторяет то же самое. Наконец, когда перемещается «D», чтобы хлопнуть по плечу «А», круг замыкается, игроки вновь оказываются на стартовых позициях.

Получается, четверо человек ходят кругами по комнате до наступления утра, тем самым сопротивляясь сну. Однако, думаю, не стоит объяснять, почему из этого ничего не «получается».

Ведь когда «D» идёт хлопнуть «А» по плечу, «А» на том месте уже нет. В самом начале игры он передвинулся на место «В».

Раз «D» переместился в пустой угол, игра должна закончиться. Вот и причина, почему эту игру не назвать занимательной.

Но, как ни странно, существует способ играть в неё не останавливаясь.

Для игры в «Квадрат» требуется пять участников, расставленных по четырём углам. Но когда именно «пятый» успел затесаться среди четверых, помогая выжившим бороться со сном до наступления утра? А на рассвете у каждого из игроков невольно возникнет вопрос: вчетвером играть невозможно, тогда кто же был пятым?

В этой ситуации глупо умничать, будто стоило заметить «пятого» гораздо раньше. Ведь кто-нибудь из участников должен был обнаружить лишнего человека уже к концу первого раунда, и не имеет значения, насколько сонными были игроки в тот момент. Кроме того, игрокам лучше бы придержать своё мнение о том, что есть кое-что получше «Квадрата», чтобы убить время и не задремать. Даже если считать «пятого» за странность, то ни в коем случае не страшную (пусть и необычную), а хорошую. В конце концов, благодаря «пятому» остальные четверо выжили и были спасены.

Нет, я рассказал о «Квадрате» не потому, что Цукихи и остальные убивали время за этой игрой в комнате кружка. Пусть члены его довольно-таки эксцентричны, о чём я решил, узнав об устроенном ими показе мод (они вышли в кимоно на школьном культурном фестивале), однако даже эти люди не станут носиться из угла в угол священной для них комнаты. Рассказ Цукихи напоминал мне историю о призраке, которая неизвестно откуда или от кого пошла.

«Пятый человек».

Только в нашем случае будет «восьмой человек» (раз в кружке японской чайной церемонии состоят семеро), и восьмой член этой группы мог бы стать хорошим предзнаменованием о

грядущем развитии², однако не думаю, что эта деталь имеет хоть какое-нибудь отношение к делу.

— Эм-м... Сначала, значит, появились какие-то свидетельства в пользу «восьмого человека», да? И затем ты подавила эти слухи...

— Ничего я не подавляла! Как я уже сказала, не было никакого «восьмого человека». Это всего лишь слух, возникший из ниоткуда. Мне совсем не в кайф от мысли, что в месте, которое мы называем штаб-квартирой, зародился такой чокнутый слух, поэтому, братик, я решила с головой окунуться в расследование.

— ...

«Чокнутый» и «не в кайф» — красноречивое доказательство её небрежности в речи... Когда мы с ней разговариваем тет-а-тет, в моих глазах она преображается в какого-то хулигана, и тогда мне становится совершенно ясно, что гораздо легче иметь дело с прямолинейной Карэн.

— Не буду вдаваться в конкретику, но я собрала все косвенные улики, не забыв о свидетельстве, из-за которого, кажется, и пошёл слух о «восьмом человеке». Я логически доказала несостоятельность каждой улики и свидетельства. Логически!

— Не надо акцентировать внимание на слове «логически». Звучит так, будто ты врёшь.

— Считаешь меня лгуньей? Грубиян! — Цукихи надула щёки. — Всё, что осталось после того, как я отвергла всё нелогичное, — то, что осталось после того, как я отвергла всё нелогичное!

— Ну, это, пожалуй, логично...

Хотя её фраза вообще ни о чём не говорит.

Логично, нелогично — в ней всё равно нет никакого смысла.

— Но разве подавление слухов или проведение расследования не вызовет волнений среди учеников? Получается, твои действия сами чуть ли не становятся предметом пересудов. Match-pump какой-то.

— «Match-pump»? И что это? Какое значение у слова?

— Эм-м...

Всегда чувствую неловкость, когда у меня спрашивают значение слова, сказанного невзначай. Не могу похвастаться обширным словарным запасом, и к тому же я иногда прибегаю к словам, значение которых даже не знаю, наверное, красоты и нюансов ради, так что нередко употребляю их не к месту.

Надо бы подробно объяснить эту деталь Цукихи хотя бы ради того, чтобы стереть с её лица это самодовольное выражение и сохранить честь старшего брата...

— «Match» с английского означает «спичка», ею разжигают огонь. Ну, знаешь, вот так чиркаешь, и она воспламеняется. А «pump» — водяной насос, так что «match-pump» означает зажигать огонь, а потом самому же его тушить...

— Про насос я поняла, но что за спичка?

— ...

Как же она не знает, что такое «спичка»? Наверное, поколение такое.

Я объяснил ей, что это аналог зажигалки.

Хотя спичка кардинально отличается, но я решил, что сестре это и так будет очевидно.

— Хм-м... Слово подходит Ханекаве-сан, да?

— Вообще-то больше всего тебе! Не критикуй Ханекаву!

— Нет-нет, я не критикую её! В «match-pump» есть что-то положительное! На самом деле положительное! Раз уж это положительно для Ханекавы-сан, то и для меня тоже!

— Ну, сомневаюсь, что кто-либо ещё, кроме тебя самой, думает о тебе положительно...

— Настолько положительно, что я могла бы даже сравнить себя с Наполеоном. Потому что «match-pump», в сущности, означает, что ты заботаешься о том, за что несёшь ответственность, так?

— ...

Ей удалось интерпретировать фразу в хорошем смысле.

Мне прямо захотелось стать её помощником при совершении сэппуку³... поскольку она всё ещё смотрела на меня с самодовольным выражением лица.

Да если бы моя сестра и в самом деле заботилась о вещах, за которые несёт ответственность, она бы не стала просить у меня совета.

Нет...

Не так. Цукихи, конечно, уже несметное число раз посылала меня или кого-то ещё из своих знакомых разбираться с проблемами, неприятностями и несчастьями, причиной которых была она сама, так что моя сестра определённо не тот человек, кто заботится о вещах, за которые несёт ответственность... Но сейчас всё иначе.

История уже закончилась.

В ходе расследования Цукихи слух о «восьмом человеке» в кружке японской чайной церемонии был официально опровергнут, вследствие чего история подошла к концу.

Дело закрыто.

Сказке конец.

Она... взяла на себя ответственность.

И весь наш разговор... *не учитывал этого факта.*

— Знаешь, что я сделала, братик? Знаешь, что сделал персонаж миленькой, очаровательной младшей сестрёнки по имени Цукихи-чан?

— Постой! Даже если ты персонаж младшей сестры, то только для меня и Карэн-чан... Для всех остальных ты обычная девушка.

— Что ты такое говоришь? Я всеобщая младшая сестра!

— У тебя что, десять тысяч братьев и сестёр⁴?..

Это... страшно.

Я не засну ночью с такими кошмарами!

— Нет-нет. Знаешь, всё-таки жутковато иметь десять тысяч Карэн-чан и братиков. Прости, братик, не мог бы ты не отвлекаться от темы? Я тут пытаюсь вести серьёзный разговор.

— Хм...

Не похоже, что она ведёт себя серьёзно. Даже эту фразу она договорила, хрустя печеньем.

— Ладно. Так что там сделал персонаж миленькой, очаровательной младшей сестрёнки Цукихи-чан?

— Я долго и упорно размышляла о проблеме и всё-таки смогла опровергнуть существование «восьмого человека», однако все остальные сказали мне: «Может быть, так оно и есть, но это не имеет значения».

— ...

Не имеет значения.

Ясно. Никто и слушать её не захотел. Именно это тяготило Цукихи.

Стало поводом для страданий моей сестры.

— «Может, Цукихи-чан и права, и её теория соответствует действительности, но даже в таком случае “восьмой человек” всё ещё может существовать...» — они продолжают судачить о нём! Всё равно распускают слухи!

Первую часть фразы она произнесла так, будто задышалась от волнения, возможно, подражая кому-то, но под конец Цукихи вновь вернулась к привычному тону, в котором явственно слышалось раздражение.

Её так заносит, что уже не починить.

Но во мне ещё теплилась надежда. Раз я сумел изменить Сендзёгахару...

— Что думаешь, братик? — спросила меня Цукихи, мигом успокоившись и сев на пол. Минуту назад она в раздражении подскочила со своего места. — Как мне нужно поступить?

— Как поступить?..

— Что я должна сделать в такой ситуации? Как бы тебе сказать... Я указала им на правду, они осознали правильность моих суждений, так что конфликт, расхождение во мнениях, уже исчерпан, и всё закончилось, но положение дел после этого ничуть не изменилось... Будто «правда» не имеет никакого смысла и не оказывает должного эффекта. Что мне нужно сделать?

«Правда» не имеет никакого смысла.

Такие ситуации складывалась уже тысячи, нет, десятки тысяч раз, и я постоянно твердил своим сёстрам одно и то же. Исчерпывающе объяснял (иногда это заканчивалось перебранками) Огненным Сёстрам, что справедливость, союзниками которой они выступают и чем руководствуются в своих делах, и правду нельзя использовать как универсальные средства для нормализации процессов в обществе.

Ну, не будем сейчас о том, поняли они меня или нет... В нашем случае спор касался иного.

Налицо не конфликт двух разных представлений о справедливости.

И проблема не в её тщетности.

Получается, к правде, верным предположениям и аргументации как таковой относятся с апатией, слушают их с отрешённым видом, и для такого человека, как Цукихи, это невыносимо.

Но, пусть я и говорю, что «для такого человека, как Цукихи, это невыносимо», моя сестра выглядит отрешённой и безразличной поболее других...

— А как насчёт этого, например? В сущности...

— Нет, не надо мне примеров!

— Дай мне хотя бы один случай припомнить!

— Я говорю о себе, и мне неприятно, когда ты начинаешь валить мои проблемы и проблемы других людей в одну кучу, ясно?

— Да откуда мне знать, что ты вообще чувствуешь?

— Как же это бесит! Я изо всех сил стараюсь импонировать людям, но иногда они просто отвечают мне: «А-а. Ну, бывает такое». И почти всегда так говорят взрослые, которые игнорируют меня только потому, что кто-то другой когда-то переживал то же самое!

— А-а. Ну, бывает такое.

— Вот об этом я и говорю!

— Но, к примеру, как ни старайся, а человека, который верит в предсказания по группе крови, не переубедишь... Похожая ситуация, да? — заметил я, пытаясь успокоить возмущённую Цукихи с посылом «ну всё, всё». Не уверен, что мой пример был кстати, если учесть последние слова сестры, однако суть моего замечания понять несложно. — Не знаю, как тебе можно было бы обсудить с ними проблему, опираясь на логику, но, наверное, ничего бы из этого не вышло.

Цукихи тут же кивнула.

— Со мной такое уже бывало. Я как-то сказала: «Только японцы верят в предсказания по группе крови» — и в ответ получила: «У тебя наверняка вторая группа, раз ты вся такая логичная!».

— Радикальный пример...

Или не радикальный пример, а крайний довод⁵.

Похоже на «заклинания», которые распространял мошенник... Несмотря на то, что люди прекрасно знают об их предпосылке, и что это обман в чистом виде, они продолжают в них верить.

Но одними лишь предсказаниями по группе крови дело не ограничивается.

Я, например, на Новый Год хожу в храм и молюсь о здоровье, однако не то чтобы я на самом деле верил, что буду здоровым весь год, только лишь потому что положу пять иен в коробочку для пожертвований и сложу руки в мольбе.

Я не настолько религиозен.

Но всё равно исправно посещаю храм на Новый Год... и всё в таком духе.

— Цукихи-чан интересно, что чувствует человек с третьей группой крови, когда узнаёт о своём характере по тесту... Насколько ему плохо?

— Не говори о себе в третьем лице! Ты что, маленький ребёнок?

— А вот Надеко-чан ты такого не говоришь... Но, в самом деле, думаю, многим людям с третьей и четвёртой группами крови должно быть обидно от этих тестов на определение

характера. Просто получается, что тест построен таким образом, чтобы всё плохое перекладывалось на меньшинство.

— Хм-м.

Ну, если бы в тестах на характер плохо писали о людях с первой группой крови, их популярности вовсе бы не было.

— Кажется, это называется «теорией приклеивания ярлыков»? Тебе с самого раннего детства вбивают в голову классификацию по группам крови, и твой характер в итоге начинает соответствовать описанию черт в твоей группе...

— Нет-нет, теория приклеивания ярлыков работает слегка иначе. К примеру, в человеке со второй группой крови проще всего разглядеть черты, присущие ей. И, зная о том, что твой собеседник относится ко второй группе, ты будешь воспринимать его согласно устоявшимся стереотипам... Но тут уже клеится скорее стикер, чем ярлык.

— Хм... Но проблема не в том, что люди верят в предсказания по группе крови и тесты на определение по ней характера. Большинство просто веселятся, потому что такие вещи кажутся им занимательными, да? В общем, проблем от этого как таковых нет...

Потому что они просто занимательные.

Другими словами, в таких вещах есть некий игровой потенциал.

Поэтому человек, сказавший, что в предсказания по группе крови верят только японцы, будет казаться в глазах толпы грубияном... Такое высказывание даже может сойти за акт агрессии.

То же самое касается астрологии, хиромантии и любого другого вида гадания. Сейчас далеко не древние времена, чтобы люди строго следовали предначертанному.

— Точно! Сюда же относятся ёкаи, призраки и НЛО. Видишь, какая я рациональная девушка, а? Девушка с рациональным и андрогинным обаянием, да?

— Не думаю, что у тебя есть андрогинное обаяние.

— В общем-то, андрогинное обаяние означает, что... Когда смотришь на человека одного пола, выглядящего как андрогин, он начинает восприниматься как человек противоположного пола. Или это означает, что человек одновременно выглядит как мужчина и женщина?

И после всего этого пустословия она добавила:

— Я, по крайней мере, рациональна. Наблюдая, как все кому не лень галдят о призраке, я на подсознательном уровне поняла, что с этими слухами необходимо покончить. И, похоже, остальные хотели того же, раз сотрудничали со мной во время расследования. А после него, когда ответ всплыл наружу, они, знаешь, только ухмыльнулись... Вот и всё.

— Вместо того, чтобы опровергнуть твою точку зрения, они просто проигнорировали тебя и продолжили говорить о «восьмом человеке», я правильно понял?

— Совершенно верно, — в голосе Цукихи прозвучала грусть.

Что ж, моя младшая сестра ни капли не андрогинна, к тому же её постоянно заносит, поэтому я бы и рациональной её не назвал. Но с присущим Цукихи характером (о котором я более чем наслышан) она наверняка считала, что в сложившейся ситуации вообще нет никакого смысла.

Она совершенно не понятна.

Ну а кроме того, Цукихи разозлилась, потому что к её труду отнеслись с полным пренебрежением. Вдобавок моя сестра наверняка была в полном замешательстве от этого факта.

Почему?

По какой причине?

Все прекрасно знают, что это просто слухи, так отчего же участницы кружка японской чайной церемонии остались при своём мнении и верят в то, чего быть не может?

Не изменяя своей позиции?

И почему они продолжают наслаждаться ситуацией, будто ничего и не было? Цукихи отлично понимает, что ей не переломить такую устойчивую точку зрения, дело здесь трудное. Поэтому я в очередной раз задал себе вопрос: что я могу посоветовать?

Практическая задача.

С той историей о странности... С той историей о призраке она уже расправилась с помощью собственной смекалки и обаяния.

Вряд ли она хочет попросить меня переубедить шесть участниц кружка японской чайной церемонии второй средней школы Цуганюки. Несмотря на то, что моя младшая сестра, Арааги Цукихи, состояла в этом кружке, она была настоящей сумасбродкой⁶, но не может быть, чтобы её легкомысленность достигала таких высот.

В таком случае это привело бы к серьёзным последствиям.

Старшеклассник заявляется в среднюю школу и по-детски, с пеной у рта, спорит с шестью среднеклассницами... Да, вот это высший инфантилизм, просто олицетворение домогательств!

Я мог бы так разбушеваться, что в конце концов положение Цукихи в кружке японской чайной церемонии стало бы хуже, чем когда-либо.

Вполне возможно, что после этого инцидента ученики и ученицы начали бы слагать легенды о персонаже младшей сестры с «братом-монстром» вместо «родителей-монстров»⁷.

Так и закончилась бы героическая история Огненных Сестёр.

Но тогда что же, она, получается, не ждёт от меня ответа, а просто жалуется и просит совета?

Значит, я уже сыграл свою роль... Станет ли она снова грозить мне острым стержнем трёхцветной шариковой ручки, если я сейчас же встану и уйду?

Выражение «грозить острым стержнем шариковой ручки» применимо только к Цукихи... ну и к Сендзёгахаре в прошлом...

— Слушай, Цукихи-чан, — я решительно ступил на тропу войны, только из оружия у меня была не шариковая ручка, а слова. — Чего ты хочешь от меня на самом деле?

— А? Что за вопрос, братик? Ты не слушал, о чём я тебе говорила?

— Нет, не надо делать удивлённое лицо... Не надо делать удивлённое лицо и говорить таким тоном, будто ты собралась запытать меня до смерти!

— Ха!

Ещё одна атака трёхцветной шариковой ручкой. И снова мне удалось увернуться, пусть и с трудом: мою кожу чуть было не раскрасили в три цвета.

Нет, конечно, шариковая ручка не способна окрасить что-либо в одно касание: само строение не позволит... Я решил спросить сестру напрямую, поскольку думал, что молча встать и уйти — опасно для жизни. Но в действительности, если говорить языком шахмат, оказалось, что мне поставили мат и покушались на мою жизнь, что бы я только ни говорил в своё оправдание.

— Сморозишь ещё какую-нибудь глупость, и я посягну⁸ на твою жизнь этой трёхцветной шариковой ручкой, братик.

— Я тебе не растение, чтобы ещё посягать на меня⁹! Не ходи вокруг да около и не надо меня запугивать, просто скажи прямо, Цукихи-чан: чего ты от меня хочешь?

— Ты смущаешь меня, когда ставишь вопрос ребром! Но вообще, я просто хочу услышать твоё мнение. Узнать кое-что. Братик, ты веришь в призраков?

Она вернулась к начальному вопросу.

То есть с него всё и началось... Тогда мне показалось, что она всего лишь пыталась завязать беседу этим вопросом. Своеобразный и весьма удобный способ плавно подвести к главной теме. Оказывается, я ошибался.

Вернее.

Мы сразу коснулись главной темы, а всё остальное как раз и оказалось ходьбой вокруг да около. Даже немного страшно осознавать, что главная тема беседы была озвучена с самого начала.

Впоследствии мне удалось докопаться до истины и узнать, что стоит за этим вопросом о призраке, но в процессе наш с ней разговор несколько усложнился, а её рассказ оброс подробностями... Но изначально тема была совсем простой.

Цукихи лишь хотела знать, на чьей я стороне.

Моя младшая сестра.

— Хм...

Так или иначе, я никогда не отвечал на такой откровенный вопрос, хотя много раз думал о нём про себя.

Просто найти подходящий ответ трудно.

Нельзя сказать, не подумав.

Нельзя просто взять и сказать то, что хочет услышать моя сестра, ведь никогда не знаешь, кто тебя может подслушивать. У стен тоже есть уши, как никак.

А в тени сидит вампир.

— Что? Почему тебе, братик, так трудно ответить на этот вопрос, будто я загнала тебя в угол? Достаточно сказать «да» или «нет» и покончить с этим, разве не так?

— Ошибаешься, Цукихи-чан. Проблемы этого мира не решаются простыми «да» или «нет».

— Вот как? В таком случае я не против покончить с братиком, услышав простое «да» или «нет».

Она заранее приготовила трёхцветную шариковую ручку.

Или её лучше назвать посягательной шариковой ручкой?

Это что, предупреждение? Мол, меня заколют ручкой, если не дам верного ответа?... В таком случае у меня нет другого выбора, кроме как угодить Цукихи и сказать «нет».

Хм-м.

Ну, печенье почти закончилось, а моя чайная чашка давно опустела, так что я просто кивну и пойду восвоюси.

Всё равно пора за учёбу.

— «Нет». Я не верю в призраков. Все остальные участницы кружка японской чайной церемонии определённо не правы. Я уверен, что права именно ты, так что больше не беспокойся об этом. Будь сама собой и настаивай на своей правде.

Уже больше десяти лет прошло с тех пор, как моя младшая сестрёнка Цукихи появилась на свет.

Не думаю, что мне когда-либо доводилось говорить ей хоть что-нибудь хорошее, но, как бы то ни было, настал момент, когда я всё-таки сказал ей добрые слова.

В ответ на это Арараги Цукихи, считающая себя вторым Наполеоном, произнесла кое-что, чему я совершенно не удивился:

— Да, ты прав. Но я всё равно не могу успокоиться.

— ...

Ты не собираешься изменить своё мнение, даже если я уверяю тебя, что ты права?

И чем ты тогда отличаешься от людей из кружка?

004

Разве ты не уподобляешься им?

Но, ладно, у всех людей есть такая сторона, и это сущая правда. Равно как нельзя простым «да» или «нет» решить мировые проблемы, так и людские чувства и эмоции нельзя запросто рассортировать на «правильные» и «неправильные».

Даже если указать человеку, что есть «правильно», а что — нет; даже если он сам понимает, что какой-то поступок совершать «неправильно», он всё равно способен выбрать этот ложный путь.

То же самое случилось и с Цукихи, которая беспокоилась о сложившейся ситуации, пусть и понимала, что это делу не поможет. Ну, пожалуй, волнений не избежать, особенно если речь идёт о событиях в твоей жизни.

Я посоветовал Цукихи вот что: осознать, что беспокойство не поможет ей разрешить конфликт, следовательно, она должна перестать волноваться. Ну, наверное, где-то на этой земле и существуют люди, способные внять моему совету, однако большинство так и не сможет ему последовать.

Человек будет всё равно сожалеть о каких-либо вещах, даже если его переживания ни к чему не приведут.

И раз за разом говорить слова, в которых нет никакого смысла.

Жизнь — круговорот безнадёжности.

Я вспомнил, о чём Карэн советовалась со мной в прошлом месяце. Случай со старым деревом, которое преспокойно росло на заднем дворе додзё. Размышляя о его судьбе, я невольно задался вопросом: какой процент из сотни учениц додзё ощущал на себе зловещую ауру дерева? Многие ли боялись его?

Они ведь тоже должны были об этом задуматься...

Хотеть, чтобы дерево вырубili — немного чересчур, верно? Ученицы додзё должны были осознавать, что такая реакция — это уже слишком, так ведь?

И всё же они не могли ничего поделать со своими чувствами. Если бы мы с Ханекавой не перевели эти эмоции в мирное русло, ничего бы не изменилось. Никто бы не дал по тормозам.

Мы изменили их восприятие.

Заставить людей передумать ох как не просто. Я бы даже сказал, что почти невозможно.

— Ну, может, я немного преувеличиваю, но вот тебе пример из жизни. Возьмём гиен. Многие воспринимают их негативно, верно? Мол, хитрые животные, питающиеся падалью, оставшейся после лвиной охоты. В действительности же гиены охотятся сами, а вот большегривые львы ленятся добывать пищу... Нет, я не пытаюсь тут блеснуть знаниями. Но разве тебе не кажется, что такие факты должны быть общеизвестными, чтобы не приходилось наводить справки? Что это часть общих знаний о мире? Но эта информация не особо распространена и никак не сказывается¹⁰ на образе гиен, их не воспринимают более позитивно. Мнение, которое однажды прижилось, ярлык, который однажды приклеился, остаются на своих местах даже после того, как правда выходит наружу. Узнав, что на самом деле правда, а что — заблуждение, люди всё так же продолжают жить, притворяясь, что ничего не изменилось. Почему?

— Потому что люди закрывают глаза на то, что для них неудобно, Арааги-семпай, — так ответила на этот вопрос моя кохай Камбару.

Дело было на следующий день у неё дома.

Точнее, на следующий день после разговора с Цукихи я пришёл в гости к Камбару, чтобы навести порядок в её комнате. И когда я задал свой вопрос, то был весь в работе, стараясь разгрести царящий вокруг хаос, привести комнату в изначальное состояние порядка и сделать её снова жилой.

— Как там это называется? Сендзёгахара-семпай однажды рассказывала мне...

Предвзятость... Что-то типа того. Люди даже во время чрезвычайных ситуаций закрывают глаза на неудобную для них информацию, продолжая думать, что «с ними всё будет хорошо»... — заметила Камбару, пока стояла в коридоре. Она и в этот раз не желала помогать мне с уборкой.

— Это уже немного другое, разве нет? Не сказать, что в нашем случае вера в призрака, в «восьмого человека», успокаивала участниц кружка японской чайной церемонии или приносила им какую-то пользу.

— Они, вероятно, просто сочли, что будет веселее поверить в алогичного призрака, чем отрицать его существование, опираясь на логику, так? Ситуация с восприятием гиен немного отличается... Вряд ли здесь замешано то, о чём я думаю, да?

В отличие от Цукихи, мы с Камбару признавали существование так называемых странностей. Признавали демонов, обезьян и даже змей, поэтому могли поговорить об этом предметно.

— Сендзёгахара, наверное, рассказывала тебе о предвзятости нормальности¹¹?

— Так, стоп! Чего это вы, Арараги-семпай, обращаетесь к ней по фамилии? Не нужно соблюдать передо мной нормы приличия. Просто зовите её «Хитаги», как вы обычно и делаете.

— Я не стану так её называть, если только при обращении напрямую... Нет, стой, я даже напрямую ни разу к ней так не обращался!

— А? Вы не зовёте её «Хитаги»? Тогда как, «Лосины»?

— С чего мне называть кого-то «Лосины», если этот человек их даже не носит?! В общем, не думаю, что здесь дело в веселье. Выслушав всю историю до конца, я не могу сказать, что участницы кружка наслаждались болтовнёй о «восьмом человеке».

— А что это за слух, можно поконкретнее? Наверно, уже нет никакого смысла рассказывать, если Цукихи-чан сама справилась с историей о странности, но, может быть, мне удастся что-нибудь понять, если я узнаю детали, — сказала Камбару, по-прежнему оставаясь в коридоре.

Что она чувствовала в тот момент?... Камбару стояла, скрестив руки на груди и поглядывая на своего семпая, который не покладая рук делал уборку в комнате вместо неё самой.

Или богатых такое и вовсе не волнует? С точки зрения какой-нибудь королевы, её поведение вполне естественно.

— Смотрите, в том случае с додзё Карэн-чан, о котором вы, Арараги-семпай, мне недавно рассказывали, все приняли идею о странности, будто дерево является «богом-защитником», так? А что если «восьмой человек» — тоже что-то вроде этого? Может, «восьмой человек» кружка японской чайной церемонии... кто-то наподобие бога «пути чая»?..

— Бог «пути чая»...

Кто бы это мог быть?

Кажется, я уже когда-то слышал о божестве или ёкае чая¹².

— Нет, вряд ли. Мне известно немного, и я не могу сказать наверняка, будучи человеком со стороны, но мне кажется, что это какая-то зловещая история.

— Хм. А поконкретнее можно?

— ...

Она ведёт себя высокомерно.

Что это? Осталась старая привычка с тех времён, когда кое-кто ещё был профессиональным игроком школьного баскетбольного клуба? Хотя сейчас-то Камбару не профи и не звезда, а просто популярная девушка!

Но этого уже достаточно, да?

Чтобы вести себя высокомерно.

— Я уже сказал, что знаю мало, поэтому подробностей не расскажу... Кружок японской чайной церемонии перенял «историю о призраке», которая с давних времён передавалась из уст в уста в их школе. Что-то вроде того. И, пожалуй, даже не перенял, а переименовал под себя.

— А что за история ходила там «с давних времён»?

— Если я правильно помню... Да, что-то вроде истории о призраке, в которой говорится о появлении лишнего ученика. В классе должно быть тридцать человек, а в какой-то момент кто-нибудь обнаруживает, что их тридцать один... И, когда ты замечаешь это обстоятельство, лишний человек заменяет тебя... Тебе приходится владеть существованием «тридцать первого ученика», то есть никто из одноклассников не будет тебя замечать... Всё, что тебе остаётся, так это наблюдать, как «бывший тридцать первый» общается с твоим классом...

— Хм... Значит, история с подменой человека. Или таинственное исчезновение. Правда страшно.

Пусть Камбару и сказала, что ей страшно, виду она не подала. Ну, хотя это явная «страшилка», ни один старшеклассник не станет всерьёз её пугаться.

— Проведём аналогию с этой историей о призраке и получим, что «восьмой человек», по-видимому, затесался среди членов кружка. Должны быть какие-то признаки его существования, верно? Но у нас-то всё не так.

— Как думаете, в чём дело? — спросила меня кохай.

— Ну, раз мы говорим о кружке японской чайной церемонии... Даже если здесь и не замешан «бог-защитник», то странность по типу дзасики-вараси¹³ пришлась бы, на удивление, к месту, не думаешь? Если «восьмой человек» был дзасики-вараси, тогда понятно, почему все продолжали в него верить, какими бы логичными ни были объяснения Цукихи-чан, которая отрицает его существование.

— Это да.

С дзасики-вараси всё встало бы на свои места.

Однако тут уже не до веселья, ведь говорят, что стоит только выгнать дзасики-вараси, как твой дом разрушится. Но дело-то не в этом.

Самое важное в истории о призраке (и это же обстоятельство несёт вред) заключается в том, что «восьмой» занимает чьё-либо место и стирает реально существующего человека из

действительности... Зная это, нужно всеми силами бороться с «восьмым», отрицать его существование, а не с лёгким сердцем поддаваться чьему-то «притворству»¹⁴.

Вот где настоящая польза.

— Тогда это, может быть, не предвзятость нормальности, а феномен усиления девиантности? Об этом я тоже слышала от Сендзёгахары-семпай. Если девять из десяти людей формируют неправильное и неразумное общее мнение, последний оставшийся человек, пускай сколько угодно его выводы будут правдивы и логичны, вполне себе может начать сомневаться в своей правоте. Это даже можно назвать давлением группы по правилу большинства, и в таком случае изменить мнения других людей становится невыносимо сложно.

— Правило большинства, значит...

Сендзёгахара по жизни не поддерживала решение большинства, и, скорее всего, именно поэтому так хорошо подкована в теории.

Ну, у неё никогда не возникало иллюзии единодушия¹⁵.

— Но в таком случае история доходит до крайности... Думаю, среди участниц кружка должна быть хотя бы одна, разделяющая мнение Цукихи.

Будь в кружке такой человек, история бы значительно упростилась. В нём состоят семеро, значит, сейчас по правилу большинства мы имеем шестерых против одной.

Шестеро на одну — немного невыгодное положение. Если бы соотношение стало пятеро на две, то это бы уже походило на сражение. Стоит сформироваться фракциям, и системе будет трудно не считаться с их мнением.

Но, так как двух людей всё равно мало, нужен был бы ещё один, и тогда соотношение стало бы четверо на троих. Вполне достаточно для нормального состязания.

— Ну, раз такого человека нет, это ставит Цукихи-чан в невыгодное положение. Она накапливает стресс.

— В каком психическом состоянии сейчас находится Цукихи-чан? У неё ещё не возникло иллюзии единодушия? Она ведь не устала и не начала думать, что ей стоит согласиться со мнением остальных, правда?

— Самое удивительное в моей сестре то, что она никогда так не поступит.

Пожалуй, можно сказать, что здесь её характер перекликается с натурой Сендзёгахары. Но так-то Цукихи, в отличие от той же Сендзёгахары, наслаждается групповой деятельностью.

— Она похожа на более популярную версию Сендзёгахары.

— Не стоит называть собственную сестру популярной версией кого-то...

— Ну, не сказать, что ситуация критическая, как это было у Карэн-чан. Кружок японской чайной церемонии вряд ли распадётся от того, что Цукихи-чан не признаёт «восьмого человека» или даже если признает его. И друзей она вряд ли потеряет. Всё не настолько серьёзно. Она просто зашла в тупик.

— Тупик?

— Цукихи-чан чувствует себя не в своей тарелке, поскольку является защитницей справедливости, находясь при этом в окружении людей, игнорирующих её правоту...

Нет.

Любому будет неприятно оказаться на её месте...

— В жизни довольно-таки часто ситуацией рулит что-то необоснованное или иррациональное. Цукихи-чан, наверное, ещё слишком юна, чтобы это понять.

— Слишком юна... Пока мы говорили только о Цукихи-чан и Карэн-чан, но что насчёт вас, Арараги-семпай?

— Хм?

— Арараги-семпай, на чьей вы стороне в данном конкретном случае?

— Нет, сейчас я никого не поддерживаю и никому не противостою... Я поддерживал Карэн-чан, но только потому, что... ну, тогда ситуация становилась всё хуже и хуже, вот я и вмешался.

— Ха!

Камбару сказала, что это Ханекава-семпай вмешалась, а не я.

— Проблемам Ханекавы-семпай нет конца и края, правда? Уже второй триместр начался. Ну, с ней же приключился тот случай с тигром...

— ...

— Значит, из всего услышанного я могу заключить, что вера или отрицание, подтверждение или опровержение «восьмого человека» ни к чему в итоге не приведут... так что это уже вопрос душевного покоя, верно?

— Точно. Вопрос душевного покоя. В конце концов, моя сестра ведь крайне непреклонна. Обе мои сестры. Я не собираюсь поддерживать какую-либо из сторон, однако если бы я был вовлечён в это дело, если бы оказался одним из участников кружка японской чайной церемонии, то старался бы привести всех к единому мнению.

— Ху-ху. Ясно. Это вы, Арараги-семпай, «восьмой человек», так получается?

— Нет, тебя занесло не туда! Вот не надо городить чепуху, которая лишь всё усложняет! В общем... — сказал я, подводя итог.

Мне было неловко перед Цукихи, но мы с Камбару всего лишь болтали о пустяках, и, ясное дело, не могли обсуждать проблемы моей сестры вечно. Я просто захотел сменить тему.

— Столкновение с нелогичным будет для неё полезным опытом и поможет в будущем, как думаешь?

— Нелогичным, да? Думаю, она уже исчерпала все свои доводы¹⁶, поэтому лично мне очень хочется встать на сторону Цукихи-чан.

— Ты всегда принимаешь сторону миленьких девочек...

— Нет, на этот раз миловидность ни при чём. Потому что остальные шесть участниц кружка японской чайной церемонии тоже могут оказаться милыми!

— ...

Что за образ мышления?

Ты их ни разу не видела, а уже прикинула, как мило они выглядят?

— Кто более миловидный: Цукихи-чан или другие участницы кружка? Это можно даже назвать своеобразным котом Шрёдингера!

— Да едва ли это можно так назвать! Будь серьёзнее, когда раздаёшь названия!

— Но разве вы не того же мнения, Арааги-семпай? Мы ведь с вами...

Камбару перевела взгляд сначала на свою забинтованную руку, а потом на мою тень. Да, именно в такой последовательности.

— Мы с вами знаем о странностях. Знаем об иррациональном, нелогичном и абсурдном. Поэтому я и хочу встать на сторону Цукихи-чан. Хочу помочь ей как человеку, отрицающему существование странностей и жертвующему собой во имя действительности.

— ...

— А, нет-нет, не то чтобы я сейчас отрицала существование Шиобу-чан. Мне не хватает слов, чтобы описать, какая же Шиобу-чан милашка, и она несомненно маленький демон Шрёдингера!

— Не называй её маленьким демоном! Своё *несомнение* выражай по другому поводу!

— Несомнение?

— Ну, ладно. Когда ты преподносишь всё именно так, мне невольно хочется с тобой согласиться. Но уже ничего не поделать, да? Больше нам ничего не остаётся, или я не прав?

— Если бы вы настояли, Арараги-семпай, я бы не отказалась лично посетить кружок японской чайной церемонии второй средней школы Цуганоки!

— Я не буду настаивать!

Может, для тебя заявиться в чужую школу и спорить с кучей среднеклассниц — плёвое дело, но это уже слишком.

Нужно разрешить ситуацию миром, без крайних мер.

Только вот не похоже, что есть хоть какой-нибудь способ поумерить пыл Цукихи...

— Нет, способ есть!

— А?

— В общем, Арараги-семпай, если ваша цель — на некоторое время умаслить Цукихи-чан, тогда есть один способ!

— Не то чтобы я хотел её умаслить... Но, говоришь, способ есть?

— Да! Ну, я также, как и вы, Арараги-семпай, считаю, что Цукихи-чан, наверно, ещё слишком юна, чтобы сталкиваться с жестокой реальностью. Только есть одна проблема.

— Проблема? Плохо, когда есть какие-то проблемы... А в чём она заключается?

— Нам придётся обмануть Цукихи-чан. Скажите, Арараги-семпай, вы не против обмануть родную сестру?

— Ха-ха-ха.

Ещё бы я был против!

005

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Как я уже говорил, Цукихи-чан самостоятельно расправилась с историей о странности, так что всё закончилось ещё в самом начале, поэтому концовка больше смахивает на бонус.

Я убедил Цукихи с помощью задумки Камбару. Называйте это как хотите: убеждение, там, успокоение. В общем, что-то в этом духе.

Почему товарищи Цукихи по кружку, те шестеро участниц, продолжали упорно верить в существование «восьмого человека»? Почему они продолжили верить в него, ведомые одними эмоциями, даже после того, как им указали на правду и привели аргументы? Словом, если бы я *смог объяснить это*, если бы мне удалось предоставить логичное объяснение их иррациональному поведению, тогда бы убедить Цукихи ничего не стоило.

Поэтому Камбару добавила логики в их поведение. *Все остальные верили в «восьмого человека» ради Цукихи...* Вот такую отговорку она нашла.

Цукихи часто и без спроса выносит чай и печенье из запасов, хранящихся в комнате кружка, как это было на днях, когда она решила со мной посоветоваться. Ну, никто не будет поднимать вокруг этого шум, но, строго говоря, по головке за такие дела не погладят. Её привычку могли придать огласке, и тогда бы занятия в кружке наверняка приостановили на неопределённое время.

Поэтому, чтобы скрыть безответственное поведение Цукихи, остальные любительницы чайной церемонии решили всё списать на «восьмого человека».

Таково разумное объяснение, сочинённое Камбару.

Выдуманный «восьмой человек» был виновником быстро тающих запасов чая и печенья.

Конечно, члены кружка не сговаривались против Цукихи, ничего такого. Они признали существование «восьмого человека», присоединившегося к кружку, чтобы защитить её...

— Вот значит как? Все сделали это ради меня!

Эта дура сразу же повелась.

— А я-то вела себя так грубо, утверждая, что призраков не существует, но на самом деле это моя ментальная установка являлась призрачной!

Умничать у тебя совсем не получается.

Ну, правда-то была совершенно в другом... А в сестре, оказывается, всё-таки есть какая-то кротость, раз ей достаточно той «правды», что я ей наплёл.

— Ладно, я позволю себя обмануть!

Я позволю себя обмануть.

Позволю чаю стать мутным¹⁷.

Вот что мне сказала Цукихи, а затем совершенно позабыла о случившемся, и когда я рассказал об этом Камбару...

— Хм, — хмыкнула она. — Участницам кружка японской чайной церемонии или вам, Арааги-семпай... Интересно, кому именно Цукихи-чан позволила себя обмануть?

Примечания

1. «Оружие» (яп. 凶器 *кьё:ки*) и «безумие» (яп. 狂気 *кьё:ки*).

2. Цифра 8 в японском языке записывается иероглифом «八» (*хати*), образ которого походит на раскрываемый веер (*суэхирогаи*). Это слово, в свою очередь, имеет переносный смысл «постепенно расширяться», «идти на подъём».
3. «Интерпретировать» (яп. 解釈する *кайсякусуру*) и «помогать в совершении сэппуку завершающим отрубанием головы» (яп. 介錯する *кайсякусуру*). *Кайсякунин* должен был предотвратить агонию совершающего самоубийство, отрубив ему голову. Точно выполненный обряд не приносил палачу славы, а вот ошибка могла опозорить его на всю жизнь, поэтому ни один воин не был рад оказаться приглашённым на эту роль.
4. «Все люди» (яп. 万人 *баннин*) и «десять тысяч людей» (яп. 一万人 *ити ман-нин*).
5. «Радикальный» (*кёкутан*) и «крайний довод» (*кёкурон*).
6. В слове «сумасбродный» (яп. 無茶 *мутя*) иероглифы означают «без чая». «Она была “без чая”, несмотря на то, что состояла в кружке японской чайной церемонии...»
7. Так в Японии называют родителей, которые бросаются необоснованными просьбами и жалобами в адрес школы.
8. «Посягать» (яп. 蚕食する *сансёкусуру*) и «трёхцветный» (яп. 三色 *сансёку*).
9. В глаголе «посягать» иероглифы означают «шелковичный червь» и «еда».
10. «Распространяться» (*фукю:суру*) и «сказываться на чём-л.» (*хакю:суру*).
11. Склонность отметать возможность бедствий, которых никогда прежде не случалось.
12. Лу Тун — китайский поэт и Святой покровитель чая. Жил где-то во времена эпохи Тан (618-907). В Китае и Японии он почитается как чайное божество. Его знаменитые стихи «Выпивая семь чаш чая» оказали большое влияние на японскую теорию чаепития.
13. В японском фольклоре — домовый дух, ёкай, по функциям близок к русскому домовому.
14. «Вред» (*савари*) и «притворство» (*савариком*).
15. Иллюзия единодушия (эффект группомыслия) — способ мышления, приобретаемый людьми в ситуации, когда поиск согласия становится настолько доминирующим в сплочённой группе, что начинает пересиливать реалистическую оценку возможных альтернативных действий. Конформизм и самоцензура не дают разрушиться консенсусу.
16. «Нелогичный» (яп. 理不尽 *рифудзин*) и «исчерпать доводы» (яп. 理を尽くす *ри о цукусу*).
17. Выражение «о-тя о нигосу» имеет значение «выдумать правдоподобный рассказ, чтобы выйти из неудобной ситуации».

Гора Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

Что есть путь в понимании Ошино Оуги? До сих пор ни разу не бывало такого, чтобы племянница Ошино Меме говорила со мной о своём пути. Хотя она как-то упоминала о перекрёстках и светофорах, но что до самих дорог — ни словом не обмолвилась. Нет, может, она касалась этих вещей в ходе очередной нашей беседы ни о чём, но даже если так, я об этом

не помню. Какая-то загадка, я ничего не могу вспомнить из того, о чём она когда-либо рассказывала... и мне тяжело вспомнить не только конкретные слова, но и её действия, как она выглядела, и вообще всё, что с ней связано.

Будто воспоминания о ней ветром сдуло.

Как в поговорке: слухи живут семьдесят пять дней. Только вот всё связанное с ней исчезает без следа, будто бы никогда и не существовало.

Однако...

Я припоминаю, как однажды она говорила со мной не о путях или дорогах, но о дорожном строительстве. Разговор был относительно давний, и всё же я отчётливо его помню.

— Арараги-семпай, наша беседа может перерасти в политические дебаты, ну да ладно. В наше время обслуживанием, ремонтом и строительством дорог занимаются коммерческие предприятия... Они как шестерёнки в механизме, толкающем экономику вперёд и создающем рабочие места, правильно?

Эта девушка, Ошино Оуги...

У Оуги-чан всегда такая манера говорить... Она разговаривает таким тоном, будто видит каждого насквозь, знает обо всём. Этим она напоминала мне своего дядю, от которого уже давно ни слуху ни духу.

Я с трудом мог назвать Оуги-чан своей кохай или вообще старшекласницей, и всё из-за этого её тона и привычки философствовать. Однако её проницательность отличалась от проницательности Ошино: она считывала ситуацию и понимала атмосферу, царящую в ней, несколько по-другому.

А вот её жизненная позиция была в точности как у Ошино. Она была своего рода балансёром, старалась сохранить нейтралитет, вышагивая по границе между добром и злом, правильным и неправильным, светом и тьмой.

— Дороги созданы не для ходьбы или бега, весь смысл в их строительстве. В наши дни цель заключается в самом прокладывании дорог.

«Что-то вроде как жить ради того, чтобы жить», — добавила Оуги-чан.

— К примеру, даже если по какому-нибудь пути никто не будет ходить, всё равно остаётся смысл в строительстве дороги там, где раньше ничего не было, никакого пути в принципе.

Прокладывать пути там, где никто не будет ходить.

Прокладывать пути, которыми не будут пользоваться.

И когда они придут в негодность, когда разрушатся, их будут перекладывать снова и снова. Ремонтировать, несмотря ни на что. Если на дорожном полотне появятся трещины, их

заделают; налипнет грязь — смоют. О проложенном пути будут заботиться, просто потому что это путь.

— Что вы думаете об этом, Арараги-семпай? Насчёт создания путей, по которым никто не будет ходить. Как считаете, в этом нет никакого смысла?

Пути, по которым никто не будет ходить...

Создание путей, по которым никто не будет ходить. Как считаете, в этом нет никакого смысла?

— Может быть, именно так вы и думаете, Арараги-семпай. Дядя рассказывал мне, что у вас есть привычка во всём старательно искать какой-то смысл. Я не говорю, что в создании таких путей нет смысла. Я говорю, что смысл заключается *в другом*.

Смысл заключается в другом...

Разве не получается, что иной смысл какой-то странный? Или неправильный? Я переспросил насчёт этого момента у Оуги-чан, так как самостоятельно не смог найти ответ на её вопрос.

А что насчёт тебя?

Как ты думаешь?

Есть ли смысл в создании путей, по которым никто не будет ходить? И в ответ она мне мило улыбнулась.

Ошино Оуги с удовольствием ответила на мой вопрос, но...

Каким был её ответ? К сожалению, я никак не могу вспомнить.

002

— Уже зима на носу, да-а? Не удивлюсь, если скоро повалит снег. Вот говорят о глобальном потеплении, а зимы как были холодными, так и остались. Не будет никакого бесконечного лета. А вы как считаете?

— Ну, холод есть холод... не знаю. Но если посмотреть на метеосводки, разве зимы не стали теплее? Среднее значение температуры растёт теперь даже зимой. Хотя лето ведь тоже становится жарче, и пускай нынче температура не такая низкая, как бывало раньше, всё равно в это время года сравнительно холодно, разве нет?

— И вправду. Вы действительно мудрый человек, Арараги-семпай. Наверное, даже мой дядя хотя бы раз да уступал вам пальму первенства.

— Никогда с твоим дядей такого не бывало, это я тебе точно говорю...

— Ха-ха. Кстати, фраза «уступать пальму первенства»¹, означающая признание превосходства другого человека, пошла из игры го, да? Другими словами, оказаться в ситуации, когда ход одного ставит другого в невыгодное положение... Но разве это не означает, что человек признаёт собственную ничтожность перед другим? Всё равно что в сёги получить фору, когда более сильный оппонент убирает с поля свою ладью или слона... Как бы сильно мой дядя ни признавал² ваши заслуги, Арараги-семпай, он ни за что не мог считать себя ничтожнее вас.

— ...

В городе, где я жил, располагалась гора, а на её вершине стоял храм. Наша, в сравнении с другими горами, была маленькой, и на неё никто даже не поднимался, а что касается храма, то он давно обветшал и растерял своих прихожан...

Ну, тем не менее гора есть гора, а храм есть храм.

Рано утром первого ноября.

За несколько часов до того, как нужно отправляться в школу, мы с Оуги-чан поднимались на гору, держа курс к храму на её вершине.

Когда же я в последний раз взбирался на неё?

Когда мы ходили с Шинобу, что ли?

А до этого я здесь бывал... с Камбару и Сэнгоку, да.

По Оуги-чан не скажешь, что у неё достаточно физических сил, чтобы забраться на гору, однако она оказалась невероятно шустрой и даже шла далеко впереди меня, словно это она была проводником... Оуги-чан как будто бросила меня одного. Да ещё и в такой момент, когда я практически растерял все вампирские способности.

— Ну а если вы возразите, что сами дали фору моему дяде, это покажет вас обоих ничтожными.

— Хватит, Оуги-чан! Какая разница, кто из нас с Ошино покажется ничтожным?.. Может, лучше уже расскажешь? По какой именно причине мы поднимаемся на гору?

— Ну-ну, Арараги-семпай. Разве я уже не объяснила?

— ?..

А разве объясняла?

Вполне возможно... Пускай в последнее время мой персонаж стал падок на девушек, но не мог же я, не узнав, не спросив и не выслушав детали, позволить отвести себя на богом забытую гору.

Я должен был услышать причину.

Просто она совсем вылетела из головы. Хм-м, я слишком сильно налегаю на учёбу, готовясь к экзаменам? У меня наконец-то получилось запомнить важные исторические даты, но если эти знания начали вытеснять из памяти бытовую информацию, значит, я что-то делаю неправильно.

Что ж, если она уже говорила, зачем мы поднимаемся на гору, переспрашивать будет неудобно. Мы ведь с кохай только недавно познакомились, и мне, как её семпаю, хотелось порисоваться перед ней. Кроме того, она была племянницей Ошино, что только усиливало моё желание показать свои лучшие стороны.

...

А?

Прежде всего, как мы с ней вообще познакомились?

— Извини, Оуги-чан... А как мы с тобой познакомились?

Если я хотел порисоваться перед девушкой, то спрашивать у неё что-то настолько значимое просто стыдно, особенно семпаю, однако я спросил у неё, даже не задумавшись об этом.

— Ха-ха. Экий вы бодрый, Арараги-семпай! Случилось что-то хорошее? — вместо ответа спросила Оуги-чан, не замедляя шаг. Присмотревшись к ней, я понял, что она даже не надела кроссовки, собираясь прогуляться по горной тропе.

Она знала, что мы заберёмся на самую вершину горы, и всё равно не подготовилась к этой прогулке. Или, возможно, с её точки зрения эта тропа не такая уж горная.

Может, Оуги-чан — горная женщина, хотя по виду и не скажешь.

А подъём был не из лёгких...

— Меня вам представила Камбару-семпай. Вы что, забыли?

— ...Вот оно что. А-а, ну да, вроде так и было. Эм-м, Оуги-чан, ты одна из новичков баскетбольного клуба, да?

— Сегодня у вас столько вопросов, Арараги-семпай. Неужели вы так сильно интересуетесь мной? Я простой книжный червь и к спорту интереса не имею.

— Книжный червь, значит... Почему тогда мне кажется, будто горы — твоя родная стихия?

— Потому что в горах живут боги. Здесь что-то вроде основной сферы деятельности вашей недостойной слуги.

Ничего не понял из сказанного.

И пусть я ничего и не понял, желание переспрашивать у меня пропало, поскольку в её словах была такая сила убеждения... такая странная сила убеждения, что все вопросы волей-неволей отпадут. Этим она очень походила на самого Ошино. Впрочем, она же его племянница.

Я молчал и слушал её.

Пока она продолжала говорить, шагая впереди меня.

— Горы, ну, они почти как странности. Короче говоря, я специализируюсь на таких местах. Мне понятно, почему храм захотели установить на самой вершине. Впрочем, эта гора, на которой находится Храм Северной Белой Змеи, ранее была совершенно не связана со странностями. Однако подневольное появление чего-то несвязанного может привести к дисгармонии.

— Дисгармонии?

— А, пожалуйста, не обращайтесь внимания. Я не смогла подобрать более подходящего слова, вот и сказала «дисгармония», но в реальности всё не так уж и плохо, чтобы говорить о дисгармонии. При установке храма была допущена существенная ошибка, которую теперь то и дело приходится исправлять.

— Вроде поговаривали, что само возведение этого старинного храма было ошибкой, да?

— Ошибка, не ошибка — это всего лишь разговоры. Приведу вам один пример. Просто быстренько набросаю. Я же вот о чём говорю... Скажем, вот что: Арааги-семпай, прямо сейчас вы лихорадочно занимаетесь, чтобы поступить в один университет вместе с вашей возлюбленной, но что если вы расстанетесь с Сендзёгахарой-сан? Перестанете ли вы тогда заниматься?

— Мне не нравится этот пример...

Она говорила в вежливой манере, однако в её речи тут и там проскакивали резкие слова и едкие интонации, и именно это красноречивее всего показывало, что Оуги-чан — истинный кохай Камбару.

Я нахмурился, однако она беззаботно продолжила говорить, даже не обернувшись:

— Вы бы, наверное, не бросили занятия, да? А вот университет могли выбрать другой... Потратив последние несколько месяцев на подготовку, вам было бы сложно пренебречь вложенными усилиями. Так что даже если вероятность возникла вследствие ошибки, нельзя отрицать последовательность событий, приведших к ней. Или я не права?

— Не надо намекать, что начать встречаться с Сендзёгахарой было ошибкой. Перестань уже, Оуги-чан.

— Нет, я не могу перестать. У меня ведь жёсткий характер, вы это и сами знаете. Ну, как бы то ни было, если я каким-то образом задела ваши чувства, то приношу свои извинения, Арааги-семпай. Однако я всего лишь озвучила предположение. Мне казалось, что чувства Арааги-семпай нельзя задеть обычной теорией.

— ...

Что ж, если я примусь отчитывать её за простой пример, то покажу себя как нетерпимый семпай.

Она же не собирается всё подряд проецировать на него, верно? Кстати о самом примере: я действительно нацелился поступить в тот же университет, что и Сендзёгахара, и принялся за учёбу, установив такую планку, но дело не только в этом.

Ради примера...

Ну, если разобрать этот невероятный «пример»... Я бы всё равно не бросил учёбу, даже если бы наши с Сендзёгахарой отношения потерпели крах, поскольку открыл для себя особое удовольствие, корпя над учебниками. От такого трудно отказаться.

Грубо говоря, я имею дело с невозвратными затратами и не хочу сводить на нет все вложенные усилия, но это только часть правды.

— Слушай, Оуги-чан...

— Что? Вы всё-таки злитесь, да? Как жалко, я ведь не пыталась вас обидеть. На самом деле я говорила с добрыми намерениями.

— Нет, я не злюсь... Но что значит «с добрыми намерениями»? Эм, во-первых, мы говорили не о моей учёбе, а о горе и храме. Об этой горе и храме на её вершине, так ведь? О том, как при его установке была допущена ошибка.

— А-а, ну да, — отозвалась Оуги-чан. — Если уж на то пошло, только низкий человек станет считать это ошибкой. К тому же, даже если ошибка имеется, то срок её давности давным-давно истёк.

Хотя потом она добавила, что на особо ужасные преступления сроки давности не распространяются. Такая вот мировая практика.

Всё это время шедшая впереди меня Оуги-чан внезапно остановилась, повернулась ко мне и сказала:

— Я пришла исправить эту ошибку.

Похоже, именно за этим она и решила подняться в гору сегодня утром. Точно! Стоило ей только упомянуть об этой причине, как я сразу почувствовал, будто уже слышал о ней раньше.

Словно мне рассказывали о ней в деталях.

Я пошёл вместе с Оуги-чан на вершину горы в свободное от учёбы время, потому что согласился с этой причиной. И когда она остановилась, я поднял глаза...

Нет, Оуги-чан не ждала, пока я её нагоню. Мы просто достигли нашей цели.

Позади неё стояли сломанные тории³.

И за ними пролежала дорога в храм, по которой, должно быть, не ходили даже боги, не говоря уже о прихожанах. А в конце этого пути стоял тот самый разрушенный храм.

— ...

Сейчас, конечно, отнюдь не сезон, чтобы совершать хацумодэ⁴, и всё же мы забрались на гору, чтобы навестить храм, окружённый дисгармонией... Храм Северной Белой Змеи.

003

Думаю, нужно кое-что рассказать о Храме Северной Белой Змеи. Я не раз упоминал об этом месте, где со мной приключилось столько странных вещей и совпадений, но даже если не учитывать мою историю и опыт, в последнее время, то есть со времён весенних каникул, этот храм стал своего рода «горячей точкой» в нашем городе.

Со времён весенних каникул.

Иными словами, с тех пор, как здесь появилась Ошино Шинобу, вампириша.

Прошло уже около полугода с тех пор, как в наш город прибыла Шинобу, легендарная вампириша, демон такой красоты, что бросает в дрожь. Приезд железнокровной, теплокровной, хладнокровной вампириши стал серьёзным происшествием.

Нет, я не пытаюсь сказать, что это стало серьёзным происшествием именно в моей жизни, равно как и увещевать, будто само существование вампиров — серьёзное происшествие. «Деяния» столь могучей странности будут иметь большое значение только для тех, кто имеет отношение к *профессиональным кругам*.

Может, если я сравню её с тайфуном, понять будет легче.

Для описания силы тайфунов собирают разного рода информацию, начиная от их категории и траектории движения и заканчивая скоростью и размером. В метеорологии исследуется целый ряд погодных явлений, но как много «погод» люди изучают так точно и внимательно, да ещё дают им имена?

Вот и здесь в том же духе.

Если в таком ключе рассматривать путешествие Ошино Шинобу, бывшей Киссшот Ацуролаорион Хартандерблейд, то её определённо можно назвать стихийным бедствием.

Вот почему Ошино сделал свой ход и истощил всю силу, способную привести к возрождению этого стихийного бедствия. Ошино, в основном занимавшийся коллекционированием историй о странностях, может, и был неряшливым специалистом, который в нашем городе только и делал, что собирал страшилки, городские легенды, уличные сплетни и пустые толки, но также выполнял работу и за пределами своих профессиональных интересов.

Вернее, если говорить о той самой работе, то я непосредственно помогал ему... как человек, вовлечённый в инцидент с вампиршей, так и в качестве должника, который старался выплатить свой долг.

В связи с появлением легендарной вампириши в городе возникло духовное возмущение, и Ошино, чтобы вернуть беспокойный город к нормальному состоянию, заставил меня исправить это духовное возмущение в самом его центре.

И этим центром, если вы внимательно слушали историю, являлся...

Можно даже посчитать его эпицентром взрыва... Как раз вот этот самый Храм Северной Белой Змеи.

Если бы мне захотелось подражать фразе «городская отдушина»⁵, я бы назвал это место чем-то вроде «провинциальной отдушины». Здесь собиралась всякая духовная нечисть или, другими словами, «зло», которое могло послужить ингредиентом для создания странностей. В общем, храм был пристанищем для таких вот скитальцев.

Местом сбора.

Ни одной травинки не останется там, где пройдёт вампир, и вид разбушевавшейся Шинобу, скорее, подтвердит мои слова, однако на самом деле после прохода вампира остаётся множество проблем: побочные продукты, реальные осложнения, с которыми потом хлопот не оберёшься.

Эта история продолжалась всего лишь две недели, однако я, будучи превращённым в подобного ей вампира и испытав на своей шкуре все эти ужасы, о которых никогда никому не рассказывал, как никто понимал, почему те специалисты, *специализирующиеся на сражениях*⁶ с вампирами, начали неистово и без разбору их истреблять.

По сути дела, Сэнгоку Надеко, подруга моей младшей сестры, попала в неприятности как раз из-за «зла», собравшегося в этом храме. Не исключено, что мошенник, ставший причиной тех неприятностей, тоже относился к этому «злу», вызванному волнениями от визита вампириши в город.

Ну, это всего лишь моё личное мнение насчёт взаимосвязи разных моментов и деталей. Как бы там ни было, я бы нисколько не удивился (учитывая время и обстоятельства), если бы прямо посреди Храма Северной Белой Змеи разразилась великая война ёкаев.

Великая война ёкаев.

Звучит неправдоподобно, но всё равно не до смеха. Ошино сильно рисковал, когда передал задание по предотвращению этой войны обычному старшекласснику, то есть мне. Хотя, не возьми я эту работу, возился бы с долгом в пять миллионов иен и по сей день.

Другими словами, это было задание на пять миллионов иен.

— Интересно, раз храм пришёл в упадок, разрушился и был покинут богом; раз он теперь пустует, не потому ли «зло» стало использовать его как опорный пункт?

Я вложил немало чувств в сказанное, поскольку впервые за долгое время вернулся к заброшенному храму. Такие сильные эмоции возникли не потому, что я соскучился по этому месту, нет. Оно напомнило мне об Ошино. Может, я с такой лёгкостью вспомнил о специалисте оттого, что пришёл сюда вместе с его племянницей.

— Опорный пункт, говорите? Ха-ха, — посмеялась Оуги-чан.

Это был бодрый смех, и он совершенно не соответствовал атмосфере заброшенного храма.

— Ну, полагаю, каждому из нас нужна какая-то опора, если уж говорить о человеческих жизнях.

— Нет, я сейчас говорю не о людях, а о «зле».

— А разве люди не являются частью «зла»?

— ...

Как тот мошенник?

Поскольку Оуги-чан была племянницей Ошино, то наверняка знала о том мошеннике... «Тогда почему бы мне не упомянуть о нём?» — от этой мысли у меня на мгновение сжалось сердце. Но если она не знает об этом человеке, не стоит и объяснять. Я не хочу рассказывать, кем эта сволочь является. А если Оуги-чан знает, мне будет как-то неудобно останавливаться на этой теме.

Поэтому я решил избегать разговора с Оуги-чан о том мошеннике, покуда она сама не упомянет о нём, и проглотил фразу, застрявшую у меня в горле.

Но мне вспомнилось кое-что из его слов.

Чтобы заставить слухи распространяться, чтобы вызвать инфекцию, нужно пустое место, и как только удастся «создать» пустоту...

— ...

Шинобу пришла и разбушевалась.

В опустевший город потянулось «зло» разного рода и в большом количестве, будто искало место кормёжки, и всё оно собралось в этом храме, который пустовал даже внутри.

И если моё суждение было правильным (хотя оно, может, и не дотягивало до уровня нормального суждения), храм «пустовал даже внутри» как раз потому, что разрушился от времени и его покинул бог.

— Куда же подевался бог?

— ..? Арараги-семпай, вы что-то сказали?

— Да нет...

Я подумал о талисмани, который сейчас находится у меня на сохранении. Хотя не то чтобы мне его доверили, а скорее, кое-кто навязал мне его силой, и, честно говоря, необходимость использовать его по назначению ставит меня в затруднительное положение.

Я был в полном замешательстве и не знал, что мог сделать для Шинобу... Интересно, можно ли отдать его кому-нибудь в дар, раз уж это настоящий талисман?

Надо сказать, мне не хотелось хранить его у себя.

— Кстати, вам не кажется, Арааги-семпай, что слово «прихожанин» немного загадочное? Получается, это человек, который является клиентом храма⁷?

— Хм? А-а... Ну, понимаю, к чему ты клонишь, Оуги-чан... А я что-то не могу сходу припомнить ни одного слова с похожим составом. Так, и что же ты хочешь сделать, чтобы исправить дисгармонию, а, Оуги-чан? Когда ты говорила, что при установке храма допустили ошибку, то имела в виду, что возведённый на вершине этой горы храм не подошёл змеиную богу?

— Когда вы спрашиваете, подходит ли одно другому или нет, это сродни вопросу о том, посмотрится ли на вас какая-нибудь модная вещь или не посмотрится.

Несмотря на то, что Оуги-чан была племянницей специалиста, она не проявляла особого интереса к окружающей обстановке и шла прямо по середине храмовой дороги. Даже такой непрофессионал в этом деле, как я, знал, что людям так делать нельзя, ибо по середине дороги ходили боги... Ну, может, сейчас-то ничего и не случится, раз бога в храме нет.

Оуги-чан вышла к самому святилищу, пропустив чашу для омовения (где посетители храма обязаны очистить руки перед поклонением), которая была пустой в прямом, а не в переносном смысле, и подняла глаза.

— Хм... — хмыкнула она, а затем пробормотала себе под нос, — это... уже начинает надоедать. Хочется уйти домой. Хотелось бы, будь у меня место, куда можно вернуться.

— Что? А как же дом семьи Ошино?

— Ну, дом у Ошино действительно существует, но дело не в этом... Здесь... Я чувствую, будто здесь всё очень неустойчиво. Подумать только! Мой дядя просто взял и ушёл, оставив это место в таком состоянии... Это он? — Оуги-чан указала на талисман, приклеенный к храму. На тот самый, который когда-то приклеил я.

По приказу Ошино мы вместе с Камбару пришли к этому храму и наклеили на него талисман. Ну, я понятия не имел, какая духовная сила заключена в этом талисмани, но в итоге про себя решил, что, если убрать его, можно навлечь на себя проклятие. Конечно, на самом деле у меня нет точных сведений на этот счёт. Но, похоже, этот талисман невозможно приклеить невовлечённому человеку, куда он не находится хотя бы на уровне непрофессионалов по типу нас с Камбару — людей, полностью погружившихся в мир странностей, но не обладающих знаниями специалистов.

Конечно, Ошино дал мне эту работу на пять миллионов иен не по доброте душевной; не для того, чтобы помочь мне, хотя всего-то и нужно было, что разок подняться на гору.

Думаю, другой талисман мне всучили на сохранение по той же причине, только это уже, скорее, не залог под обеспечение, а безнадежный долг...

— Да, он самый. Ошино сказал мне наклеить его сюда, — ответил я на вопрос Оуги-чан.

Если так подумать, это было аж в июне, и с тех пор прошло уже почти четыре месяца. Я точно не стал бы испытывать ностальгию по такому поводу, но ведь именно благодаря работе, полученной от Ошино, мне снова удалось повстречать старую подругу, Сэнгоку Надеко, так что в некоторой степени от этих воспоминаний я даже растрогался.

Когда я думаю о том, что, скорее всего, не смог бы как сейчас проводить время с Сэнгоку, если бы не случайная встреча с ней на лестнице к этому храму, мне начинает казаться, что судьба — загадочная штука.

Ну, и не только с Сэнгоку: то же самое относится к Ханекаве, Сендзёгахаре, Хачикудзи и Камбару...

И даже к Шинобу.

Даже к вампирше.

— Что ж, небольшая опасность всё ещё сохраняется, хотя баланс с помощью талисмана кое-как достигнут. Чувствуется, что атмосфера на территории храма какая-то разряженная.

— Разряженная, говоришь?

— Да. В некотором отношении даже язык не поворачивается назвать этот храм пристанищем, где скапливается «зло».

— ...

Кажется, я точно знаю, почему на территории заброшенного храма господствует «разряженная» атмосфера. Ничего удивительного! В последний день летних каникул мы с Шинобу «разрядили» это место до последней капли.

Кстати, а рассказывал ли я об этом Оуги-чан?

— Ну, принятых мер по сути должно хватить лет на сто, если всё продолжит идти своим чередом. Скажем так, «зло» благополучно рассеивается. Только вот сегодня я пришла сюда по совершенно другой причине... — сказав это, Оуги-чан принялась вытворять что-то немыслимое! Что-то крайне и бесспорно странное, потому что она внезапно полезла на крышу храма, годами не видевшего ремонта.

— Ч-что ты делаешь, Оуги-чан?

Я чуть было не прокричал эту фразу, но в итоге задал обычный вопрос. В таких обстоятельствах просто теряешься и забываешь, как надо кричать.

В тот момент меня больше интересовало, пошутила ли Оуги-чан, когда назвала себя книжным червём, ведь она умела лазать словно какой-то дикий зверь и в мгновение ока забралась на вершину храма.

Словно обезьяна или, может быть, кошка.

Я пытался остановить её словами, но сделать хоть что-нибудь был не в силах. Скорость, с которой Оуги-чан взобралась на крышу, просто впечатляла! И это учитывая, что на ней не было хороших ботинок и удобной одежды, не стесняющей в движениях.

И даже забравшись наверх, она всё ещё подвергалась опасности, поскольку храм (и я говорил об этом не раз) многие годы пребывал в аварийном состоянии и теперь, похоже, мог развалиться от одного порыва ветра.

Ну, вполне возможно, что крыша рухнет даже под весом одного человека. Будь в таком состоянии какой-нибудь лифт, его пользователи давно бы забили тревогу.

Кстати, пожалуй, именно из-за локальных разрушений на храме появилось множество выступов, по которым Оуги-чан взобралась с такой лёгкостью, будто карабкалась вверх по какому-нибудь шесту на детской площадке...

— Что с вами, Арааги-семпай? Давайте за мной! Прошу!

— Ну, знаешь, я сегодня в юбке, так что...

Шутка, конечно.

Пусть я и старше неё, но всё равно не готов изо всех сил стараться ради своей кохай и участвовать подобной авантюре.

— Я плохо лазаю по шестам.

— Вот это да! Кто бы мог подумать, что Арааги-семпай, которого называют Восходящим Драконом старшей школы Наоцу, произнесёт такие постыдные слова?

— Никто меня так не называет! Это уже звучит как что-то вроде «сёрюкена»⁸!

— Кстати говоря, знаете, что если бы имя Рю, героя игры «StreetFighter», владеющего спецприёмом «сёрюкен», писали иероглифом, а не катаканой, как это всегда делают, в нём использовался бы кандзи со значением «процветать»?

— Правда? Не «дракон»⁹?

— Да. А вот в имени Кена используется как раз иероглиф «кулак»¹⁰. Ну, это если говорить о старом сеттинге¹¹, сейчас всё могло поменяться... Кстати о сеттинге, Арааги-семпай!

Она стояла на коньке крыши и разговаривала со мной, но смотрела куда-то вдаль, а не на меня, будто с той высоты у неё была возможность увидеть весь город (хотя я не уверен, какая именно часть города просматривалась оттуда).

— Мы здесь с вами не о драконе разговариваем, а о змее. Понимаете?

— Ага... Ты о том змеином божестве, на храме которого топчешься, да, Оуги-чан?

— Змеиный Бог — типичное явление, но известно ли вам, откуда пошла традиция обожествлять змей, которые, по идее, даже не равны богам?

— Обожествлять змей...

Хм...

Ну, хотя их бояться, сам образ, возникший вокруг «бога змей», не вызывает ощущения, так сказать, неправильности происходящего. Однако утверждать, что именно это стало причиной традиции обожествлять змей, будет лишь тот, кто не способен хорошенько пораскинуть мозгами.

— Не сказать, что они играют важную роль в жизни человека, как коровы или лошади, да и не водятся они рядом с людьми. Есть более подходящие кандидаты на их место, например, жуки или червяки. Так почему же, как думаете?

— Почему, спрашиваешь...

— Вспомните двенадцать земных ветвей¹². Крыса, Бык, Тигр, Заяц, Дракон, Змея... Вот такой порядок, однако не кажется ли вам, что здесь есть над чем призадуматься? Змея располагается сразу после Дракона — мощная позиция, редко где такое встречается, да? Вот вам наглядный пример ретардации¹³, причём, едва ли этим можно насмешить людей.

— Не думаю, что система гань-чжи¹⁴ была создана ради смеха, — добавил я, вынужденный задрать голову, чтобы ответить Оуги-чан.

Говорить в такой позе оказалось труднее, чем я думал, и мне было ни разу не весело от того, что моя кохай, стоявшая на возвышенности, смотрела на меня сверху вниз.

— Я не знаю. Почему? С этим связана какая-то история? Мифы о змеях или...

— Ну, конечно же, есть мифы о змеях. Их так много, что с целую гору наберётся. Я здесь говорю о том, каким образом у змеи появился потенциал принять на себя главную роль в этих мифах?

Она имела в виду, что стоит на храме, когда сказала фразу «я здесь говорю о том»? Я размышлял над её вопросом. Вернее, копался в своей памяти... Не удивлюсь, если уже слышал о чём-то таком от Ханекавы или Ошино.

— Кажется... Точно! Змей принято считать символом бессмертия и возрождения, так?

— Ого! Неожиданно вы дали верный ответ.

Оуги-чан кивнула.

Хотя она не смотрела в мою сторону, когда кивала, поэтому трудно было сказать, кивнула ли она мне на самом деле или же просто изменила положение головы, пока осматривала пейзаж.

— Вот уж правда, что готовящиеся к экзаменам ученики не лыком шиты.

— Ну... Хотя ты и нахваливаешь меня, вряд ли на едином вступительном экзамене в университет всплывёт что-то подобное.

— Змеи сбрасывают старую кожу, чтобы расти. Более того, у них ведь на теле нет никаких вогнутостей или выпуклостей по типу рук или ног, поэтому сбрасываемую ими кожу легко узнать или, иначе говоря, её очевидную форму попросту не спутать. Если принять во внимание скрытную природу змей, вполне возможно, что сброшенная ими кожа гораздо чаще попадает на глаза, чем они сами.

— ...

— Ну, во времена, когда биология не была такой продвинутой наукой, как сейчас, если бы кому-то удалось увидеть змею, сбрасывающую кожу, он начал бы считать её священной.

Бессмертие. Возрождение.

И... святость.

— ...Но, Оуги-чан. Это же...

— Да, правильно. Для змей избавляться от кожи — биологический процесс, который не имеет ничего общего с бессмертием. Также распространено мнение, будто бы у змей высокая живучесть, но на самом деле это не так.

— Это как сложившееся мнение о гиенах?

— Да, именно. Получается, что с самого начала возникло какое-то недопонимание. А сейчас уже не развеять ошибочный ореол святости, который многие-многие годы складывался вокруг змей, правда? На практике же...

— ...

— Мы узнаём о процессе сбрасывания кожи на уроках естествознания. В современном японском обществе вряд ли найдётся человек, не знающий, что змеи сбрасывают кожу, но... где-то в глубине души мы всё ещё испытываем почтение к змеям. И все могут признать существование Змеиного Бога, не находя в себе противоречий.

Ошибка при установке.

Нет, это и не ошибка вовсе, просто времена тогда были другие.

— Что-то не так, Арараги-семпай? Думаете, невежливо объяснять религию с точки зрения науки? Я сказала что-то бестактное? Но если вы покопаетесь в истории, то найдёте горы примеров, когда людей без причины казнили или наказывали по надуманному предлогу во имя религиозных верований, изобилующих неадекватностью и необоснованностью.

— ...Опять горы, да?

— Я просто к тому, что если уж один человек собрался обезглавить другого, он должен привнести в это хоть каплю рациональности. Но, как я уже сегодня говорила, волноваться по этому поводу не стоит. Однажды зародившуюся веру невозможно развеять ни доводами против, ни теориями, поэтому даже неважно, как приземлённо у меня выходит объясняться.

— ...

Что-то похожее я уже слышал в прошлом месяце.

Случай с моей младшей сестрой.

Она логически отрицала существование призрака кружка японской чайной церемонии — «восьмого человека», затесавшегося к остальным участницам. Делала это последовательно, не пропустив ни одной детали в своём суждении. А поскольку речь именно о моей сестре, её отрицание граничило с ребячеством, отчего у окружающих сразу возникал вопрос: «Ты что, и дальше намерена продолжать в том же духе?».

И её действия... оказались совершенно бессмысленными.

Что бы она только ни пыталась сказать остальным членам кружка, они всё равно продолжали верить в «восьмого человека», и в такой ситуации это уже Цукихи была еретичкой.

— С помощью веры даже голове сардины, даже сброшенной змеиной коже можно придать религиозное значение. Ну, вот об этом и речь, Арараги-семпай. Инстинкты, заложенные в человеке тысячи или даже десятки тысяч лет назад, до сих пор перебарывают сотни лет научных открытий. Душевное состояние предпочтительнее истины¹⁵. В этом вся суть человека и общества, созданного им.

— ...Но изменится ли это когда-нибудь? Например... когда сотни лет превратятся в тысячи, и научных открытий заметно прибавится, станет ли человек ценить правду больше, чем собственное состояние души?

— Станет. Когда-нибудь. Со временем.

«Но смогут ли люди всё так же называться людьми, когда начнут предпочитать правду душевному состоянию?» — такой вопрос остался в моём сердце... И тут его же озвучила Оуги-чан.

Мы одинаково мыслили на этот счёт.

Или же.

У нас с ней был один склад ума.

— Ну, давайте наперёд не загадывать, а решать проблемы по мере поступления. То есть над этим стоит думать уже после смерти Арараги-семпая.

После того, как Оуги-чан произнесла эту фразу с таким хладнокровием, будто бы на самом деле собралась меня пережить, она сменила тему.

— Сейчас главная задача — привести в порядок этот храм. Закончить недоделанную работу в Храме Северной Белой Змеи, в котором более тысячи лет назад начали поклоняться змее, жившей не одну тысячу лет. Можно даже сказать, привести здесь всё в порядок после моего дяди.

— Что ты имеешь в виду? Разве мы уже не позаботились о том, чтобы это место не превратилось в пристанище?

Это поручение мы выполнили вместе с Камбару, так что всё уже закончилось.

— Ничего ещё не закончилось. Скорее, только начинается.

— Ну, знаешь, это уже такая избитая фраза, что...

Интересно, а кто произнёс её самым первым?

Что-то вроде «приключения только начинаются!». Хотелось бы знать, для какого человека произнести такую фразу — дело заурядное.

— Нет, это ещё не конец. Мой дядя всего-навсего принял оборонительные меры. Нам удалось защититься, но мы ещё не атаковали.

— Ну... Ошино как-то не из тех, кто будет атаковать.

— Я объясню вам попроще. Моему дяде удалось разобраться с последствиями, вызванными приходом тайфуна по имени Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд. Для специалиста это, безусловно, достижение. Нет, даже большое достижение — суметь предотвратить великую войну ёкаев. Но вот что интересно, да? Думаю, мой дядя поступил наивно. Правда в том, что если здесь объявится странность, по силе равная Хартандерблейд, ей нечего будет противопоставить, вы так не считаете?

— ...

Человек, давший мне талисман на сохранение, говорил что-то похожее. Вернее, с такой фразой и отдал мне талисман.

Но...

— Думаю, вместо того, чтобы держаться за порядок, мы должны предпринять меры и устранить пристанище, чтобы «зло» не могло скапливаться.

— Хм-м... Ну, я понимаю, о чём ты. Но в одиночку с этим не справиться, разве нет? Если взять Ошино, то я даже не знаю, сколько денег ему бы потребовалось на восстановление храма...

— Одни деньги погоды не сделают. Даже если восстановить храм, он будет год от году пустовать, ни один прихожанин не навестит это место... Другими словами, пришлось бы воскресить саму веру в Змеиноного Бога... Ха-ха, как вы и сказали, Арараги-семпай, в одиночку с этим не справиться...

Оуги-чан добавила, что не стоит сдаваться лишь потому, что задача кажется невыполнимой.

— Нужно исправить то, что подлежит исправлению, насколько бы бессмысленным или невозможным это ни казалось. Даже если у нас нет причин для этого, думаю, не исправлять ошибки — уже поступать неправильно, да? Согласны, Арараги-семпай?

— Ну... я каждый день в школе в очередном наборе заданий допускаю ошибки, так что не могу не согласиться с тобой. Но в реальности есть то, что мы сделать можем, и то, что нам не под силу, так? В этом суть действительности, верно? Не думаю, что мир, где каждый может делать всё что угодно, является правильным.

— Я тоже так не думаю. Вся проблема в намерении. В моей решимости перейти к наступательной обороне. Ха-ха, когда я говорю о наступательной обороне, то кажется, что моя решимость не такая уж сильная. Эм... Давайте лучше вернёмся к прерванному разговору, хорошо?

— Если это возможно. Во-первых, я понятия не имею, о чём мы вообще с тобой разговаривали, Оуги-чан. Ты вроде как сказала, что при установке храма была допущена ошибка, нарушен баланс, но ведь обычная старшеклассница вроде тебя ничего уже с этим поделать не сможет, разве не так? Мы ведь не способны просто взять и передвинуть храм в совершенно другое место.

— Да, верно, — тут же кивнула Оуги-чан.

Когда она сказала мне это, я прямо-таки ощутил, насколько она похожа на своего дядю. В их жилах действительно течёт одна кровь. Я почувствовал на своей шкуре влияние воли человека, который совершенно не собирается спорить.

— Кстати об истории, Арараги-семпай. По правде говоря, этот храм, Храм Северной Белой Змеи, находился в совершенно другом месте.

— В совершенно другом?

— Да. В то время он даже по-другому назывался, но по какой-то определённой причине его перенесли на эту гору. *Поставили*¹⁶ прямо здесь. На вершине горы, как раз там, где стою я.

— ...

— Если немного углубиться в детали, в те времена у этой горы, похоже, был достаточно высокий статус, и её даже считали священной, так что храм перенесли сюда, чтобы он перенял на себя чудотворную силу горы.

— Перенесли, говоришь... Эм-м, ты имеешь в виду, что здесь появилось что-то вроде храма-филиала?

— Нет, не храм-филиал, сюда переехал главный храм.

— ...А это нормально? Не сказать, что я много знаю об устройстве храмов... Но разве синтоистские и буддийские храмы не должны, по идее, просто стоять на одном месте?

— Необязательно. Это была неизбежность, нагрянул тайфун или что-то в этом роде, вот храм и перенесли. Ну, я не об этом хотела поговорить.

— А? Разве не об истории?

— Нет-нет, история к делу не относится. Если я заговорила об истории — это ещё не значит, что мне хотелось о ней упомянуть. Я хочу, чтобы вы, Арааги-семпай, кое над чем поразмыслили. Храм находился в совершенно другом месте. Я имею в виду бывший Храм Северной Белой Змеи. Ну, раньше у него было другое имя, но ради удобства я буду называть его бывшим Храмом Северной Белой Змеи. Как людям того времени, а именно служителям храма, удалось переместить здание на вершину горы? Вот о чём я хотела поговорить.

— Как, спрашиваешь... Ну, мы же коснулись событий, которые произошли давным-давно, да? Вряд ли тогда существовали технологии, позволяющие перенести здание целиком, так что люди, наверное, разобрали его и перенесли сюда по частям. Хотя вещи вроде ящика для пожертвований можно было бы взять с собой как есть...

— Да. Такие здания могут быть построены без единого гвоздя, их демонтаж не очень затратный по времени. То, о чём вы сейчас сказали, Арааги-семпай, очень похоже на «корабль в бутылке»¹⁷. Чтобы засунуть корабль внутрь через узкое горлышко, правильным подходом будет собирать корпус внутри бутылки по частям... Только вот дело в том, Арааги-семпай, что в отличие от построения «корабля в бутылке», перевозить отдельные части храма отнюдь не легко, даже если разобрать его полностью.

— Хм?

— Всё-таки... путь, по которому мы забрались на гору, в старину не существовал.

Сказав это...

Оуги-чан повернулась в сторону тории и указала на обрывистую горную тропу, по которой мы с ней и забрались наверх. Да, обрывистая горная тропа. Думаю, было бы нелегко протащить по ней древесину и другие строительные материалы, несмотря на то, что тропа вполне годилась для того, чтобы по ней мог пройти человек. Неужели Оуги-чан хочет сказать, что в те времена здесь вообще не было никакого пути?

— Да. Не было. Дорогу проложили уже в послевоенное время. Сравнительно недавно.

— На твоём месте я бы не стал относить послевоенный период к недавнему времени.

— В Киото, по-видимому, послевоенным периодом и вовсе считают время после Войны годов Онин¹⁸.

— Нет уж, я более чем уверен, что это полная ложь. Быть такого не может.

— Ну, как знать? Кажется, у них на то есть своя причина. Во время мировой войны Киото не так сильно пострадал от авианалётов, как другие города Японии, поэтому его жители говорят, что тот период едва назовёшь мировой войной. Если так подумать, то вполне возможно, что послевоенным периодом там принято считать время после Войны годов Онин.

— Понятно. Значит, у них на то есть причина...

Когда я слышу фразу «послевоенный период», то на мгновение соотношу её со временем после пережитых мною весенних каникул. Так что, считай, здесь то же самое.

— Как бы то ни было, эта лестница, значит, появилась здесь сравнительно недавно.

— Да. Если продолжать аналогию с «кораблём в бутылке», то она, наверное, будет чем-то вроде невероятно длинного или даже перекрученного горлышка?

— И всё же... Разве первым делом не прокладывают себе путь, чтобы затащить по нему вверх строительные материалы? То есть до того, как появилась сама лестница, они просто взбирались по проторённому пути... А потом, когда уже построили лестницу для удобства, им перестали пользоваться, и он зарос деревьями и травой.

— Ну да. Прокладывать путь... это, так сказать, вынужденная необходимость при строительстве чего бы то ни было. Историю человечества можно отобразить через историю дорожных путей, и не нужно даже упоминать Великий шёлковый путь в качестве примера. Сначала появились простые дороги, затем наладились линии морского сообщения, а потом и авиалинии. Следующим шагом будут путешествия в космос, так получается? Только вот дело в том, Арараги-семпай, что это неправильный ответ.

— А? Я не прав?

— Да. Как я уже говорила, это была священная и почитаемая гора. Люди просто не могли позволить себе начать здесь масштабное строительство. Конечно же, для того, чтобы перенести храм на вершину, необходимо провести минимальный объём строительных работ, но природа человека диктовала им как можно старательнее избегать любых возможных воздействий, которые могли бы нанести вред горе. Или, скорее, не природа человека, а набожность.

— Так люди не прокладывали путь?

— Нет. По крайней мере, не искусственно созданный путь. Ну же, Арараги-семпай, хоть мы и взобрались на гору по лестнице, построенной в послевоенное время, мы могли проявить куда большую силу воли и вскарабкаться на вершину по склону, пробираясь через лесную чащу, правда же?

— ...

Кто знает?

Волевые люди, определённо, могли бы проделать столь долгий и трудный путь, но проблема в том, что у меня никакой силы воли нет. Ну, Оуги-чан — самая что ни на есть горная женщина, так что ей такой подъём, пожалуй, не составил бы труда...

Да и людям того времени силы воли не занимать.

Если говорить конкретно о зодчестве, им удалось построить невероятные объекты всемирного наследия без помощи тяжёлого машинного оборудования...

Хотя я говорил, что мир, где каждый может делать всё что угодно, вряд ли назовёшь правильным, люди, пожалуй, на многое способны, если оставить в стороне вопросы об их правах и условиях физического труда.

Однако если дело всё-таки в этом...

Как они в таких условиях... смогли претворить «переезд» храма в жизнь?

Я не знал ничего о чудотворной силе да и вообще о том, какой была гора в те времена, но если посмотреть на это с точки зрения проектирования, как же им удалось перенести здание в местность с такими ужасно неблагоприятными условиями для строительства?

— Они что, использовали технологии не из этого мира? Какую-то сверхъестественную или духовную силу... что-то чудотворное?

— Нет, ничего такого. Всё дело в людской сообразительности. Если хотите знать, этот «переезд», по моему мнению, был невероятно хлопотным. Можно даже сказать, что именно по этой причине я пришла сюда и вообще в этот город.

«Ну серьёзно, да что за северная белая змея-то такая?» — спросила Оуги-чан и...

Замахнулась ногой так, будто собралась пнуть по коньку крыши, однако носок её чиркнул по воздуху, ничего не задев. Возможно, в Оуги-чан говорила досада, будто конкретно этот храм доставил ей кучу неприятностей... И все это она проделала, не меняясь в лице. Да и есть ли смысл злиться на храм?

004

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

К моему удивлению, загадку перемещения Храма Северной Белой Змеи (или бывшего Храма Северной Белой Змеи, как его назвала Оуги-чан) разгадала Сэнгоку Надеко.

— Всё просто, братик Коёми, — сказала она.

Сказала Сэнгоку Надеко. Вечером того же дня я привёл её к себе домой, главным образом для того, чтобы защитить от возможной опасности.

— Простая игра¹⁹.

— Простая игра?..

Нет.

Что бы она ни говорила, а перенос храма на вершину горы никак не может быть простым... да и игрой тоже.

С другой стороны, Сэнгоку так легко смогла отыскать решение, возможно, как раз-таки потому, что любила играть и воспринимала задачу как игру.

— Похоже, они не занимались массовым строительством, например, тех же мощёных дорог, но, судя по твоему рассказу, братик Коёми, им всё же пришлось произвести минимальный объём строительных работ, верно?

— Хм? Ага...

Кстати, я не стал упоминать имя Оуги-чан, когда рассказывал Сэнгоку о сегодняшнем. И не только имя, я умолчал о самом её присутствии в этой истории. Принимая во внимание различные происшествия, я, уже наученный горьким опытом, как-то не решался представлять их друг другу.

Ну, может быть, я слишком осторожничаю.

Хотя не могу отрицать, что виновата моя паранойя.

Конечно же, я не мог не рассказать Сэнгоку историю, затрагивающую Храм Северной Белой Змеи... Ведь всё, что касается храма, представляет для неё интерес.

— В общем, они произвели там минимальный объём строительных работ.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, люди, которые строили... Люди, которые *завершили* его... — начала пояснять Сэнгоку.

Мне показалось, что в своей манере речи она стала походить на Карэн²⁰. Ладно, если бы на Цукихи, но почему она становилась похожей на Карэн?.. Может, дело в том, что мои сёстры совершенно разные в вопросах влияния?

Можно даже сказать, что у Карэн хорошо получается оказывать влияние, а у Цукихи — поддаваться ему...

— На вершине горы им пришлось расчистить место, чтобы создать площадку для строительства храма, так?

— Ага. Расчистить место, чтобы создать площадку... Получается, это и есть тот самый минимальный объём строительных работ? Ну да, откуда посреди гор случайно возьмётся открытая местность.

— Да. Итак, они *воспользовались срубленными деревьями, чтобы построить храм*.

Сэнгоку сказала, что строительные работы не велись зазря.

Тот самый минимальный объём работ. Умно.

— Таким образом у них отпала необходимость поднимать строительные материалы на самую вершину горы, да? Поэтому им не нужно было прокладывать новый путь. Они могли подняться на гору, когда к её вершине ещё не было проторённой дороги, на одной только силе воли, а затем уже там строили и ночевали.

— ...

Ну, не думаю, что была такая уж нужда оставаться ночевать на вершине, но теперь мне стало ясно. Строительство велось на горе, поросшей лесом, так что недостатка в древесине не было. Не нужно было тащить бревна наверх.

Там были целые горы древесины.

Как-то раз я солгал, что при строительстве додзё, куда ходила Карэн, использовалась древесина той же породы, что и у дерева, росшего там на заднем дворе... Что касается храма... Думаю, вырубить лес и построить из него сакральное место — поступок не из плохих, ведь никакого существенного вреда священной горе не причинили. Вообще такой изящный выход из затруднения в некотором смысле походит на локаворство²¹ или... ну, как бы это поточнее сказать... показывает сознательное отношение к экологии с точки зрения людей современности.

Ответ был невероятно простым, и теперь, услышав его, я понимаю, что он единственно верный. Если бы Оуги-чан сформулировала вопрос по типу «как бы вы возвели новый храм на вершине горы, не нанося ей вреда?», тогда я бы со временем, наверное, тоже смог бы прийти к такому же выводу.

Однако заданный ею вопрос звучал иначе...

— Только, Сэнгоку, это же должно быть перемещение, понимаешь? Не новое здание... а «переезд». Если они использовали новую древесину и построили новый храм, разве тогда не получается уже совершенно другой храм?

— Тело... в смысле, священное тело²², вместилище духа бога... Люди, наверно, взяли его с собой. Но если переезд доставляет столько проблем, разве не будет логично в другом месте построить новый храм?

...

Это уже что-то вроде корабля Тесея?

Раз за разом ремонтируя корабль, вы продолжаете заменять его части на новые, покуда в нём не останется ни одной исходной части. Так может ли новый корабль всё ещё считаться тем же, что и старый?

Думаю, здесь у нас та же проблема.

— Они полностью переместились в другое здание, заменили им старое, оставив лишь название. Нет, название они ведь тоже изменили...

Покуда вера остаётся прежней...

Поменяться может всё что угодно, но только не вера. Сравнимо с ситуацией, где логика не способна победить эмоции.

Нельзя просто так заменить веру, она не изменится.

Нерушимая... Стоп!

Возможно, Оуги-чан как раз это и считала проблемой. Во-первых, если верить её словам, тогда само по себе перемещение здания на вершину горы было ошибкой.

Ошибкой?

Нет, важнее всего баланс.

Начав почитать бога на этой горе, люди тем самым нарушили некий баланс...

— ...Кстати, твоя викторина натолкнула меня на мысль, братик Коёми.

— Нет, это, вообще-то, была не викторина...

— Несмотря на то, что храм весь обветшал, его всё равно не будут восстанавливать, так ведь?

— Восстанавливать...

А я об этом даже не задумывался... О восстановлении.

Если говорить о нашем времени, никто, конечно же, не стал бы там ради постройки вырубать деревья по соседству... да и прокладывать новый путь.

Храм ведь находился в обветшалом состоянии. Его восстановление, несомненно, приветствовалось бы... и всё же, что бы тогда произошло с так называемым «балансом», о котором говорила Оуги-чан?

Храм без прихожан.

Восстановление покинутого богом храма... Интересно, какая вера зародится в нем после реформации?

Нет, нового верования не будет.

Люди будут исповедовать прежнее учение.

Какой бы только логикой вы ни руководствовались, какие бы только теории ни выдвигали.

Вера и странности... продолжают существовать.

— Было бы здорово, если бы храм восстановили, — сказала Сэнгоку. — Уверена, если бы его реконструировали, то «зло» перестало бы там скапливаться. И тогда Кучинава... в смысле, Змеинный Бог, возможно, вернулся бы в храм. Да, братик Коёми?

— А-а... Да. Было бы здорово.

Хорошо или плохо?

Неизвестно, но я ответил Сэнгоку именно так.

Как бы то ни было, однажды храм может уничтожить баланс, который все это время сохранялся в нашем городе.

У меня было дурное предчувствие.

Нет, не предчувствие, а реальное ощущение.

Что осталось не так уж и много времени до того дня, когда я воспользуюсь талисманом, который отдала мне на хранение Гаэн Идзуко. До того дня, когда у меня не будет иного выбора, кроме как воспользоваться им.

Примечания

1. Во фразе «уступить пальму первенства» (яп. 一目置< *итимоку оку*) первые два иероглифа собираются в слово «(один) ход» (яп. 一目 *итимоку*) в игре го.
2. Примечательно, что одним из элементов иероглифа «признавать» (認 *нин*) является «ниндзя» (忍 *синобу*), который есть в фамилии Ошино (忍野).
3. Ритуальные врата без створок при входе в синтоистский храм.
4. Традиция первого посещения храма в новом году, практикуемая в первые дни января.
5. «Городская отдушина» (*токай но эа сунотто*) — так называется приятное местечко, которое не бросается в глаза, где можно отдохнуть от городской суеты.
6. «Специалист» (*сэммонка*) и «специализация на сражениях» (*сэммон*).
7. В слове «прихожанин» (яп. 参拝客 *сампайкяку*) последний иероглиф имеет значение «клиент».

8. «Сёрюкен»(удар восходящего дракона) — прыжок вверх с апперкотом.
9. «Процветать» и «дракон» имеют одинаковое чтение — «рю:».
10. Иероглиф со значением «кулак» (拳) читается как «кэн».
11. В рекламной продукции, сопровождавшей релиз оригинальной игры «Street Fighter», вышедшей в 1987 году, подчёркивалось, что к имени Рю имеет отношение именно кандзи со значением «процветать», а не «дракон».
12. Знаки китайского гороскопа.
13. Ретардация (антиклимакс) — литературно-художественный приём, расположение слов и выражений в порядке ослабления их смыслового и эмоционального содержания. Употребляемое здесь слово «*рютодаби*» буквально переводится как «голова дракона и хвост змеи». Сама фраза в японском языке означает «громкое начало и жалкий конец».
14. Шестидесятилетний цикл китайского календаря.
15. «Истина» (яп. 真理 *синри*) и «душевное состояние» (яп. 心理 *синри*).
16. Оуги акцентирует внимание на слове «поставили» (*хиццукэта*) в значении «налепили», «приложили».
17. «Корабль в бутылке» — обобщённое название невозможной бутылки. Так называют любую бутылку с находящимся в ней предметом (необязательно кораблём), который по идее невозможно протиснуть внутрь через горлышко.
18. Война годов Онин— гражданская война в средневековой Японии, длившаяся 10 лет (с 1467 по 1477 годы). Примечательно, что война в основном велась только в тогдашней столице государства — Киото, в итоге сильно пострадавшей за годы военных действий (большая часть города была разрушена до основания).
19. Сокращение «простая игра» (*нуру-гэ:*) состоит из «слишком снисходительный» (*нуруи*) и «игра» (*гэ:му*). Означает слишком лёгкую игру, степень трудности которой намеренно занижают в угоду большей раскупаемости и популярности.
20. В арке «Дерево Коёми» в одной из реплик Карэн было неправильно написано слово «античный». Поскольку у Сэнгоку в реплике тоже встречается неправильно написанное слово, Коёми делает вывод, что она «перенимает» черты Карэн.
21. Потребление только местных продуктов, выращенных или произведённых неподалёку. В русском языке термин является калькой с английского «locavore» от англ. слова «local» (местный) и лат. «vorare» (есть).
22. Сэнгоку сначала говорит «тело» (*ситай*) в значении «труп», а потом уже исправляется на «священное тело бога» (*го-синтай*).

Тор Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

001

Если для Ошино Шинобу когда-либо и существовал какой-нибудь путь, то разве что ночной. Для неё, владычицы глубокой ночи, для бессмертной королевы, для королевы странностей, это был воистину путь властителя.

Конечно, это всё уже в прошлом. Дела давно минувших дней, а сейчас единственная подвластная ей территория — моя тень, убежище, в котором и одного квадратного метра не наберётся. Я думал, что Шинобу никогда не смирится с этим, но она ни разу не жаловалась.

Вопреки ожиданиям, она чувствовала абсолютную уверенность в себе. Такие вопросы, как, например, владение имуществом и квадратными метрами, несколько её не занимали, видимо потому, что Шинобу считала их сущими пустяками. Ну, может, и не пустяками, но пока она есть сама у себя, ей всё нипочём. И не важно, какие трудности стоят перед ней или в чём она испытывает недостаток.

Даже если она растеряет свою силу.

Даже если утратит своё предназначение.

При всём этом... пока она есть сама у себя...

— Мне определённо нет никакой нужды остерегаться ночной дороги. Скорее уж дорога днём, под лучами солнца, представляет для меня угрозу.

Когда она ещё не стала имитацией, выжимкой и одной лишь тенью бывшей себя, когда она всё ещё была вампиршей...

То есть когда она была известна не как Ошино Шинобу, а как железнокровная, теплокровная, хладнокровная вампирша Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд... Она сказала мне это на крыше того заброшенного здания.

Для вампира вроде бы очевидно говорить об угрозе, которую представляет дорога днём. Это имеет смысл. Люди по типу Ошино Меме или три специалиста, специализирующиеся на сражениях с вампирами, может, и приходились ей врагами, но они точно не страшнее естественного врага, то есть солнца.

Так что возможность ходить под солнцем, парадоксальным образом приобретённая после того, как она растеряла свои силы, оказалась для неё неожиданной удачей.

Нет.

Она отказалась от чего-то очень большого, чтобы взамен получить такой неожиданный подарок судьбы. Даже немного обидно говорить об этом как о подарке.

— Впрочем, ночная дорога есть путь, на котором никому не дано познать, что уготовано в грядущем. Иначе говоря, судьбу узреть невозможно. А ежели сие не узреть, допустимо ли сей путь нарекать путём? — спросила она.

А ведь правда. Чтобы путь выполнял функции пути, его границы должны быть различимы. А, значит, её путь вовсе не является путём, по крайней мере, с этой точки зрения.

Если необходимым условием для существования пути является возможность идущего по нему видеть и осознавать его, тогда я соглашусь. Даже если потом мне скажут, что я все-таки шёл по пути, а не просто по земле, меня это не устроит.

Иными словами...

Если закрыть глаза и шагать вперёд, то уже неважно, по какому пути я иду, какой он из себя, потому что по функции это уже не путь, а самая обычная земля под ногами.

Даже если она незыблема, всё равно это уже не путь.

Только при всём этом...

Ночную дорогу освещают уличные фонари.

Чтобы путь не терялся из виду.

Или, может быть, для того, чтобы путник не наткнулся на странность.

— Хм. Уличные фонари, говоришь?

«Они уже давно разгоняют мрак ночи своим светом...» — услышав мои слова, заметила Киссшот, сказав это так, словно устала влачить существование вампириши. Ну, сужение границ, где царит тьма, это сокращение её территории, так что я мог понять её. Для Киссшот это был вопрос жизни и смерти.

Но темнота.

И тьма.

Никогда не исчезнут. Ведь само слово «исчезать» означает возникновение темноты или тьмы в том месте, где что-то исчезло.

— Ежели и было какое светило на ночной дороге в стародавние времена, то лишь одна луна.

Полная луна.

Той ночью, к сожалению, луна была неполной, и Киссшот, будто бы тоскуя и желая увидеть её снова, посмотрела на небо.

На небо, чьи звёзды освещали ночной путь.

002

— Панайно! — выкрикнула вдруг Шинобу.

Уже несколько месяцев она повторяла эту фразу, которая успела войти в её привычку. Однако я всё равно удивился, услышав её так внезапно.

Я тут же съёжился от страха, гадая, что произошло.

Если учесть, что эту реплику она выдала грозным голосом, выходит, Шинобу на меня сердится. Вообще, эта фраза пошла от «не так уж и плохо», в итоге превратившись в «панайно!»¹, правда, мне уже кажется, что изначальный смысл давно выветрился из её головы, и теперь Шинобу использует эту фразу вместо приветствия.

Мне страшно хотелось упрекнуть Шинобу в том, что она использует «панайно» в отрыве² от оригинальной фразы. Или она и правда считает, будто «что-то не так уж и плохо»?

Декабрь.

Конец года. Этот месяц также известен под названием «сивасу».

Я как-то слышал одно объяснение, будто декабрь называли «сивасу» именно потому, что в этот период на учителей сваливается столько дел, что без беготни не справиться³, и, судя по всему, эта версия наиболее популярна среди японцев. Хотя, когда я впервые услышал о ней, то подумал, что учителя суетятся круглогодично, а не только под конец. Это только потом

Ханекава рассказала, что версия про «бегающих учителей» просто самая распространённая, а не истина в последней инстанции, и этого факта мне оказалось достаточно. Однако если бы меня спросили, откуда название взялось на самом деле, я бы не ответил, потому что не знаю.

Да и сам я ни у кого не спрашивал.

Погоня за подобными знаниями меня не прельщает. Возможно, это одна из моих слабых сторон. И вообще, раз январь, как говорят, идёт, февраль убегает, а март уходит⁴, я уже ничему не удивляюсь и не спрашиваю, почему декабрь бежит.

Что ж, не будем сейчас о том, загружены ли учителя в декабрь больше обычного, но что касается учеников, то им просто не продохнуть. Сплошь подготовка к тестам: всё-таки общий государственный вступительный экзамен в университет уже в следующем месяце.

Дел у меня невпроворот.

Хотя по правде, не могу сказать, что меня убивала одна только подготовка к экзаменам... И вообще, если бы не они, я бы давно уже забросил учёбу.

Не будь я таким глупым, не пришлось бы проходить через все эти трудности.

Люди.

Даже если они знают, что их дни сочтены; даже если они в курсе, сколько им отмерено, они всё равно будут жить, пока не умрут.

Их существование продолжится несмотря ни на что.

Вот и я продолжал жить, стараясь собрать все свои силы для последнего рывка и сдать экзамены. Я сделал небольшой перерыв между математикой и японским, чтобы повысить уровень сахара в крови, как вдруг явилась Шинобу.

— Панайно! — выкрикнула она.

— ...Йо, Шинобу! — именно так я решил поприветствовать златовласую девочку, которая выпрыгнула из моей тени. Её ястребиные (скорее, демонические) глаза шныряли повсюду, исследуя обстановку комнаты.

Ошино Шинобу.

Вампирша. Бывшая вампирша.

Королева странностей, обычно скрывающаяся в моей тени. Только теперь уже павшая королева, хотя замашки знати она так и не оставила.

Природа вампира диктовала ей вести ночной образ жизни, несмотря на то, что она растеряла все силы и утратила свою истинную сущность, так что привычка спать днём никуда не делась. Но вот Шинобу явилась в три часа пополудни, при том что в это время должна, по идее, видеть сладкие сны, находясь в моей тени.

Нет, я не могу назвать её ни вампиром, ни ночным созданием, у неё просто сбит режим сна и отдыха. Не удивлюсь, если вскоре услышу от Шинобу, что утро — это ещё ночь.

Тем не менее...

Она появилась не потому, что пробил колдовской час⁵ или пришло время встречи демонов⁶. Просто настала пора перекусить.

— Доброе утро.

— Доброе утрайно! — она саркастично скопировала шаблонное приветствие и переделала по своему вкусу.

Новая фраза оказалась чем-то средним между «доброе утро» и «панайно»... Справиться с её излюбленным выражением становится всё сложнее и сложнее, учитывая, сколько вариаций она может предложить. Закончив, наконец, рыскать глазами, Шинобу повернулась и посмотрела на меня.

— М-м, — промычала она. — Так вот оно что! Хм... Правду говорят: за деревьями леса не видать.

— Нет, знаешь, в лесу обычно очень темно, просто идеальное место для тебя!

Я неожиданно обрадовался тому, что Шинобу сравнила меня с высокими деревьями и взглянул на неё сверху вниз.

— Что, забыла, как я выгляжу?

— Нет, — возразила она и указала на меня пальцем.

Однако её интересовал не я, а поднос у меня в руках!

— Так вот откуда доносился аромат!

— Хм... А-а... Я тут подумал восстановить уровень сахара в крови, раз у меня выдался перерыв...

В комнату я принёс чашку чёрного кофе и тарелку с едой... Неужели она выпрыгнула из моей тени только потому, что почувствовала запах?

Да что это за вампириша такая?

Разве королевские манеры не должны подавлять твою натуру странности?

— Коль скоро пирожных не предвидится, сумею обойтись и хлебом единым⁷! В этом вся я.

— С таким подходом ты только здоровье потеряешь!

— При всём том я весьма озадачена и не разумею, как же думать о булочках сдобных? Хлеб сие или же сласти? Основная еда или закуска? Что из сего?

— Сдобные булочки — закуска. И не надо переживать из-за таких мелочей!

— Впрочем, ежели булочки были бы несдобные, а надгробные, тогда б они пищею насущной для вампиров стали. Ка-ка, — на личике Шинобу красовалась жуткая улыбка.

Ну, сама гримаска была чудесной, а девочка — точно картинка... Но как бы это получше объяснить? Когда люди говорят о сладостях, они так точно не улыбаются...

— Ну, что там у тебя? Пончики? Пончики же, да? Наверняка пончики!

— А-а... Ну да, пончики.

Хоть я и не был высоким, будто дерево (и с этим не поспоришь), Шинобу всё равно не могла при своём росте маленькой девочки рассмотреть содержимое моего подноса.

Увидев её взволнованный, полный надежд, взгляд, я даже не нашёлся сразу, что ей ответить. Однако следует расставить все точки над «i», а иначе она совсем распустится. Надо выкорчевать этот корень зла.

— Знаешь, Шинобу, пончики-то они пончики, только...

— Всё-таки пончики! Изумительно! — Шинобу подняла обе руки вверх.

Она вела себя как маленький ребёнок.

Былого достоинства в ней не осталось ни капли. Да и как при таком росте корчить из себя высокопоставленную особу? Шинобу была ниже меня раза в два! Она даже с поднятыми руками не достанет до моей головы!

— Интуиция не подвела! Как и знала, намеренно на сладкое подадут пончики! Ну, хозяин мой, тотчас же их мне преподнеси!

— Если я их тотчас же тебе преподнесу, мой перерыв мигом закончится... Эм, вот что, Шинобу-чан...

Пока я задавался вопросом, как же мне всё-таки объясниться с этой загадочной девочкой, приказывающей своему хозяину что-то там преподнести, ко мне в голову закралась мысль, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому я положил злосчастный поднос на пол перед Шинобу.

— Иеху!.. Хм?

Восторг и волнение на лице Шинобу мигом сменились сомнением. Она уставилась на пять пончиков, разложенных на большой тарелке на подносе.

— Хозяин мой...

— Что?

— Это что такое? Новинки из «Mister Donut»?

— Нет, Шинобу. Это пончики ручной работы.

— Значит, новый продукт так и зовётся, «пончик ручной работы»?

— Если бы кто-то продавал пончики с подобным названием, выходит, остальные как будто сделаны не вручную, так что ли? Нет-нет! Только что заходила Сендзёгахара. Ты, наверное, ещё спала в это время. Она принесла эти пончики, думая так морально меня поддержать.

— ?.. — Шинобу глядела на меня с непониманием.

Если она не понимает, о чём я толкую, то какой вообще смысл в наших узах?

— Так вот: она испекла эти пончики у себя дома на кухне и потом угостила меня.

Я объяснил ей то же самое во второй раз. По-видимому, у меня сейчас нет другого выбора, кроме как терпеливо растолковывать каждую мелочь.

Стоит сказать, что я ожидал такого развития событий, поэтому изначально решил перекусить пончиками днём, пока Шинобу спит, а не поздней ночью...

— Хм? Так, стоп! Дай-ка прикинуть!

— Слова у тебя какие-то простые! Что случилось с твоей речью? Больше не изображаешь древнюю старушку?

«Дай-ка прикинуть» говорит.

Слишком просто.

— Словом, та цундэрэ (18), которую ты нарекаешь возлюбленной...

— Никому не сдалось упоминание про (18), ты, (600)!

— Мне (598)! Не округляй мой возраст!

— Кто бы говорил, сама же десятки всегда округляла!

— Словом, та цундэрэ (как демонесса в 18 лет)...

— Она не демонесса! Не надо чью-то девушку сравнивать со свежесваренным чаем низшего сорта⁸! Более того, демонесса здесь только ты!

Таким образом, мы ни до чего не договорились, лишь топтались на месте.

Похоже, Шинобу смущена, и сильно, раз мы не можем прийти к согласию. Правда, она не взбесилась, а это значит только одно: вампирша пребывает в шоковом состоянии.

Если таковы мои дела, то я уже боюсь своего будущего. Правда боюсь.

— Словом, та цундэрэ подделала пончики «Mister Donut»? Непростительно! Это преступление!

— Они не поддельные! Обычные, даже типичные, пончики! Для приготовления, так сказать, домашних пончиков не нужны профессиональные навыки.

В качестве сильного аргумента я мог бы добавить, что рецепт пончиков настолько простой, что с ним справится и Сендзёгахара, но таким замечанием я мог бы принизить её заслуги, а этого мне не хотелось.

— Никак не пойму... — Шинобу скрестила руки на груди и уставилась на пончики в упор, будто старалась их тщательно исследовать. Её взгляд можно было назвать свирепым, настолько внушающим он казался.

Со стороны можно было подумать, что Шинобу хочет просверлить дырку в пончиках. Взглядом. Хотя в пончиках изначально есть дырка.

— Нет, ну, я осознаю случившееся...

— Случившееся... Говоришь так, будто что-то случилось! Не надо выставлять историческим событием ситуацию, когда моя девушка приносит мне угощение! Это же обычное дело!

— Словом, та цундэрэ-мошенница решила подделать пончики, разработав их у себя дома, и принести тебе вместо того, чтобы прогуляться до кафе имени Шинобу?

— Разработала... Ну, ладно. Странное слово ты выбрала, но по смыслу в целом подходит.

Понятия не имею, существует ли вообще кафе имени Шинобу, или она так называет любимое заведение сети «Mister Donut» в нашем городе.

Не то чтобы любимое... Скорее, личное кафе...

— Чего ради? — спросила у меня Шинобу с серьёзным выражением лица.

Она смотрела прямо на меня круглыми от удивления глазами, будто бы спрашивала, чего ради рождаются люди или почему они умирают, но фраза «чего ради» не относилась ни к чему из этого и на самом деле означала «чего ради она приготовила пончики у себя дома?».

— Ну, раз ты так ставишь вопрос... Хочет вдохновить меня на подготовку к экзаменам...

Хотя не исключено, что был и другой мотив: убедиться, что я как следует зубрю, а не впал в тоску и не начал заниматься самобичеванием, но я уверен, что Сендзёгахара принесла пончики, чтобы поощрить мои старания, и это основная причина. Однако Шинобу спрашивала не об этом.

— Я уже сообщила тебе, что понять сие не могу. Нужно отдавать себе отчет, с каким замыслом она из кожи вон лезет, дабы самой приготовить то, что и так продаётся повсеместно?

— Как-то чересчур называть это «замыслом»...

— Дешевле их купить, разве нет?

— ...

И вот вампирша, разменявшая почти шесть сотен лет, читает мне лекцию о финансовой эффективности... Ну, всё-таки интересно, а так ли это, если посчитать соотношение затрат и полученный эффект? Если брать лишь стоимость ингредиентов, то, безусловно, пончики, приготовленные своими руками, окажутся дешевле магазинных, и тогда выпекать их дома экономически выгодно. Но если учитывать ещё и усилия, вложенные в процесс, сравнив его с покупкой готового продукта... Учесть трудовые затраты Сендзёгахары Хитаги... Неудивительно, что Шинобу сказала «дешевле их купить»...

С другой стороны, это звучит как самооправдание ленивой домохозяйки...

— Во время распродажи в «Mister Donut» один пончик стоит сто иен. Пять пончиков — пятьсот иен. Коль скоро добавить сюда налог на потребление, сумма возрастет до пятисот двадцати пяти иен. Бесспорно, сие зависит от обстоятельств, но пятьсот двадцать пять иен, как правило, сумма ничтожная! Хочешь сказать, что эта цундэрэ скупердяйничает из-за такой суммы?

— Я бы не сказал, что она скупердяйничает... Даже наоборот, вкладывает больше усилий.

— Отчего я и вопрошаю: по какой такой причине ей усердствовать?!

Она упрямо выпытывала у меня ответ.

Нет, если я говорю «упрямо», то получается, будто она задаёт мне прямые вопросы. Так что вместо «упрямо» стоит сказать «экспрессивно».

— Ежели в предоставленном мною примере поднять налог на потребление до 8%⁹... Эм-м, пятьсот умножаем на восемь и... — вампирша начала считать на пальцах.

Ну, с восемью процентами уже не так просто, как с пятью... Посчитать на пальцах не получится.

— Ку! Не понимаю! Какой смысл помалу поднимать налог на потребление, ежели возможно разом поднять его до 10%!

— Вот это отвага¹⁰!

Хотя посчитать такую сумму легче лёгкого.

Только вот платить буду я, а не ты!

Я оказался перед лицом самой настоящей проблемы, взяв на себя вечную ответственность за жизнь Шинобу, и это, без преувеличения, означает, что её содержание целиком и полностью ложится на мои плечи.

— Как бы то ни было, ежели мы вычтем налог из суммы, то останется расплатиться всего одной монетой¹¹! И чего бы не заплатить?! Почто обходиться какими-то корыстно приготовленными пончиками?!

Вот и до вычетов налогов дошла.

Налог на потребление... Не сказать, что из-за мельком пройденного курса социологии я вмиг получил способность рассуждать о государственном управлении, но, если судить только по названию, получается, что этот налог какой-то бессмысленный. Налог на потребление... Иначе говоря, у людей изымают деньги за то, что они потребляют жизненно важные продукты.

— А когда распродажи нет, расплатиться за пончик одной монетой не получится даже с налоговым вычетом.

— В течение года кафе периодически устраивает распродажи, так ведь? Я нахожу, что общее время, когда распродаж нет, может быть даже короче!

— Нет, я так не думаю...

По правде говоря, одно из хорошо знакомых мне кафе, где торгуют пончиками, нередко устраивает распродажи «всё по сто иен». После слов Шинобу мне захотелось подсчитать, с какой частотой они проводят эту акцию.

— Кстати говоря, недавно была распродажа пончиков за полцены.

Хм...

А ведь именно в период распродажи пончиков по сто иен Шинобу и вела себя как не в меру доставучая вампирша и всячески упрашивала меня отвести её туда (к слову, как раз тогда же по вине Шинобу мы и наткнулись в кафе на одного мошенника). Правда, сейчас дело обстояло иначе: она ничего не требовала и никуда меня не тащила.

— Если они сбрасывают полцены, то, думаю, пять пончиков обойдутся примерно в триста иен?... — предположил я.

— Нет, я считаю, что сие лишнее — торговать за полцены. Желаю, чтобы они покончили продавать себя задарма! — с волнением и совершенно искренне ответила Шинобу.

Так вот почему она никогда не пыталась затащить меня в кафе имени Шинобу во время таких распродаж? А я-то думал, она просто не хотела отвлекать от учёбы. Как бы не так!

— Может быть, в Японии нынче и прослеживается тенденция на снижение товарных цен в ответ на повышение налогов, однако же яснее ясного, что сие вскоре сойдёт на нет. Люди, пожалуй, должны осознать, что хорошее стоит дорого.

— Не надо мне рассказывать о политике! И нечего тут скорбеть о судьбе страны!

Эта светловолосая девочка...

Эта вампирша...

— Каждый должен знать, что удешевление товаров сказывается на выручке, иными словами, кому-то придётся работать задарма.

— Я всего лишь хотел сказать, что Сендзёгахара приготовила эти пончики для меня совершенно бесплатно.

— А? Хозяин мой, ты не уплатил за них?

— Никогда не слышал, чтобы девушка брала деньги у парня за угощение.

— Немыслимо!.. Подумать только, та сквалыга...

— ...

Насколько же плохо Шинобу думает о Сендзёгахаре!

Учитывая события прошлого месяца, она была благодетельницей не только для меня, но и для одной маленькой вампирши... Правда, эта девчонка совершенно не хочет быть благодарной.

— Берегись, хозяин мой! Она могла что-то подмешать в пончики!

— Так, постой-ка, какого ты вообще мнения о чьих бы то ни было девушках? Если в этих пончиках что-то и есть, то только любовь.

— Ты ведь в прошлом месяце на собственном опыте убедился, что любовь отравляет не хуже яда, будь на то обстоятельства, в коих любовное зелье варится?

Хмыкнув, Шинобу осторожно ущипнула пончик.

Она вела себя так, будто имеет дело с чем-то опасным.

Нет, я не собирался молча наблюдать, как она осторожничает с домашними пончиками, приготовленными руками Сендзёгахары, но для Шинобу это не просто выпечка, а что-то особенное, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как закрыть глаза на её проделки.

Ведь Шинобу пончики также дороги, как как дораяки Дораэмону. Кстати, а когда это было решено, что дораяки — любимая еда Дораэмона¹²?

— М-м. Ничего странного на ощупь. Ну, вряд ли ядовитая девчонка решилась бы на трюк, что покажет себя после прикосновения...

— Ядовитая девчонка... Да знаешь, она вообще-то давно не язвит...

— И нынче привычка вернулась, да?

Шинобу взяла пончик и поднесла его к самому лицу, чтобы хорошенько его рассмотреть, а затем хмыкнула. Кажется, она подключила вампирское зрение, чтобы лишний раз убедиться, что на поверхности пончика нет ничего странного... Думаю, единственное, что она могла заметить, так это сахарную пудру...

— Если прибавить к прочему и это угощение, то выходит, что Сендзёгахара очень даже добра ко мне!

— Ну конечно! Любой проявит доброту, ежели человеку помирать вскорости!

— Кому это тут вскорости помирать?! Я что-нибудь придумаю, ясно?! Я тебе жизнью клянусь!

— Ты влёгкую можешь поклясться своей жизнью — это ли не проблема? Право, не в твоём характере размышлять прежде, чем говорить, хозяин мой... Хм.

Ни с того ни с сего настроение Шинобу переменялось.

Ну, с самого начала ее лицо выражало сомнение, но теперь вампириша стала совсем мрачной.

— Это что ещё за дырка?

— Дырка?

— Подозрительная дырка. Возможно, как раз-таки через эту дырку что-то впрыснули в пончик, — сказав это, она подняла пончик и глянула... через его дырку на меня, словно в монокль.

— Нет! Хорошо вести себя как типичная маразматичка! Дырки в пончиках должны быть!

— Отчего же?

— А?

— Я до сих пор считала, что сие есть дизайн, ничего больше, и доселе глубоко не размышляла на этот счет... Но из каких соображений пончикам делают дырки? Разве сие не расточительно?

На этот раз Шинобу засунула палец в дырку пончика и начала раскручивать его как хулахуп.

Она с таким пренебрежением относится к пончику лишь потому, что он не из пекарни «Mister Donut». Мне очень хотелось сделать ей замечание, чтобы вампириша прекратила играть с едой.

Из-за лени я так и не узнал, когда Дораэмон полюбил дораяки, но, к счастью, был в курсе, зачем дырки в пончиках.

Вернее, я узнал об этом буквально только что.

О дырках в пончиках рассказала Сендзёгахара, когда занесла мне угощение. «Вот с какой тщательностью я проделала дырки в этих пончиках», — она ласково объяснила и показала это мне на пальцах. А я и рад был, что не знал ничего.

Чтобы вы не заблуждались, замечу, что она действительно ласково, просто и понятно объясняла все эти вещи, а не включила свою обычную убийственную иронию.

— Шинобу, пончики с такими дырками являются разновидностью тороидальных пончиков. Благодаря проделанной в центре дырке пончик лучше пропекается.

— Иными словами, что-то наподобие термического коэффициента полезного действия?

— Ну, что-то типа этого. Если бы в пончиках не проделывали дырки, тогда центр не пропекался бы как следует. Поэтому его извлекают.

Может быть, слово «извлекают» не очень подходит ситуации (особенно если представить процесс готовки), но так будет проще понять, а это куда важнее.

— Хе... Вот оно что?

— Ну, что скажешь? Какой я эрудированный, да?

— Так ты, стало быть, зовёшь сие «тором»? Сию форму?!

— И это всё, что тебя приводит в восторг?

— В чём разница между кольцом и тором?

— В трёхмерности... Форма пончика или бублика трёхмерная и называется «тором»... А кольцо больше напоминает круг... Эм-м...

— Ой-ой, хозяин мой, ежели ты не способен на сей простой вопрос ответить, как же собираешься пережить общий государственный вступительный экзамен в университет?

Нет.

Таких вопросов на общем государственном вступительном экзамене не будет.

— С дыркой в баумкухене¹³ та же история?

— Нет, когда выпекают баумкухен, вращающийся валик обертывают тестом, пока не запечётся, а потом его вытаскивают, так что баумкухены и пончики готовят совершенно по-разному...

— Тогда каким способом жарят отличные от тороидальных пончиков, в коих дырок нет? Стало быть, центр у них не прожаривается? Есть превеликое множество оных пончиков в

«Mister Donut», и нельзя сказать, что они не до конца прожарены. Разве не выходит, что дырка-то и не нужна на самом деле?

— Я смотрю, тебя очень сильно интересует устройство пончиков... Не теряй из виду свою первоначальную цель. Ты же хотела осмотреть эти пончики, так?

На часах полчетвёртого.

У меня было всего тридцать минут на перерыв, и время уже истекло... Я не собирался тратить его попусту, но, к сожалению, мой план утончённо перекусить пончиками, восполнить уровень сахара в крови и обрести покой потерпел крах.

Что ж...

Как бы то ни было, я не считаю, что съесть пять пончиков одному человеку — уж очень много, но решил дать взятку громко жалующейся Шинобу, чтобы она наконец замолчала. Поэтому я несколько изменил своё предложение:

— Шинобу, не останавливайся в своих изысканиях! Не стоит только щупать пончики, попробуй их на зуб.

— А? Что?

— Ну, если ты хочешь знать, отравленные они или нет, то лучше их пожевать и проверить на наличие яда.

— Говоришь мне стать твоим дегустатором? Какой у меня жестокий хозяин, кто бы мог подумать! Меня поставили в один ряд с канарейкой в угольной шахте¹⁴! — по мере ворчания черты лица Шинобу постепенно разглаживались, пока оно не приобрело выражение полного спокойствия.

Шинобу засияла.

Если бы её рисовал какой-нибудь художник-аниматор, то сделал бы акцент на румянце на щеках, а глазам пририсовал бы искры, подчёркивая их блеск.

— Мне хочется воем быть супротив отношения аки к канарейке! Да, аки сему пончику с дыркой!

— Похоже, ты сама уже запуталась, пока хотела сказать что-то умное... Хватит уже и давай есть. Ешь и молчи.

По крайней мере, она не сможет возмущаться, пока жуёт. Говорить во время еды вообще невоспитанно, и пока я остаюсь её опекуном, не позволю ей так себя вести.

Ну, даже если Сендзёгахара вздумала отравить пончики (символ поддержки и любви), яд несколько не подействует на Шинобу. Она всё ещё вампирша, пусть и утратившая былую форму.

Если она смогла с невозмутимым лицом проглотить железные наручники, то отравленные пончики ей точно будут нипочём.

— Боже, до чего же ты поспешен, хозяин мой! Уверю тебя, я не из тех, кого устраивают любые пончики, ясно? Ты крупно ошибаешься, коли считаешь, что меня можно расположить к себе, накормив выпеченными неизвестно кем пончиками! Ежели хочешь избежать моего дотошного разбора пончиков, тогда тебе лучше сей же час наведаться в кафе имени Шинобу и купить Пон-де-Ринг Нама Золотой Шоколад! Нет, ты можешь в сие поверить? Знаешь, сделать Пон-де-Ринг в виде Нама — уже невероятное достижение, но им ко всему прочему удалось украсить его аж в Золотой Шоколад! Доколе они будут накладывать и накладывать? Я ещё не пробовала его, но лишь представив сей вкус, уже чувствую, как он разливается у меня во рту! Уверена, закричу в тот же час, и всё равно, что обо мне могут подумать другияпанайно! — прокричала она.

Она прокричала последнее с таким румянцем на лице, что мне даже показалось, что это не крик вовсе, а боевой клич, восхваляющий Японию, хотя ещё совсем недавно вампирша сетовала на её экономику.

003

Прежде всего, я хотел бы отметить, что кулинария — не самая сильная сторона моей девушки, Сендзёгахары Хитаги. Чудо, что она сумела провести всю жизнь, обходясь практически без ежедневного приготовления пищи.

В годы начальной школы, когда она сильно болела, в годы средней школы, когда устремлялась к новым знаниям, и в годы старшей школы, когда попала под влияние странности... она всегда оставалась лучшей ученицей, где бы ни училась. Однако жизнь Сендзёгахары складывалась так, что до кулинарии у неё элементарно не доходили руки. Но теперь, когда её проблема со странностью решена, она способна посвятить себя мелочам вроде готовки. Она обрела свободу и может заниматься тем, что когда-то считала незначительным, в том числе и приготовлением пищи, так что Сендзёгахара решила освоить кулинарию, пусть и мало-помалу.

Когда я увидел пончики на тарелке, то первая мысль, которая возникла у меня, была такой: они разные. Совершенно разные по форме, можно сказать, непропорциональные. Одни большие, другие совсем маленькие. Иначе говоря, я понимал, почему Шинобу так насторожил их внешний вид. И все же пончиковый критик Ошино Шинобу-сенсей дала удовлетворительную оценку их вкусу.

Панайно!

Нет, не это, из неё вырвалось «Япанайно!».

Если Пон-де-Ринг Нама Золотой Шоколад из «Mister Donut» (я никогда такой не видел, и для меня это какая-то полная бессмыслица) заслужил от нее три звезды, то мог ли домашний пончик получить хотя бы одну?

— А эта девчонка выкрутилась! Знала же: она когда-нибудь справится, и сей день настал!

— Эм, я бы сказал, что этот день настал ещё второго числа прошлого месяца, когда она спасла жизни нам обоим...

— Хм! Я со своей стороны всего-навсего надкусила гранит науки в области пончиковедения, но сие есть большое достижение!

— По-моему, в простом надкусывании гранита науки нет ничего сверхъестественного...

Но если учитывать, сколько пончиков она перекусала...

И вправду большое достижение.

— Изумительно! Сей же час подзови ко мне ту цундэрэ! Я желаю лично воздать ей хвалу!

— Это уже походит на «позовите повара!»...

Собственно, раз мы говорим о пончиках, пожалуй, это уже будет не повар, а кондитер.

Хм-м...

Ну, очевидно, что пончики не отравлены, но я, честно говоря, принял угощение Сендзёгахары не для того, чтобы насладиться его вкусом, а потому, что в приготовление пончиков было вложено немало тёплых чувств. И мне нравилось смотреть на Шинобу, которая с перемазанным кремом личиком вовсю расхваливала кондитерские навыки Сендзёгахары.

Нет, я к этому не имею никакого отношения.

— Но знаешь, до сих пор ты едва ли когда-либо пересекалась с Сендзёгахарой, так что странно ни с того ни с сего встретиться с ней теперь, растрогавшись от пончиков.

— Я хотела бы принести ей свои извинения за то, что всё это время называла её цундэрэ. Ежели она не достойна звания Mister Donut, я бы всё равно желала произвести её в Master Donut.

— Нехилое такое звание...

А не перехваливает ли она её?

Это вообще на грубую лесть смахивает. Честно говоря, пока у любого блюда от Сендзёгахары можно найти недостатки, так что ей ещё работать и работать. Сомнительно, что ни с того ни с сего она получила высокую оценку за какие-то жареные сладости.

Хотя я где-то слышал, будто с точки зрения трудоёмкости испечь сладости гораздо затратнее, чем готовить завтрак, обед и ужин, вместе взятые... И дело не в нюансах рецепта... Кондитерам необходим куда более тщательный расчёт, в том числе и времени. Изготовление сладостей находится на совершенно другом уровне, в отличие от обычного приготовления пищи... А-а, ясно, так вот оно что?

Я понял.

Откуда-то мне вспомнилась одна гипотеза, и я кое-что осознал. Сендзёгахаре лучше всего подходят кулинарные требования для приготовления сладостей, ведь в теории она могла бы положиться на рецепт и на мерные приборы вместо собственного вкуса, выполнив всё в точности. Тогда у нее просто нет шансов совершить ошибку по невнимательности.

К тому же пончик нельзя попробовать, пока не приготовишь... А единственное, чего не было в рецепте и в чём ей пришлось положиться на собственные силы — это форма пончиков, что и объясняет, почему они вышли такими разными.

— ...

Ну, это моя теория.

В реальности же могло оказаться, что уникальный вкус Сендзёгахары совпал с причудами Шинобу.

Тогда я сам решил оценить вкус пончиков, приготовленных моей девушкой.

Но стоило мне протянуть руку, как Шинобу быстро отскочила в сторону, утащив поднос.

— Хм?... Ты что делаешь?

— Хочу то же самое спросить! Дегустация ещё не окончена!

— Нет, уже всё! Ты слопала пончик как ни в чём ни бывало, да еще и сказала, что вкусно, так?

— Кто знает. Может, этот яд действует не сразу. Может, этот смертельный яд действует не сразу, — вкрадчиво предположила Шинобу.

Рот вампириши был перемазан кремом и сахарной пудрой, а в голосе звучали пугающие нотки.

Мне прямо захотелось зацеловать и дочиста облизать её губы.

Но я этого делать не буду.

— С тобой, возможно, ничего не станется от сего яда, однако же его эффект может проявиться у твоего потомства.

— Нет уж, если бы она скормила мне что-то такое, разве не навредила бы и своим детям?

— Ну-ну, та цундэрэ ведь не обязана остаток жизни коротать подле тебя, или же я не права?

— ...

Ну...

Учитывая, в какой ситуации я оказался...

Пожалуй, хватит уже бегать от проблемы. Если уж на то пошло, настало время найти способ спасти хотя бы Сендзёгахару.

Нам с Шинобу... в худшем случае, придётся совершить двойное самоубийство.

— Тем паче надобно продолжить проверку на яд!

— Продолжить? Как же, ты ещё не убедилась, что ошиблась?

— А, положишься в таком вопросе на меня! Ежели я проведу контроль качества путем сравнения ещё четырёх образцов, то смогу вывести результат.

— Четырёх образцов? Шинобу, голубушка, судя по тому, что я вижу, число оставшихся пончиков в точности равняется четырём.

— Ого, akurat это число! Вот это совпадение! Как по заказу!

— Нет, ты ставишь эксперимент, подстраивая его под свои нужды! А ну отдай тарелку!

— Не отдам! Мой долг, как слуги своего хозяина — оберегать его от любых напастей, коими бы ничтожными они ни были!

— Нечего воображать себя слугой, когда только тебе выгодно!

Воображать себя слугой...

Надо же! Какая крутая фраза у меня вырвалась!

— Отдай тарелку!

Я потребовал ещё раз, но Шинобу, ухватив тарелку, и не думала меня слушать. Собственно, она и держала её не двумя руками, а одной, да ещё так неустойчиво!

Ну конечно, она это специально!

Если бы я надумал броситься на вампиршу, тарелка могла перевернуться. Получается, Шинобу всё предусмотрела. Ситуация патовая.

Попытаюсь отобрать тарелку, и четыре пончика упадут на пол, а я проиграю. Шинобу всё такая же умница, хоть и лишилась вампирской силы.

Проблема серьезнее некуда.

— Последнее предупреждение, Шинобу. Отдай тарелку!

— Ка-ка! Да, в переговорах ты не силен, хозяин мой, — парировала Шинобу, удерживая пончики в крайне нестабильном положении.

— Ты просто без конца твердишь «отдай мне!», ни разу не изменяя своему упрямству. Не потому ли был украден оный талисман, доверенный тебе главой специалистов?

— А?

Ну...

Так и есть.

Но можно ли сравнивать талисман и пончики? Мы с тобой, да и все наши знакомые, теперь втянуты в неприятности. Дела идут у нас ужасно.

— Ежели бы ты тогда как следует завершил переговоры, нынче мы бы не оказались заложниками сей ситуации. Тебе следует хорошенько поразмыслить над своими поступками!

— ...

Я считал, что действительно заслужил упреки, кто бы и что бы мне ни высказывал, но меньше всего я ожидал услышать такое от тебя!

Может, я и легкомысленный человек, но ты сама недалеко ушла!

— Нет-нет, я говорю с тобой о серьёзных вещах!

Передо мной стояла, выпятив грудь, светловолосая девочка с пончиком в руке и пыталась с горделивым видом «поговорить со мной о серьёзных вещах».

— Практикуйся в переговорах даже в повседневной жизни, дабы подобная трагедия не произошла во второй раз. Или ты считаешь, что сумеешь уговорить змеиного бога, ежели меня уговорить не можешь?

— М-м...

Что ж...

Ответить мне нечего.

Нет, конечно, с этой трагедией мы как-нибудь справимся... Но надо постараться не допустить ничего подобного в будущем.

Если считать главной причиной провала в переговорах моё неумение их вести, значит, я должен избавиться от этого недостатка. Конечно, нельзя ожидать, что я за один день достигну красноречия Ошино и научусь хранить баланс, выступая посредником между двумя сторонами. Пускай не сразу, но однажды, разрешая повседневные конфликты вроде этого, я...

— Нет, всё-таки какой-то странный аргумент я привела.

— Тц, дошло, да?

— Ещё бы не дошло!

— Зачем мне быть мастером переговоров, чтобы держать тебя в узде каждый раз, когда тебе захочется пончиков? Просто верни их мне! Верни! Вслушайся в мой настойчивый тон и проникнись словом «отдай»! Семейная ссора какая-то, честное слово!

— Разве ситуация со змеиным богом не похожа на разлад в семье?

— Я сказал, что предупреждаю в последний раз! Но так и быть, сделаю тебе одолжение и дам ещё один шанс! Настойчиво повторяю: Шинобу, отдай тарелку!

— Ежели тебя устроит сама тарелка, тогда я согласна удовлетворить твоё прошение.

— Ага! Сто раз устроит!

— Знаешь, как говорят? Раз уж принял яд — вылижи блюдо¹⁵. Я доем пончики, а хозяин мой тогда примется за тарелку! Я бы даже сказала, что это справедливое распределение ролей.

— Мало того, что это ни разу не справедливо, так ещё получается, что пончики Сендзёгахары ядовиты! Хватит дурачиться!

Никак не выходит. Никакого взаимопонимания! Хоть мы с Шинобу вместе уже долгое время, а видовой барьер нам не преодолеть.

Шинобу, кажется, пришла к такому же выводу и уныло вздохнула, даже не пытаясь скрыть истинных чувств.

Намекает, что разочарована во мне.

Пожалуй, мы бы поняли друг друга, если б не были настолько чужими. Пока у нас точек соприкосновения нет.

— Во-первых, ты, как мне думается, потерпел неудачу, лишь позволив мне увидеть сии пончики. Тебе следовало откусать, не показывая их мне! Надо было вкусить их тайком, не пробуждая меня ото сна! Ежели бы ты так и сделал, то мог бы обойтись без лишних проблем.

— Ты сама и создала проблемы... Жить с тобой как с проблемным соседом!

Ты хуже соседа. Попробуй съешь от тебя хоть что-то тайком, ты ведь прячешься в моей тени! Учуяв запах, сразу проснёшься, а мне что с этим делать?

— Хм. В таком случае... — стала размышлять Шинобу. — Прежде искусства вести переговоры, хозяин мой, тебе необходимо отточить скрытность.

— Скрытность?

— Взгляни на это так: ежели бы ты получше схоронил оный талисман, не доводя до переговоров, мы бы не оказались в сей ситуации, как думаешь? Можно даже сказать, что именно ты положил начало сей трагедии, схоронив его в настолько ненадёжном месте.

— Да-а... Ну, я понимаю, о чём ты, но...

Отвечать примерно в такой манере — один из моих недостатков. Можно ли сказать, что мой характер и привычка внезапно прислушиваться ко всему, что говорит собеседник — основная причина моих неудач?

— Но знаешь, не так-то просто найти подходящий тайник. Меня, можно сказать, вынудили хранить у себя чуть ли не оружие какое-то...

Вернее, вынудили не хранить.

А взвалить его себе на плечи.

— Такие вещи лучше держать за пазухой, и в то же время гораздо опаснее носить их с собой... В итоге я выбрал меньшее из зол: спрятал талисман в комнате.

— И ты всё-таки легко попался, правда? Ежели и быть тебе картой Таро, то Дураком.

— Какой вообще смысл пускаться в дебри и доходить аж до карт Таро? Разве не проще обозвать меня обычным дураком?

Хотя так тоже не лучше.

Чёрта с два я буду терпеть к себе такое обращение! Какой я дурак, если вон экзамены скоро собираюсь сдавать?!

— Будь я картой Таро, то, несомненно, Луной.

— Разве не Дьяволом или Смертью? Они куда больше подходят вампиру...

— Луной. И доказательством тому будет, что оный талисман я бы припрятала получше твоего! Хозяин мой, поразмыслить стоит вот над какой идеей: твоя глупость, и только она, привела нас к весьма прискорбному положению дел!

— ...

Как она злится-то, а!

Но с другой стороны, вряд ли бы она протянула так долго, если бы как и я не закрывала глаза на большинство своих промахов.

А когда не могла просто забыть и идти дальше, то пыталась покончить жизнь самоубийством.

Ну, что касается нынешней ситуации со змеиным богом, то я просто терпеливо ждал, когда мои старания принесут плоды... Однако если я прямо сейчас не решу проблему с пончиками, готовиться к экзаменам она мне точно не даст.

Критический момент.

— Тогда скажи мне, Шинобу. Не будем о талисмане, давай о пончиках: куда бы ты их спрятала на моем месте?

— Трудно выразить сие словами. Ситуация буквально противоположна поговорке «легче сказать, чем сделать», ибо показать, как будет на деле, значительно быстрее, — ответила Шинобу. — Лишь пять минут удели мне, и я как нельзя лучше устрою исчезновение сих пончиков. Разыскать их во веки веков не сумеешь.

— Пять минут... Так, постой-ка, если я дам тебе пять минут, ты за это время просто съешь оставшиеся пончики! Если ты просто съешь их и потом скажешь «смотри, они пропали!», то это чистой воды жульничество!

Ну и, конечно же, если она заберёт пончики в тень, это тоже жульничество. Будь у меня такая способность, я бы точно смог спрятать пончики, а талисман и подавно.

— Ка-ка! Думаешь, я бы провернула сей ловкий трюк?

— Ты-то уж точно...

Если бы мне пришлось описать эту вампиришу, удерживающую у себя пончики Сендзёгахары, я бы в первую очередь назвал её хитрой.

— Ну, не могу дать весомых гарантий, что сумею припрятать четыре, но ежели один, может, два пончика, то это без всяких сомнений. Заключим пари? В моём распоряжении пять минут, не больше, дабы припрятать пончики, а у тебя — столько же, дабы их разыскать.

— ...

— Установим же правило: каждый обнаруженный пончик станет моею пищей. Иными словами, ежели ты, хозяин мой, разыщешь все четыре, сумеешь прибрать их себе.

— Хм...

Мне как-то не очень хотелось спорить на пончики, которые, если уж на то пошло, вообще должны быть моими. Я бы даже побил Шинобу, не будь она в облике маленькой девочки... Но, если я хочу вернуться к учёбе, мне ничего не остаётся, кроме как принять игру.

— Ладно, понял. Повторю ещё раз, «прятать» не значит «есть», ясно? Нельзя прятать пончики в желудке, понимаешь?

— Да поняла я, поняла. Прятать их в моей ложбинке на груди тоже, естественно, не разрешается.

— Да где у маленьких девочек ложбинка на груди?

Куда реальнее использовать пончики как вкладыши. Но так она сможет спрятать у себя на груди только два пончика из четырёх.

— Но, если ты вопреки здравому смыслу продолжишь гнуть свою линию, сожжешь все мосты... Поскольку, когда съешь пончики, уже будет поздно что-либо делать.

— Ни капли доверия!

— Ладно. Тогда добавлю правило на случай, если задумаешь обхитрить меня и слопать их: слопает — и я просуну пальцы тебе в глотку и заставлю их выйти так.

— Я уже говорила, что так делать не буду, и посему можешь добавлять кои угодно правила, но неужто, хозяин мой, ты собираешься съесть мою рвоту?

Шинобу, кажется, стала немного меня побаиваться.

Не надо так на меня смотреть! Я же твой несравненный партнёр, наши жизненные пути связаны, и сейчас мы оба оказались в одной передрыге!

— Однако, Шинобу, есть ещё одна проблема. Она не касается попытки предотвратить твоё жульничество, а, скорее, это вопрос к самой игре.

— И что это?

— Ты связана с моей тенью, правильно? А раз так, тебе, пожалуй, трудно тайно спрятаться от меня?

Выражение «тайно спрятаться» звучит странно, но доступная ей территория ограничена моей тенью, поэтому она не может сделать что-то в тайне от меня, пока я не сплю. Или даже когда сплю, кто знает? Кстати, однажды на какое-то время наши узы, наша связь была разорвана...

— Ну, думаю, ничего, если я просто закрою глаза... На пять минут, или пока ты не скажешь, что можно смотреть.

— Нет, ежели ты нарушишь своё обещание и откроешь глаза, игра окончена. А ещё ты можешь подглядывать из-под прикрытых век. Я против, против! Ты что? Думаешь, я тебе доверяю?

— Недавно кое-кто из-за недоверия к кое-кому предложил жестокие меры, но может, не надо...

— Тогда что же получается, хозяин мой, в качестве наказания я могу ткнуть тебе в глаз и вытащить его наружу?

— Да это полная жесь!

— Ну, я ничего из того, естественно, сделать не в силах, так что остаётся лишь завязать тебе глаза, — и, сказав это...

Ошино Шинобу охотно начала снимать с себя лосины.

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

— А? Ты чем занимаешься, Арараги-кун?

— Эм, Ханекава. Ну...

— Разве у тебя есть свободное время на игры? И почему ты вообще играешь с Шинобу-чан?

— Нет-нет, на самом деле ты абсолютно права, и я тоже так думаю...

— Арараги-кун, разве ты не должен готовиться к экзаменам?

— ...

Так вот что её беспокоило?

Нет, сразу оба вопроса.

— Использовать лосины в качестве глазной повязки? Извращенец!

Она в открытую оскорбила меня.

Ее замечание эхом отдалось в сердце.

— Позволь мне сказать, Ханекава: это была вовсе не моя идея. Шинобу сама завязала мне глаза и запихала их мне в рот.

— Запихала их в рот?..

— Оговорился.

Лучше бы я действительно набил лосинами рот.

Хотя вряд ли стало бы лучше.

— Ха... Ханекава. У тебя наверняка найдётся повод-другой, чтобы меня отчитать, но не забывай, что международные звонки влетят тебе в копеечку. Время ещё на такие вещи тратить...

— Ничего. Время и деньги у меня есть.

— ?.. Ну, раз такое дело, тогда я хочу кое о чём тебя спросить... Как думаешь, где Шинобу спрятала пончики?

— Ты об этом хотел спросить? А тебя не интересует, как продвигаются поиски Ошино-сана?

— Давай это оставим на потом.

— Удивляешь! Прямо настоящая опора!

— Ой, не надо, ты тешить моё самолюбие.

— Удивительнее только то, что ты не понял моего сарказма.

— Я смог найти три спрятанных ею пончика, но последний так и не сумел. Мы же говорим о моей комнате, да? Там не очень-то много мест, куда можно запрятать что-нибудь.

— Хм-м.

— В таком случае, Шинобу, должно быть, его съела... Но после стольких слов как-то не верится, что она решилась нарушить правила.

— Это наиболее вероятно, но у тебя, смотрю, всё ещё осталась вера в Шинобу-чан. Ну, раз уж сам Арараги-кунне считает, что она могла пойти на подлость, значит, Шинобу-чан, скорее всего, воспользовалась второй возможностью.

— Второй возможностью? Короче говоря, я что-то упустил?

— Почему Шинобу-чан ты доверяешь, а себе — нет?.. Арараги-кун, я не думаю, что ты мог что-то проглядеть у себя в комнате, вероятность этого мала.

— О-о. Ты, похоже, сильно веришь в меня!

— Низкая вероятность и сила моей веры — совершенно не связанные вещи.

— ...

Сурово.

Ханекава обходилась с извращенцами со всей строгостью...Ну, оно и понятно.

— Так что за вторая возможность?

— Арараги-кун, что ты сделал с найденными пончиками? С теми тремя найденными пончиками из четырёх?

— Съел, конечно. Таков был уговор. Все пять пончиков я разделил с Шинобу в соотношении 3:2.

— Вкусно было?

— Ну, как и говорила Шинобу... Это имеет какое-то отношение к делу?

— Нет, вкус здесь значения не имеет. Просто хотела узнать, как у Сендзёгахары-сан дела с выпечкой... 4:1.

— Хм?

— 4:1, соотношение пончиков. В таком соотношении ты ими поделился. Арараги-кун, ты съел четыре пончика.

— Что? Нет, я съел только три...

— *Четвёртый пончик был спрятан в одном из трёх...* Говорят же, что, когда хочешь спрятать дерево — прячь его в лесу, только в нашем случае дерево спрятали в самом дереве.

— ...

— Ты сказал, что пончики были разных размеров, так? Тогда самый маленький из всех оставшихся пончиков спрятали в самом большом.

— А... Постой, но это же невозможно, разве нет? Спрятать дерево внутри дерева...

— Спрятать дерево внутри дерева нельзя, только если оно не полое внутри. Но с жареным пончиком это возможно. Если не обращать внимания на внешнюю сторону, внутри-то он остаётся мягким. Другой пончик можно просто вдавить внутрь.

— Вдавить... Н-но...

Такое, в общем-то, возможно, только...

— Внутри он, может, и мягкий, но корочка-то у него твёрдая. Если бы с ним сделали что-то такое, я бы заметил.

— Ты не заметил как раз потому, что пончики были тороидальной формы. Смотри, Арараги-кун, «рот Шинобу-чан был весь вымазан кремом» после того, как она съела один из пончиков. Ты же сам об этом сказал, помнишь? Пончики, как правило, делают со свежим заварным кремом, но если мы говорим о тороидальных пончиках, то их структура отличается от той же, например, булочки с карри, и внутрь них крем не заливается, да? Мне на ум приходят только две схемы: либо пончики украшали кремом снаружи, либо тор по горизонтали разрезали на подобие двух бубликов и затем между двумя частями заправили крем. Как бы то ни было, это полностью соответствует твоим свидетельским показаниям, сделанным в самом начале разговора, когда ты сказал, что Шинобу-чан ущипнула пончик, ухватив его пальцами. Однако снаружи пончики были посыпаны сахарной пудрой, поэтому первый вариант отпадает, так как противоречит твоим показаниям, и остаётся только второй.

— ...

Информация просачивалась из каждой рассказанной мною мелочи.

Ты пугаешь меня, Ханекава-сан.

— Если взять второй вариант, получается, пончик «изначально разделили надвое», поэтому не надо было производить никаких манипуляций с его внешней стороной. Крем, наверное, мог бы сработать в качестве клейкого вещества после того, как другой пончик был втиснут внутрь, да? Но в любом случае... У меня нет никаких доказательств. Так как ты, Арараги-кун, все их съел.

«В некотором смысле можно даже сказать, что Шинобу-чан спрятала пончики у тебя в животе, Арараги-кун», — закончила Ханекава.

Хм...

Так вот почему Шинобу, сколько бы я её после этого ни допрашивал, не открыла мне, где его спрятала... Если я скажу, что она провернула такую махинацию с пончиком Сендзёгахары только ради того, чтобы его спрятать, а затем позволила мне съесть их все, чтобы уничтожить улики, то это прозвучит неправдоподобно.

Я с упрёком взглянул на свою тень, и мне стало немножко стыдно. Я даже не заметил, какой трюк она провернула, а просто уничтожил эти пончики, наслаждаясь их вкусом, так и не осознав разницу...

Потому-то Ханекава и спросила меня о вкусе. Её совсем не интересовало, насколько хороший из Сендзёгахары кондитер.

Что же получается...

Похоже, мне сначала нужно развить своё чувство вкуса, а потом уже критиковать кулинарные навыки Сендзёгахары. Я прямо чувствовал, как меня тычут в этот факт лицом.

— Однако... разве так можно?

— Как «так»? Она же не сжульничала. Пончики-то съела не Шинобу-чан.

— Вот об этом я и говорю. Ведь целью Шинобу было съесть пончики, верно? Однако она сделала всё шиворот-навыворот, позволив мне их съесть. И так и не получила желаемое.

— В том-то и дело, Арараги-кун.

— Хм?

— В общем... отказываться от своих побуждений из личной выгоды. Отвергать эгоцентричные убеждения. Другими словами, всецело оставаться бескорыстным и вести себя самоотверженно — этому тебя учила Шинобу-чан.

— Этому, говоришь... Вести переговоры? Скрытности?

— Любви.

Примечания

1. «*Хампа дзя най*» (не так уж и плохо) сократилось до «*панайно*».

2. «*Хампа*» также означает «неполный», «обрывочный».

3. Название месяца дословно переводится как «бегающие учителя» или «бегающие священнослужители». Декабрь очень занятой месяц, и даже духовные отцы начинают в спешке бегать, готовясь к встрече нового года.
4. Японский каламбур на оригинале выглядит так: *итигацу ва ику*, *нигацу ва нигэру*, *сангацу ва сару*. В слове «январь» (*итигацу*) первым слогом стоит «и», с него же начинается слово «идёт» (*ику*). Этот же принцип справедлив и для двух остальных месяцев: «февраль» (*нигацу*), первый слог — «ни», «убегает» (*нигэру*); «март» (*сангацу*), первый слог — «са», «уходит» (*сару*).
5. Архаизм «*ушимицу-доки*» означает промежуток времени с 2:00 до 2:30 ночи. Дословно переводится как «третий период часа Быка». В восточной мифологии это время соответствует энергии ян, символизирующей смерть. В Японии в период Эдо сутки делились на 12 частей, каждый час соответствовал определённому животному из китайского календаря и в дополнение к этому ещё и делился на периоды в полчаса. Согласно поверьям, именно в третий период часа Быка появляются призраки, потому что люди в это время спят самым крепким сном.
6. «*О:ма га токи*» — потёмки, время на закате, когда темнеет небо, и злые духи пытаются прорваться в наш мир.
7. Марии-Антуанетте, королеве Франции, жившей в XVIII веке, приписывают похожую фразу: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!». Фраза стала символом отрешённости власти от простого народа.
8. Как демонесса хороша в восемнадцать лет, так и чай низшего сорта, если он свежей заварки (*они мо дзю:хати бантя мо дэбана*) — японская пословица, смысл которой заключается в том, что всё хорошо в своё время.
9. На момент выхода этого тома (20.05.2013) налог на потребление в Японии равнялся 5%, но уже в 2014 поднялся до 8%. Повышение до 10% планируется в 2019 г.
10. Поскольку эти меры крайне не популярны и сказываются на внешнем и внутреннем спросе, вводят их с опаской.
11. Имеется в виду монета номиналом в 500 иен.
12. Дораэмон, главный герой одноимённой манги, любит есть дораяки (два бисквита с прослойкой из сладких бобов). Ему приписывают особую любовь к этому блюду из-за того, что и в его имени, и в названии еды есть «дора». Однако «дора» в «Дораэмон» идёт от словосочетания «бродячий кот» (яп. トラ猫 *дора нэко*), а «дора» в «дораяки» — от слова «гонг» (яп. 銅鑼 *дора*), так как еда очень напоминает его по виду.
13. Баумкухен (нем. *Baumkuchen*; дерево-пирог) — традиционная немецкая выпечка. Срез баумкухена напоминает спил дерева с годовыми кольцами.
14. Один из самых ранних способов обнаружения в шахтах газа заключался в использовании канареек. Они очень чувствительны к метану и угарному газу и гибнут даже от

незначительной примеси его в воздухе. Раньше рудокопы часто брали клетку с канарейкой в шахту и во время работы следили за птицей. Если она внезапно начинала проявлять признаки беспокойства или падала, люди поспешно покидали выработку. К тому же эти птички имеют свойство постоянно петь, что являлось звуковой сигнализацией: пока слышалось пение, можно было работать спокойно.

15. «Если уж яд пить, то до дна (букв. до блюда)» (*доку о кураваба сара мадэ*) — японская пословица со смыслом «назвался груздём — полезай в кузов».

Семя Коёми

SUN	MON	TUE	WED	THU	FRI	SAT
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

001

Отличает ли Ононоки Ёцуги путь от «не пути»? Всегда задавался этим вопросом. Гравитация, выталкивающая и подъёмная силы никогда не связывали её по рукам и ногам. Я уже давно считаю, что Ононоки Ёцуги просто копирует суесящихся вокруг неё людей, имитируя их способ чередовать правую и левую ноги при ходьбе.

Так уж случилось, что человечество передвигается на своих двоих, и только поэтому Ононоки Ёцуги бездумно и без какой-либо причины подражает остальным. Однако если бы люди взяли моду ползать на животе из точки А в точку Б, уверен, Ёцуги тут же подхватила бы её.

В рациональном она не видела никакого смысла. Только нереальное представляло для неё хоть какую-то ценность.

Придерживаться нереального — вот приемлемый образ жизни для Ононоки Ёцуги, сикигами¹. Впрочем, поскольку сама она странность, а не живой человек, вряд ли у неё

вообще есть образ жизни. С точки зрения существа, упорно преследующего свою недостижимую цель, это не образ жизни, а скорее, образ отказа от жизни.

— Ни ходьба пешком, ни полёт в небе недостаточно безопасны для меня, разве что... передвижение под землёй.

Когда она сказала это?

Такое объяснение дала мне Ононоки Ёцуги, когда мы зависли в затяжном прыжке (прыжок или полёт — оставим этот вопрос на откуп случайного наблюдателя, если он вообще захочет забивать себе голову) высоко над землёй, используя *Unlimited Rulebook* («Безграничный свод правил»). Вернее, когда я был вынужден отправиться вместе с ней.

Ононоки Ёцуги сказала мне это без всякого выражения.

Хотя я ни о чём её не спрашивал.

Она дала мне объяснение своим привычным монотонным голосом, будто бы старалась подражать кому-то, но вышло неудачно.

— Рыть землю как крот. Наверное, это и есть самый безопасный способ передвижения. Мне так кажется.

Если соль не в игре слов «кратчайший путь» и «подземный тоннель»², тогда я вообще не понял, что она пыталась сказать.

Безопасный.

Ну да, под землёй, может, и безопасно.

И поскольку Ононоки Ёцуги никогда не избегает сражений, то для неё безопасность, конечно, принципиальна, и да, её можно найти под землёй.

Там... на дне³ земли.

Там может быть безопаснее, чем на поверхности.

Ведь если ты плотно запечатан со всех сторон и даже сверху, можно не беспокоиться о внезапном нападении. Если кому-то нужно развить максимальную скорость, логично выбрать передвижение по воздуху, но при этом ты со всех сторон открыт, то есть у тебя нет никакой защиты.

Вот почему Ононоки Ёцуги сказала, что перемещение под землёй безопаснее. Так я истолковал её слова, но в ответ на сделанный мною вывод она безмолвно покачала головой.

Ононоки Ёцуги покачала головой без тени эмоций на лице.

И затем монотонно заговорила:

— Нет. Потому что под землёй нет людей.

Потому что под землёй нет людей.

Потому что там некому подражать. И не зависишь от чужого влияния.

Потому что там она может оставаться собой, как ни в одном другом месте.

002

— А. Демонический старший брат. Или братец-демон, если короче. Как неожиданно, что мы встретились здесь, йей.

— ...

— Ну-ка, ну-ка, почему ты меня игнорируешь? Твоё поведение плохо скажется на развитии моей эстетики⁴. Если я собьюсь с пути, позаботишься ли ты о моей сестре, йей.

— ...

Пока я разворачивался обратно, чтобы сбежать, Ононоки-чан (а она всё это время показывала пальцами «пис» над левым глазом, как будто я был какой-нибудь телевизионной камерой) в тот же миг оказалась прямо передо мной, не давая проходу. Я понял, что сыт по горло всем этим, хотя и не стоило так говорить об одной из моих подруг.

Я понял, что сыт по горло и раздражён.

Ну, и вы поймите меня правильно.

Мне надоела не сама Ононоки-чан. Хотя трудновато скрыть, насколько меня достали эти её подцепленные бог весть откуда «йей-пис-над-левым-глазом», но всё-таки с Ононоки Ёцуги, с этой странностью-сикигами, с этой управляемой специалисткой цукумогами⁵ я старался быть дружелюбным.

А прозвище «демонический старший брат» или «братец-демон» она дала мне потому, что я когда-то был вампиром, правда я ни разу в жизни не учинял ничего зверского⁶ в отношении Ононоки-чан... Всегда будьте добры к маленьким девочкам.

Мой лозунг.

Но представьте, что вам пришлось повстречаться с тем, кого вы меньше всего хотите увидеть, да ещё и в самое неподходящее, просто ужасное время. Как вы назовёте эту нежеланную встречу? И время-то хуже не придумаешь! Вот почему я подумал, что сыт этим всем по горло.

Если говорить конкретнее...

Вторая декада января.

Я возвращался после общего государственного вступительного экзамена. Во второй экзаменационный день мы заполняли бланки для ответов. Покончив с делами, я сел на электричку и вернулся в наш город.

Проводил Сендзёгахару до дома, пешком направился к себе и примерно посередине пути неожиданно повстречался с маленькой девочкой.

Вот так подгадала, даже слишком!.. Словно засаду устроила. Ну, у меня-то был повод напасть из засады на Ононоки-чан, поскольку она маленькая девочка, но как-то я сомневаюсь, что для неё справедливо то же самое. Выходит, просто совпадение. Да, наверняка.

— Эй, что делаешь, братец-демон.

— Хм?

— Эй, эй, эй, — повторяла Ононоки-чан, то и дело пытаясь поманить меня пальцами, сложенными в знак «пис».

Нет, этот жест уж точно не выглядит как попытка меня подзвать. Она, кажется, пыталась побудить меня что-то сделать. Но ведь для понимания языка тела нужно хорошо знать друг друга.

Для начала, когда твой собеседник — странность, с пониманием уже будет не просто, а у Ононоки-чан к тому же и эмоций толком нет. Если бы её язык жестов удалось записать с помощью иероглифов, то в итоге мы бы получили трудночитаемые кандзи, не входящие в список Дзёё⁷.

Другими словами, я не мог её прочитать.

— Йей.

— Стой, не мешай в одну кучу все «пис», что ты показала! Я и так еле-еле читал твои знаки, больше смахивающие на сигналы кэтчера! А теперь вообще всё сложно!

— Эх. Похоже, все только и думают, как бы придраться к моим знакам «пис».

— Все? А что, кто-то ещё на них жаловался? Кто?

— Секрет.

— Секрет, значит?

— Конечно. С чего это я должен⁸ тебе что-то рассказывать. Знай своё место.

— ...

Что?

Может, я неосторожно затронул что-то личное, но разве это повод отвечать жёстко?..

— Познакомься со своей мерой.

— Познакомься? С тобой, что ли, Ононоки-чан? Не знаю даже, как сказать, но это, на удивление, какой-то страстный подход к...

— Этот язык тела. И жестикуляция.

Ононоки-чан принялась объяснять всё по порядку, сообразив, что иначе разговору не быть. Я тоже думал, что мы и с места не сдвинемся, если она не прекратит так туманно выражаться...

Она объясняла и активно жестикулировала, но теперь её язык тела кардинально отличался от того, что я видел прежде... Это что получается? Она их на ходу придумывает?

— «Сейчас я кое-что ищу, и если у тебя есть время, то почему бы не помочь мне, братец-демон»... Вот их значение.

— Да как вообще я мог это понять?!

Нечего просить о таких сложных вещах всего-то двумя пальцами!

Думаешь, я телепат, что ли?!

— Телепат? А не путаешь ли ты с дэрэпатом?

— Это ещё что за черта характера? Вариация цундэрэ?

— Ну так что? Будешь мне помогать или нет? Определись. Если не собираешься, то давай, уходи отсюда.

— ...

Её подбор слов...

Её манера выражаться...

И кто там отвечает за развитие эстетики Ононоки-чан? Она сама? Будучи странностью, нахваталась от окружающих?

Возможно, она попала в компанию к плохому парню. Эта девчонка просто ходячая иллюстрация к поговорке «с кем поведёшься, от того и наберёшься»!

Ну правда, ей следует получше выбирать друзей. Пока я думал об этом, то также задавался вопросом, а мне ли вообще такое говорить. У меня-то знакомых — шесть человек, может, чуть больше!

— Я хочу тебе помочь, но...

Она кое-что ищет...

Получается, я столкнулся с Ононоки-чан случайно, когда она была занята поисками.

— Но я только что с экзамена и совершенно без сил... К тому же, проверив ответы вместе с Сендзёгахарой у неё дома, я осознал, что мне ещё трудиться и трудиться.

Вот главная причина, почему Ононоки-чан выбрала не самое подходящее время. Я не хотел видеть не только её, мне вообще ни с кем говорить не хотелось.

А только скорее вернуться домой, заново посмотреть свои ошибки и залатать бреши в знаниях. Честно говоря, даже болтовня с Ононоки-чан меня отвлекала, так что тут не до помощи.

— С экзамена? А-а. Ты о нём говорил раньше, да? В мои годы он назывался «единым экзаменом первой ступени»⁹.

— Знаешь, маленькие девочки не говорят как старушки!

Да кто же так на тебя повлиял-то?

— Раньше он назывался «экзамен первой ступени», а сейчас — «общий экзамен». Что это вообще за смена названия. Смысл-то совсем противоположный, разве нет. Может быть, они не могут купить право на наименование.

— Куда больше проблем возникает, когда меняют названия из-за проблем с правами на наименование!

— Бланки для ответов, да? Наслышан. Кхм. Йей.

— ...

Удивительно, что она знает о них, но это, наверное, я рассказал. Припоминаю: объяснял ей что-то подобное, когда говорил про экзамен.

— Ну и что. Экзамен-то уже закончился. Почему ты строишь из себя занятого. Мне некогда подыгрывать твоему образу, так и кричащему «как я занят», братец-демон.

— Эм... Я не создавал никакой образ, да ещё и кричащий «как я занят».

Или я неумышленно создаю такое впечатление?

Попутно раздумывая о том, как такое вообще могло случиться, я заговорил с Ононоки-чан:

— По правде говоря, результаты экзамена у меня не ахти. Если сейчас не начну усиленно заниматься, то всё закончится плачевно.

— Хм-м... Ну, братец-демон у нас вполне себе воин. В бланке он не станет выбирать ответы наобум, когда не знает, как решать задачу. Спроси меня, так я бы случайным образом отметил галочкой один из пяти ответов, но братец-демон храбро оставил бы поля пустыми.

— Да ни в жисть!

Я не настолько храбрый.

И веду, скорее, постыдную жизнь.

А то как бы я смог так беспечно прожить целый год?

— Просто у меня плохая интуиция. Я ошибся во всех задачах с пятью вариантами ответов, где всё-таки ставил наугад.

— Йей. Я не об этом, вау.

Она, похоже, перепутала порядок и сначала вставила излюбленное словечко, а только потом проявила реакцию.

Да и вообще, как это «йей» может стать излюбленным?

— Удивительно. При том что вероятность угадать — всего лишь один к пяти, ты мог бы сократить разрыв до один к трём или даже один к двум. Если бы нормально учился. Напрашивается вопрос: братец-демон, чем ты занимался весь год. Лучше бы умер.

— ...

Зачем же так сильно язвить?

А сама-то много ли друзей завела с того момента, как мы встретились?

— За этот год на меня напала вампирша, чуть не убила кошка, сверху упала девушка, я успел потеряться, был избит обезьяной, стиснут змеей, обманут мошенником, на мою младшую сестру напали, я путешествовал во времени, был атакован «тьмой» и потом мне осталось жить всего лишь полгода. Ну и когда мне, чёрт возьми, учиться-то?!

— Я не буду говорить: «Учись». Лучше просто умри.

— Как бы то ни было, не пытайся меня убить!

— Я не прекращу тебя обижать, пока ты не согласишься помочь мне с поисками, братец-демон. Буду и дальше желать тебе смерти.

— Прекрати! И ты ждёшь, что после всего этого я буду с тобой сотрудничать?

— А ты не будешь?

— А, думаешь, стал бы?

— Бесполезная сволочь.

— Даже не пытайся сказать что-то крутое по типу «слащавая сволочь»¹⁰! Я ещё ничего не решил! Ладно, ладно.

Я поднял руки вверх.

В отличие от языка тела Ононоки-чан, мои жесты яснее некуда.

— Сдаюсь, буду сотрудничать, я тебе помогу. С твоими поисками, Ононоки-чан. Предмет, который ты ищешь, находится поблизости?

— Кто знает, но не обязательно где-то здесь.

— ...

Раздражает.

А поблагодарить меня она, случаем, не хочет?

Что ж, вместо того чтобы тратить время на спор, лучше заняться поисками «пропажи» Ононоки-чан. Вот только тем самым я распрощаюсь с тишиной и спокойствием.

Я решу эту проблему здесь и сейчас, чтобы потом не мучить себя вопросами, как там прошли её поиски. А затем достигну куда больших высот в учёбе!

...

Кажется, это из-за моего характера приспособленца время, отведённое на учёбу, постоянно утекало сквозь пальцы, да? Что-то из разряда «я буду учиться лучше, если сначала сделаю уборку в комнате» и тому подобное.

Ну, как бы то ни было, раз уж взялся за гуж, не говори, что не дюж¹¹... и я отнюдь не собирався говорить, что брошу Ононоки-чан и пойду домой. Главным образом потому, что у неё в руках есть последний довод — *Unlimited Rulebook* («Безграничный свод правил»).

Если она захочет воспользоваться своим приёмом, ей не составит никакого труда заставить меня говорить то и так, как ей только понравится. И полностью слушаться её. Секрет успеха заключается в умении вовремя уважить другую сторону до того, как она предпримет жёсткие меры.

Мой обычный способ избегать любых неприятностей.

И хотя звучит круто, на самом же деле это не круто ни разу...

— Ну, пока мы ищем, лучше держать в уме, что он не обязательно рядом. Итак, Ононоки-чан. Что именно мы ищем?

— Кто знает? Это может быть чем угодно.

— ...

— Йей.

— ...Йей.

Хочу домо-о-ойей!

003

В конце концов я решил помочь Ононоки-чан с поисками, несмотря на то, что она даже не знает, чего ищет. Было время, когда Сэнгоку Надеко искала «тело бога», но наши поиски оказались ещё бессмысленнее. Понятия не имею, почему Ононоки-чан решилась на это пойти, но реальность такова, и я ничего не мог с этим поделать.

Расспросы ни к чему не привели.

По правде сказать, Ононоки-чан, кажется, сама смутно представляла, что именно она ищет. И хотя наши с ней отношения нельзя было назвать поверхностными (пусть мы и знакомы недолго), она только и делала, что пыталась от меня отговориться.

Судя по всему, Ононоки-чан получила приказ и принялась за поиски, обладая лишь неточной информацией об объекте:

— Вероятно, как только увижу, я сразу пойму, что это оно...

И вдруг я увидел всю ситуацию.

Ну, или, скорее, не увидел её, а уловил на слух. Обычные люди попросту не в состоянии вести поиски, основанные на такой неточной информации и словах вроде «вероятно», но для странности-сикигами это, как мне кажется, в порядке вещей.

Задача с неизвестной целью, поиски неизвестного предмета...

Она просто расходный материал в собственности специалистки, и ей не позволено задавать уточняющие вопросы владелице.

Тем не менее я всё равно взялся за поиски, в основе которых лежала такая неясная информация. Взялся, несмотря на то, что никому не принадлежал и мне никто не запрещал задавать вопросы в принципе.

Как будто я сам был странностью-сикигами, только мною пользовался не специалист, а другая странность-сикигами. Просто нонсенс!

Да куда я вообще вляпался?

— Я уже один раз провёл зачистку в окрестностях и подумал, что надо бы пойти и поискать в другом месте.

— Ясно... Жалко.

Если бы поезд задержали, я мог бы избежать этой неожиданной встречи. Как же неудачно всё вышло!

— А, на всякий случай проясню: я не имел в виду тебя, братец-демон, когда говорил про разовую зачистку.

— Да кто тут ещё похититель¹²?!

— Я хочу, чтобы помимо поисков ты помог мне ещё кое с чем, братец-демон.

Она полностью проигнорировала мой резкий и остроумный ответ.

Со стороны бокэ совершенно невежливо игнорировать цуккоми¹³. Или она не ратифицировала со мной этот договор? Или же правда считает меня похитителем?

— Расширить кругозор.

— Кругозор?

— Я уже достиг своего предела... и начал думать, что мне нужно изменить точку обзора.

— ...Нет, ну, ты можешь о чём угодно там начинать думать, но если это имеет какое-то отношение ко мне, то я бы хотел чётко знать, что ты от меня хочешь. Одним словом, ты говоришь, что чем больше глаз, тем лучше?

— Кто знает, лучше ли.

— Хватит с меня таких ответов! Не лучшее время, чтобы меня злить и поднимать на дыбы!

— Не лучшее время? А что тогда нужно поднять¹⁴? Флажок?

— Какие флажки? У маленьких девочек не бывает романтических рутов¹⁵!

— Флажок по сути есть флаг, правильно? Иными словами, поднять флажок означает поднять знамя... Мне трудно рассудить, говоришь ли ты о флаге «Зулу» или же о белом флаге.

— ...

Хотя эта девочка-сикигами нередко оставляла впечатление робота в том плане, как она думала и двигалась, у неё довольно часто путались приоритеты. Только вот уж кому-кому, а точно не мне осуждать чужие приоритеты, учитывая, что я сам сейчас помогал девочке с поисками, когда по идее должен заниматься. Однако было очевидно, что у спора насчёт того, какой флаг поднимать: «Зулу»¹⁶ или белый, определённо низкий приоритет.

Тут даже рассуждать нечего, настолько всё элементарно.

— Ну, прежде всего, мне хотелось бы изменить точку обзора, а не заполучить ещё одну пару глаз. Я, как видишь, от природы всего лишь любимая домашняя кукла¹⁷. У меня низкий рост.

— Низкий рост?

— Короче говоря, мне не хватало роста во время поисков. Смотри, когда отчаянно что-то ищешь в комнате, ты встаёшь куда-нибудь повыше, например, на стул или стол, чтобы окинуть всё взглядом, так? Высокие люди лучше годятся для поисков.

— Хм-м... Ну да, если проблема в точке обзора, то, наверное, так оно и есть. Когда искомая вещь спрятана за чем-то другим, её куда легче найти, если глядеть сверху...

Но это справедливо не для каждого случая.

Если у тебя низкий рост, намного легче забраться в маленькие укрытия, а иногда взгляд снизу куда полезнее при поисках.

Её владелица наверняка решила, что для поисков как раз подойдёт кто-нибудь маленький, и поэтому отдала приказ Ононоки-чан, однако та, достигнув своего предела, попросила моей помощи.

— Но, Ононоки-чан, у меня и правда точка обзора будет повыше твоей... Но только в относительном выражении, а в абсолютном выражении я не так уж и высок, знаешь ли.

— Да, вижу. Вижу даже со своей низкой точки обзора. Ты абсолютно невысок, братец-демон.

— Не абсолютно, а в абсолютном выражении.

— Точно, ты мой враг в этом сражении.

— Я тебе не враг, мы с тобой придерживаемся одного воззрения.

— Вот как раз в твоей точке зрения и кроется проблема. Твой рост тоже большой погоды не сделает... Но, братец-демон, раз уж ты абитуриент, то должен разбираться в арифметике и знать об операции сложения, так?

— Думаю, даже не абитуриентам об этом известно.

— Как девочка-арифметика я, естественно, тоже об этом знаю.

— Девочка-арифметика...

Вроде бы очень давно была такая японская книга по арифметике¹⁸, да?

Это же...

Это же довольно круто, для Японии-то!

Надо же, у нас существовало понятие девочки-арифметики ещё до того, как появились девочки-волшебницы! Похоже, поп-культура Японии так и не изменилась с древних времён. Удивительно.

— Никогда бы не подумал, что ты девочка-арифметика, Ононоки-чан.

— Как грубо с твоей стороны. Хочешь, чтобы я предоставил доказательства? Сказать, например, какое самое большое простое число.

— От одного только твоего упоминания про самое большое простое число ¹⁹ я могу сразу же заверить, что математическая грамотность у тебя на нуле.

— Кстати, это я открыл цифру ноль.

— Ага, как же!

— Но мы сейчас говорим о сложении. Если прибавить мой весьма низкий рост к твоему довольно низкому росту, мы загадочным образом (загадочным образом подобно странностям) получаем вполне подходящий по высоте рост. А именно, около трёх метров.

— ...

Не будем сейчас о том, что она откровенно и бесцеремонно назвала мой рост «довольно низким». Что ж, если перевести механическую речь Ононоки-чан так, чтобы стало понятно любому, она просила меня посадить её на плечи.

Так сказать, мольба²⁰ от любимой домашней куклы.

Ну, с тремя метрами она просчиталась, впрочем, наш рост всё равно пересечёт отметку в два метра, это как минимум. И тогда мы точно сможем качественно улучшить поиск в отличие от того, что могла вести Ононоки-чан. Ясно, событие под названием «маленькая девочка едет на плечах».

Не сказать, что хочу заниматься чем-то подобным, или что это развеет мою постэкзамениционную хандру, но, если я собираюсь попасть домой, у меня просто нет другого выбора.

Если я хочу сломать поднятый флаг, мне придётся смириться и прокатить эту маленькую девочку на плечах.

Так, стоп?

Что-то такое уже было...

Кстати говоря, как-то раз я принимал участие в одном безумстве и тогда сам сидел кое у кого на плечах. Этот случай даже стал ненадолго городским слухом.

Ну и что делать со сплетнями обо мне?

Пускай они хотя бы не уступают легенде о вампире.

Ононоки-чан, будучи странностью-сикигами, на самом деле достаточно сильна физически, чтобы прокатить меня на плечах, но в нашем случае это мне следует посадить её на плечи.

Существует же некий баланс вещей. И соблюдение этого баланса поддерживает существование смысла в нашем мире.

Однако со мной была как раз Ононоки-чан, которой по жизни недоставало здравого смысла.

Помимо здравого смысла Ононоки-чан также недоставало предусмотрительности и человечности, так что лучше мне кое в чём убедиться. Я хотел даже, чтобы она предоставила мне полный отчёт по этому вопросу... Но сейчас времени у нас нет, так что, пожалуй, задам его устно.

Хотя это лишнее, как ни крути.

Зря только спросил. Самое печальное, что Ононоки-чан нашла совершенно не свойственный человеку ответ.

— Ононоки-чан, я хочу кое в чём убедиться.

— Хочешь кое в чём убедиться? Если ты хочешь узнать, каковы мои обьятия, то давай об этом уже после того, как я выполню свой долг.

— Можно было и не остроумничать... Когда ты сказала о сложении, то имела в виду, что я посажу тебя на плечи, да? Пускай у тебя сверхчеловеческая сила, Ононоки-чан, но лучше будет поступить именно так, правда же? Чтобы мы не выглядели подозрительно.

— Что-то мне кажется, что в твоём вопросе кроются и другие причины, помимо нежелания выглядеть подозрительно.

После этого заявления невольно кажется, будто Ононоки-чан таинственным образом всё-таки понимает человеческие эмоции, пусть она и странность.

— Ты неправ, братец-демон, — продолжила она.

— А? Что ты сейчас сказала?

— Ты неправ, демон.

— А ну, добавь в обращение «братец»!

— Нечего придираться²¹. Видишь ли, братец-демон, я не поеду у тебя на плечах.

— А?

— Я не собираюсь плотно обхватывать твою шею своими ляжками.

— Можно было просто сказать, что не сядешь ко мне на плечи. Если хочешь что-то повторить, говори то же самое, что и в первый раз.

— Я не сяду к тебе на плечи, равно как и ты на мои. Подумай сам, садиться на плечи нецелесообразно, трата ресурсов.

— Трата?

— Кто бы у кого на плечах ни поехал, один из нас в итоге сядет другому на шею, так? И когда один сядет, к росту другого можно будет прибавить лишь высоту первого в сидячем положении. Может, тебе и есть чем гордиться по части высоты в сидячем положении, братец-демон, но нельзя ведь сказать, что если прибавить к ней длину твоих ног, полученный результат окажется меньше этой высоты, правильно?

— Это у какого человека при сложении его высоты в сидячем положении с длиной ног результат получится меньше изначальной высоты? У него что, отрицательная длина ног?

— Кстати, отрицательные числа тоже открыл я.

— Да тебе так и Филдсовскую премию²² можно вручить! Какое там! Ты сама можешь учредить премию Ононоки!

— Премия Ононоки... Как очаровательно звучит.

— Короче говоря, под тратой ты имеешь в виду, что катание одного из нас на другом не даст тебе требуемой высоты? Но тут как ни крути, Ононоки-чан, а этой траты не избежать. Не думаю, что есть какой-либо другой вариант, кроме как сесть на плечи. Вернее, какой вариант лучше, нежели чем сесть на плечи? Что ещё позволит нам увеличить рост? Даже если я возьму тебя за талию и подниму на руках, максимум, чего ты достигнешь, так это той же точки обзора, что и у меня.

— Это уже не поднятие, а объятие.

— Ну, даже если бы я сыграл с тобой в «самолётик»...

— Хотя я и выгляжу как маленькая девочка, не надо обращаться со мной как с малышом... Ну же, всё просто, братец-демон. Мы поступим так, как я делаю всегда.

— Как ты делаешь всегда?

— Может быть, ты догадаешься, если сказать «так, как меня всегда заставляют делать».

— ?..

Я не смог догадаться.

Вернее, не хотел.

004

Пару минут спустя...

Я стоял на очень высокой точке обзора.

Если точнее, я стоял на Ононоки-чан. На торчащем пальце Ононоки-чан, которым она будто бы указывала в небо.

— ...

Понятия не имею, в чём именно заключалась её основная роль сикигами под управлением специалистки, но работа «шофёра», по-видимому, входила в повседневные обязанности Ононоки-чан.

Маленькая девочка, конечно же, не может водить машину. Она состояла на службе у «неспособной ходить по земле» специалистки, которой хоть и нельзя наступать на поверхность земли, зато можно перемещаться стоя на пальце, плечах или голове Ононоки-чан.

Я считал Ононоки-чан невероятной просто потому, что она способна нести человека, будто какой-то багаж, равно как и саму специалистку, которую переносили таким образом. Но вот уж никогда бы не подумал, что Ононоки-чан будет нести так меня.

Ну да, правда...

В таком случае ни о какой трате ресурсов и говорить не приходится...

Ладно, не будем сейчас о том, чувствовал ли я уверенность в себе, стоя на её пальце, зато я смог на полную использовать каждый сантиметр своих ног, и, если прибавить к тому длину руки Ононоки-чан, мне удалось достичь *высоты в три метра*, о которой она говорила в самом начале.

Когда в прошлом меня «катали» на плечах, я занимал довольно высокую точку обзора, но сейчас забрался ещё выше. Нет, я бы точно не смог сделать то же, что и она, и поменяться с ней местами. Нереально... По идее, так же нереально, как и стоять на её пальце.

На одном пальце.

Я что, баскетбольный мяч?

...Ну, она хотя бы не крутила меня. Превосходным чувством равновесия я не обладал, это совершенно точно, и, если бы Ононоки-чан не поддерживала и не выравнивала меня, я бы не смог стоять прямо при таком неустойчивом положении.

Со стороны мы смахивали на цирковых артистов, показывающих какой-то номер, но всё, конечно же, совершенно не так. Хотя зрелище, пожалуй, забавное.

— Ононоки-чан, это же ты поддерживаешь равновесие, когда переносишь её?

— Нет, с сестрой в этом нет необходимости. Её манера езды уникальна. Но мне всё равно нужно оставаться начеку, чтобы не наделать ошибок и не уронить её.

Ононоки-чан сказала, что, если она уронит сестру, та панайнически на неё разозлится.

— Ясно, панайнически разозлится, значит...

Панайно, да?

Шинобу, кстати, сейчас спала.

А если и не спала, то наверняка притворялась спящей. У них с Ононоки-чан какой-то разлад... Демон не должен прикидываться тануки²³. Это же невероятное понижение в ранге странностей!

— Причём, даже если сестра упадёт по своей ошибке, всё равно виноват буду я. Кошмар, я не пользуюсь никакими приёмами, но должен концентрировать своё внимание на сестре. Так что в некотором смысле мне легче носить тебя, братец-демон, потому что ты не станешь жаловаться, если я тебя уроню.

— Извини, Ононоки-чан. Здорово, конечно, что ты обо мне такого мнения, но я не настолько идеален.

В каком-то смысле она вознесла меня до небывалых высот.

Я прощу её, если она уронит меня, и я ничего себе не сломаю. Но если всё-таки поранюсь, но при этом не потеряю сознание и не окажусь на грани жизни и смерти, то выскажу утеравшей меня Ононоки-чан всё, что я о ней думаю.

— ...

Утеравшей меня...

— Слушай, Ононоки-чан. Раз уж мы собрались продолжить поиски таким образом...

— Быстро же ты сдался. Твоя хорошая сторона, братец-демон.

— Сказала бы хотя бы, что я быстро меняю своё мнение!

— Как раз в духе братца-демона, знаменитого своей излюбленной фразой «можно не решать задания, которые я не понимаю».

— Да как такой человек может вообще сдать хоть какой-то экзамен?!

Нет.

Ну, Сендзёгахара говорила, что на вступительных просто необходимо пропускать те задания, которые не понимаешь, однако Ханекава настаивала на чудесном способе «если сперва решить сложные задания, то дальше пойдёт легче». Но это реально из разряда чудес.

— Мы с тобой уже не то слово, как подозрительно выглядим, так что я хотел бы найти её как можно скорее... А ищем мы вещь, которую кто-то обронил, да?

— М-м?

— Не надо мне тут мычать, Ононоки-чан... В общем, мы ищем кем-то потерянную вещь, что-то такое, да?

— Кто знает. Я ведь девочка, которая делает только то, что ей велено, поэтому как мне сказали, так я и делаю.

— Если хочешь назвать свою характерную черту, то выражайся как-нибудь попроще. Просто, когда ищут пропажу, это обычно какая-то потерянная вещь.

— Не всегда. К пропажам относятся не только те вещи, которые кто-то уронил, как я в скором времени уроню братца-демона.

— Оставь свои зловещие намёки!

— Искать также можно кем-то спрятанную вещь или что-то потерянное во время какого-нибудь несчастного случая. Ты волен как угодно рассуждать, но давай-ка лучше сделаешь мне одолжение и перестанешь разводить здесь не пойми что своими поспешными выводами.

— ...

Это она резко...

А сама-то даже не знает, что мы ищем!

— Если с одного взгляда понятно, что это и есть искомая вещь, значит ли тогда, что даже я смогу её определить, как только увижу? Похоже, так оно и есть, раз ты подняла меня как каланчу... Прости, если что-то недопонял, но в последнее время я слишком часто пользуюсь способностями вампира, так что, если от меня нужно что-нибудь вроде сверхъестественного зрения, я не оправдаю твоих ожиданий.

— Всё нормально. Я вообще от тебя ничего не жду, братец-демон.

— Тогда почему ты держишь меня как каланчу? Зачем несёшь, подняв высоко над головой, будто микоси²⁴?

— Да. В общем, я несу тебя высо... ка-ка²⁵ подняв, потому что...

— Нечего с бухты-барухты подражать Шинобу.

— ...ты всё равно сможешь её распознать, даже если у тебя нет сверхъестественного зрения. Поэтому, братец-демон, осматривайся и верти головой подобно флюгеру²⁶.

— А мне надо что-то делать, чтобы не упасть?

— Не думай об этом. Просто напряги своё зрение и всё, братец-демон.

— ...

Незаметно для себя я начал плясать под дудку этой маленькой девочки... Наверное, когда у человека заячья душа, он идёт по пути наименьшего сопротивления.

Хотя я не уверен до конца, что поддакивание маленькой девочке — лёгкий путь...

— В любом случае она, вероятно, даже не выглядит подозрительно, но, если что-то привлечёт твоё внимание или покажется хоть немного странным, желательно, чтобы ты детально доложил мне о находке.

— Желательно, говоришь...

Её персонаж всё такой же непостоянный.

Удивительно, как той оммёдзи с насильственными замашками удавалось заставлять работать свою непостоянную сикигами? Как она управляла ей?

Наверняка с помощью грубой силы.

В зависимости от обстоятельств это можно расценить как бытовое насилие.

— Если что-то привлечёт моё внимание или покажется хоть немного странным... Но за исключением нашего с тобой отражения в зеркале, да?

— Иронизировать будешь потом. Я сейчас занят.

— ...

Она даже на разговор не идёт!

Мне стало интересно, чем это она занята, ведь пока что Ононоки-чан только и делала, что удерживала меня на своём пальце. Видимо, она вдобавок осматривалась вокруг. По сути, странность-сикигами уже успела излазить окрестности вдоль и поперёк, так что её, наверное, можно отнести к любителям семь раз всё проверить, прежде чем кого-то подозревать... хотя я употребил эту пословицу не к месту.

— Знаешь, у меня сейчас, в общем-то, нет свободного времени.

— Имеешь в виду, что тебе дали жить всего лишь полгода? — спросила Ононоки-чан, продолжая вести поиски и нести меня. Спросила внезапно, ни с того ни с сего. — Из всего, что случилось за этот год, только твои проблемы, братец-демон, остались неразрешёнными. Отведённые полгода уже заметно подсократились, да? Может, у тебя плохие результаты за общий государственный вступительный экзамен и по этой причине?

— ...

— Ну, тебя, братец-демон, беспокоит, наверное, не остаток твоей жизни... не остаток жизни, а твоя невеста²⁷, да?

— Нечего вставлять игру слов во время серьёзного разговора!

— Но я не каламбурил, а просто хотел весело поболтать.

— И шутки свои тоже не вставляй!

— Что? То есть вставить как раз хотел ты? Свою голову между моих ляжек, да? В таком случае прошу прощения, что мои ляжки не такие толстые. Извини, любящий женщин с формами братец-демон.

— Я тебя прибую!

Сколько желчи в этой маленькой девочке!

— Онооки-чан, тебе нужно извиниться передо мной за другое.

— А? Ты не любишь женщин с формами?

— Это уже отдельная тема. Так вот: Сендзёгахара ещё не моя жена.

— Вот тебе на. Но я говорил не о Сендзёгахаре.

— Хм? Не о ней? Тогда о Шинобу, что ли?

— Нет, о Сендзёгахаре.

— Если ты хочешь весело поболтать, тогда добавь шуток в разговор. Далее, не обращай к Сендзёгахаре в невежливой форме. Вы с ней даже не встречались ни разу!

— Да, не встречались, — согласилась Онооки-чан, поворачивая за угол.

Куда же она идёт? Получается, в прямо противоположную сторону от моего дома... Я смогу сегодня вернуться домой? Всё-таки восприятие дистанции и времени у людей и странностей отличается...

Если бы мы хотя бы знали, где нужно искать, стало бы полегче... Судя по последним местам, где мы побывали с Онооки-чан, она сама до конца не знает.

Необязательно где-то здесь или где бы то ни было.

Такое явно в духе той любящей насилье оммёдзи. Даже её манера отдавать приказы достаточно жестока. Однако не обязательно та оммёдзи сейчас использует Онооки-чан, да?

Если это глава специалистов...

— Сколько там времени осталось? До конца твоей жизни, братец-демон. Что закончится первым: твоя жизнь или экзамены?

— Бестактные вопросы ты задаёшь. Слишком откровенно и прямолинейно.

Нет.

В таком случае её можно назвать искренней. Я чувствовал себя легко именно по той причине, что она говорила всё как на духу, а не по-странному волновалась обо мне.

— Сложно сказать. Вообще, экзамены закончатся первыми. Но потом будет выпускная церемония, а уже после неё объявят результаты.

— Можно сказать, что тебе повезло.

— Как это?

— Ты ссылаешься на свою проблему, когда говоришь, что слишком часто пользуешься способностями вампира, да? Раз за разом прилагаешь напрасные усилия или, лучше сказать, терпишь бесполезное поражение, братец-демон.

— Всё наоборот...

Но я и вправду ничего этим не добился.

Вернее, добился обратного. Пора бы уже, наверное, пересмотреть стратегию, когда я наудачу лезу на рожон каждый раз после очередного выздоровления.

— Кто бы мог подумать, что в этом мире существует стратегия, когда кто-то наудачу лезет на рожон каждый раз после очередного выздоровления.

Ононоки-чан пожала плечами.

От этого движения я чуть было не свалился с кончика её пальца.

— Мне даже нечего тебе ответить...

— Я думал, что во всём мире только сестре может прийти в голову такая стратегия.

— Вот, существует!

Ну, ей-то уж наверняка придёт в голову.

Впрочем, змеиный бог — не бессмертная странность, поэтому она, специализирующаяся именно на бессмертных, и соваться не станет. То же касается и Ононоки-чан.

Хм...

Считается, что идея бессмертия была одной из причин, почему в былые времена начали обожествлять змей, хотя под «бессмертием» всего лишь подразумевался типичный биологический процесс — сбрасывание кожи... Кто же мне об этом рассказал?

В голове будто туман, не могу связать одно воспоминание с другим.

В последнее время со мной такое часто происходит.

Может, я слишком много занимаюсь?

— Кстати, Ханекава сейчас путешествует по всему миру в поисках Ошино. Только, к сожалению, пока не может похвастаться успехами.

— Ясно. Братец Ошино. Давненько мы с ним не виделись.

— Хм-м...

Ну серьёзно, куда же он запропастился?

Перекасти-поле, ведущий бродячий образ жизни... Ханекава пересекла океан, чтобы его найти, но я даже не уверен, есть ли у Ошино паспорт...

— Слушай, братец-демон, что ты собираешься делать дальше? Если хочешь, я мог бы связаться с Гаэн-сан, как уже бывало раньше.

— Нет...

Так или иначе, я считал, что связываться с ней — постыдное дело, не хотелось бы до такого доводить. Всё-таки как раз её «дружеская» просьба навлекла беду... Ладно, я не должен пытаться переложить вину на кого-то другого.

Но если обвинять не кого-то, а что-то конкретное, я бы сказал, что источник всех бед — тот самый талисман, который она доверила мне.

Корень зла.

— Кроме того, я поступил против её воли, не став использовать тот талисман. И если подумать, я не могу сейчас на неё положиться.

— Не говори так. Кто знает, насколько уступчиво и по-дружески она может себя повести, выслушав тебя.

— Ну, я знаю, что она неплохой человек... Но от своих друзей ждёт куда большей услуги в ответ.

Что ж, в обмен на наши с Сендзёгахарой жизни я готов пожертвовать чем угодно, но за это она, по меньшей мере, попросит компенсацию в виде Ошино Шинобу или, в худшем случае, Сэнгоку Надеко.

Что уже чересчур!

Будь я способен принимать такие решения, вообще бы не попал в эту ситуацию. Я уже не раз убеждался в том, что не настолько владею языком, чтобы кого-нибудь уболтать на что-то. Поскольку я не умею принимать хладнокровные решения, то мне ничего не остаётся, кроме как бросаться в омут с головой, ведь плана получше попросту нет.

— Ну, это да. Если бездумно довериться Гаэн-сан, потом попадёшь в ещё большую беду. Если хочешь что-то защитить, лучше вообще не обращаться к ней за помощью.

— Твоя правда... Вместо сиюминутного спокойствия я выбираю избежать крупной катастрофы в будущем.

— Более того... Гаэн-сан не связалась с тобой сама, а это значит, что у неё напрочь отсутствует желание тебе помочь, братец-демон.

— Выходит, моя ситуация безнадежна.

— Гаэн-сан не бросается на амбразуру и не берётся за безнадежные просьбы своих друзей. Это её самая замечательная черта.

— Как любезно с её стороны!

— Но разве братец Ошино не такой же? Даже если Цубасе-чан из семьи Ханекава удастся его найти, всё равно нет стопроцентной гарантии, что он станет вам помогать, не так ли? Он скажет что-нибудь вроде «не помогу, человечек спасает себя сам, юная девонька».

— Что это ещё за сюсюканье из уст Ошино? В какой стране он осел?

— Ты, наверное, не смог бы слушать наш с братцем Ошино диалог, когда я разговариваю монотонным голосом, а он сюсюкает.

— Раз до тебя дошло, что это невозможно слушать, давай-ка исправляй свою манеру говорить монотонно!

— Это не исправить, — сказала как отрезала Ононоки-чан.

Не в её манере делать такие по-странным категоричные и сильные заявления. Пусть она и сказала так своим привычным монотонным голосом, в нём все равно были нотки раздражения.

Интересно, почему?

Дело в непостоянстве её характера?

— ...Ну, Ошино очень даже может так сказать, но мне вроде как спокойнее, когда я знаю, что Ханекава ищет его. А ещё она использует поиски как возможность повидать разные места.

Ну, может, не стоит называть это возможностью, но от её поисков я реально многого не ждал.

— В конце концов, раз уж я посеял семена, то теперь сам же и должен разобраться с последствиями.

— Если их действительно посеял ты, тогда определённо должен, да.

— Хм? Хочешь сказать, что их посеял кто-то другой? Но нет, не похоже на то.

— Сомневаться естественно. Зёрна зарыты в землю.

«Ты не узнаешь об их существовании, пока они не прорастут», — добавила Ононоки-чан.

— Но тебе не кажется это странным? Как будто даже восстановление баланса этого места или поиск правильных ответов лишь образует хаос вокруг тебя, братец-демон...

— ...

— Встречая странность, попадаешь под её влияние. Будто бы даже причина и следствие приведены к балансу. Вряд ли ты настолько глуп, чтобы считать это естественным, братец-демон.

— Я глуп. Мои мозги всегда перегружаются, стоит мне только задуматься, как исправить своё положение. И я уже дошёл до черты, — сказал я.

Ну, жаловаться маленькой девочке ни разу не круто, пусть даже она странность. Учитывая момент беседы, нет смысла ставить её перед дилеммой, ведь и так понятно, чью сторону она приняла, поэтому я подумал, что стоит закрыть тему.

Пораскинув мозгами, я решил вернуться к обсуждению поисков.

— Не вижу ничего, что могло бы подойти под нашу вещь. Ононоки-чан, а ты уверена, что она должна быть где-то здесь?

— Не надо сообщать мне, что ты ничего не видишь. Докладывай, когда будут результаты.

— Да что ты говоришь...

Нельзя так вести себя с тем, кто вызвался помочь на безвозмездной основе. Вернее, с тем, кто тратит на тебя своё драгоценное время...

— Понять с одного взгляда, что это и есть искомый предмет, да?.. Интересно, что это?

— Кто знает. Я сам ума не приложу, сколько ни спрашивай. Однако у меня есть одна мысль, чем это может оказаться, братец-демон.

— А? И чем же?

— Чем-то, на что любому стоит лишь бросить взгляд, и он поймёт — это оно самое... но начнёшь искать, и оно сразу же теряется из виду. Это... — сказала Ононоки-чан.

Сказала, подняв на меня глаза, пока я всё ещё стоял на её пальце.

— ...улыбка, — добавила она монотонно.

С нечитаемым выражением лица.

— ...

Да, я хотел как можно скорее найти для неё улыбку.

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Ну, только на сей раз это и близко концовкой не назвать, потому что, прежде всего, с нами так ничего и не произошло. К тому же саму историю с поисками, когда маленькая девочка носит тебя на своём пальце, не назвать ни историей о странностях, ни даже очередной загадкой недели.

В конечном счёте, несмотря на то, что мы до вечера кружили по городу, найти так ничего и не смогли, а результатом стало полное отсутствие какого бы то ни было результата, но смеяться тут не над чем. Можно даже сказать, что мы с Ононоки-чан просто погуляли.

— Так и не нашли, да? Ну, что поделать. Ладно, пока. Пока-йей.

Ононоки-чан ушла, показывая знак «пис» над левым глазом. Хотя она и не нашла то, что искала, подавленной всё равно не выглядела. С учётом того, что у неё напрочь отсутствуют эмоции, казалось, будто она чуть ли не в восторге от того, что моталась по городу весь день.

Может, у неё почасовая оплата?

Добилась она результатов или нет, её просто устраивало, что она отработывает одинаковое время при любом раскладе?.. По крайней мере, я не заметил у неё желания работать сверхурочно бесплатно.

Что ж, сикигами на сдельной оплате не станет тратить время зря...

Как бы то ни было, после того как она хладнокровно бросила меня и ушла, я побрёл к себе домой и продолжил заниматься, словно со мной ничего не случилось, но из-за умственного и физического истощения после экзаменов и поисков с Ононоки-чан заснул задолго до глубокой ночи.

То есть после экзамена я дурачился весь день вместе с маленькой девочкой, а потом пришёл домой и завалился спать?

Эй!

Такое историей не назовёшь! Ну разве что с большой натяжкой. Весь этот эпизод просто не достоин эпилога. Он как викторина, которая оборвалась, и финальную заставку так и не показали. У меня есть все основания так считать. Однако кое-кому удалось разыскать ответы на неразрешённые вопросы этой викторины. И этим человеком оказалась, можно сказать, «не кто иная как» или «ожидаемо», или «серьёзно, опять она?», но, в общем, это была Ханекава Цубаса.

Да, я правда считал, что детективные навыки Ханекавы запредельно развиты, но в действительности всё объясняется банальной разницей в усвоенных знаниях и интеллекте. Впрочем, нельзя сказать, что во всех вопросах я полагался исключительно на помощь Ханекавы.

Тем не менее она не взялась объяснять мне случившееся сразу после того, как я рассказал ей о прогулке с Ононоки-чан... Ханекава пробормотала только: «Хм. Вот что произошло. Дело же в том случае?».

Я не счёл её ответ каким-то неестественным. Просто подумал, что «дело явно не в том случае». И раз дело не в том случае, значит, здесь нет ничего неестественного.

Другими словами, я попросту не обратил внимания.

На заботу Ононоки-чан, на заботу Ханекавы и созданную благодаря этому ситуацию, которая не показалась мне неестественной.

— Как думаешь, что сложнее всего найти?

Некоторое время спустя...

После того, как закончились проблемы со змеиным богом и начались другие... Вот что спросила у меня Ханекава.

Ну, я не сразу понял, на что она намекала, когда внезапно задала такой вопрос.

— А? К чему это ты?

— Я говорю о той истории с Ононоки-чан... Арараги-кун, в итоге она живёт у тебя дома, да? Вот я и решила, что стоит поговорить с тобой на эту тему. Как думаешь, что сложнее всего найти?

— Что сложнее всего найти...

Что это?

Кстати, относительно недавно Шинобу играла со мной, пряча пончики в моей комнате... Эм, что-то вроде этого сойдёт за ответ?

— М-м, ну, если подумать, то сложнее всего найти...

— Нет, этот вопрос — всего лишь предпосылка, поэтому на самом деле неважно, что ты думаешь или скажешь.

— Неважно? А? Тогда что ты хотела спросить после этой предпосылки?

— Задать вопрос «что, по-твоему, найти легче всего?».

— В таком случае думаю, «то, в чём можно с одного взгляда узнать искомую вещь»...

Но в чём можно с одного взгляда узнать искомую вещь? Если подумать, такие вещи, по сути, «можно узнать с одного взгляда» именно в тот момент, когда их найдёшь.

Но ей, конечно, ответа в виде «улыбки» будет недостаточно...

— Нет-нет, Арараги-кун. Не поддавайся этим словам. Потому что они лживые.

— Лживые?

— Ну, может, чересчур называть их ложью. Ононоки-чан ничего не искала. Ну, это-то и будет сложнее всего найти, как мне кажется... *Ведь нельзя найти то, чего не существует.*

— ...

А?

Стоп, я, конечно, всё понимаю... Но зачем было мне врать?

— Хочешь сказать, что Ононоки-чан придумала такую блаженную ложь только из желания поиграть со мной?..

— Да нет же!

Сразу же отмела вариант.

Слишком быстро.

— Ответом будет «то, что найти легче всего»... Ясное дело, что легче всего найти ту вещь, которая выделяется, бросается в глаза, и если ты спросишь, что же бросается в глаза, то нет ничего более заметного, чем *человек, ищущий какую-то вещь*, — объяснила Ханекава. — Внезапно останавливается, оглядывается, пригибается или встаёт на цыпочки. Как ни посмотри, а очень подозрительное поведение. Конечно, на фоне криков странным голосом это смотрелось бы не так эффектно, но ведение поисков с высоты, стоя на пальце девочки, похожей на куклу, всё равно слишком бросается в глаза.

— ...

Выделяться... то есть...

Очень сильно привлекать внимание... Вот в чём дело!

— Другими словами, Ононоки-чан хотела сделать так, чтобы ты, Арараги-кун, стал бросаться в глаза. Поэтому она подняла тебя над головой, словно флаг.

— Ха... Флаг, да?

Поднять флаг... Вернее, меня подняли как флаг.

Надеюсь, я не единственный парень во всём мире, с которым так обращались...

— Н-но зачем Ононоки-чан потребовалось, чтобы я начал выделяться? Она выставила меня напоказ, мол, смотрите, этот дурак завалил вступительные?

— Возможно.

Возможно?!

А ну-ка, давай, отметай и этот вариант!

Особенно это предположение!

— Но она преследовала и другую цель. Ну, ты ведь уже знаешь, да, Арараги-кун? В январе в городе находился кое-кто, с кем тебе ни за что не стоило встречаться.

— ...

— *Беда, если бы ты наткнулся на него. Да и он не особо хотел такой встречи, Арараги-кун.*

Ну, в итоге мы всё равно встретились.

Ханекава продолжила:

— Если он ежедневно бывал в городе... Ну, тогда ничего удивительного, если бы рано или поздно ваши пути пересеклись, так что Ононоки-чан, наверное, предотвратила ваши наиболее вероятные встречи. Арараги-кун, сделав тебя заметным, она помогла другому не пересечься с тобой.

— *Заставив искать то, что невозможно найти... Она сделала так, чтобы можно было легко найти меня...*

Чтобы мы с ним...

Чтобы мы с тем мошенником... не наткнулись друг на друга.

— ...

— Я, конечно, не совсем уверена, что он видел, как ты возвышался, стоя на её пальце, но если всё-таки видел, то наверняка предпочёл обойти вас. Ононоки-чан, судя по всему, не хотела, чтобы ты волновался ещё и по поводу мошенника: у тебя и так проблем хватало... И, на удивление, ничего не произошло, не было ни инцидентов, ни ситуаций, о которых потом слагали бы легенды, потому что кое-кто поддерживал и заботился о тебе.

Забота Ононоки Ёцуги.

Забота, которую я не замечал.

— Я даже не подозревал, что все это время кому-то обязан спокойной жизнью, и говорил, что должен найти решение... Да уж, смешно. Думаю, она теперь будет подшучивать надо мной.

— Наверное. Частенько говорят, что люди не могут спасать других людей, но в действительности же люди не могут жить в одиночку, — сказала Ханекава, повторяя любимую фразу Ошино. Может, такое мнение сформировалось у неё оттого, что она побывала во множестве мест. То есть после неоднократных заокеанских путешествий.

— Человек не может жить в одиночку, и даже если бы он решился, в итоге за ним всё равно кто-нибудь начал приглядывать. Кормить, выводить гулять и переодевать. Быть может, даже сон — это заслуга кого-то другого.

— Ну... Да, наверное. Хотя обычно люди проживают день за днём и не осознают этого.

— Точно. Возможно, такую холодную заботу найти сложнее всего остального, — подытожила Ханекава.

Не знаю даже, насколько неприятно звучал бы такой итог в устах Ононоки-чан, если бы она сказала эти вещи своим привычным монотонным голосом, но после Ханекавы я ничего подобного не почувствовал... Нет.

Возможно, я бы всё равно не посчитал речь Ононоки-чан неприятной.

Да, мне так кажется.

Примечания

1. Дух, который оммёдзи (практикующий оккультную магию) призывает себе на службу.
2. «Кратчайший путь» (яп. 近道 *тикамити*) и «подземный тоннель» (яп. 地下道 *тикадо:*).
3. «Там» и «дно» звучат одинаково — «соко».
4. Непосредственное эмоциональное переживание своего отношения к действительности. Эстетические чувства вызываются в том числе и поступками людей, когда они рассматриваются с точки зрения общепризнанных общественных требований
5. Разновидность японского духа: вещь, приобретшая душу и индивидуальность.
6. В слове «зверский» (яп. 鬼畜な *китикуна*) есть «демон» (鬼).
7. Список из 2136 кандзи, которыми Министерство образования Японии рекомендует ограничиваться в повседневном употреблении. Все остальные кандзи, точное количество которых не поддаётся счёту (старые словари иероглифов содержат от 47 до 50 тысяч кандзи), входят в хёгайдзи (знаки вне списка).
8. Ёцуги говорит о себе в мужском роде.
9. Он появился в 1979 году и просуществовал 10 лет, после чего сменился общим государственным вступительным экзаменом.
10. Сначала Ёцуги спрашивает у Коёми «курэнай но кай?», а потом пытается съязвить, говоря «курэнай яро» (бесполезная сволочь), на что он, по сути, отвечает, что «слащавая сволочь» (куэнай яро:) звучало бы круче.

11. Пословица «*норикакатта фунэ*» является сокращением от выражения «*норикакатта фунэ да, имасара го э ва хи-карэнай*», что переводится как «с отплывшего корабля нет пути назад».
12. «Похититель» (яп. 人攫い *хитосараи*) и «[одна] зачистка» (яп. ひと浚い *хитосараи*).
13. Японский комедийный жанр мандзай подразумевает выступление двух человек — бокэ и цуккоми. Бокэ (дословно означает маразм или человека не от мира сего) делает или рассказывает что-то глупое, а цуккоми (резко вклинивающийся в диалог) играет роль реалиста-прагматика и пытается подшутив поправить первого.
14. Если дословно переводить «злиться» (*хара га тацу*), то получится «живот поднимается», но иероглиф «живота» также имеет значение «душа, эмоции», поэтому идиома означает сильную, повышенную эмоциональность.
15. В эроге или дэйт-симах у персонажей, с которыми взаимодействует игрок, есть так называемые «флаги», которые активируются, например, выбором нужных реплик или действий в определённых местах по сюжету. Если активировать достаточно флагов, можно выйти на рут этого персонажа (то есть закончить с этим персонажем игру, развив с ним отношения).
16. «Зулу» — один из флагов международного свода сигналов, стандартное одиночное значение которого — «Мне нужен буксир». Для японцев он является символом великой победы Императорского военного флота Японии над 2-ой российской эскадрой Тихоокеанского флота во время Цусимского сражения (1905 г.). Перед сражением командующий японским флотом адмирал Хэйхатиро Того поднял на своём флагманском броненосце «Микаса» флаг «Зулу», который, согласно предварительной договорённости между военными, означал: «Судьба империи зависит от этой битвы. Пусть каждый приложит все силы».
17. Словом «*айган*» выражают любовь к питомцам (собакам, например). Любимая домашняя кукла (*айган до:ру*) здесь на манер любимого домашнего животного (*айган до:буцу*).
18. В 1775 году Тиба Тодзо (врач по профессии) под своим именем опубликовал книгу о васан (японский независимый вид математики, развивавшийся в период Эдо, когда страна была изолирована) под названием «Сампо-сёдзё». В предисловии к ней написано, что книгу составляла и редактировала дочь автора, Тайра Акико, исходя из знаний, полученных от своего отца. В 18-19 веках в Японии практически не было женщин, хоть каким-то образом связанных с наукой, поэтому это очень большое достижение.
19. Особенность простых чисел в том, что они делятся без остатка только на 1 и на самих себя. «Потолка» у них не существует, поэтому самое большое назвать невозможно. В 2013 году профессор из США вычислил самое большое известное на данный момент простое число, записывающееся как $2^{57885161} - 1$ и насчитывающее 17 млн знаков, побив тем самым рекорд 2008 года (предыдущее самое большое известное простое число имело 13 млн знаков).
20. «Мольба» (яп. 哀願 *айган*) и «любовь» (яп. 愛玩 *айган*).

21. Если отнять иероглиф «демон» (*они*) из «братец-демон» (*они итян*), то останется «*итян*». Коёми говорит «добавить братец» (*итян о цукэру*) к обращению, на что Ёцуги отвечает ему словом «придираться» (*итямон о цукэру*), что немного созвучно сказанному Коёми.
22. Международная премия и медаль, которые вручаются один раз в 4 года на каждом международном математическом конгрессе двум, трём или четырём молодым математикам не старше 40 лет (или достигшим 40-летия в год вручения премии).
23. Традиционные японские звери-оборотни. Согласно преданиям, тануки — мастера уловок, обмана и изменения внешнего вида.
24. Переносное священное святилище в синтоизме, в котором перемещаются ками, обитающие в хранящихся в микоси священных предметах — синтай.
25. Ёцуги выделила смех Шинобу («ка-ка») в слове «нести высоко подняв» (*какагэру*).
26. Второе значение слова «флюгер» (*казами-дори*) — «оппортунист», то есть тот, кто склонен к уступкам, соглашательству.
27. «Остаток жизни» (*ёмэй*) и «невеста» (*ёмэ*).

Ничто Коёми

S U N	M O N	T U Z	W E D	T H U	F R I	S A T
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28			

001

Что же касается Кагэнуи Ёдзуру, то она действительно не могла ходить по дорогам. И это не фигура речи, не какая-нибудь метафора или аллегория. Поверхность земли была для неё под запретом, и она жила с этими ограничениями каждый божий день.

Если не углубляться в суть запрета, то любому покажется, что подобные ограничения смахивают на детскую забаву.

Представлять, что земля покрыта лавой, вставать на лестницы, строительные блоки... Скакать по поверхностям любых объектов, только не по земле. Другими словами, она как будто всю жизнь в одиночку играет в такаони¹. Даже в тот день, когда мы впервые повстречались, Кагэнуи Ёдзуру стояла на почтовом ящике.

Ну, для детей подобное поведение — всего лишь игра, а вот взрослому человеку так себя вести странно до крайности. Более того, дети могут скакать повсюду главным образом потому, что у них небольшой вес тела, чего не скажешь о взрослых: они куда тяжелее. И мне кажется, именно эти ежедневные чудачества помогли Кагэнуи Ёдзуру развить свои незаурядные физические способности.

Но сколько ни пытайся представить ситуацию в лучшем свете, Кагэнуи Ёдзуру была и остаётся странной, причём настолько, что я даже не решался затрагивать тему её привычек и задавать ей какие-либо вопросы по этому поводу.

Однако некоторые моменты в наших с ней беседах и разговор с одним любителем оригами позволили мне понять, что у Кагэнуи Ёдзуру достаточно веских причин для такого странного поведения. И дело отнюдь не в желании натренировать своё тело или поиграть в какую-то игру. Несмотря на то, что у Кагэнуи Ёдзуру есть реальные основания не ходить по земле, без определённого уровня самодисциплины она бы, конечно, не справилась.

Как её враг, или...

Как тот, кто однажды вышел против неё один на один... Вернее, как тот, кого она дырявила насквозь бесчисленное множество раз, могу сказать лишь одно: на всём белом свете не найти человека страшнее Кагэнуи Ёдзуру.

Я встречался со многими специалистами, и среди них всех, включая Ошино, она была самой жуткой натурой.

Я боялся её.

Кагэнуи Ёдзуру навела ужас похлеще странности.

И всегда была сильнее любого демона.

Оммёдзи, способная уничтожать странности лишь одной грубой силой, встречается ещё реже, чем сами странности. И только поэтому её жизненные принципы уже аномальны, хотя по факту просты и понятны.

Можно сказать, что стохастичность её поведения проявляется через запрет ходить по дорогам, но именно эта черта и символизирует аномальность её принципов.

Кстати, однажды она рассказала мне, почему стала специалисткой по бессмертным странностям. «В этом деле невозможно перестараться», — пояснила Кагэнуи Ёдзуру, но мне было интересно, так ли это? Стоит ли принимать её слова за чистую монету?

Методы работы Кагэнуи Ёдзуру до безобразия просты, а сама она куда более понятный человек, в отличие от того же Ошино или Кайки, но вместе с тем настолько асоциальна, что

не может влиться в общество... Когда-нибудь я спрошу у неё; у женщины, всё еще не утратившей человеческую сущность; у неё, живущей во тьме, что пугает сильнее странностей...

Я спрошу у неё, не способной ходить по дорогам...

Спрошу, что она считает путём.

Но я почему-то уверен, что не услышу ничего, кроме:

— Мой путь там, где я хожу.

002

— Хэй!

— Кьях!

— Хэй! Хэй!

— Кьях! Кьях!

Со стороны эти вопли могли сойти за милые дурачества двух закадычных друзей, но в реальности всё было с точностью наоборот. Кагэнуи-сан жестоко избивала меня... Это ещё мягко сказано.

И напоследок:

— Хэй!

Кагэнуи-сан резко зарядила мне ногой в бок (это было похоже на приём из французского бокса), словно я какой-то Дарума Отоси², из которого она хотела вышибить центральный блок, после чего я упал на обе лопатки, и таким образом наш обмен любезностями закончился.

— Что-то ты дюже обмякший. Ещё прошлым летом ты не казался таким бесхребетным.

«Пусть я тогда и переломала тебе все косточки до единой», — добавила Кагэнуи-сан, напряглась всем телом и взмыла в воздух, чтобы приземлиться на новёхонький торо³.

Если стоять на торо священного храма, можно навлечь на себя проклятие, но раз бог покинул это место, вряд ли что-нибудь случится. Впрочем, даже если бы в храме остался бог, он бы наверняка простил Кагэнуи-сан, поскольку она не может ходить по земле.

К тому же я сам разлегся посреди храмовой дороги⁴, так что не мне упрекать Кагэнуи-сан в богохульстве.

— Кхе... — простонал я.

Казалось, что моё тело — один сплошной синяк.

— Как так-то... У нас же ограничение стоит... Драки запрещены...

— Не было такого. Под запретом только разрушение четвёртой стены.

— Серьёзно?.. Вот это недоразумение...

— Слушай, ты ж ведь сам вызвал меня на бой. Поздно заднюю давать.

— Это да...

Так и было.

Ужасная ошибка!

Если я не расскажу, как на самом деле обстоят дела, вы можете заподозрить меня в суицидальных наклонностях. Я действительно попросил Кагэнуи-сан подраться со мной... Хотя не столько подраться...

Я только спросил, каким видом боевых искусств она владеет.

А в результате получил по полной программе.

— На сей раз я нехило так сдерживаюсь. Дерусь снисходительно.

— Да, я прямо чувствую...

Вот было бы здорово, умей вы держать эмоции внутри и относиться ко мне с большей снисходительностью... А не вытаскивали моё нутро наружу, превращая меня в решето.

— Ощущаю всю остроту⁵...

— Между прочим, ты чего добиться-то хочешь, а? Вдруг взял и вызвал меня на бой...

— ...

А я-то думал, что она приняла мой безрассудный вызов, не переспросив и ничего не уточнив, как раз потому, что знала о моём положении дел. Но Кагэнуи-сан, видимо, была не прочь избить меня без какой бы то ни было причины, просто так.

Поразительная женщина.

И крайне способная.

Кагэнуи-сан была однокурсницей Ошино, поэтому я невольно ожидал, что она точно так же, как и он, будет «видеть меня насквозь». Но эта женщина была слеплена из другого теста и совершенно не походила ни на Ошино, ни даже на Кайки.

Она была простым человеком в самом хорошем значении этого слова.

Впрочем, и в плохом смысле тоже.

Можно сказать, что у Кагэнуи-сан и у истребляемых ею странностей есть нечто общее: и при общении с первой, и при уничтожении вторых нужен особый подход.

— Ха...

Однажды в конце февраля я пришёл в Храм Северной Белой Змеи. С лёгким сердцем сюда точно не заявишься. Да и как? Здесь я уже не раз оказывался в ситуациях, когда моя жизнь висела на волоске, а недавно в его покинутых богом стенах умер человек... Но что поделать? Я должен был встретиться со специалисткой.

Кагэнуи-сан, жестокая оммёдзи Кагэнуи Ёдзуру-сан, поселилась прямо здесь, так что выбора у меня не было.

Она временно остановилась в Храме Северной Белой Змеи, как когда-то Ошино Меме обосновался в развалинах старой школы интенсивной подготовки (теперь от здания остались одни воспоминания), и тем самым демонстрировала просто невероятную стойкость духа, тут любой невольно рот разинет.

Будучи специалисткой, Кагэнуи-сан лучше всех знала, что это за место. Я некоторое время думал, что она обосновалась здесь по приказу той женщины, главы специалистов, но, выслушав Кагэнуи-сан, осознал, что всё иначе.

Возможно, это обстоятельство покажется вам очевидным (да и вряд ли могло быть по-другому), но Кагэнуи-сан и та женщина не сходятся характерами. Нет, поселиться в храме — это не попытка Кагэнуи Ёдзуру поднять знамя восстания, просто маленький камешек в сторону главы специалистов.

Ну... если вспомнить историю с Тадацуру-саном...

Со стороны Кагэнуи-сан было неразумно делать в адрес главы специалистов такие выпады. Не знаю, понимала ли сама Кагэнуи-сан, к чему это может привести, но вместо того, чтобы оставить Ононоки Ёцуги рядом с собой, она «предприняла меры», отдав приказ своей странности-сикигами заселиться ко мне домой (хотя я согласия не давал) и оставив её на моё попечение.

Взяла и отдала маленькую девочку мне на попечение...

И это называется «предпринять меры»?!

— ...

Ладно, не будем об этом.

Чтобы лучше описать текущую обстановку, а ещё чтобы собрать всю картину воедино, придётся напомнить о некоторых событиях. Начнём с того, что на прошлогодних весенних каникулах мою кровь выпила легендарная вампирша. В результате я сам стал вампиром и с большим трудом вернул себе человеческую суть. Однако следы бывшего вампиризма никуда

не делись. Грех на них жаловаться, особых неудобств они не доставляли. Только вот я по-глупому полагался на остатки своего вампиризма, чтобы справляться с трудностями и всякими кризисными ситуациями, которые возникали у меня на протяжении всего года.

Не скажу, что я поступал неправильно.

Не пользовался бы этими силами, не смог бы справиться со всеми кризисами. Не говоря уже о случае со змеиным богом, который абсолютно точно невозможно было разрешить, не прибегнув к моему вампиризму.

У меня не оставалось другого выбора.

И я осознавал, что всё сложится именно так.

Теперь мне придётся расплачиваться.

Компенсация за то, что я прибегал к силам странности... Силам тьмы.

Очевидно, что всё моё тело испачкано тьмой, ведь я регулярно касался её, продолжая ступать по ней. Это естественно.

Короче говоря, моё вампирское естественно полезло наружу. Так вышло само собой, и процесс уже необратим.

Пока что я всего-навсего не отражаюсь в зеркалах и не проявляюсь на фотографиях. Да, вряд ли такое назовёшь проблемами, но, если я продолжу использовать силы вампира, всё станет намного хуже. Я больше не смогу есть чеснок, начну обращаться в пепел под лучами солнца и растворяться от святой воды.

Но взамен получу абсолютную и величайшую силу и навсегда распрощаюсь с жизнью в человеческом обществе.

Другими словами, что бы теперь со мной ни происходило, прибегать к вампиризму запрещено... Такие дела.

— Сейчас ситуация более или менее стабильна, и вот я подумал: может быть, вы, Кагэнуи-сан, потренируете меня? Если я снова окажусь в трудной ситуации, мне хотелось бы полагаться не на вампирские силы, а на свои собственные, чтобы выходить сухим из воды так же искусно, как и вы, Кагэнуи-сан...

— А-а! — она хлопнула в ладоши, продолжая сидеть на корточках на торо. — Понятно. Вот оно что! Но лучше тебе бросить эту затею.

— Да?

Лучше бросить, значит?

Она сказала мне проваливать, но хотелось бы знать, почему.

— Ну, во-первых, мои методы не освоить за день. А ещё в среде специалистов считается, что я придерживаюсь крайне еретических взглядов. Нечего таким вещам обучать молодняк!

— ...

Кагэнуи-сан уже давно не подросток, но я бы сказал, что она ещё довольно молодой специалист.

Вообще, я бы хотел изучить методы работы Кагэнуи-сан как раз потому, что главный её принцип ведения переговоров ужасно простой и лёгкий — подавлять странности чисто грубой силой. Возможно, именно из-за их простоты её методы и не освоить за день.

Самое простое всегда самое сложное.

Вот и в учёбе так же.

— Ну а в-третьих, кабы ты попытался с ходу поднатореть в моей технике ведения боя во время непосредственной драки... — принялась объяснять Кагэнуи-сан. — То сдох бы прежде, чем что-нибудь выучил.

— ...

Да.

Этих причин вполне достаточно, чтобы не учиться у Кагэнуи-сан.

Плата за её обучение слишком высока.

Даже если бы я выступил против неё в режиме вампира, у меня не было бы ни единого шанса на победу. Что тогда говорить про моё текущее состояние? С плотью и кровью человека я ей тем более не ровня... Я думал об этом, лёжа на спине, стараясь отдышаться после короткого боя, а затем поднялся на ноги.

Разлёгшись на храмовой дороге, я чувствовал себя беспокойно, даже несмотря на то, что бог покинул эти места.

— Тебе, по сути, сейчас не этим заниматься-то надо, а? На носу заключительный вступительный экзамен. Уже самое время для подстраховки написать экзамены в каких-нибудь частных вузах, не думал?

— Мои родители, к сожалению, не ждут от меня многого. Вот я и сдаю экзамены в одном университете по выбору.

— Хм-м... В таком случае храбрости тебе не занимать. А каково мне было, когда я сдавала вступительные?... Уже и не помню. Я, кажись, даже не заметила, как в универ попала.

— Да храбрость тут ни при чём...

— И как выпустилась, и как начала вот так работать — тоже не заметила. Я просто ходила и до беспамятства избивала всё, что меня бесило.

— ...

Если она без труда поступила в университет, тогда у неё прямо задатки гения.

Интересно, а бесили её только странности или... люди в её список тоже входили?

Хм-м.

Я заявился к ней и стал просить быть моим учителем, но она, похоже, из тех, кого трудно уговорить на помощь.

— Ну, загонять себя тоже нехорошо. А раз я смог всё-таки дожить до этого дня, то дальше уж будь что будет.

— От твоей реплики так и несёт смирением. Ну, теперь-то жить тебе ещё о-го-го, поэтому фразочка прямо как у ронина⁶.

— Нет, вот этого я хотел бы избежать. По разным причинам.

— Так тем более нечего в безлюдном храме завязывать со мной кулачный бой, — отрезала Кагэнуи-сан.

Вообще-то такое даже кулачным боем не назвать, поскольку избивали только меня. Я не мог ей ответить, просто не успевал что-либо сделать. В любом случае совет она дала стоящий и по-настоящему взрослый.

— Как думаешь, почему я заслала Ёцуги к тебе домой? Так ты хоть чуть-чуть поживёшь, не беспокоясь о странностях.

— Ну, это-то понятно... Только я чувствую себя жалким, пока живу день за днём и надеюсь, что меня защитят две маленькие девочки.

— Маленькие девочки? Одна из них — бывшая Киссшот? Ау, это ж шестисотлетняя странность! И пускай ты так же⁷ называешь Ёцуги, но она-то — цукумогами, кукла, сделанная из трупа человека.

— Если так подумать, меня оберегают удивительные создания...

Ханекава как-то сказала, что в моей повседневной жизни ничего не происходит именно потому, что кто-то постоянно защищает меня.

— Вот поэтому... не суй свой нос, куда не просят! И *‘туда тоже не лезь!*

— Туда?

— Туда или куда бы то ни было... А, ладно! В общем, даже не думай учиться у меня, тебе это не по зубам. Хотя бывали у меня такие же, как ты, и я пыталась развлечения ради строить из себя учителя, но вышло неудачно, — закончила Кагэнуи-сан с гоготом.

Ну, если представить эту картину в деталях, то вряд ли взятым ею ради развлечения ученикам удалось уйти целыми...

Хм...

Идея попросить Кагэнуи-сан потренировать меня изначально казалась хорошей, но я, видимо, плохо обдумал её. Пожалуй, это послужит мне уроком, чтобы не хвататься за первую попавшуюся мысль. Всякий раз, когда я получаю такие жизненные уроки, невольно вспоминается тот мошенник...

— Кагэнуи-сан! — я уже выкинул из головы эгоистичные мысли о том, чтобы она взяла меня на обучение, и спросил чисто из любопытства:

— Как так получилось, что вы связали свою жизнь с этим миром?

— М-м? С этим миром?

— Эм, то есть с миром странностей, историями о них и тому подобном...

— Я как-то не провожу черту между тем и этим миром, если честно. Просто разделяюсь со всем, что приходится мне не по душе.

Раньше она говорила что-то похожее.

Принципы, которыми она руководствуется, на удивление просты, впрочем, я так же считал и во время прошлых летних каникул.

Она верит в противостояние правды и зла.

Нет, не правды... а доброго начала в человеческой натуре?

Впрочем, Ошино непременно добавил бы, что в мире встречается неуютная правда, а доброе начало в человеке не всегда считается лучшей из его сторон... И зло нередко расценивают как ожидаемое и необходимое.

Можно сказать, что Кагэнуи-сан одна на белом свете живёт по своей правде, ни под кого не подстраиваясь, когда весь мир существует по совершенно противоположному принципу...

— Наверно, всё началось ещё в детском саду, когда я врезала одному мальчишке, который не на шутку взбесил меня... Вот сейчас думаю, что тот сопляк наверняка был одержим какой-нибудь злой странностью. Ну, примерно в то же время я и решила стать специалисткой по бессмертным странностям.

— Удивительно, что вы приняли такое решение ещё в детском саду...

Кагэнуй-сан в детсадовском возрасте...

Представляется с трудом... Не думаю, что сумел бы одолеть даже кроху-Кагэнуй.

Лучше помолюсь за здоровье того несчастного, который попал под горячую руку Кагэнуй-чан.

— Если я правильно помню, основная причина, по которой вы охотитесь за бессмертными странностями — «в этом деле невозможно перестараться»? А это значит, что вы не раз прикладывали куда больше усилий, чем того требовалось, да? В этом суть вашей профессии?

— Ну, думаю, можно и так сказать. Как много у тебя вопросов! Ты, случаем, не пытаешься и меня затащить, а? В легендарный гарем Арараги, или как он там называется?

— ...

Откуда она знает?

О существовании гарема Арараги... Да такого сообщества вообще быть не может! Нет людей с настолько дурным вкусом! Это всё Ононоки-чан наплела!

Утечка.

Наверное, информация обо мне начала просачиваться с новой силой, потому что мы с Ононоки-чан теперь живём вместе. Но в то же время это по-своему удобно.

Если Кагэнуй-сан получает подтверждения, что Цукихи ведёт нормальную жизнь и никому не доставляет проблем, тогда утечка информации — безусловный плюс.

— Вы так говорите, будто я начал что-то из себя представлять, чтобы вас добиваться, но об этом нет и речи, потому что я уже вот-вот могу потерять человечность.

— Не волнуйся, я мигом тебя прикончу, когда до этого дойдёт. Вот тебе ещё одна причина, почему я приставила к тебе Ёцуги. Ей сказано разобраться с тобой без всякой жалости, если ты сойдёшь с пути человека.

— ...

Путь человека?

Я очень старался не сбиться с этого пути, но как же дошло до такого?!

Да ещё и Ононоки-чан, оказывается, засланная убийца...

Правда внезапно всплыла на поверхность.

Нет, об этом можно было догадаться, если хорошенько подумать, но такой расклад даже не приходил мне в голову, пока я не услышал всё как есть. Я постоянно забываю, что Ононоки-чан, прежде всего, профессионал, специализирующийся на «бессмертных странностях», а не милая кукла.

— Ха, — я услышал смешок Кагэнуи-сан. — Ну сказала я тебе, и что? Только не надо негатива. Живи себе как жил.

— Не отражаясь в зеркале?

— Ты не помрёшь оттого, что не застанешь своё отражение в зеркале. Куда хлеще гореть дотла под лучами солнца, и не знать, отчего и почему... Страх-то какой! Я бы, поди, места себе не нашла. Но в твоём-то случае корень проблемы ясен. Ты слишком часто налегаешь на вампиризм.

— Ну, это я понимаю, но после всего, что случилось, мне кажется, я больше уже не смогу жить как ни в чём не бывало. В смысле, стоило мне только узнать о странностях, как вон сколько всего за год произошло...

— Да, ты с завидной частотой вляпываешься в неприятности.

— ...

Я порывался сказать, что она с Ононоки-чан как раз одна из таких неприятностей, в которые мне доводилось вляпаться. Несмотря на то, что сейчас Кагэнуи-сан не на моей стороне, мы способны хотя бы разговаривать друг с другом.

И я мог выслушать её советы... Не обязательно же по ним жить?

— А ты что, думал, на земле есть хотя бы один человек, который ни разу за всю жизнь не нарывался на неприятности? С другой стороны, большинство, конечно, никогда вампирами не бывали... но не забывай, что ты всегда можешь положиться на профессионалов вроде меня, а мы уж разберёмся. Сделаем либо одно, либо другое, как-нибудь так или этак. Откровенно говоря, такие, как мы с тобой, слабеют рассудком только от одного осознания, что существуют странности и тому подобное.

— Слабеют... рассудком?

— Потому что сам факт существования неизвестного бросает в дрожь. Потому что мы никогда не знаем, что может произойти. Потому что сильное беспокойство, ощущаемое каждый день, отвлекает и не даёт сосредоточиться на простых вещах. Мне казалось, Ошино-куна тяготили те же проблемы.

— Ошино-то?..

Я бы не сказал, что Ошино вообще когда-либо напрягался.

Он смахивает на крайне беззаботного, даже праздного, человека. Никогда не видел, чтобы он глубоко размышлял о чём-либо.

Ну, тем не менее...

Не мне упрекать его, ведь я сам не привык задумываться и что-то анализировать... Возможно, Ошино боялся, что если станет слишком рьяно поддерживать баланс, то рано или поздно дойдёт до нервозности, что и развалит тот самый баланс. Не будет никакого нейтралитета.

Ошино испытывал...

Болезненный и ненормальный страх.

— Как и Ошино, Кайки кажется таким же беззаботным... Только Кайки делает что хочет, его не волнует природный баланс в принципе.

— Ну, Кайки-кун утверждает, что не верит в существование странностей... Хотя, может, он таким образом защищается. Они с Ошино-куном как два сапога пара, действительно выглядят беззаботными. Только вот Ошино-кун старается сохранять баланс во всём.

Как два сапога пара...

Ну, давным-давно они наверняка дружили. К тому же, на всем свете, пожалуй, не сыскать второго такого мужчину, настолько далёкого от слова «приятный»⁸.

Всё-таки «приятный» практически антоним выражения «сулящий зло».

— Но нам с тобой не по силам занять какую-нибудь из позиций. Ни позицию балансёра, ни позицию отрицания.

— Не по силам... Что вы имеете в виду?

— Ты ж ведь сам странность, а мне надо за Ёцуги приглядывать.

«А-а, по сути ты такой же, как я. В смысле, приглядываешь за бывшей Киссшот», — поправила себя Кагэнуй-сан.

— Из-за странностей, из-за того, что мы с тобой в тесном контакте со странностями, поддерживать баланс у нас не выйдет. А если задумаешь отрицать их существование, в сущности, будешь отрицать часть себя.

— ...

Она просто ошарашила меня!

Кто бы мог подумать, что у настолько уверенной в себе Кагэнуй-сан, способной без лишнего пафоса или смущения делать свою работу, несмотря на невозможность ходить по земле... У женщины, живущей по своим убеждениям и правилам, которая надеется лишь на силу своих мускулов... будет что-то общее со мной. Не с человеком, подобным воздушному змею, чью нить оборвал ветер⁹, а с тем, кто блуждает то там, то сям без всякой цели¹⁰... Нет, возможно, я невольно понимал, что человек я неприкаянный, и как раз поэтому пришёл в Храм Северной Белой Змеи (куда идти мне совсем не хотелось), чтобы просить Кагэнуй-сан чему-нибудь меня научить и задать направление.

Наверное.

...Если и дальше засыпать её вопросами, она наверняка решит, что я хочу затащить её в легендарный гарем Арааги (хотя такой штуки не существует и в помине), но если мне о чём-то и хотелось спросить Кагэнуи-сан, то только об одном.

Не о том, как она дралась со странностями; не о том, как связала свою жизнь с этим миром; не о тех рабочих моментах, когда она «перестаралась», и, конечно, не о том, откуда она узнала о гареме Арааги.

Я хотел спросить о...

Я хотел спросить у Кагэнуи-сан о...

— Скажите, Кагэнуи-сан...

— Чего тебе?

— Что связывает вас с Ононоки-чан?

003

Кагэнуи Ёдзуру, специалистка.

Ононоки Ёцуги, странность-сикигами.

Спору нет, эти двое кем-то друг другу приходятся, и мне отлично известно, что у них отношения оммёдзи и сикигами, то есть хозяйки и слуги, начальницы и подчинённой. А вообще, Ононоки-чан — собственность Кагэнуи-сан, её оружие для сражения со странностями, а порой и средство передвижения.

В качестве дополнительной информации скажу, что Ононоки-чан, являясь цукумогами, прототипом которой послужила кукла, сделанная из трупа человека, была чем-то вроде художественного произведения, в студенческие годы совместно изготовленного четырьмя людьми: Кагэнуи-сан, Ошино, Кайки и Тэори Тадацуру, представителями оккультного исследовательского кружка. Кагэнуи-сан взяла Ононоки-чан к себе на попечение, и по сей день они вместе.

Вот что мне известно.

Но кроме этого я ничего не знал. И понятия не имею, почему с того дня и до сих пор Кагэнуи-сан и Ононоки-чан работают на пару.

Ведь если вдуматься, разве не выходит противоречие? Кагэнуи-сан изо дня в день сражается с бессмертными странностями, чьё существование нарушает законы природы, но в качестве подручной и носильщика использует не менее бессмертную, даже безжизненную, странность, с которой ничего не сделается, даже если разбить её вдребезги.

Кагэнуй-сан противоречит сама себе. Прямо как я, взявший на попечение вампиршу, которую до сих пор не в силах простить. Вместо этого я не просто забочусь о ней, но поселил рядом с собой.

Мы с Кагэнуй-сан творим похожие противоречивые вещи.

Когда-то давно я кое от кого слышал, что Кагэнуй-сан использует Ононоки-чан, чтобы самой не слишком-то окунаться во тьму, но использовать воплощение тьмы, чтобы не соприкасаться с тьмой — всё равно противоречие.

Как бы я ни старался представить себе характер отношений Кагэнуй-сан и Ононоки-чан, к выводу так и не пришёл. Поэтому решил спросить у хозяйки цукумогами напрямую.

Не важно, каким будет её ответ.

В любом случае он будет полезен и поможет узнать больше про связь между мной и Шинобу, а также про наше будущее. Ведь постепенное обращение организма-хозяина в вампира естественным образом сказывается и на ней.

Однако сейчас я не могу понять, это влияние негативно или позитивно... Но всё равно хочу узнать у Кагэнуй-сан подробности.

Узнать у специалистки, живущей со странностью...

По-моему, это чуть ли не идеальный тандем... Хотя сам я не мечтаю стать кем-то вроде специалиста получеловека-полустранности.

— Что связывает меня с Ёцуги?

Возможно, я был слишком назойливым, решив спросить об отношениях между Кагэнуй-сан и кем-то ещё. Ну, если судить по выражению её лица, она не обиделась, а, скорее, удивилась... Вообще, я задал вопрос, рискуя жизнью, поскольку если бы специалистка всё-таки обиделась, она бы не постеснялась избить меня¹¹.

И под удивлением я подразумеваю то, что на её лице читалось несколько вопросов: «не поздновато ли спрашивать?» или «разве я не говорила тебе?», или «что, тебе никто не рассказывал?» и всё в таком духе.

— Ну, ты, поди, и сам уже в курсе, что я — хозяйка, а она — моя раб... Я — оммёдзи, а она — мой сикигами.

— Вы только что собирались сказать «рабыня»?

— Я хотела сказать «до, ре, ми»¹².

— Хозяйка и до, ре, ми?

Смахивает на название бездарного музыкального аниме с горничными...

— Ну, я, конечно, знаю, что вы с ней оммёдзи и сикигами... Но, смотрите, Ононоки-чан ведь зовёт вас «сестрой», верно?

— Да, зовёт.

— Вот мне и стало интересно, сестринские ли у вас отношения?

— Если уж ты затронул эту тему, разве Ёцуги не зовёт тебя «братцем»? Да она всех людей называет «братцами» или «сестрицами».

Она добавила, что Ёцуги называет Ошино-куна «братцем Ошино» и Кайки-куна — «братцем Кайки».

— Хотя к Гаэн-сан она обращается только «Гаэн-сан». Ну, это уже исключение.

— А-а... Но...

Она даже к Кайки так обращается?

Похоже, страх ей неведом...

— Кагэнуи-сан, разве она не зовёт вас просто сестрой? Меня она называет «демоническим старшим братом» или «братцем-демоном», если короче.

Невероятно! Как вообще это обращение прижилось?!

— Вас-то она просто зовёт сестрой.

— Хм...

Кагэнуи-сан поняла мой вопрос как намёк (хотя намёком его не назвать) и многозначительно промолчала. Ну, мне показалось, что она решила промолчать. Так мне показалось, и хотя она действительно молчала, но в то же время начала двигаться... Не проронив ни слова, Кагэнуи-сан прыгнула с торо.

Точнее, я не видел толком, как она подготавливала себя к прыжку, и мне интересно, остался ли на сетчатке моего глаза хотя бы послеобраз¹³... Нет, это был даже не прыжок, а исчезновение.

И конечно же...

Она запрыгнула мне на голову. Села на корточки на моём темени точно так же, как сидела до этого на торо.

— Эм... Кагэнуи-сан...

Как-то раз она приземлилась на голову Шинобу, и тогда вампирша очень расстроилась, но только теперь я осознал, каково это терпеть кого-то у себя на голове. Это не просто унижение, а самое что ни на есть поражение...

Кажется, у меня, Арараги, завёлся новый фетиш.

Впрочем, держать её на голове отнюдь не тяжело, поскольку что в случае Шинобу, что со мной, она нейтрализовала свой вес... Только Кагэнуи-сан, в отличие от вампирши, не странность, поэтому её манипуляции с весом кажутся особенно странными.

Ононоки-чан расправлялась со своим весом при помощи двух слов...

— А ты проницательный малый... Или просто хорошая интуиция? Набираешь максимальный балл за экзаменационные задачи с выбором ответа?

— Мне часто такое говорят, но нет, они мне вообще не даются.

— Хм-м. Ну, с точки зрения вероятности, удивительно, что ты постоянно ошибаешься с выбором ответа.

— Вот такое «удивительно» мне по жизни вообще не нужно.

— Ну, что сам думаешь?

— Что думаю, спрашиваете... Думаю о том случае, когда вы, Ошино, Кайки и Тэори Тадацуру создали Ёцуги-чан. Возможно, тогда вы использовали в качестве основы для куклы труп вашей настоящей младшей сестры.

— Что ж за тяжкое прошлое ты хочешь взвалить на плечи человека и заставить нести его по жизни?!

Она потопталась на моей голове.

Ай!

Да, было больно, но Кагэнуи-сан лишь предупреждала меня, что способна на куда более жёсткие вещи, куда более серьёзные, чем я могу представить.

— Ну, вы не очень-то похожи на родных сестёр... Хотя сложно утверждать на этот счёт, потому что у Ононоки-чан совсем нет никаких эмоций. Чтобы окончательно сказать, похож кто-то на кого-то или нет, не стоит заикливаться на внешности, куда важнее то, как человек выражает эмоции.

— Ха! Я вижу, с твоей интуицией далеко не уедешь! Так ты точно завалишь вступительные!

— Нет уж, на экзаменах таких вопросов не будет! Про истинную природу Ононоки-чан и всё в таком духе.

— Хм. Ну, не такой уж это и секрет, так что ничего страшного, если я тебе расскажу, но...

Казалось, Кагэнуи-сан решила помедитировать на моей голове... Но я не мог сказать наверняка, что там творилось, поскольку мне не было видно.

— Знаешь, когда мне задают вопрос в такой официальной манере, я прямо чувствую свою важность. И мне что-то даже перехотелось отвечать на него.

— ...

Эх...

Я встал на эту тропу (хотя стояли сейчас на мне), потому что Кагэнуи-сан была до приятного прямолинейным человеком, а не как Кайки, который за каждый заданный ему вопрос требовал деньги. Но кто знал, что она заупрямится и продемонстрирует совершенно противоположные качества?

Да, похоже на то...

Ну не может быть, чтобы такой до приятного прямолинейный человек оказался слеплен из того же теста, что и Ошино с Кайки! Нежелание отвечать на вопросы, заданные в официальной манере, говорит о простом характере Кагэнуи-сан, но вот общаться с ней не так уж и просто.

Стоило спросить как бы невзначай.

Задать вопрос среди массы других. Она бы охотно ответила, даже не интересуясь, к чему я спрашиваю.

— Значит, вы не будете рассказывать?

— Нет, я не говорила, что не буду. Я не стану заставлять тебя работать на меня или платить, как сделали бы Ошино-кун или Кайки-кун, так что не волнуйся по этому поводу. Ладно... Как насчёт продолжить нашу драку?

— А?

Продолжить драку?

Что за чушь?!

Мне казалось, нам и выяснять с ней нечего.

— Эм, это что-то вроде «я расскажу об истинной природе Ононоки-чан, если ты побьёшь меня», так? Нет, погодите, это же невозможно и вообще бессмысленно...

Я бы лучше заплатил Ошино пять миллионов иен или позволил Кайки ободраить меня как липку. Приобретённый на летних каникулах опыт и сегодняшняя драка ясно показали, что мне не победить её и за сто миллионов лет.

Сто миллионов лет...

Даже вампиры столько не живут!

Если честно, меня разбирает любопытство, какова же истинная природа Ононоки-чан, поскольку она живёт теперь вместе со мной, но рисковать с трудом отвоёванной жизнью мне совсем не хотелось.

— Ну, конечно, я не буду просить победить меня. Не стану требовать того, что ещё никому и никогда не удавалось.

— ...

А?

Она никогда не проигрывала?

Мы с Шинобу бросили ей вызов, и нам сошло это с рук?

Только сейчас я наконец осознал, по какому опасному пути шёл всё это время.

— Одно попадание, — поставила условие специалистка, не зная поражений.

Специалистка, присевшая на корточки на моей голове.

— Если во время боя ты попадёшь по мне хотя бы один раз, я расскажу об истинной природе Ёцуги.

004

— И поэтому, Карэн-чан, настала твоя очередь!

— Эм... А что именно означает твоё «и поэтому»?

Я думал, что смогу уговорить Карэн магией фразы «и поэтому», но она не сработала... Говорил я с ней уже после возвращения домой.

Я позвал Карэн к себе в комнату и с ходу ошарашил её главным вопросом. Примерно в это же время в соседней комнате другая моя младшая сестра играла вместе с Ононоки-чан.

Для Цукихи Ононоки-чан была обычной «плюшевой игрушкой», поэтому она, скорее, не «играла вместе с», а «играла в», но в любом случае такая привязанность друг к другу делала из них устрашающее комбо.

Ещё до того, как обратиться к Карэн, я мог бы спросить об отношениях между Кагэнуи-сан и её «любимой домашней куклой» у самой Ононоки-чан, но мне показалось нечестным выпытывать у неё сведения, которые хозяйка предпочла умолчать.

Наверное, здесь применим принцип, когда ни в коем случае нельзя действовать по наитию... и задавать вопросы тем, кто лучше всех может на них ответить.

Ну, (нынешняя) Ононоки-чан по-своему несговорчива, поэтому не думаю, что она взяла бы и рассказала мне...

К тому же она говорила, что её жизненный путь начался сразу после того, как сестра оживила её, так что ещё под вопросом, знает она правду о себе или нет.

— В общем, Карэн-чан, не могу вдаваться в подробности, но суть такая: есть человек, по силе равный дьяволу, против которого у меня нет и шанса, но я хочу попасть по нему хотя бы один раз. Знаешь какой-нибудь подходящий способ?

— Слушай, братец, кем ты меня считаешь?..

На лице Карэн читалось недоумение... или, скорее, досада.

— Я — мастер боевых искусств, следующий пути воина. Даже если мне известны методы применения грубой силы, я ни за что не стану посвящать в них такого профана как ты, братец. По крайней мере, пока ты не скажешь что-нибудь убедительное.

— Не говори так! Я буду ласкать твою грудь, когда ты захочешь.

— О, правда? Ну, с таким условием я готова уступить... Ещё чего! Мне и даром не сдалось, чтобы брат ласкал мою грудь!

Она возмутилась не на шутку.

Какая вспыльчивая у меня сестра!

Мне, как её брату, стало стыдно за неё.

— Ну же, пораскинь мозгами, Карэн-чан. Твой брат будет ласкать твою грудь, когда ты захочешь, или же наоборот, когда тебе не хочется... Так что из этого лучше?

— Хм? А! Тогда я предпочла бы, чтобы ты ласкал её, когда мне захочется! Выбор стал очевиден, как только ты провёл сравнение! Сразу видно — мой братец! Ты такой умный!

— ...

Сразу видно — Карэн-чан. Ты такая глупая!

Я по-братски волнуюсь за неё.

— Ладно, поняла. Не в моём принципе набирать учеников, но для тебя, братец, я сделаю исключение. Хм? Моего старшего брата в мои же ученики? Как-то не понятно даже, старший ты мне брат или младший¹⁴!

— Старший, конечно! И необязательно брать меня в свои ученики... Так что бы ты, например, сделала? Если бы захотела нанести удар человеку, который очевидно сильнее тебя?

— Это невозможно! — жизнерадостно ответила она.

Тогда с чего ты радуешься?

— Нет, серьёзно говорю. Ты, конечно, спрашиваешь моего мнения на этот счёт, особо не вдаваясь в подробности, но условия тебе поставили нереальные. Даже сквозь защиту трудно прорваться, не то что нанести прямой удар.

— Да. Я же сказал, что у меня нет никаких шансов.

— Если у вас настолько большая разница в силе, тогда тебе и вовсе не надо драться. Путь воина гласит: ты должен избегать сражений с таким противником.

— ...

Из уст Карэн это прозвучало правдоподобно.

Но сколько раз она сама очертя голову бросалась на врага, победить которого не в силах? И каждый раз я в отчаянии пытаюсь остановить её. Это не просто какая-нибудь риторическая фигура или метафора, я правда впадаю в отчаяние, когда думаю, что она «непременно погибнет»¹⁵.

Говорят, что нужно учиться на чужих ошибках, но мне кажется, что люди требуют от других то, чего сами не в силах соблюдать.

— Итак, даже если ты каким-то образом попадёшь, дальше-то что? Предположим, что тебе повезёт попасть по противнику, который очевидно сильнее тебя, но что ты будешь делать, если он впадёт в ярость? Он же проведёт контратаку и просто изобьёт тебя!

— Хм... Твоя правда.

Например, если я всё-таки случайно смогу попасть по Кагэнуи-сан, она же всё равно не скажет мне «молодчина!» и по плечу не похлопает — не такой она человек. Куда вероятнее, что она со словами «Ты чего открылся-то?!» вырвет мне руку.

Я совсем немного знал Кагэнуи-сан... Но всё равно шестым чувством понимал, как опасно выпытывать у неё нужные мне подробности. И вообще нет никаких гарантий, что Кагэнуи-сан железно выполнит уговор, так что строить планы, как попасть по ней хотя бы один раз, это как-то, знаете...

Думаю, лучше поступить мудро: не отвечать на вызов Кагэнуи-сан (тем более что бой она предложила забавы ради), а вместо этого сложить ладони, поклониться и попросить её рассказать об Онооки-чан без всяких условий. Нет, на мудрость такой ход вообще не смахивает...

Хм.

— Карэн-чан, что бы ты сделала, окажись на моём месте? Вот представь: тебе нужно попасть один раз по противнику, которого очень хочется побить.

— По кому-то вроде тебя, братец?

— Нет-нет, я вообще из другого теста. Как бы ты поступила, если бы на твоём пути встретился вот такой противник, которого бы ты на дух не переносила?

— Сказала же: ничего! Максимум, что я могу — терпеливо выжидать. Чтобы победить такого человека, я начала бы закалять своё тело и дух.

— Закалять...

Тут уже, скорее, речь не о выжидании, а о выдержке...

Я не настолько хотел узнать о прошлом Ононоки-чан, чтобы взяться за изучение боевых искусств... Пойдите-ка, но я же изначально пришёл к Кагэнуи-сан, чтобы стать сильнее физически, укрепить своё тело, поэтому в целом всё логично...

— Если тебе удастся нанести хотя бы один удар, потасовка перерастёт в полноценную драку. Тогда ничего не останется, кроме как биться до победы. Правда, если речь идёт о нокауте, то это уже другой разговор. Но будь ты достаточно силён, чтобы вырубить кого-то с одного удара, тогда, наверное, и за дракой дело бы не стало.

— Ну, если так подумать, изучая боевые искусства, осваивают специальные приёмы, чтобы ты стал сильнее противника. Только приёмы созданы не для того, чтобы слабые люди побеждали сильных, а чтобы слабые становились сильнее сильных...

— Мой учитель говорит, что нельзя стать сильнее, пока ты считаешь боевые искусства всего лишь набором-другим приёмов, но от этого же никуда не деться. В конечном счёте духовность, обретаемую через познание боевого искусства, можно выразить словами «большая сила влечёт за собой большую ответственность». Поэтому я стою горой за справедливость!

— И что ты сделаешь, если встретишь человека, который ни в грош не ставит справедливость?

— Нет таких людей. Моя справедливость — водяной резак!

— Вода, значит...

А разве вы не Огненные Сёстры?

В последнее время они, похоже, работают отдельно друг от друга.

Страшно подумать, Карэн почти что старшеклассница!

И затем меня осенило.

Если я научусь основам каратэ у Карэн и затем пойду с этим на Кагэнуи-сан, то сильно рискну, потому что всё равно вряд ли получу ответы об истинной природе Ононоки-чан, а мне только нехило достанется. Но это уже к вопросу о разнице в силах — моей и Кагэнуи-сан... о неравенстве между нами.

Кстати, она ведь не уточняла, что попасть должен конкретно я... Да, нужно найти себе того, кто пойдёт драться от моего имени.

Сойдёт ли на эту роль, например, стоящий передо мной водяной резак?.. Цукихи ни в коем случае нельзя пересекаться с Кагэнуи-сан, но вот Карэн, кстати, уже как-то встречалась с ней.

И в итоге...

— Эй, Карэн-чан.

— Чего тебе, братец?

— Не хочешь подраться вместо меня?

— Нет.

Мгновенный ответ. Ни секунды раздумий.

— Я ни за что не смогу победить противника, по которому ты даже попасть не можешь, братец!

— ...

Твоя вера в родного брата настолько высока, что даже пугает.

— Вот что, братец: как я поняла, тебе нужно хотя бы раз попасть по кому-то, чтобы он ответил на твой вопрос... Что-то такое, да?

— Да, совершенно верно. Какая ты догадливая, Карэн-чан!

— А не похоже, что тебе просто мягко отказали?

— ...

— Наверняка же задал какой-нибудь неосторожный вопрос, да? Не поэтому ли тебя спровадили, чтобы не обострять ситуацию? Можно сказать, что тот человек уклонился от вопроса... В какой-то момент времени тебя стало волновать только то, как попасть в того человека, а не ответят ли тебе в итоге на вопрос, так же, братец?

— Что?..

Нет слов!

Я как будто язык проглотил... Шок был такой силы, что я понятия не имел, заговорю ли когда-нибудь вновь.

Интересно даже, будет ли сцена возвращения ко мне дара речи описана как волнительный кульминационный момент — настолько ощутимой оказалась потеря... И у шока моего было две причины.

Ну, обе они похожи друг на друга... но меня шокировало не только то, как от моего вопроса уклонились, нет, дело в другом.

Во-первых, мне было стыдно, что на это указала моя младшая сестра, Арараги Карэн, у которой, наверное, не только мозги, но и сама душа была слеплена из одних мускулов. Другими словами, я испытал шок от стыда... Во-вторых, меня шокировало, что не кто иная, как Кагэнуй-сан, повела себя словно какая-нибудь волшебница: мягко и хладнокровно отвела мой вопрос. То есть поступила неожиданно тактично.

Кто бы мог подумать, что Кагэнуй Ёдзуру, которая, по-моему мнению, являлась самой что ни на есть настоящей бурей; женщиной, способной решать свои проблемы только путём насилия, способна повести себя так... Та самая Кагэнуй-сан, ходячее стихийное бедствие, да такого масштаба, что не снился даже Шинобу (которую однажды я сравнил с тайфуном).

— ...

Что ж...

Вероятно, Карэн разгадала весь замысел Кагэнуй-сан только потому, что специалистка действовала последовательно и дальновидно...

— Ясно... Значит, Кагэнуй-сан повела себя по-взрослому...

Не так, как Ошино или Кайки.

Превратив мой неосторожный вопрос в игру, она всё уладила, чтобы не получилось неприятности... Нет.

Может быть, мой вопрос оказался настолько «назойливым», что ей пришлось пойти на хитрость и «вести себя по-взрослому» вместо того, чтобы всё и сразу решить насилием.

— Раз такое дело, как же мне тогда лучше всего поступить?

Я совсем упал духом, поскольку был неосмотрителен, да и вообще действовал, повинуюсь мимолётному порыву, поэтому мне ничего не оставалось, кроме как довериться Карэн.

Моя младшая сестра просто восхитительна!

— Да откуда я знаю? Сам думай!

— ...

Сестра, которой я восхищался, оказалась бессердечной.

— Но будь я на твоём месте... то постаралась бы сделать всё, чтобы не обидеть человека, решившего поступить со мной тактично. По меньшей мере, я бы не подала виду, что, посоветовавшись со своей умной младшей сестрой, догадалась, под каким предлогом меня вызвали на бой.

— Не знаю, где ты здесь увидела умную младшую сестру, но говоришь правильно. Было бы грубо с моей стороны на это указывать.

Такое поведение больше присуще Камбару.

Делать вид, что не замечаешь проявленную к себе непринуждённую заботу.

Нынешний я вполне могу так прикинуться... Стоп, а могу ли?

— Но если я притворюсь, что ничего не понял, тогда мне придётся выйти на бой против неё... То есть спровоцировать её на бессмысленную драку, в которой я по понятным причинам ни в коем случае не смогу выиграть, и где меня зверски избьют...

— Ничего не поделаешь. Дай себя избить!

— Что, сестрёнка, совсем не хочешь защитить своего брата?

— Я защищаю не своего брата, а его решимость!

— Защитила бы лучше моё решительное нежелание оказаться зверски избитым.

Но оставим в покое мою решимость, потому что сперва нужно скрыть свои намерения, следуя ходу мыслей Кагэнуи-сан... и раз Кагэнуи-сан проявила ко мне такую непринуждённую заботу, я должен найти своего рода оправдание к моменту нашей встречи лицом к лицу.

Крайне опрометчиво выходить на бой против неё, заранее не подготовившись... Она может заподозрить, что я проигрываю нарочно... Но Кагэнуи-сан не из тех, кто поддастся моей уловке, если я сразу же сдамся и скажу, что отказываюсь драться.

А даже если поддастся, я только ещё сильнее упаду в её глазах.

— ...

Да что за непонятная ситуация...

Вместо того, чтобы попытаться одержать победу над Кагэнуи-сан... нужно придумать такой способ, который даст мне шанс одновременно попасть по ней и проиграть достойно.

Всё равно, что нарочно неправильно отвечать на вопросы, чтобы ради забавы понизить средний балл у всего класса... Если это плата за то, что я действовал импульсивно, то она слишком высока.

— Да уж, загнал я себя в тупик...

— Дошёл до предела¹⁶? Ого, братец, когда это ты успел освоить боевые искусства?

Карэн сказала что-то донельзя глупое.

Неужели на мою бесчувственность указал кто-то настолько глупый...

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Как же мне удалось исправить своё безобразное поведение и создать ложный шанс на победу?

Ну, не сказать, что моя идея была великолепной.

Мои действия и образ мышления не так уж сильно меняются от случая к случаю, поэтому я, в общем, решил воспользоваться теми же средствами, что и в прошлые летние каникулы.

Если кто-то не знает, я тогда позволил Ошино Шинобу, этой легендарной вампирше, попить моей крови, чтобы выстоять против Кагэнуи-сан... Так Шинобу увеличила не только свою вампирскую силу, но наши силы в целом, и после этого я принял бой.

Ну...

На удивление, как бы я ни увеличивал силу вампира, всё равно не сумел даже задеть Кагэнуи-сан, эту женщину, специализирующуюся на бессмертных странностях... Но это был самый лучший способ.

Самый лучший и одновременно самый худший.

Если бы меня ничто не ограничивало, я бы просто-напросто попросил Шинобу выпить ещё больше крови, чем в прошлый раз. Ничего не скажешь, этот метод хорош и сразу приходит на ум: стану сильнее, брошу вызов Кагэнуи-сан, воспользуюсь «доступным шансом на победу» и выиграю в её игре... Но только не на этот раз.

Мне нельзя становиться вампиром больше, чем я есть сейчас, и Кагэнуи-сан знает об этом. Поэтому, если притворюсь, что Шинобу выпила мою кровь, и вызову на бой специалистку, со мной расправятся с особой жестокостью.

Или вообще ликвидируют, что очень даже вероятно при таком раскладе. Всё-таки Кагэнуи-сан специализируется на бессмертных странностях.

То, что она оставила меня в покое на летних каникулах, иначе как чудом не назвать... Особенно потому, что Кагэнуи-сан не из тех людей, кого можно пронять слезами.

Потому что она профессионалка.

Так что я не буду превращаться в вампира, чтобы проиграть... но идея позаимствовать силу Шинобу осталась актуальной.

Я позаимствую её способность материализовывать предметы.

Вампирская способность Шинобу позволяла ей из теней и тьмы создавать всё, что она только себе представит, и ровно так, как ей захочется, полностью игнорируя законы сохранения энергии и массы... И на этот раз я попросил создать мне пистолет.

Револьвер.

Оружие.

Иеху!

Какой бы сильной ни была Кагэнуи-сан, пистолет обеспечит мне победу!

Но это ещё не факт.

Нет, такую даже из противотанкового гранатомёта не уложить, что уж тогда говорить о каком-то пистолете... Вампир может умереть, если его застрелят серебряной пулей, но я сомневаюсь, что Кагэнуи-сан умрёт от какого-либо патрона, да и вообще, скорее всего, пуля пролетит мимо.

В общем, я решил взять с собой пистолет, чтобы обыграть её слова... Кагэнуи-сан ведь сказала «одно попадание».

«Если попадёшь по мне хотя бы один раз».

В таком случае под условие подходит и кулак, и пистолет!

Вот, ещё одна моя дурацкая и скоропалительная идея... И что важнее всего, она обречена на стопроцентный провал.

Моя провальная идея выглядела очень убедительно, ведь когда я нажму на спусковой крючок, пуля даже не заденет Кагэнуи-сан.

Глупый старшеклассник и его глупая сестра приняли вызов и проиграли... Вот вам и конец истории. Мгновенный ответ на её непринуждённую заботу... Ну, с точки зрения урегулирования ситуации, к которой привела моя неосторожность, такому ответу можно поставить удовлетворительную оценку.

На следующий день я с пистолетом в руках (Шинобу создала его по своему вкусу и представлению, поэтому оружие вышло крайне странным и напоминало какой-то автоматический револьвер) отправился в Храм Северной Белой Змеи.

Сам понимаю, пистолет не для безрассудных людей, но сейчас на об этом. Что же связывает Кагэнуи Ёдзурю и Ононоки Ёцуги?

Мой интерес никуда не делся, но... Ладно, сначала лучше разобраться с делами насущными, а потом уже спрашивать.

Но интуиция, которая, к слову, частенько обманывает меня, подсказывала, что такой образ жизни Кагэнуи-сан и её неспособность ходить по земле напрямую связаны с существованием Ононоки-чан.

Мне пришлось многим пожертвовать, чтобы жить вместе с Шинобу. Скорее всего, у этой парочки точно так же, но я до конца не уверен.

Если бы она рассказала хотя бы об этом, я бы слегка успокоился и взялся за экзамены...

В общем, я пришёл в Храм Северной Белой Змеи, и похоже, моя интуиция решила подвести меня ещё раз... Нет, речь не об отношениях Кагэнуи-сан и Ононоки-чан.

— А?..

Покинутый богом храм.

Пустой храм с восстановленными постройками, где абсолютно ничего нет... Идеальное пристанище для скитальцев.

Самая сильная женщина из всех известных мне... Кагэнуи Ёдзуру, специалистка, никогда не знавшая поражений, исчезла.

Пропала, не оставив никаких следов.

— Хм...

Исчезнуть и не попрощаться... Исчезнуть и оставить Ононоки-чан... Да не может быть такого!

— Что?!

Продолжение следует.

Примечания

1. Вид салочек, в котором ведущий не может осалить другого, когда тот находится выше него.
2. Традиционная японская игра, в начале которой ставится ровная башенка из, например, шести частей (головы Дарумы и пяти разноцветных блоков). Цель игры — специальным молоточком выбить все блоки из-под головы, чтобы она не опрокинулась.
3. Традиционный японский светильник, сделанный из камня, дерева или металла. Используется в частности возле синтоистских святилищ и храмов.
4. Середина *сандо* (храмовая дорога) называется *сэйтю*. Считается, что по *сэйтю* ходят *ками*, поэтому прихожане должны идти по краям дороги и не ступать на середину.
5. В предыдущей реплике Коёми употребляет слово «чувствовать» (яп. 感じる *кандзиру*), а в этой добавляет «ощущать всю остроту чего-л.» (яп. 痛感する *цу:кан суру*). Во втором слове тоже есть иероглиф «чувство», только к нему ещё добавляется «боль».
6. Здесь *ронин* в переносном смысле и означает выпускника школы, не поступившего в университет и ожидающего следующей попытки.

7. Коёми называет Шинобу и Ёцуги маленькими девочками, но по отношению к первой использует слово «ё:дзё», которым обозначают девочек в возрасте от одного года до зачисления в начальную школу, а ко второй — «до:дзё», под которое подходит в том числе и «ё:дзё», но верхняя граница у него будет повыше и доходит до восемнадцати лет.
8. «Кираку» имеет два значения: «беззаботный, беспечный» и «приятный».
9. Выражением «*ито но кирэта тако*» описывают слетевшего с катушек человека.
10. Это выражение звучит точно так же, «*ито но кирэта тако*», но здесь «*ито*» уже не нить, а намерения. Говоря о точках соприкосновения с Ёдзуру, Коёми отрицает, что он такой же непредсказуемый и потенциально опасный, как она, вместо этого называя себя человеком, у которого нет никаких стремлений, по сути антиподом Ёдзуру.
11. В «избить», а если буквально, то «нанести вред телу» (*никутай о гайсуру*), есть тот же глагол, что и в «обидеться» (*кибун о гайсуру*), которое буквально означает «испортить настроение».
12. «Рабыня» (*дорэй*) и «до, ре, ми». Ёдзуру сначала не договорила «рабыня», остановившись на «дорэ».
13. След исчезнувшего изображения, фиксирующийся на сетчатке глаза.
14. В слове «ученик, последователь» (яп. 弟子 *дэси*) иероглиф «弟» означает «младший брат».
15. В слове «отчаяние» (яп. 必死 *хисси*), которое также имеет значение «неизбежная смерть», те же самые иероглифы, что и в «непременно погибнет» (яп. 必ず死ぬ *канарадзу синю*).
16. «Загнал себя в тупик» и «дошёл до предела (физических возможностей)» звучат одинаково — «*синтай киваматта*».

Смерть Коёми

S U N	M O N	T U E	W E D	T H U	F R I	S A T
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

Не знаю, как выглядит путь в глазах Гаэн Идзуко... К слову, я о ней вообще ничего не знаю. Об этой женщине, твердящей день за днём с величественным видом, что она знает всё. Мне только известно, что она приходится «сэмпаям» Ошино Меме, Кайки Дэйсю и Кагэнуи

Ёдзуру, а также «тётей» Камбару Суруге, и больше ничего. Если такую осведомлённость можно назвать «знанием», получается, будто я знаю почти обо всех людях в мире.

Правда, в современном обществе достаточно узнать прозвища и номера мобильных, чтобы объявить друг друга друзьями. Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, получается, что я знаком с Гаэн Идзуко. А она, если уж на то пошло, вообще называет меня своим «другом».

Которого не слишком-то знает.

Стоп, или же знает?

Всё-таки если она знает всё... тогда и обо мне тоже.

Как бы то ни было, в этом нет ничего странного.

Я несколько не удивлён, что она знает обо мне, пусть эта информация и занимает всего лишь одну миллионную процента от всех её знаний... Просто в таком случае получается, что она улавливает суть, каков я есть на самом деле, а это меня совсем не радует.

Её понимание вещей больше напоминает тотальный контроль ¹, что разительно отличается от понимания той же Ханекавы Цубасы... Ведь Ханекава «знает только то, что знает», а Гаэн Идзуко «знает всё».

Будет понятнее, если в качестве примера я приведу игру в сёги.

Мой уровень понимания вещей ограничен знанием, как движется каждая фигура на поле, когда Ханекава знает, как ходить своими фигурами, чтобы образовать «единую армию»... Короче говоря, она умеет оперировать информацией.

Собирать разрозненные данные в единое целое.

Так думает человек с высокоразвитым интеллектом.

Можно сказать, в этом заключается основная разница между людьми с широким кругозором и теми, у кого высокий интеллект. Но что касается Гаэн Идзуко, то она прекрасно знала, как будет ходить не только своими фигурами, но и то, какие ходы будут у противника. Нет, она даже не рассматривала другую сторону в качестве противника, а просто воспринимала все фигуры на поле как свои, представляя их личной «единой армией»... «единым стадом»².

Это и есть тотальный контроль.

Она держит всё в своих руках.

Беспрекословное повиновение.

В каком-то смысле Гаэн Идзуко можно сравнить со спортсменом-универсалом, которому неважно, почётное ли место занимать или низшее, первым ли начинать ход или отдать инициативу другому... Однако рассматривать её как «одну из таких» не просто нехорошо, а

возмутительно. И пускай она называет меня «другом», я для неё не более, чем фигурка сёги с выгравированным на её лицевой стороне словом «друг».

У друзей есть свои способы применения.

У друзей есть своё назначение.

Ну, вот и всё.

Всё, больше здесь не о чём говорить.

Впрочем, я понятия не имею, как именно должна ходить фигурка с надписью «друг»...

002

— Способ разрешить проблему заключается в том, что ты должен умереть.

— А?

— Пожертвовав ладьёй, я смогу напасть на короля. Хотя на деле всё немного не так.

— А? А?

— Не волнуйся, больно будет лишь мгновение, — сказала Гаэн-сан и взмахнула мечом.

Я вспомнил, что видел его раньше.

Нет, не просто где-то видел... Это неверно. И не то чтобы прежде видел именно этот клинок. Просто он походил на другой знакомый мне меч.

Походил?

Так говорить тоже неправильно.

Он, скорее, не походил, а выглядел как подлинник хорошо знакомого мне меча... Но тот меч, который я когда-то видел и о котором знал (и мне как-то доводилось пользоваться им, а ещё однажды этим клинком рубанули по мне), являлся копией.

Но сейчас...

Меч, которым она размахивала, был... подлинным.

Меч... называемый Убийцей Странностей.

Убийца Странностей.

Подлинный Убийца Странностей... уничтоженный давным-давно. Вроде бы.

Этим мечом.

Подлинным мечом... меня и разрубили.

Мои пальцы, запястья, локти, руки, плечи, лодыжки, голени, колени, бёдра, поясница, торс, живот, грудь, ключицы, шея, гортань, челюсть, нос, глаза, мозг, темя... разрублены.

Она нарезала меня кружочками.

В одно мгновение.

Я хотел было кричать... но рот, горло и лёгкие были нарублены кольцами наподобие тех, какими играют в кольцеброс.

Гаэн-сан не солгала, когда сказала про мгновение, но без крупной лжи тоже не обошлось... С её скоростью...

С той скоростью, с какой она орудовала мечом...

Я совсем не почувствовал боли.

003

Вернёмся к предыдущим событиям.

Отмотаем время назад и поднимемся³ на гору.

Рано утром тринадцатого марта (в день, когда принимали экзамен в выбранном мной университете) я поднимался по лестнице, ведущей на вершину горы, где находится Храм Северной Белой Змеи. За последний месяц такие подъёмы вошли у меня в привычку.

Привычка.

Когда день за днём повторяешь одно и то же действие, оно входит в череду повседневных дел.

Ну, ежедневное восхождение на гору или бег по пересечённой местности, конечно, хорошо сказывались на моём здоровье... Не исключено, что я всего-навсего оказался добросовестным парнем, способным ни о чём не думая покорно следовать привычному распорядку дел даже в день экзамена. Даже в день события, которое так или иначе повлияет на моё будущее.

Добросовестность не обязательно добродетель, и восхождение на гору в моём случае означает, что я просто трачу время, ведь никакого смысла в моих действиях нет...

Тогда мою привычку стоит назвать дурной. Или даже пороком.

По правде говоря, Ханекава Цубаса (а её добросовестность подлинная, в отличие от моей) сказала мне, что искать Кагэнуй-сан в Храме бессмысленно. И добавила, что, если я собираюсь продолжать поиски, лучше их вести в каком-нибудь другом месте... Онооки-чан, в свою очередь, вообще не беспокоилась о пропаже хозяйки. Но я не хотел сдаваться, и поэтому ежедневно приходил на молитву⁴ в Храм Северной Белой Змеи.

Хотя бог давно покинул эти места.

Как и девочка из средней школы, конечно.

И... специалистка.

— Ну, вампирам свойственно непомерное упрямство⁵.

Они всё-таки бессмертные.

Правда, в моём случае речь не идёт о бессмертии, ведь я всего лишь не отражаюсь в зеркалах. Бесполезная способность, которая доставляет одни неприятности.

Ладно, так или иначе...

Кагэнуй Ёдзуру исчезла из Храма Северной Белой Змеи. Исчезла не попрощавшись, и с тех пор прошёл почти месяц.

Месяц без происшествий.

Месяц без каких бы то ни было событий.

С учётом сложившейся ситуации резонно предположить, что Кагэнуй-сан с её привычкой вести бродячий образ жизни уладила все свои дела и покинула город. Прямо как Ошино...

Ничего подобного!

Не может такого быть!

Потому что, в отличие от Ошино, она ничего не сделала... Ну, не исключено, что только с моей точки зрения она ничем не занималась, а на самом деле могла за одну ночь⁶ победить какое-нибудь огромное зло... Хорошо, допустим, так и было...

Но я не верю, чтобы Кагэнуй-сан... Чтобы оммёдзи Кагэнуй Ёдзуру...

Ушла, оставив здесь свою сикигами, Онооки Ёцуги.

— Ну, знаешь, такое и раньше бывало. Сестра довольно легкомысленна в этом плане. Однажды она оставила меня на дне лощины в каком-то богом забытом месте и ушла.

Нет...

Пускай Ононоки-чан сама так сказала... Но что же должно было приключиться с Кагэнуи-сан, чтобы она забыла свою любимую домашнюю куклу на дне лощины? Слишком загадочно...

— Тем не менее оставить меня на дне лощины или дома у братца-демона — совершенно разные вещи...

Как-то не ожидал услышать, что мой дом опаснее лощины. Но эти размышления заставили Ононоки-чан засомневаться...

Хотя она всё равно не слишком-то волновалась.

Ну конечно... И неудивительно! Ведь ни Ононоки-чан, ни я сам не настолько сильны, чтобы беспокоиться о Кагэнуи-сан.

Она же жуткая персона, в некотором смысле намного страшнее Ошино и Кайки... И, пожалуй, единственная на всём белом свете, кто может решать проблемы грубой силой.

Ну и зачем кому-то вроде меня беспокоиться о таком человеке? К чему волноваться? Может, у неё случился очередной заскок, или она ушла из храма, чтобы всего-навсего сорвать нашу встречу.

И до сих пор не вернулась...

Прошёл месяц, а я день за днём успокаивал себя одними и теми же доводами, пусть они и противоречили здравому смыслу. Продолжал упрямяться и бездостоинно посещать храм. Как будто собрался совершить стократный подъём⁷.

— Бездостоинно... Такого слова, кстати, не существует...

Плохи мои дела!

Сегодня экзамен, а я почти растерял всякую уверенность в себе... Ну, так или иначе, Сендзёгахара (а её уже зачислили по рекомендации) решила проводить меня до университета в день икс, поэтому мне нужно было спуститься с горы до назначенного часа встречи.

Она твёрдо решила проводить меня до университета, а это о многом говорит. Например, о том, что мне серьёзно не доверяют. На мои подозрения Сендзёгахара ответила вот что:

— Смотри: как бегущая собака может врезаться в столб, так и ты, Арараги-кун, просто шагая по дороге, можешь наткнуться на странность.

Как ни крути, а мудрые слова.

Моя девушка замечала всё, что необходимо держать в поле зрения. Учитывала все моменты, которые просто нельзя не учесть.

— С такими результатами ты почти поступил, Арараги-кун, так что студенческая жизнь не за горами. Если, конечно, сможешь и дальше избегать неприятностей, которые помешают сдать экзамен, — сказала Сендзёгахара.

Не знаю, можно ли верить её словам. Моя жизнь складывается так, что стоит волноваться не о сдаче экзамена, а о том, доберусь я до него или нет.

Ну...

Взять хотя бы то, что в день проведения экзамена я полез на гору...

— А после всех экзаменов состоится выпускная церемония. Интересно, как всё пройдёт? — бормотал я себе под нос, шагая по лестнице, ведущей к храму. Кстати сказать, я вполне привык изо дня в день подниматься на гору, и ноги больше не казались свинцовыми после таких длительных походов.

Вообще, мои беседы с самим собой таковыми не назвать, поскольку в моей тени вечно прячется Шинобу. Но в этот раз она ничего не ответила. Может, отправилась спать пораньше... Ну, раз она меня не слышит, тогда да, я говорил сам с собой.

И что же будет дальше?

У нашего сосуществования нет будущего. Если уж на то пошло, то в этот месяц я испытал самое настоящее отчаяние, поскольку не знал, смогу ли вести нормальную студенческую жизнь после поступления.

Получится ли у меня учиться, как подобает нормальной молодёжи, когда со мной ежечасно соседствует странность, когда я сам превращаюсь в странность?.. Эх.

Я, в общем-то, и не ожидал, будто Кагэнуи-сан мне поможет в этом вопросе, но когда она исчезла, то вдруг почувствовал себя беспомощным и одиноким. Эта женщина стала мне настоящей опорой с тех самых пор, как я понял, что превращаюсь в странность, и я чувствовал её поддержку всякий раз, когда приходил к ней за советом.

И вот этой опоры не стало.

Может быть, я изо дня в день посещал храм не потому, что волновался о Кагэнуи-сан и разыскивал её... а просто притворялся, жалея себя бедного.

Не сказать, что Кагэнуи-сан как-то конкретно помогла мне. Просто её самоуверенность и нахальство странно успокаивали... Ведь она была самой настоящей защитницей справедливости.

Моя сестра Карэн разделяла те же принципы... и не только в плане защиты справедливости.

Кагэнуи-сан умудрялась вести спокойную жизнь даже под проклятием, из-за которого не могла ходить по земле. То есть она была для меня своего рода образцом поведения, хотя её «спокойствие» выглядело как агрессия и, естественно, пугало меня.

— Но... Во-первых, трудно представить, будто что-то или кто-то может угрожать Кагэнуи-сан. А если ей правда угрожали, то ради чего? Это как-то связано с цепочкой событий, происходящих в последнее время?..

...

«Цепочка происходящих событий»... Не знаю, правильно ли здесь употреблять настоящее время. Может, не «происходящих», а «произошедших», в прошедшем времени.

Как ни крути, но после исчезновения Кагэнуи-сан в нашем городе не было никаких происшествий. Ничего странного. Абсолютно.

Целый месяц без событий. И я говорю самую настоящую правду.

Не было ни странностей.

Ни «тьмы».

Ни городских легенд.

Ни уличных сплетен.

Ни пустых толков.

Ни, само собой разумеется, школьных историй о призраках... Ничего.

Не было даже никаких странных, загадочных и удивительных историй, какие мог бы, например, пособировать Ошино, будь он здесь... Ничего такого.

Как будто всё закончилось.

Выглядит так, будто настал конец.

— Надо сказать, что исчезновение Кагэнуи-сан так и осталось загадкой...

И затем...

Поднявшись по лестнице и готовясь войти через тории в Храм Северной Белой Змеи, я увидел её.

Во дворе храма.

Прямо посередине храмовой дороги, там, где ходят боги, стояла женщина, которую, видимо, такие мелочи не особо тревожили.

В мешковатой одежде.

С кепкой на голове, чей козырёк нависал над глазами... По её виду так сразу и не скажешь, сколько ей лет и что она за человек.

— Гаэн-сан.

Месяц без происшествий...

Поход в храм, ежедневный и обыденный...

Видимо, мой стократный подъём оказался не таким уж напрасным, как мне казалось изначально.

Что-то должно было случиться...

Что-то решающее... Нет!

Может статься, что-то, наверное, подходит к концу.

004

— Эй, Коёмин... Утречка, — поздоровалась Гаэн-сан.

Поздоровалась Гаэн Идзуко.

Ничего особенного, обычное приветствие. Думаю, она со всеми так здоровается, где бы ни была. На улице в городе или в храме на вершине горы.

Вряд ли для неё существует какое-нибудь особенное место или ситуация. Во всём мире, наверное, не найдётся ничего, что она могла бы посчитать особенным.

Потому что она знала всё... И всё на свете видела одинаковым, обыкновенным.

— Давненько не виделись. Сколько воды утекло? Хм-м, последний раз мы встречались в сентябре, да? Хо-хо, но я всё равно наслышана о тебе...

— Доброе утро, — я быстро поклонился.

Ну, между нами много чего произошло, но по сути она была мне благодетельницей, в этом сомнений нет. Я ей благодарен, как и Ошино, а она, между прочим, приходилась ему сэмпам.

Нет!

Я не просто благодарен ей, а сильно задолжал, даже больше, чем когда-то Ошино, ведь не так давно поступил с Гаэн-сан не по справедливости, если не предал... Не сказать, что я чувствую вину, но не могу отрицать, что в её присутствии всё равно испытываю неловкость.

Поэтому сейчас, когда мы так неожиданно пересеклись, я не мог смотреть ей в лицо.

Но Гаэн-сан, напротив, не выказывала мне никакой неприязни и улыбалась точно так же, как и в прошлую нашу встречу... Вообще, она способна с этой же улыбкой на лице использовать

людей, бросать их на произвол судьбы и без жалости пускать в расход, так что я не особо доверял её приветливому виду.

Сэнгоку и Хачикудзи... Если учитывать то, что случилось с Сэнгоку Надеко и Хачикудзи Маёи, тогда у меня есть все основания злиться на Гаэн-сан... Но я понимал, что сам по себе мой гнев направлен не на ту персону.

Сам по себе.

— Какой кошмар творится, да?... С твоим телом, Коёмин.

— Нет... Всё не настолько серьёзно.

— Хо-хо. Да, пожалуй. Ну, если учесть, что ты смог найти выход из всех критических ситуаций и дожить до этого момента, за твоё физическое состояние... За состояние твоего здоровья опасаться нечего. На самом деле кошмар у нас произошёл с... — Гаэн-сан обернулась.

За её спиной красовалось новёхонькое святилище... Недавно отстроенное.

Пустое строение, в котором не было синтай.

В каком-то смысле оно не сильно отличалось от деревянного навеса, который я сколотил как-то на занятиях... Но если я так скажу, построивший святилище плотник на меня разозлится.

— ...Ёдзуру.

— ...

— Кагэнуи Ёдзуру, моя любимая кохай. Подумать только, она стала чьей-то целью... Да уж, неожиданно! Даже для меня.

— Для вас ведь нет ничего неожиданного.

«Стала чьей-то целью».

Не могу сказать, что я никак не отреагировал на резкие слова Гаэн-сан... Куда больше меня поразило это её «неожиданно».

Нет, не удивило.

Я просто подумал, что она врёт.

— Уж не вы ли в курсе всех событий?

— Так-так, откуда столько яда? Да ещё и говоришь подруге, с которой сто лет не виделся, а, Коёмин? Нет на свете человека, способного знать всё обо всём. Я говорю это ради красного словца. Говорю просто так, что-то вроде блефа на пустом месте.

— ...

Я не мог понять её истинных намерений.

И так же почти не понимал Ошино. Кайки и Кагэнуи-сан из того же теста: так просто не понять, что у них на уме. Вот только Гаэн-сан была на голову выше всех этих людей. Всё-таки неспроста она приходилась им «сэмпаем».

Нет...

Всё же что-то здесь не так.

Я не мог понять намерения Ошино и двух других специалистов, но это чувство бессилия было другого рода и отличалось от тщетных попыток открыть замыслы Гаэн-сан... Ситуации совершенно разные.

Мне трудновато выразить свои мысли словами, но знаю одно: у Ошино Меме, Кайки Дэйсю и Кагэнуи Ёдзуру (у так называемого молодого поколения) есть общие черты.

Непонятно...

О чём они думают...

Потому что... я не мог узнать, что у них на уме.

Однако в случае с Гаэн-сан не то чтобы мне непонятно, чем заняты её мысли... Мне просто не хочется понимать её истинные намерения.

Поэтому... я не мог узнать, что у неё на уме.

Я просто не делал этого.

Не хотел понимать... Однако в эти слова я не вкладываю смысл, будто не хочу знать, какими отвратительными помыслами забита её голова (и забита ли?).

Будь так, я бы ещё меньше хотел знать, что творится в разуме Кайки... Просто мысли Гаэн-сан настолько сложные и загадочные, что рискнул я их узнать, мой мозг тут же бы взорвался.

Поэтому...

Я не хотел понимать истинные намерения Гаэн Идзуко. Во имя, так сказать, самозащиты. В том же духе никто не станет подставляться под удар боксёра-тяжеловеса, когда в этом нет нужды.

Но... Сейчас, возможно, стоит поставить себя под удар.

Если она появилась вот так...

Если она сама пришла повидаться со мной... Гаэн-сан не пошла бы на встречу без надобности.

Похоже, она знала, что несмотря на экзамен я приду в храм. Словно у неё был где-то записан мой маршрут, и она засела в засаду... Скажи Гаэн-сан своё извечное «я знаю всё» вместо «есть кое-что, чего я не знаю», мне стало бы значительно легче воспринимать её слова.

Но мне, как бы сказать... наоборот, стало страшно.

Если в нашем городе возникла ситуация, которую даже Гаэн-сан не способна контролировать... Лучше бы это была шутка или обман... А то я уж было подумал, что она просто скромничает.

Нет, я хотел, чтобы Гаэн-сан внушила мне эту мысль.

— Не стоит корчить такую гримасу. Нельзя так смотреть на друзей, Коёмин. Я сказала «неожиданно» в том смысле, как если бы при броске игральной кости, на пяти гранях которой стоит «один», выпала бы единственная с «шесть». Я прекрасно понимала, что существует вероятность выпадения «шесть»... Но вероятность эта была крайне низкой и вряд ли могла произойти, насколько мне известно.

— ...

— Я просто не думала, что найдётся некто, способный выступить против Кагэнуи Ёдзуру, ведь она само воплощение насилия. Поэтому и отправила её расправиться с аномальной проблемой твоего тела.

— Некто, способный выступить... Вы это так сказали, что прямо интересно стало послушать.

Но на мои осторожные и робкие сомнения Гаэн сан хмыкнула:

— Хм? — и наклонила голову. Как будто нарочно. — Что ты хочешь этим сказать, Коёмин?

— А, нет... Я очень благодарен вам за то, что вы послали Кагэнуи-сан.

Точно!

Стоило поблагодарить Гаэн-сан сразу, как только мы встретились! Хотя вполне возможно, что с учётом исчезновения её подчинённой нужно не благодарить, а принести свои извинения.

Кохай Гаэн-сан пропала, и если это случилось из-за меня, то я просто обязан извиниться. Как ни крути, а Кагэнуи-сан не оказалась бы опять в нашем городе, если бы не я со своими проблемами.

Но перед тем, как извиниться и поблагодарить...

Я решил расспросить обо всём Гаэн-сан.

— Ха-ха-ха, перестань, Коёмин! Есть одна точная, но жёсткая пословица: дружеские отношения тоже требуют сохранять приличия. Но формальности не для нас, приличия соблюдать вовсе не обязательно. Так что ты хотел сказать?

Гаэн-сан не стала уходить от темы (хотя и звучало так, будто она попыталась перевести беседу в другое русло) и повторила свой вопрос. Такое ощущение, что она не пытается искусно вести разговор, а всего лишь слегка поддерживает процесс коммуникации.

— Некто, способный выступить... У меня, как бы сказать, сложилось другое впечатление о Кагэнуи-сан. Да и почему бы при таком раскладе просто не сказать что-то вроде «некто, способный убить Кагэнуи-сан»?

— Ясно. Дело, пожалуй, в моей непоколебимой вере в силу Кагэнуи... Что ж, ты ведь уже как-то раз дрался с ней, поэтому у тебя всё-таки есть право ставить под сомнение мои слова. Да-да, на летних каникулах ты наудалую бросил вызов Кагэнуи. Получается, некто, способный выступить против неё, существовал и раньше.

— ...

— Что, я ничего не забыла. Просто моей веры в силу Кагэнуи побольше твоей будет. Естественно, что на любую силу найдётся другая сила... Вернее, у силы нет предела. Даже если вероятность мала... Да?

Гаэн-сан поманила меня рукой.

Поманила?

Сначала я удивился, почему она зовёт меня, но потом понял, что ей, наверное, тяжело разговаривать, пока нас разделяют тории.

Я собрался с духом и прошёл под ними.

Смысл слов Гаэн-сан зависит от интерпретации. Либо существовал некто физически сильнее Кагэнуи-сан, либо некто, способный лишить оммёджи всех её сил. Ну, о чём бы конкретно ни говорила Гаэн-сан...

— Вы хотите сказать, что не можете поверить, будто некто рискнул и вышел против Кагэнуи-сан?

Вот оно!

Вот какое сомнение меня терзало!

Это что за причина должна быть такая, чтобы пытаться противостоять Кагэнуи-сан? Зачем выступать против насилия во плоти?.. Когда-то я вызвал её на бой только потому, что на кону была жизнь моей младшей сестры.

«Малая вероятность», о которой и говорила Гаэн-сан, по сути означает, что людей с мотивами как у меня практически не существует. Однако в моём случае сыграло простое

неблагоразумие, и если бы я заранее знал, какой силой обладает Кагэнуи-сан, то выбрал бы, наверное, другую стратегию. Нет, при иных обстоятельствах... Я бы никогда не осмелился выйти против Кагэнуи-сан, как ни крути. Если бы не Шинобу, я бы просто не смог.

Полагаясь на силу Шинобу, я с каждым днём терял человечность. Вот моя расплата... Хотя речь не о человечности души, а о человечности тела.

...

Так и есть! Не стоит гадать, что за мотивы у того, кто вышел против Кагэнуи-сан. Ведь некто, возможно, пошёл на большие жертвы ради своей затеи.

Некто...

Кагэнуи-сан была воплощённым насилием, и я воспринимал этот факт как нечто само собой разумеющееся... По сути, «воплощённое насилие» — фигура речи, не больше, но предположение Гаэн, что некто всё-таки выступил против Кагэнуи-сан, звучит в контексте совершенно бессмысленно. С другой стороны, раз Гаэн-сан сказала именно так, то дело отнюдь не в драке.

Самое главное, что нужно понять из всего сказанного главой специалистов, так это то, что Кагэнуи-сан не покидала храм (её временный штаб) по своей воле... Значит эта версия не выдерживает никакой критики.

Некто... Обычно так говорят о человеке, но Гаэн-сан могла намекнуть на странность... Или на кого-то гораздо страшнее.

Так кого же на самом деле... имела в виду Гаэн-сан, говоря «некто»?

— Ну, такой вот специалисткой она была. Жила и сражалась как умела. Легко вызывала у людей злобу, это правда. Однако она никогда не называла себя защитницей справедливости ради забавы или тщеславия. И хотя люди питали к ней злобу, думаю, это было вполне оправданно.

— ...

Неприятно слышать рассуждения Гаэн-сан, особенно потому, что у меня как раз есть две сестры — защитницы справедливости, причём забавы и тщеславия ради.

— Короче говоря, вы считаете, что виновата не сама Кагэнуи-сан?

— Дело не в том, что я думаю на этот счёт, а в том, какова правда, Коёмин... Кстати, а как там Ёцуги?

— А?

Я удивился, что глава специалистов так резко сменила тему, но раз сменила её именно Гаэн-сан, значит, в этом действительно есть какая-то необходимость.

Понимая, что следовать её замыслу опасно, я все равно не осознавал, чего она добивается, какие у неё истинные намерения, поэтому и ответил Гаэн-сан как есть. Кагэнуй-сан была опекуном №1 для Ононоки-чан. Но если учесть природу и историю происхождения этой куклы-сикигами, то Гаэн-сан приходится ей опекуном в более широком смысле, так что у этой женщины есть право знать, как обстоят дела у Ононоки-чан.

— Она... в порядке. Не знаю, как она на самом деле относится к произошедшему, потому что совсем не выражает эмоций. Ононоки-чан ведь лучше всех знает Кагэнуй-сан. Но её, кажется, факт исчезновения хозяйки совсем не волнует... в настоящий момент.

Я решил, что Гаэн-сан не нужно знать подробностей, например, как Ононоки-чан потребовала купить ей тонну мороженого, так что на этой ноте мой доклад был закончен.

Наверняка глава специалистов хотела узнать именно это и ничто больше.

— Ёцуги лучше всех знает Кагэнуй? Ха-ха... Ты и сам, похоже, ничего не знаешь, да, Коёмин?

— А?

— Ну, ничего плохого в этом нет, пока ты не притворяешься, будто знаешь Ёцуги, которая в свою очередь является странностью...

«Кстати, раз уж я знаю всё, то и о Ёцуги, естественно, тоже», — сказала Гаэн-сан... Никогда бы не подумал, что она любительница похвастаться, и вот на тебе! Причём Гаэн-сан не просто похвасталась, а ткнула меня носом в факт, что я ничего не знаю об Ононоки-чан.

А ведь мы месяц прожили под одной крышей! И за всё это время я узнал лишь то, что Ононоки-чан любит мороженое. Надо сказать, что эта информация мне вообще ни к чему.

— Впрочем, ты и сам потихоньку становишься странностью, так что не исключено, что однажды начнёшь её понимать... Однако две странности, достигнувшие взаимопонимания, — что-то из области фантастики.

— Ха... Ну, Ононоки-чан и Шинобу совсем не ладят друг с другом.

Из-за этого в моей комнате уже долгое время царит напряжённая атмосфера. В самом начале они постоянно ссорились, но сейчас у них этап холодной войны, поскольку Ононоки-чан активна только в дневное время, а Шинобу — в ночное. Иными словами, они умудряются избегать друг друга и просто не общаются.

Если честно, их война вызывала у меня дополнительный стресс, и подготовка к экзаменам в этот период... В общем, не могу сказать, что я умудрился сделать какой-то финальный рывок и сильно продвинуться, а ведь учёба подошла к финишу.

— Ёцуги уникальна даже среди странностей. В том смысле, что она сотворена самим человеком.

— Сотворена человеком...

— Она вела себя хладнокровно даже когда выступила против Тадацуру, не так ли? Мы уже проверяли этот момент как-то раз... Приказали ей сразиться с Кагэнуй.

Гаэн-сан с невероятной откровенностью рассказывала о совершенно немыслимых вещах.

— Я думала, что у неё, быть может, проявятся те же чувства, что и у людей. Тогда я даже не предполагала, что вероятность такого исхода будет настолько мала, ведь она без всяких сомнений напала на «сестру».

— ...

— Ну, что касается той драки, то победителем стала Кагэнуй. Она могла приказать своей подручной остановиться, но предпочла этого не делать, что очень на неё похоже... А, не волнуйся, Коёмин. Я вовсе не пытаюсь сказать, что за исчезновением Кагэнуй стоит Онооки Ёцуги, пусть и подняла эту тему так внезапно.

Гаэн-сан тут же развеяла сомнения, закравшиеся в мою голову. Такое чувство, что мне запрещалось принимать бесполезные решения, как в какой-нибудь цумэ-сёги⁸.

— Пока ей не прикажут, пока не заставят работать, она, похоже, не станет заходить так далеко.

— Ну... наверное.

Гаэн-сан не сказала, что она не станет этого делать, а что она, *похоже*, не станет этого делать, и тут я для себя понял, что индивидуальность Онооки-чан и её свобода воли не исчезли насовсем... Но вот случай с Тадацуру... Если вспомнить состояние и поведение Онооки-чан, когда она выступила против него, когда столкнулась с ним лицом к лицу... Получается, Гаэн-сан права, её слова звучат убедительно.

На лице Онооки-чан не было ни малейшей эмоции.

Никаких чувств... Ведь она их попросту не испытывала...

— Впрочем, по этой причине... и устранили Кагэнуй.

— Э... Устранили?

Я сам себя раздражаю, когда вот так реагирую на реплики Гаэн-сан. Хотелось бы однажды в разговоре с ней с глазу на глаз взять себя в руки и быть невозмутимым. Пусть я и представить не могу, какой у неё замысел.

Но моей персоне не хватает авторитета, чтобы поддерживать диалог с Гаэн-сан в таком ключе, я ведь не Ханекава... К слову, я вообще не могу представить беседу этих двоих.

— Что вы имеете в виду под «устранили»?

— Как я уже говорила, Коёмин, Кагэнуй исчезла вовсе не по собственному желанию. Во-первых, она почти никак не связана с цепочкой событий, случившихся в городе. Из-за твоей

младшей сестры она чуть не впуталась в одну историю, однако ты сумел предотвратить это. Хотя по правде сказать, Кагэнуй просто не стала продолжать начатое, твоей заслуги здесь особо нет. По этой причине я и прислала её сюда. Что ж, обстоятельства оказались сильнее, чем я думала... Сильнее, чем думала.

— Сильнее, чем думали... Даже если обстоятельства оказались сильнее, всё равно вы предугадали текущие события, да?

— Не надо перекладывать вину на меня, Коёмин. Я ведь не бесчувственная, и мне больно от того, что моя милая кохай оказалась впутана в твои проблемы.

— ...

— А-а, ну, «впутана» для Кагэнуй подойдёт, да, но вот «вовлечён» — уже больше для Кайки. Интересно, что же всё-таки с ним произошло? Информация о нём противоречива, пусть я и владею ей в полной мере. Проблема в том, что мне, пожалуй, известны лишь слухи. Большую часть из них он сам, поди, и распустил. Настоящее горе для сэмпы, когда кохай тебе неверен. А что до Ошино... Ха-ха.

Упомянув Ошино, Гаэн-сан вдруг замолчала и позволила себе смешок. Я не считаю, что от такой темы можно отделаться смехом, в особенности когда речь идёт об Ошино, но то же справедливо и для Кагэнуй-сан... и даже для Кайки.

— М-м? Нет-нет, Кайки расплачивается за собственные ошибки, так что не волнуйся о нём. Хотя полагаю, что с твоим-то характером, Коёмин, это невозможно. Но не беспокойся. И об Ошино тоже. Однако насчёт Кагэнуй лучше прояснить всё здесь и сейчас во имя будущего. Ради твоего будущего, Коёмин, и будущего этого города.

— Моего?..

— Да. Ради твоего настоящего и грядущего. Ну, больше тебе не придётся одному нести на своих плечах груз ответственности за проблемы этого города... Что касается устранения Кагэнуй, — добавила Гаэн-сан. — Так она просто стояла поперёк дороги. Но мешала не сама Кагэнуй Ёдзуру, а её сикигами, Ононоки Ёцуги. Приставленная к тебе, Коёмин, Ононоки Ёцуги. Поэтому, чтобы лишить сил эту сикигами и цукумогами, чтобы сделать бесполезной эту куклу, позаботились о её хозяйке. Ононоки Ёцуги — сикигами, она только подчиняется приказам и прислуживает. Не станет хозяйки, вершины иерархии, и больше незачем будет бояться этой девочки с крутым лицом.

Позаботились.

От её прямого ответа моё сердце бешено заколотилось.

И сжалось от страха.

— Гаэн-сан... Вы говорите «позаботились»...

— Позаботились. Ну, с точки зрения Кагэнуи, заботой это никак не назовёшь, да? Тем не менее она находилась здесь не только по работе, так что с твоей стороны бестактно из-за её исчезновения давить на меня, — сказала Гаэн-сан.

В узком смысле под «здесь» она могла подразумевать «Храм Северной Белой Змеи», а в широком смысле, конечно же, «наш город».

Так называемая «работа» Кагэнуи-сан... Тогда она объяснила, что её работа в качестве специалистки имела отношение к странным изменениям моего тела, что по большей части правда. Но странно то, что Кагэнуи-сан осталась даже после того случая с Тадацуру-саном.

— Скажем так, своё личное время она тратила не на рабочие вопросы, а на собственные дела. Хотя она не из тех, кто действует из любопытства. Ну, не иначе как из-за Тадацуру, чьи мотивы продиктованы эгоистичным интересом (а не интеллектуальным, как можно было подумать), Кагэнуи-сан стала немного сентиментальной. Но вряд ли она из чистого беспокойства о тебе, Коёмин, решила оставить в твоём доме Ёцуги... Хотелось бы так думать.

Хотелось бы так думать.

Гаэн-сан, прошу вас, только не надо говорить, будто вероятность этого «мала, но всё равно есть».

— Решение Кагэнуи отправить к тебе домой Ёцуги сыграло свою неожиданную роль, Коёмин, и поскольку эта кукла самая настоящая странность, да ещё и сотворённая руками человека, она способна тебя защитить... Некто был недоволен таким положением дел.

— Недоволен...

Некто.

— Но *он* всё равно не решился напасть на саму Ёцуги... Она же настоящая странность. Поэтому-то атаковал её хозяйку. Вот тебе и причина, почему некто вышел против неё... Вот почему некто решился на этот шаг.

Некто.

Некто был недоволен таким положением дел. Некто вышел против неё.

Гаэн-сан раз за разом повторяла одно и то же, будто пытаясь дать мне какую-то подсказку.

— Теперь у ситуации есть два возможных пути развития. Ёцуги остаётся обессиленным и бессмысленным телохранителем, как и было задумано, или же каким-то образом в ней пробудится человеческая натура, и она защитит тебя по собственному желанию. Хотя в последнем случае Ёцуги перестанет выполнять роль странности.

— ...

— Мне ведь не нужно объяснять, что случится, если она перестанет выполнять роль странности, да? Поскольку ты сам был тому свидетелем...

В таком случае...

Если Ононоки Ёцуги перестанет быть настоящей странностью, на неё можно будет запросто и без опаски поднять руку.

Своим тоном Гаэн-сан подразумевала именно это. Понятно, когда она сказала вот так, я наконец смог увидеть что-то рациональное во внезапном исчезновении Кагэнуи-сан... Ну.

Случай с Тадацуру-саном был такой же.

Тогда у меня тоже было всего два выхода... Либо я всё больше превращаюсь в вампира, чтобы спасти «заложниц», либо Ононоки-чан берёт на себя бой и справляется одной лишь грубой силой, не позволяя мне проявить вампирские способности... Ононоки-чан пришлось демонстрировать свою природу странности.

Природа странности.

При этом пути развития связь между мной и Ононоки-чан, которая, возможно, всё-таки успела образоваться, неизбежно оборвётся... В конце концов так и произошло, но, как бы это сказать... всё сводится к моёму душевному состоянию.

К тому, что чувствую я.

Ведь мне позволительно смотреть на события под таким углом, поскольку я достаточно прожил с Ононоки-чан под одной крышей (пусть и по приказу её хозяйки), стараясь разобраться с текущими проблемами.

Вернее, жизнь бок о бок с Ононоки-чан...

И была причиной, почему устранили Кагэнуи-сан... Поэтому «некто», о ком упоминает Гаэн-сан... превратил Ононоки-чан в обычную куклу.

Но я всё равно не понимал главное.

Как будто понимал и не понимал одновременно... Зачем заходить так далеко? Словно кто-то пытается не позволить мне что-то сделать... Или наоборот, заставить что-то сделать?

В любом случае мне было неприятно.

Как будто на меня давят, используя моё окружение. Как будто стараются изолировать.

Учитывая ситуацию, моё превращение в вампира... то есть моё превращение в странность тоже может быть чьим-то планом... Во всяком случае, не думаю, что на такие мысли меня толкает мания преследования и только она.

Если бы не случившееся с Сэнгоку, если бы не история с храмом, я бы не стал слишком сильно полагаться на Шинобу... А Шинобу?

Что в таком случае произойдёт с Шинобу?

Она по сути куда больший телохранитель для меня, чем Ононоки-чан... А-а, да, я теперь не могу полагаться на Шинобу, потому что иначе продолжу превращаться в странность... Так что в каком-то смысле она такая же обессиленная, как и Ононоки-чан.

Теперь мне не стать сильнее.

Это верно для Шинобу.

В действительности теперь она не более, чем тень прежней себя, выжимка, недостранность. Не только для меня, но и сама для себя... Шинобу — просто обычная златовласая девочка, и не может стать моим тузом в рукаве.

Ни тузом, ни острым мечом...

— А Шинобу-чан...

Гаэн-сан, кажется, заметила, что в своих мыслях я переключился на Шинобу... Вернее, специалистка и направила мои мысли в это русло.

Вот почему время от времени Гаэн-сан бросала взгляд на мою тень.

— ...сейчас крепко спит, Коёмин?

— Да... В последнее время она ведёт ночной образ жизни.

Из-за Ононоки-чан, но я не стал говорить об этом вслух. И это, скорее, не Ононоки-чан избегала Шинобу, а наоборот...

— В такие часы она обычно спит.

— Хо-хо. Ну, похоже, ей стоит кое над чем задуматься. Постараться стать ближе к сути странности на случай, если произойдёт что-то непредвиденное. Впрочем, в том смысла мало, ведь она уже неполноценная странность. А это в свою очередь означает, что ты не сможешь снова стать человеком, Коёмин.

«Либо она настроена очень оптимистично, либо выдаёт желаемое за действительное. Но Шинобу-чан, похоже, остаётся верна своим чаяниям...» — добавила Гаэн-сан. Она сказала это так, будто жалела меня, однако где-то глубоко внутри себя я прозрел и понял, что Гаэн-сан всего лишь излагала голые факты.

Если она ставит меня в известность, что действия и чувства Шинобу ничего не стоят и абсолютно бесполезны... Значит уверена, что я ничего не скажу в ответ, потому что даже не догадывался, как переменялась сама Шинобу.

— Более того, твои постоянные зловключения, возможно, скоро закончатся.

— А? Постоянные зловключения?

— Хо-хо. Ну, нынешняя Кисшот Ацеролаорион Хартандерблейд не является в полной мере ни бессмертным существом, ни вампиршей, а потому не способна сторожить тебя день и ночь. Ей будет нелегко защитить тебя от убийства. Думать иначе настолько же абсурдно, как рассчитывать выиграть в сёги, не пожертвовав ни единой фигурой. Причём совершенно неважно, играет ли на стороне противника профессиональный игрок или ребёнок, толком не понимающий правил, потому что невозможно выиграть в сёги, не потеряв ни одной фигуры. Даже если ты гордый и неистовый командующий, всё равно придётся чем-то жертвовать. Вот об этом я и говорю, Коёмин.

— Если пытаться защитить пешку, то потеряешь короля... Это вы хотите сказать?

— И не только пешку. Неумёхи ладью ценят больше короля⁹... Но будь то ладья или слон, золото или серебро, в конце концов все они могут пасть жертвами. Король — единственная фигура, которой пожертвовать нельзя.

— ...

— Если так подумать, сёги — странная игра. Даже если противник съел все фигуры кроме короля, у тебя всё ещё остаётся шанс выиграть. Игровой баланс очень странный. Что и интересно. Во всём мире нет ничего похожего... Итак, Коёмин, считаешь ли ты себя королём?

Я растерялся, когда она так вдруг спросила меня, поэтому над ответом хорошенько подумать не успел:

— А, нет... Что вы...

Может, стоило сказать что-нибудь другое, но я не такой уж шутник, чтобы согласиться называть себя королём. Хотя вампир, по сути дела, король среди странностей.

— Я — король? Исключено.

— Верно, скромный ты парень. Сейчас в городе нет короля. Если уж ты не король, то Кисшот Ацеролаорион Хартандерблейд и подавно. И Сэнгоку Надеко...

Так же, как и в прошлый раз...

Гаэн-сан обернулась и посмотрела на святилище позади неё.

— ...тоже не король.

— ...

— На данный момент его трон пустует, поэтому в городе просто вал проблем. Другими словами, у нас здесь игра в сёги, а короля на поле нет. Ха-ха, знаю, что играют партии без ладей или слонов, но вот играть в сёги без короля — в диковинку, не так ли? Как тогда определить победителя?

— В таком случае нет ни победителя, ни проигравшего, верно? Потому что нет условий для победы или поражения...

— Верно, ситуация, в которой нет победителя или проигравшего. Люди называют это зоной беззакония... Королю, в общем-то, не нужно быть самой сильной фигурой. Он просто должен присутствовать. Стоять на своём месте. Даже если это место на поле боя.

— Пускай вы сравниваете весь город с сёги и намекаете, что здесь развернулось поле боя, я все равно не понимаю до конца, что происходит.

Я говорил искренне.

Пытался донести до неё свои искренние чувства... Нет, я не понимал, искренние они или нет.

Даже, возможно, не хотел понимать.

Пустой трон.

Насколько я помню, однажды Кайки сказал мне, что для возникновения хаоса нужна пустота.

— Кстати, Кагэнуи-сан тоже говорила о сёги... Кайки, Ошино и Кагэнуи-сан увлекались цумэ-сёги?

— Ха-ха. В цумэ-сёги тоже тяжело, когда нет короля.

— Но там нужен только один король, да? И несмотря на то, что другой трон пустует...

— Бывают цумэ-сёги с двумя королями, но сейчас не об этом.

Я инстинктивно почуял опасность. Между тем Гаэн-сан в привычной манере перевела тему разговора, будто ничего и не произошло. Она просто не позволяла мне отклоняться от главного.

— Что ж, сравнивая происходящее в городе с партией сёги, я просто пускаю пыль в глаза. Я говорю так вовсе не для того, чтобы помочь тебе понять ситуацию.

— ...

— Такая у меня привычка — прибегать к сравнению бога с королём. Но в сёги всё-таки нет фигурки бога. Ладно, продолжим нашу беседу. Ошино смог добиться духовной стабильности, несмотря на пустующий трон. А мне хотелось, чтобы трон этот заняли, пусть только для виду. Я доверила эту работу тебе, Коёмин, и ты с ней не справился. Так всё и было, да?

— Ну... Если вы хотели вкратце и упрощённо подвести итог, то, наверное, так оно и есть. Однако со мной столько всего произошло, поэтому всё не так просто...

— Оно, может, не просто, но и не сложно. Или лучше сказать, что всё не *настолько сложно*? Я правда считала, что идея приставить к тебе Ёдуги в качестве сдерживающей силы сработает, но, похоже, ничего не вышло. Кагэнуи пропала без вести... Кайки на глаза мне не

показывается... И местонахождение Ошино неизвестно, поэтому ситуация зашла в тупик. У меня не осталось другого выбора, кроме как действовать самой.

— Действовать? Что вы имеете в виду?

Гаэн-сан не из тех, кто будет действовать, если в этом нет необходимости.

То же самое было в прошлый раз, когда она пришла к нам в город.

Она поджидала меня здесь... и в этом, значит, была какая-то необходимость. Она же не пришла просто дать дружеский совет и растолковать мне, что происходит в городе.

Возможно, я из тех тугодумов, которому каждый встречный хочет помочь дружеским советом, но не будет же в самом деле Гаэн-сан приходить на встречу ради одних дружеских намерений?

— Я хочу положить конец этому беспорядку, чтобы минимизировать ущерб, Коёмин. Поэтому вместо того, чтобы говорить, что я собралась действовать, лучше сказать, что я собралась положить конец всем действиям... и особенно твоим, Коёмин.

— Моим?.. Эм, не то чтобы я... думал что-то делать. Не для этого ли Кагэнуй-сан заслала ко мне Ононоки-чан? В качестве телохранительницы и надзирательницы...

— Верно, даже до Коёмина это дошло. Но Ёцуги больше не может выполнять свою работу. Потому что разорвана связь «хозяин-слуга». Если она не может защитить тебя, то остановить и подавно. Она в буквальном смысле кукла.

«Ой, в одном из иероглифов слова „кукла“ есть радикал „демон“...» — добавила Гаэн-сан.

— Теперь ты *можешь действовать*. Уже можешь действовать, и никто не способен тебя остановить. И самое хлопотное то, что стоит тебе начать действовать, как *другая сторона* *сделает ответный ход*.

— Другая сторона?

— Можешь не обременять себя думами, что же это за другая сторона. Вкратце, это — «некто».

Гаэн-сан запретила мне думать. А потом сразу же продолжила:

— Проблема в том, что тебе опасно действовать. Или, скорее, другая сторона ждёт, чтобы ты начал действовать. Ситуация наподобие дуэли, в которой первый, кто сделает ход, окажется проигравшим. Почти дилемма.

— Дилемма... А между чем и чем выбор?

— Я понимаю, какой способ разрешит проблемы, но мне чуточку больно от осознания того, что придётся привести его в действие.

Способ, который разрешит проблемы?..

Какие?

Ну да, много чего в нашем городе происходило вокруг меня, но все мои проблемы уже окончательно разрешены.

Хотя если вспомнить, что все люди, которые разбирались с моими проблемами, пропали без вести, возникает вопрос: это ли не проблема? Но что тогда должно случиться?

— Интересно, для чего нужен этот способ, да? Ну, это уже не твоё дело...

Гаэн-сан шагнула вперёд.

В мою сторону.

Разумеется, у неё была какая-то необходимость... подойти ко мне, но... я не понимал, зачем ей это нужно.

Я не понимал до тех пор, пока Гаэн-сан не подобралась вплотную.

И мне всё ещё не удавалось понять её истинные намерения.

— Способ поможет рассеять «тьму», уже долгое время обволакивающую город, и заключается он в том, что ты должен умереть.

— А?

— Пожертвовав ладьёй, я смогу напасть на короля. Хотя на деле всё немного не так.

— А? А?

— Не волнуйся, больно будет лишь мгновение, — сказала Гаэн-сан и взмахнула мечом.

Я вспомнил, что видел его раньше.

Нет, не просто где-то видел... Это неверно. И не то чтобы прежде видел именно этот клинок. Просто он походил на другой знакомый мне меч.

Походил?

Так говорить тоже неправильно.

Он, скорее, не походил, а выглядел как подлинник хорошо знакомого мне меча... Но тот меч, который я когда-то видел и о котором знал (и мне как-то доводилось пользоваться им, а ещё однажды этим клинком рубанули по мне), являлся копией.

Но сейчас...

Меч, которым она размахивала, был... подлинным.

Меч... называемый Убийцей Странностей.

Убийца Странностей.

Подлинный Убийца Странностей... уничтоженный давным-давно. Вроде бы.

Этим мечом.

Подлинным мечом... меня и разрубили.

Мои пальцы, запястья, локти, руки, плечи, лодыжки, голени, колени, бёдра, поясница, торс, живот, грудь, ключицы, шея, гортань, челюсть, нос, глаза, мозг, темя... разрублены.

Она нарезала меня кружочками.

В одно мгновение.

Я хотел было кричать... но рот, горло и лёгкие были нарублены кольцами наподобие тех, какими играют в кольцеброс.

Гаэн-сан не солгала, когда сказала про мгновение, но без крупной лжи тоже не обошлось... С её скоростью...

С той скоростью, с какой она орудовала мечом...

Я совсем не почувствовал боли.

— ...

Не успел я опомниться, как в руках она уже держала меч.

Откуда она взяла Убийцу Странностей?

Я так и не понял... Меня стёрли в порошок и развеяли по всей территории храма. А, кстати, однажды в этом храме Сэнгоку так же... нарезала ломтиками змей, да?

В момент, когда мне это вспомнилось.

Я... Кусочки, на которые меня искромсали, рассыпались.

— Жаль, что всё так вышло, правда. Но я хочу, чтобы ты знал: я тянула до самого конца... Ждала последнего вступительного экзамена. Потому что после всех экзаменов тебя ничто не будет сдерживать, и даже я не смогу сказать точно, как ты поведёшь себя, обретя свободу.

Я будто бы слышал её голос, но это, должно быть, какая-то галлюцинация... Я ведь не мог слышать, потому что мои органы слуха и мозг, воспринимающий информацию, уже разрезаны.

— Можешь не волноваться по поводу того, возродится ли после твоей смерти Киссшот Ацеролаорион Хартандерблейд. Не знаю, утешу тебя этим или нет, но всё равно скажу. Она уже видела «будущее»... «мир», в котором это произошло. Вот почему такое развитие невозможно... Этот путь заблокирован. Даже если бы ей очень захотелось, она всё равно не смогла бы разойтись на полную. У неё просто не было возможности для этого, так что... оставалось только самоубийство.

Суицидальная вампирша.

И как это соотносится с тем, какими должны быть странности?.. Но сейчас мне уже не понять, свойственно им самоубийство или нет... Ну, даже если и не свойственно, как бы она ни умерла, исход один. Хотя неясно, отличается ли чем-нибудь смерть... от поглощения «тьмой».

— И сейчас я скажу не для утешения, а заверю, что возьму ответственность на себя и сама сообщу родным, девушке и друзьям о твоей смерти, чтобы по возможности минимизировать шок.

А-а...

Если Гаэн-сан возьмёт на себя ответственность... тогда всё хорошо. Но тем не менее... подготовка к экзаменам, на которую я больше полугода тратил почти всё своё время, закончилась ничем. Грустно.

Правда... Как и говорила Сендзёгахара.

Для такого человека, как я, труден не сам экзамен, трудно преодолеть путь до него... и мне его, по всей видимости, осилить не удалось.

Осыпались листья сакуры.

И вместе с ними рассыпался Арараги Коёми.

006

А сейчас эпилог или, лучше сказать, концовка.

Концовка?

Так, стоп, по-моему, то, что меня искромсали, нашинковали кружочками, и я рассыпался по земле, уже вполне себе концовка¹⁰, разве нет?

— А?

Я жив.

Не умер... Прямо надо мною светит солнце.

То есть прошло приблизительно шесть часов, и уже настал день... Я по сути должен быть нашинкован, и тем не менее лежал под лучами солнца, распластавшись в виде иероглифа «большой»¹¹.

Что это?

Как это понимать?

Гаэн-сан уже ушла.

Её и след простыл.

Что произошло? Разве Гаэн-сан не искромсала меня Убийцей Странностей? Или же это вампирское бессмертие вернуло меня к жизни... Нет, Шинобу не пила мою кровь, так что это невозможно.

Гаэн-сан выбрала момент, когда Шинобу спала, чтобы не позволить ей выпить и части моей крови. К тому же, даже выпей вампира моей крови, я бы не получил достаточно сил для возрождения из состояния, когда меня нашинковали мелкими кусочками. И я бы не лежал целёхонький под лучами солнца.

Будто бы против Убийцы Странностей сыграл *Воскреситель Странностей*.

Что происходит?

Что же, чёрт возьми, происходит?.. Нет.

Гаэн-сан... Что она *натворила*?

— А. Очнулся? — сказал кто-то.

Я лежал, раскинув руки и ноги в стороны, ничего толком не понимая. Вдруг на меня упала тень: кто-то навис надо мной.

— Ах-ах, неужели я всё-таки разбудила лихо¹²... А, Баю-бай-сан¹³?

— Не надо петь моё имя на манер колыбельной... Меня зовут Арараги... — на автомате ответил я.

Ответил, совершенно не думая... Ответил девочке, которая смотрела на меня сверху вниз... Девочке с двумя хвостиками и огромным рюкзаком за плечами.

Я не мог выдавить из себя ни слова.

Нет, дело, конечно, не в том, что я забыл своё имя...

— Да-да. Извини, запнулась, — сказала она, улыбаясь во весь рот... Та самая солнечная улыбка, которую я когда-то так сильно любил.

По которой тосковал.

И которую не должен быть увидеть вновь...

— Итак, на этот раз у нас такая концовка: Арараги-сан не смог добраться до финального экзамена и провалил¹⁴ вступительные?

— Нет, такая концовка ни в какие ворота не лезет¹⁵!

Примечания

1. В слове «кукла, марионетка» (яп. 傀儡 *кайрай*) первый иероглиф состоит из двух элементов, один из которых — радикал «демон» (яп. 鬼 *они*). «Понимать, улавливать, схватывать» (*хаакусуру*) и «схватывать, овладевать, держать в своих руках» (*сё:акусуру*).
2. «Единая армия» и «единое стадо» звучат одинаково — *«икко но гун»*.
3. «Возвращаться к прошлому» (яп. 遡る *саканобору*) и «подниматься на гору» (яп. 坂登る *сака нобору*).
4. Также «*ниссансуру*» имеет ироничный оттенок в значении «ежедневно обивать пороги с какой-то низкой целью».
5. Выражение «*о:дзё:гива га варуй*» имеет значение «не знать, когда нужно остановиться, даже если оказался на пороге смерти».
6. Коёми отсылает нас к событиям предыдущей главы, говорит о ночи перед тем, как Ёдзуру исчезла.
7. Стократный (и более раз) подъём (обход) совершается для того, чтобы умиловить божество.
8. Задача шахматного типа на форсированный мат. Защищающейся стороне запрещено делать бесполезные ходы, не изменяющие ход матовой последовательности, потому что они приводят к удлинению решения.
9. Поговорка «*хэбосё:ги о: ёрихися о кавайгари*» в переносном смысле используется для описания ситуации, когда человек совершает глупость и теряет что-то очень ценное для себя.
10. «Концовка, кульминационный момент (соль) шутки» (*оти*) и «падать, рассыпаться» (*отиру*).
11. Иероглиф «大» (*дай*) похож на человека с раскинутыми в стороны руками и ногами.
12. От пословицы «не буди лихо, пока спит тихо» (*нэта ко о окосу на*; не буди спящего ребёнка).
13. «*Парабай*» от англ. «lullaby» (колыбельная, баю-бай).

14. «Концовка, кульминационный момент (соль) шутки» (*оти*) и «проваливаться (на экзамене)» (*отиру*).

15. «Не годится, быть хуже (чего-л.)» (*отиру*).

Послесловие

В романах вообще и в детективных романах в частности встречается такая концепция, как «предзнаменование». Оно служит важным фактором для истории в целом и, грубо говоря, выстраивает в голове у читателя картину, вызывающую реакцию вроде «а-а, так вот что это значило!». Однако я считаю, и в нашей жизни подобному явлению есть место. Когда вы думаете о чём-то сейчас, вам кажется, что это одно, когда вспоминаете об этом потом, то другое, а когда уже поздно что-то делать, в ваших глазах событие становится чем-то третьим... Наверно, у каждого в жизни бывали такие моменты, когда вы что-то переосмысливали, заглядывая в своё прошлое. Но, как бы сказать, в большинстве случаев мы склонны вспоминать предыдущий жизненный опыт с горечью и сожалением... Если бы тогда я обратил на то-то и то-то внимание, этого не случилось бы, и всё в таком духе, да? Если предположить, что гнетущие душу чувства вроде «я должен был понять ещё тогда» или «внимательный человек точно обратил бы на это внимание» и есть то самое предзнаменование, тогда вполне естественно, что ему сопутствует сожаление. Но мне кажется, что предзнаменование отнюдь не только реминисценция, заставляющая человека испытывать такие горькие чувства. Если вы спросите, правда ли «событие, о котором теперь я думаю как о предзнаменовании» является настоящим предзнаменованием, например, у автора какого-нибудь романа, тогда он, наверно, объяснит вам, как оно есть на самом деле, если сам ещё окажется человеком честным, однако в повседневной жизни так не получится. Люди имеют обыкновение запросто находить связи между совершенно не связанными вещами и всё что угодно считать «предзнаменованием» на основании интерпретации обстоятельств. Существует теория, согласно которой вы связаны с любым человеком на планете шестью уровнями связей, даже если он не «друг вашего друга». Наверняка бывали такие моменты, когда вам казалось, что мир неожиданно тесен, но если два человека разделены шестью уровнями связей, можно ли на самом деле утверждать про какие-то отношения? Говорить, что эти люди связаны? Может ли «друг друга друга друга друга вашего друга» стать предзнаменованием вашей собственной истории?

Всё, что написано выше, никаким предзнаменованием, конечно, не является. Эта книга представляет собой второй том финального сезона «Monogatari Series». Изначально вторым томом должна была стать «Owarimonogatari», но если говорить о том, почему в промежутке между «Tsukimonogatari» и «Owarimonogatari» появилась эта книга, то дело в следующем: серия лайт-новел уже довольно далеко продвинулась с момента выхода первого тома, «Bakemonogatari», как в плане того, сколько лет она выпускается, так и в плане книг, вышедших за это время, и мне с позиции автора показалось, что то, с чего всё началось, и нынешние события не очень хорошо связаны, поэтому я решил ещё раз в подробностях проследить за Арааги Коёми и остальными персонажами в течение года, чтобы укрепить эту связь. Так что в некотором смысле книга на 100% написана нежданно-негаданно... Вы читали «Koyomimonogatari», рассказы «Камень Коёми», «Цветок Коёми», «Песок Коёми», «Вода Коёми», «Ветер Коёми», «Дерево Коёми», «Чай Коёми», «Гора Коёми», «Тор Коёми», «Семя Коёми», «Ничто Коёми» и «Смерть Коёми».

В итоге рассказов набралось на целый сборник, и VOFAN любезно нарисовал к ним довольно много иллюстраций. Спасибо вам большое! Финальный сезон продолжится книгами «Owarimonogatari» и «Zoku-Owarimonogatari». Рассчитываю, что мы с вами ещё встретимся! Но кто знает, возможно, что-нибудь снова вклинится между двумя книгами. Поживём — увидим.

Послесловие команды

От переводчика

Читая комментарии к постам с релизами арок этого тома, я не мог не обратить внимание на некоторых людей, которые писали, мол, зачем переводчик выбрал самую скучную книгу из всего «Цикла историй»; лучше бы переводил такой-то или такой-то том, ведь там есть то-то и то-то; почему начали не с начала, когда есть определённый порядок выхода, и всё в таком духе. Я позволю себе не согласиться с первой претензией и уверенно заявить, что «Истории Коёми» один из интереснейших томов всей серии лайт-новел. Вероятно, многие со мной не согласятся, и это их право. Предполагаю, некоторые просто привыкли или выстроили у себя в голове, что «моногатарии» прежде всего о борьбе главного героя с монстрами, которые причиняют ему страдания, ломают руки и вынимают кишки; о спасении девушек и прибавлении «гарема»; о чистке зубов и прочих мелочах. Я, конечно, утрирую, но в целом, на мой взгляд, это и является главной ошибкой тех, кто надеется увидеть здесь что-то подобное и разочаровывается, когда не находит. Секрет в том, что к данному тому нужно подходить несколько иначе и не ждать того, что обычно преподносит читателю автор.

В первую очередь стоит отметить, что подкупает сама идея, когда случаи, с которыми сталкивается Коёми и другие персонажи, на первый взгляд кажутся сверхъестественными, но в действительности оказываются делом рук человека или проделками матушки природы. Это необычный подход для серии, и автор замечательно показывает, насколько главный герой привык к странностям, что начинает подозревать их проявления во всём. Охватывая промежуток в 12 месяцев, этот том даёт нам возможность получше узнать самого Коёми, увидеть его размышления и отношение к жизни на разных этапах. А рассуждения главного героя о пути; его неподдельный интерес к тому, куда следуют его друзья (а иногда и враги?), и отчаянные попытки на этой основе понять, куда же идёт он сам и к чему его приведёт эта дорога, делают первые главы каждой арки бесценными. Этот «сборник побочных рассказов», в каждом из которых фоном проходит судьба «маленького человека» и его попытки найти свой путь, готовит читателя к завершению истории Арараги Коёми и к его неотвратимо близящейся финальной схватке с «внутренними демонами».

Что касается остальных претензий, то сразу хочу объяснить свою позицию. «Истории Коёми» были своего рода пробой сил, так сказать, проверкой, куда я смогу пойти. Одна из причин, почему я сел за них, заключается в том, что мне банально не понравилась аниме-адаптация. На данный момент у меня нет желания переводить то, что уже экранизировано. На некоторые тома из 1-3 сезонов есть переводы (а то и несколько разных на один том), поэтому не хотелось бы занимать своё время, переводя то, что и так кем-то переведено. Куда больше меня интересуют книги, которые вряд ли будут экранизированы (или это случится не в скором времени), поэтому сейчас я нацелен на 4 сезон. А о далеко идущих планах я распространяться не люблю, поскольку они имеют обыкновение меняться в зависимости от различных причин, и, чтобы не давать несбыточных обещаний, лучше промолчу.

Спасибо всем, кто выражал благодарность за работу словами, лайками или даже репостами. Хочется верить, что вам понравилось, я как фанат серии старался перевести и доработать текст вместе с редактором так, чтобы он получился максимально аутентичным. Пожалуй, только взгляд со стороны может оценить, вышло это у нас или нет. Данный том прошёл очень большой путь (на котором случалось всякое), прежде чем оказаться перед читателями в завершённом виде, и мне очень приятно знать, что многие люди остались довольны работой, это даёт дополнительный стимул трудиться дальше. Также хочу в целом поблагодарить команду РуРанобэ за то, что позволили выпустить том на своей площадке, и в частности редактора Rungerd, с которой мы преодолели все трудности и довели дело до конца. Её ценные советы и наставления сыграли большую роль при подготовке релиза, а редактура заметно облагородила текст. Спасибо всем, кто подбадривал меня на этапе перевода (и первому редактору, Sempre_Libera, тоже спасибо, несмотря на то, что по разным причинам работа у нас не срослась). Отдельная благодарность Виталию Терехову за помощь и поддержку.

Мне безумно понравилось переводить ранобэ, я получил полезный опыт и поработал над своими навыками. Надеюсь, это только начало пути и «Истории Коёми» мой далеко не последний том в этой серии. Приоткрою небольшую завесу тайны: работа над другим томом уже вовсю кипит! Как однажды выразился один любитель шапок и скинов: «Ждите, и вам воздастся!» Правда, ждать осталось не так катастрофически долго, как ту игру, о которой он говорил, поэтому не расслабляйтесь и держите ухо востро! Скоро увидимся!

От редактора

Признаться, мне никогда не приходилось интересоваться «Историями», а все мои попытки хоть как-то посмотреть аниме-адаптации оказались тщетными. Мне потребовался год и тысячи ремарок-отступлений переводчика, чтобы понять основные законы этого странного мира, созданного Нисио Исином. И теперь я искренне наслаждаюсь «Историями о...». Тем более, что Aragaragi вставляет невероятно познавательные сноски, которые так или иначе позволяют понять современную культуру Японии, где традиции переплетаются с поп-культурой, а шуточки про пончики, лоли и бездарные тайтлы с горничными соседствуют с совершенно мистическими и даже мрачными диалогами.

«История Коёми» — мой второй том в плане редактуры, и, конечно, мне ещё учиться и учиться. Моя основная задача как редактора заключалась в том, чтобы помочь читателю воспринимать текст, не продираться сквозь него, а всё-таки получать удовольствие. Поэтому здесь я больше работала как литературный редактор, а не корректор. Возможно, однажды я сумею сочетать в себе мастерство того и другого, но пока получается что-то одно.

Надеюсь, это не последний том, над которым я смогу поработать. Спасибо, что читали нас и следили за жизнью и смертью Коёми.